МАТЕРИАЛЫ
XXVII НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(с международным участием)

«Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров»

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Таганрог 2026

УДК 082
ББК 94.3

М 34

Материалы XXVII Национальной научной конференции (с международным участием) «Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров» : Юридическая наука и практика: современные проблемы и тенденции. Таганрог, апрель, 2026 г., ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики». – Таганрог : Изд-во ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», 2026. – 360 с. – ISBN 978-5-9201-0208-9. – Научное электронное издание сетевого распространения – Текст : электронный. – URL: https://www.tmei.ru/nauch-deyatelnost/nauchnye-meropriyatiya

В издании представлены доклады участников XXVII Национальной научной конференции (с международным участием) «Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров», состоявшейся в Таганрогском институте управления и экономики. В научной конференции приняли участие представители ведущих образовательных организаций высшего образования различных регионов России, всего было представлено более 300 докладов. Публикуемые результаты научных исследований представляют интерес для научно-педагогических работников, специалистов, аспирантов и магистрантов.

Публикуется по решению программного и организационного комитетов XXVII Национальной научной конференции «Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров»

Научное электронное издание сетевого распространения

Доклады публикуются в авторской редакции. Ответственность за точность и корректность цитирований, ссылок и перевода, достоверность информации и оригинальность представленных материалов несут их авторы.

ISBN 978-5-9201-0208-9 **© ТИУиЭ, 2026**

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Полушкина Е.А. – заместитель директора по науке Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, *председатель программного комитета;*

Ломтева Е.В. – ведущий научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования РАНХиГС, кандидат педагогических наук, эксперт группы по разработке профессионального стандарта «Руководитель проекта», «Администратор проекта», «Проектный специалист»;

Працко Г.С. – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», профессор кафедры процессуального права, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», научный сотрудник, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»;

Федотов А.В. – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Левицкая А.А. – проректор по научной работе ТИУиЭ, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Аваков С.Ю. – ректор Таганрогского института управления и экономики (ТИУиЭ), доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почѐтный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, почетный гражданин города Таганрога, *председатель оргкомитета конференции*;

Аваков Ю.С. – проректор по стратегическому развитию ТИУиЭ, и.о. декана юридического факультета, кандидат юридических наук, полковник юстиции, *заместитель председателя оргкомитета конференции*;

Корниенко Е.В. – проректор по учебной работе ТИУиЭ, и.о. декана экономического факультета, кандидат социологических наук, доцент, *заместитель председателя оргкомитета конференции*;

Левицкая А.А. – проректор по научной работе ТИУиЭ, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин ТИУиЭ, *заместитель председателя оргкомитета конференции*;

Балина Т.Н. – заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин ТИУиЭ, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин ТИУиЭ;

Егорова И.А. – председатель СНО, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, м.н.с. НИЧ ТИУиЭ;

Камышанова А.Е. – заведующий кафедрой гражданского права и процесса ТИУиЭ, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса ТИУиЭ;

Карягина О.В. – заведующий кафедрой уголовного права и процесса ТИУиЭ, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса ТИУиЭ;

Синявская И.А. – и.о. заведующего кафедрой экономики и финансов ТИУиЭ, кандидат экономических наук, доцент, начальник УМУ;

Талалай А.А. – и.о. заведующего кафедрой физического воспитания ТИУиЭ, кандидат филологических наук;

Яценко О.В. – заведующий кафедрой теории и истории государства и права ТИУиЭ, кандидат юридических наук, доцент.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ

Уважаемые участники конференции, гости, коллеги!

Я рад приветствовать вас в Таганрогском институте управления и экономики на XXVII Национальной научной конференции «Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров»!

Сегодня мы собрались в этом зале, чтобы вместе осмыслить ключевые вызовы и перспективы фундаментальных и прикладных научных исследований в области управления, экономики, права, педагогики высшей школы и среднего профессионального образования. В эпоху быстрых трансформаций, цифровой революции и геополитических сдвигов эти дисциплины приобретают особую значимость. Мы стремимся не только констатировать проблемы, но и предлагать практические стратегии для их решения, способствуя модернизации российского общества.

Особое внимание в программе уделено экспертным круглым столам, которые станут платформой для живого диалога представителей науки, образования, бизнеса и власти и внесут свой вклад в формирование новых ориентиров развития. Это «Актуальные проблемы правового регулирования статуса несовершеннолетних на современном этапе», «Управление человеческим капиталом в условиях трансформации рынка труда и системы образования» и «Современные перспективы экономики и бизнеса в условиях цифровой экономики».

Всего за два дня в работе конференции примут участие более трехсот учёных, специалистов-практиков, аспирантов и магистрантов – представителей Таганрогского института управления и экономики, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, МГУ им. М.В.Ломоносова, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Военного университета им. Князя Александра Невского Министерства обороны РФ, РГЭУ (РИНХ), ЮФУ,

ДГТУ, РГУПС, Чеченского государственного университета, Донецкого государственного университета, Воронежского государственного университета, Луганского государственного университета, Мариупольского государственного университета, Донбасского государственного университета юстиции, многих других вузов России. Более того, конференция привлекла внимание коллег из университетов Республики Беларусь, Туркменистана, а также магистрантов из КНР и Нигерии, обучающихся в российских вузах.

Мы рады приветствовать руководителей судебных, надзирающих, правоохранительных и контролирующих органов власти Таганрога, Ростовской области и Донецкой Народной Республики; представителей Администрации города Таганрога и Русской Православной Церкви.

Коллеги, мы знаем, что университетская наука – очень важная составляющая развития страны в целом. Уверен, что наша ежегодная апрельская конференция тоже вносит свой вклад в этот непрерывный процесс.

Желаю плодотворной работы, интересных встреч и конструктивных решений!

Сергей Юрьевич АВАКОВ.

Ректор Таганрогского института управления и экономики, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почѐтный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный гражданин города Таганрога.

РЕЗОЛЮЦИЯ
XXVII Национальной научной конференции «Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров»

23–24 апреля 2026 г. в Таганрогском институте управления и экономики (ТИУиЭ) состоялась XXVII Национальная научная конференция (с международным участием) «Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров». Конференция организована совместно с Центром экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва). Тематика форума затронула критические вопросы развития высшего образования в России и их взаимосвязь с современными проблемами экономики, управления и права. Красной нитью в программе прослеживаются такие вопросы, как нейросетевые технологии в образовательном процессе и в правовом поле, управление человеческим капиталом, гражданское воспитание.

В приветственном слове ректор ТИУиЭ, д.э.н., профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный гражданин г. Таганрога Сергей Юрьевич Аваков отметил, что «конференция в ТИУиЭ ежегодно получает широкий отклик в профессиональной среде, становится заметным событием в научной жизни города и региона, а научные направления кафедр ТИУиЭ уделяют особое внимание практико-ориентированным исследованиям, взаимодействию с органами власти, средним и малым бизнесом».

Почетными гостями конференции стали представители Администрации города, руководители судебных, надзирающих, правоохранительных и контролирующих органов власти, Ростовской области и ДНР; руководители предприятий, представители духовенства г. Таганрога.

На пленарной сессии были представлены глубокие аналитические доклады на темы, актуальные для российского общества. Заведующий кафедрой гражданского права и процесса ТИУиЭ А.Е. Камышанова обозначила острую проблему правосубъектности ИИ в сфере интеллектуальных прав. А.В. Зимовец, доцент кафедры экономики и финансов ТИУиЭ, поднял вопрос использования нейросетевых технологий в образовательном процессе.

Знаковым акцентом конференции стало проведение трех экспертных круглых столов: «Управление человеческим капиталом в условиях трансформации рынка труда и системы образования», «Актуальные проблемы правового регулирования статуса несовершеннолетних на современном этапе» и «Современные перспективы экономики и бизнеса в условиях цифровой экономики». Результаты работы круглых столов конференции нашли отражение в рекомендациях и предложениях.

В работе круглого стола **«Управление человеческим капиталом в условиях трансформации рынка труда и системы образования»** приняли участие представители крупнейших предприятий города: ООО «ТД ПОЛИМЕРПРОМ», ПАО «ТАНТК

им. Г.М. Бериева», ПАО «Тагмет», АО «Таганрогский завод «Прибой», АО «Красный гидропресс», ТКЗ «Красный котельщик», АО ТПО «Лемакс», АО «ИНПРОМ ЭСТЕЙТ», ГК «Арма», АО «Клевер», ООО «Миртек» и другие. Присутствовали представители муниципальной власти: Р.В. Корякин – председатель Городской думы города Таганрога и А.В. Логвинова – заместитель главы Администрации Куйбышевского района. Активное участие в обсуждении кадровых вопросов приняли зам. директора ГКУ РО «Центр занятости населения г. Таганрога» И.В. Юрова и зам. директора МАУ МФЦ г. Таганрога П.С. Ревко-Линардато. Банковский сектор был представлен директором по развитию розничного бизнеса банка ВТБ ПАО У.А. Ляшенко; из числа образовательных организаций среднего профессионального образования были представители Таганрогского техникума машиностроения и металлургии «Тагмет». Обсуждались следующие ключевые вопросы:

- Ощущается ли на вашем предприятии дефицит управленческих кадров?
- Какие компетенции вы бы рекомендовали вузам включить в образовательные программы управленческого профиля?
- Как выстроить эффективное взаимодействие между вузами и предприятиями реального сектора экономики?

Важным итогом работы круглого стола явились следующие выработанные решения и инициативы:

1) по развитию взаимодействия между предприятиями производственного сектора и ТИУиЭ (расширение баз практик для обучающихся ТИУиЭ и стажировок для профессорско-преподавательского состава);
2) по повышению квалификации и переподготовке кадров (повышение квалификации и переподготовка сотрудников из числа кадрового резерва Администрации и организаций Куйбышевского района);
3) по налаживанию прямого диалога между бизнесом и вузом (совместное обсуждение рекомендаций для вузов по включению в образовательные программы управленческого профиля управленческих компетенций, востребованных реальным сектором экономики);
4) по интеграции бизнес-сектора в законотворческий процесс (рекомендовано направлять запросы о законотворческих инициативах не только в госорганы, но и в организации реального сектора экономики).

В ходе заседания круглого стола «Актуальные проблемы правового регулирования статуса несовершеннолетних на современном этапе» участники выступили с докладами, посвященными проблемам укрепления национального единства и межэтнического согласия в современной молодежной среде, эффективности мер по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних на территории г. Таганрога.

Были освещены вопросы, касающиеся трансформационной роли вуза в профессиональном и личностном становлении как основе профилактики, конституционных гарантий прав несовершеннолетних в сфере образования.

Участники обсудили проблемы формирования кадров и роли системы высшего образования в её решении на современном этапе. Также достаточно внимания было уделено

роли духовенства в формировании личности и значению церкви в профилактике преступности несовершеннолетних.

По итогам работы круглого стола была принята следующая резолюция:

- межэтнические конфликты, искаженное осознание гражданской идентичности неминуемо приводят к экстремистским проявлениям, и чаще всего это проявляется в молодежной среде. Для этого важен системный научный подход к деликатным вопросам межрелигиозных и межэтнических отношений;
- особое внимание необходимо уделять превентивной работе. Нужен комплексный подход с участием различных государственных и муниципальных органов, иных организаций (общественных, молодёжных);
- целесообразно использовать знания и опыт молодых людей, в том числе студентов-юристов, в качестве наставников для точечной и эффективной профилактической работы со сложными подростками;
- слаженная работа государства, законодательных директив, специализированных органов и научных организаций позволит выработать позитивный опыт на основе Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года;
- рекомендовано продолжить взаимодействие с Управлением МВД России по городу Таганрогу в форме открытого и конструктивного диалога, а также расширение межведомственного взаимодействия, в результате объединения усилий в ближайшем будущем станет возможно более эффективно противодействовать негативным проявлениям в подростковой среде, создавая безопасную и благоприятную атмосферу для детей;
- современный вуз должен осознанно проектировать и расширять свою воспитательную и социальную функцию. Необходимо создавать внутри вуза максимальное количество «точек входа» подростка в большую жизнь – научные, творческие, волонтерские, профессиональные, медийные. Этот трансформационный ресурс высшего образования является одним из самых мощных и долгосрочных инструментов построения общества, где у преступности просто не останется шансов, потому что у молодежи будет слишком много других, ярких и конструктивных возможностей;
- сокращение количества мест при приёме на высшее образование (платных и бесплатных) в стратегическом плане напрямую затрагивает кадровый потенциал юридической профессии в масштабах страны. Система судов, правоохранительных органов, государственного аппарата и юридических служб бизнеса традиционно зависит от постоянного притока молодых специалистов из ведущих вузов. Ограничение приема в 2026 году создает «демографическую яму» в пополнении профессии, эффект которой станет ощутим через 4–6 лет, когда сокращенный выпуск 2030 года выйдет на рынок труда. В регионах, уже испытывающих дефицит квалифицированных юристов в системе правосудия и адвокатуры, проблема усугубится. Данная политика может также противоречить целям национального проекта «Образование», ориентированного на повышение доступности качественного высшего образования;

- необходимо устранить стратегический диссонанс между большим количеством вакантных мест в правоохранительных органах и малым количеством будущих юристов в условиях сокращения мест для приёма на высшее образование путём сбалансированной политики в области высшего образования.

По итогам проведения круглого стола «**Современные перспективы экономики и бизнеса в условиях цифровой экономики**», учитывая, что в процессе цифровизации экономики вопросы внедрения новых технологий, адаптации инноваций к экономическим процессам приобретают особое звучание, а бизнес заинтересован в активизации внедрения их в бизнес-процессы, предлагается:

- внедрить в подготовку обучающихся материалы по вопросам экономики и управления электронным бизнесом и электронной коммерцией, перехода к цифровым платформам, экосистемам и шеринговой экономике;
- провести научный анализ трансформации профессий и корпоративной культуры в условиях цифровой экономики;
- активизировать научное взаимодействие с факультетом экономики, управления и права ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет им. А.И. Куинджи», подготовить и провести круглый стол по вопросам определения современных вызовов в экономике и бизнесе (реальности и проблемы преодоления), активизировать вовлечение студентов университета для участия в мероприятиях ТИУиЭ (конкурсах на лучшую студенческую НИР, научных конференциях ТИУиЭ);
- расширить сотрудничество между городским отделением МСЭФ РФ по г. Таганрогу и представителями новых регионов РФ.

Всего за два дня в работе конференции приняли участие более 400 учёных и специалистов-практиков, аспирантов и магистрантов ТИУиЭ, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГЭУ (РИНХ), ЮФУ, ДГТУ, Военного университета им. Князя Александра Невского Министерства обороны РФ, РГУПС, Донецкого государственного университета, Воронежского государственного университета, Луганского государственного университета им. В. Даля, Мариупольского государственного университета им. А.И. Куинджи, других вузов России, Республики Беларусь, Туркменистана, а также магистранты из КНР и Нигерии, обучающиеся в российских вузах.

Авакова Алена Михайловна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Настоящая статья посвящена вопросам процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве. Автором рассмотрены основные положения уголовно-процессуального законодательства, затрагивающие права и обязанности следователя как основного участника при расследовании уголовных дел. Также в работе делается акцент на процессуальную самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве и раскрываются основные признаки его процессуального статуса.

Следователь, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, процессуальный статус, права и обязанности.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.79.41.

Avakova Alyona Mikhailovna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

ON THE ISSUE OF THE INVESTIGATOR'S PROCEDURAL STATUS

This article examines the investigator's procedural status in criminal proceedings. The author examines the key provisions of criminal procedure legislation affecting the rights and responsibilities of the investigator as the primary participant in criminal investigations. The article also emphasizes the investigator's procedural independence in criminal proceedings and identifies the key features of their procedural status.

Investigator, criminal proceedings, criminal process, procedural status, rights and responsibilities.

Произошедшие за последние годы изменения в политической, социальной, экономической сферах жизни России потребовали реформирования уголовно-процессуального законодательства, переориентации его на обеспечение защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Изменение идеологии уголовно-процессуального законодательства, расширение состязательных начал повлекли пересмотр процессуальной роли каждого из субъектов уголовного судопроизводства. По Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] следователь представлен как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения, наряду с прокурором, начальником следственного отдела, дознавателем и другими лицами.

Соответственно, с определением следователю функции обвинения (уголовного преследования) изменился характер его процессуальных задач и полномочий. И это, наряду с расширением судебного контроля на предварительном следствии, полномочий прокурора и начальника следственного отдела, требует переосмысления роли следователя в сфере уголовного судопроизводства, направления его уголовно-процессуальной деятельности. Не смотря на законодательное определение функции следователя, данный вопрос остается спорным. Требуют уточнения задачи, полномочия следователя в связи с выполнением им функции обвинения, а также гарантии законности и обоснованности деятельности, его процессуальная самостоятельность.

В науке и практике уголовного процесса постоянно продолжается поиск путей повышения эффективности и оптимизации предварительного следствия. Одним из направлений повышения эффективности предварительного следствия, на наш взгляд, является оптимальное разрешение вопроса уголовно-процессуального статуса следователя, определение его функций, задач и полномочий, обеспечение гарантий законности и обоснованности деятельности, его процессуальной самостоятельности.

Подавляющее большинство прав следователя является одновременно и его обязанностями, либо становятся таковыми при определенных условиях, возникших при производ-

стве предварительного следствия [3]. Полномочия следователя составляют центральное звено его уголовно-процессуального статуса. Закрепленные в законе полномочия следователя устанавливают границы его должного и возможного поведения. Успешное осуществление функций и решение задач, стоящих перед следователем, зависит от многих обстоятельств, в том числе от законодательной регламентации его полномочий в ходе предварительного следствия [4].

Процессуальная фигура следователя в современном уголовном судопроизводстве интересна не столько закрепленным в законе набором полномочий, сколько тем парадоксальным положением, в которое она поставлена самой логикой состязательного процесса[4]. Формально выступая на стороне обвинения, следователь тем не менее оказывается едва ли не единственным участником процесса, на которого нормативно возложена обязанность не просто поддерживать обвинительный уклон, но и в равной мере выявлять обстоятельства, оправдывающие подозреваемого или смягчающие его ответственность. Это превращает его из простого носителя обвинительной функции в своеобразного «объективного арбитра» на досудебной стадии – роль, которая плохо вписывается в классическую дихотомию «обвинение – защита». Более того, сама процессуальная самостоятельность следователя, провозглашенная в ст. 38 УПК РФ [1], сегодня зачастую воспринимается не как реально действующий принцип, а как декларация, вступающая в сложные отношения с ведомственной дисциплиной и фактическими механизмами контроля со стороны руководителя следственного органа.

Подлинная независимость следователя проявляется не столько в его праве самостоятельно направлять расследование, сколько в способности противостоять негласному давлению, возникающему как в рамках вертикали следственного аппарата, так и при взаимодействии с оперативными подразделениями, чья ориентированность на результат не всегда совпадает с требованием всесторонности. В этом смысле статус следователя следует оценивать не только через призму нормативных предписаний, но и через призму реальной способности реализовывать эти предписания в условиях множественных ведомственных и процессуальных связей, где формальная власть над ходом расследования соседствует с фактической зависимостью от решений, принимаемых за пределами уголовно-процессуальной сферы. Кроме того, заслуживает внимания и то обстоятельство, что следователь, наделенный правом давать обязательные поручения органу дознания, по сути, выступает координатором межведомственного взаимодействия, что придает его статусу черты не просто процессуального, но и организационно-управленческого субъекта [5].

Такая двойственность – одновременное пребывание в системе властных отношений и сохранение дистанции по отношению к иным участникам обвинительной деятельности – составляет уникальную особенность его правового положения, позволяющую рассматривать следователя не как рядового представителя стороны обвинения, а как центральную фигуру досудебного производства, от которой в равной степени зависит и эффективность уголовного преследования, и соблюдение фундаментальных гарантий прав личности.

Таким образом, следователь в уголовном судопроизводстве предстает не просто должностным лицом, формально наделенным государством полномочиями по производству предварительного следствия, а уникальной процессуальной фигурой, в которой парадоксальным образом соединяются публично-властный характер деятельности и персональная ответственность за судьбу каждого вовлеченного в орбиту уголовного дела лица. Выступая от имени государства, он тем не менее действует не как анонимный винтик ведомственной машины, а как самостоятельный субъект, чьи решения напрямую определяют не только движение дела, но и баланс между неотвратимостью наказания и защитой прав личности, что превращает его в своеобразный «нервный узел» досудебного производства[6].

Именно в его процессуальной фигуре пересекаются два разнонаправленных вектора – властное начало, позволяющее направлять расследование и давать обязательные указания, и охранительная функция, обязывающая его с одинаковой тщательностью собирать как уличающие, так и оправдывающие доказательства, что делает следователя не столько

рядовым представителем стороны обвинения, сколько гарантом справедливости на этапе, когда судебный контроль еще не вступил в полную силу.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации: официальный сайт. – 2026. – Текст: электронный. – URL:http://pravo.gov.ru/
2. Телигисова С.С. Процессуальный статус следователя как субъекта уголовно процессуальных отношений / С.С. Телигисова. – Текст: непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 3(139). – С. 199–207.
3. Карягина О.В. Понятие и содержание организации расследования преступлений / О.В. Карягина, К.О. Сафонова. – Текст: непосредственный // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : материалы XXIII Национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 15–16 апреля 2022 года. – Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2022. – С. 513–516.
4. Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции : в 2 т. Общие положения уголовного судопроизводства : учебное пособие для вузов / В.Т. Томин [и др.] / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2024. – Т. 1. – 366 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-02249-0. – Текст: непосредственный.
5. Дармаева В.Д. Уголовно-процессуальный статус следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Спец. 12.00.09 / В.Д. Дармаева; Акад. упр. МВД России. – Москва, 2003. – 24 с. – Текст: непосредственный.
6. Актуальные проблемы уголовного права. Часть общая : учебник / Л.В. Иногамова-Хегай, А.Г. Кибальник, Т.В. Клёнова и др. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2019. – 248 с. – ISBN 978-5-392-30585-8. – Текст: непосредственный.

Алиев Рустам Карленович,
аспирант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

В статье рассматривается роль правовой культуры как необходимого условия реализации прав и свобод человека. Обосновывается, что правовая культура каждого народа складывается на протяжении столетий под воздействием исторического опыта, религиозных и нравственных традиций, особенностей государственного строительства. Показано, что попытки механического переноса правовых моделей без учёта национальной правовой культуры ведут к правовому нигилизму и ослаблению защиты прав личности. Делается вывод о том, что в условиях формирования многополярного миропорядка построение эффективной системы обеспечения прав человека возможно лишь с опорой на собственную правовую культуру общества.

Правовая культура, права и свободы человека, многополярный миропорядок, правовой нигилизм, правовые традиции, правосознание.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Aliev Rustam Karlenovich,
Postgraduate student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Anisimov Alexey Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

LEGAL CULTURE AS A BASIS FOR THE REALIZATION OF HUMAN RIGHTS IN MODERN REALITIES

The article examines the role of legal culture as an essential condition for the realization of human rights and freedoms. It is argued that each nation's legal culture is shaped over centuries by historical experience, religious and moral traditions, and the specifics of state-building. The author demonstrates that the mechanical transplantation of legal models without regard to a society's established legal culture leads to legal nihilism and weakens the protection of individual rights. The article concludes that in the context of an emerging multipolar world order, an effective system for ensuring human rights can only be built on the basis of a society's own legal culture.

Legal culture, human rights and freedoms, multipolar world order, legal nihilism, legal traditions, legal consciousness.

Современная система защиты прав и свобод человека опирается на обширную нормативную базу. Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Международные пакты 1966 года, региональные конвенции, национальные конституции – всё это формирует внушительный корпус правовых гарантий. Однако практика свидетельствует о том, что между формальным закреплением прав и их реальным осуществлением имеется значительный разрыв. Наличие нормы само по себе не гарантирует её действия: закон может провозглашать право, но, если граждане воспринимают нормы закона как чуждые своим ценностям и представлениям или, например, воспринимают суд не как институт защиты, а как источник угрозы, данное право остаётся декларативным.

Именно здесь обнаруживается значение правовой культуры. Матузов Н.И. и Малько А.В. отмечают, что: «правовая культура – часть общей культуры общества или отдельной личности. Культура как собирательное понятие имеет множество различных форм проявлений, сторон, видов, «срезов», «измерений». В данном случае речь идет о такой ее разновидности, как правовая культура, которая, кратко говоря, выражает этику взаимоотношений субъектов общественной жизни с правом, законами, другими юридическими феноменами… Суть правовой культуры гражданина можно выразить следующей формулой: знать – уважать – соблюдать» [1, с.251–253].

Таким образом, правовая культура представляет собой не просто осведомлённость о содержании правовых норм, но и осознанное, ценностно обусловленное отношение к праву, при котором личность воспринимает правовые предписания как необходимое и справедливое основание общественного порядка в том или ином государстве. Без этого

внутреннего принятия права любые механизмы внешнего принуждения оказываются недостаточными для полноценной реализации прав и свобод.

Фридмэн Л. же отмечает: «правовая культура – это барометр общественной жизни, являющийся одновременно и общественной силой, которая определяет, как часто тот или иной закон применяется или нарушается на практике, как его избегают или как им злоупотребляют. Правовая система без правовой культуры не действует» [3, с.110]. Написанное выше позволяет рассматривать правовую культуру как сложное, многоуровневое явление, включающее взаимосвязанные структурные элементы, указанные на рис. 1.

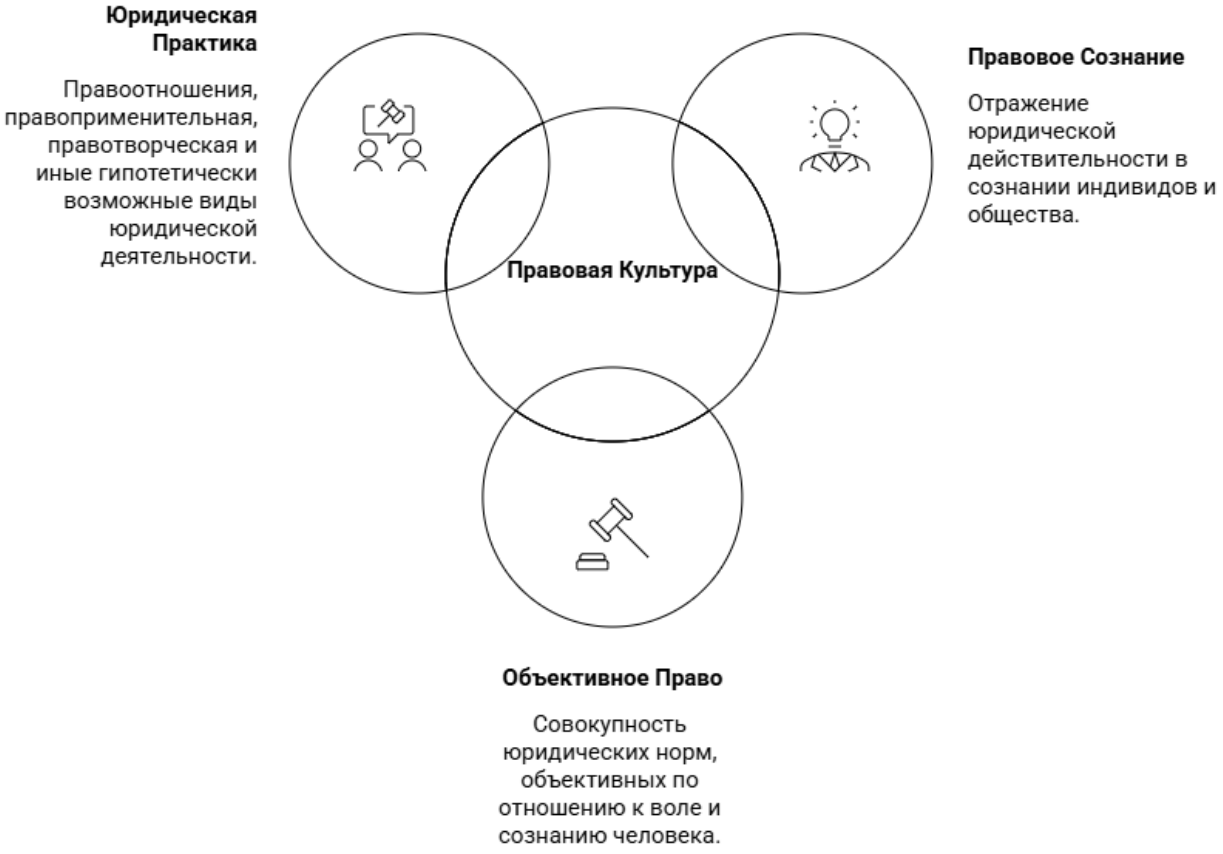

Рис. 1. Структура правовой культуры

На рис. 1 представлены элементы правовой культуры, выделяемые профессором Сальниковым М.В. и образующие «единство» описываемой правовой категории [2, с.155].

Необходимо учитывать, что правовая культура не является универсальной конструкцией, одинаковой для всех обществ. Каждое государство, каждый народ формирует свою правовую культуру на протяжении столетий – под воздействием исторического опыта, религиозных и нравственных традиций, особенностей государственного строительства и сложившихся представлений о справедливости, порядке и соотношении личного и общественного. Правовая культура европейских государств, основанная на римском праве и идеях индивидуальной свободы, принципиально отличается от правовой культуры государств исламского мира, где право неразрывно связано с религиозной нормой, или от правовой культуры стран Восточной Азии, в которых приоритет традиционно отдаётся коллективной гармонии и социальному долгу перед индивидуальным притязанием. Эти различия – не отклонения от некоего эталона, а закономерный результат самобытного исторического развития, отражающий глубинные ценностные основания каждого общества.

Именно поэтому проблема обеспечения прав и свобод человека с учётом самобытности правовых культур приобретает особую остроту в современных условиях. На протяжении значительной части второй половины XX века в международном дискурсе доминировало

представление о существовании единой – преимущественно либерально-демократической – модели правового развития, которая рассматривалась как универсальный ориентир для всех государств. Процессы глобализации, а также попытки выстроить однополярный миропорядок сопровождались стремлением унифицировать правовые стандарты, распространяя определённую систему ценностей как единственно верную. Однако, механический перенос правовых институтов без учёта исторически сложившейся правовой культуры конкретного общества не приводит к укреплению прав и свобод, а нередко порождает обратный эффект – правовой нигилизм, отторжение навязанных моделей и ослабление доверия к праву как таковому.

Сегодня, в условиях формирования многополярного миропорядка, становится очевидным, что правовая культура каждого народа является не препятствием на пути к обеспечению прав человека, а, напротив, его необходимым основанием. Именно она содержит те исторически укоренённые представления о порядке, справедливости и правилах совместной жизни, без опоры на которые никакая система защиты прав не может быть устойчивой.

Вопрос о правовой культуре, таким образом, перестаёт быть сугубо внутригосударственным – он выходит на уровень межцивилизационного диалога и ставит перед юридической наукой принципиальную задачу: выстраивать систему обеспечения прав и свобод человека на основе собственной правовой культуры, сложившейся в конкретном обществе на протяжении его исторического развития. Именно такой подход способен обеспечить реальную, а не декларативную защиту и реализацию прав личности, поскольку опирается на те представления о справедливости, порядке и должном поведении, которые органичны для данного общества и воспринимаются его членами как собственные, а не привнесённые извне.

Библиографический список

1. Матузов Н.И. Теория государства и права : учебник для вузов / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – Москва : Юристъ, 2004. – 512 с. – Текст : непосредственный.
2. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий / М.В. Сальников. – Текст : непосредственный // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153–156.
3. Фридман Л. Введение в американское право: пер. с англ. / Л. Фридман / под ред. М. Калантаровой. – Москва : Прогресс, 1992. – 286 с. – Текст : непосредственный.

Амбарцумян Кристина Сергеевна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СВИДЕТЕЛЯ ЗА ДАЧУ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ

В данной статье автор анализирует ряд проблем, возникающих в практике привлечения к уголовной ответственности свидетеля за намеренное и сознательное искажение сведений, касающихся обстоятельств дела на этапе дознания, следствия или суда. В частности, рассматривается вопрос о том, при каких обстоятельствах свидетель не может быть привлечен к уголовной ответственности за дачу ложных показаний, даже если он сообщил заведомо недостоверные сведения на допросе, а также возможность правомерного отказа свидетеля от дачи показаний, но без сообщения ложных сведений.

Лжесвидетельство, дача заведомо ложных показаний, показания свидетеля, правосудие, право на молчание, отказ от дачи показаний.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Ambartsumyan Kristina Sergeevna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

SOME PROBLEMS OF BRINGING A WITNESS TO CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR GIVING FALSE TESTIMONY

In this article, the author analyzes a number of problems that arise in the practice of bringing a witness to criminal responsibility for intentionally and deliberately distorting information about the circumstances of the case at the stage of inquiry, investigation or trial. In particular, the issue is being considered under what circumstances a witness cannot be held criminally liable for giving false testimony, even if he knowingly provided false information during interrogation, as well as the possibility of a legitimate refusal of a witness to testify, but without providing false information.

Perjury, giving deliberately false testimony, witness testimony, justice, right to silence, refusal to testify.

Показания участников процесса выступают самыми распространенными доказательствами в уголовном процессе. Ситуация, когда потерпевший, свидетели, специалисты или эксперты умышленно искажают факты в своих показаниях, они тем самым препятствуют установлению истины по делу, защите и восстановлению нарушенных прав, что может привести к осуждению невиновного лица, имущественным и финансовым потерям, а также подрыву авторитета органов правосудия в глазах населения. Российское уголовное законодательство пресекает подобные нарушения, признавая дачу заведомо ложных показаний, одним из преступлений, которое может повлиять на объективность и справедливость судебных решений.

Показания могут быть признаны ложными при условии учета совокупности конкретных объективных и субъективных признаков совершения деяния, а также особенности их восприятия человеком. К заведомо ложным показаниям относятся только такие сведения, о недостоверности которых на момент их дачи достоверно знает потерпевший, свидетель, эксперт, специалист или переводчик, письменно предупрежденные перед началом допроса об ответственности за лжесвидетельство (дачу ложного заключения или заведомо неправильного перевода). Признак заведомости означает, что лицо осознает, что транслируемая им информация полностью или частично не соответствует действительности. Для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо, чтобы оно сознательно искажало известные ему обстоятельства, имеющие существенное значение для дела, и понимало, что дает ложные сведения [7, с.54]. Оно может сообщать вымышленные факты, придумывать ложную информацию, искажать ее, либо умалчивать и не сообщать истину, имеющую значение по делу.

Практически в каждом уголовном деле к числу доказательств относятся показания свидетеля, и поскольку фактически им может оказаться каждый, важно знать, какие права и обязанности в этом случае возникают. В соответствии с ч. 1 ст. 56 УПК РФ свидетель – это лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний. Достоверность сообщаемых свидетелем сведений обеспечивается, в том числе, наличием уголовно-правого запрета на дачу им заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ) [1]. Под лжесвидетельством понимается умышленная дача заведомо ложных показаний в суде либо в ходе досудебного производства. При этом сокрытие свидетелем существенных деталей совершения преступления расценивается судом как дача ложных показаний.

Следует отметить, что преднамеренное искажение фактов свидетелем может существенно помешать производству по делу, объективному анализу обстоятельств противоправного деяния, установлению истины, и в итоге к вынесению несправедливого судебного решения, что приведет к нарушению интересов не только правосудия, но и личности.

Отметим, что применение ст. 307 УК РФ сталкивается с рядом проблемных аспектов, связанных, в частности, с возможностью правомерного отказа свидетеля от дачи показаний, но без сообщения ложных сведений.

В ч. 8 ст. 56 УПК РФ указано, что свидетель за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний несет уголовную ответственность. При этом на основании п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ свидетель вправе отказаться свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников. Указанная конституционная норма дает возможность лицу отказаться от дачи показаний и предоставления иных обвинительных доказательств органам предварительного расследования и суду, как в отношении себя, так и перечисленных ранее лиц. В постановлении КС РФ от 20.07.2016 № 17-П установлена недопустимость любой формы принуждения к свидетельствованию против самого себя или в свою защиту («право на молчание» [3].

Примечание к ст. 308 УК РФ исключает ответственность свидетеля за отказ от дачи показаний против себя самого, своего супруга и близких родственников, в свою очередь ст. 307 УК РФ такого примечания не содержит. Так, за дачу заведомо ложных показаний по делу в отношении сына была осуждена Н.О. Татарникова, которая впоследствии попыталась оспорить конституционность п. 1 ч. 4 ст. 56 УК, ограничивающего, как ей представлялось, ее свидетельский иммунитет.

Однако КС РФ не нашел оснований для принятия жалобы к рассмотрению, разъяснив, что указанная норма конкретизирует положение ч. 1 ст. 51 Конституции РФ применительно к статусу свидетеля и закрепляет его право отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга и других близких родственников. «При этом за дачу ложных показаний свидетель несет ответственность в соответствии со ст. 307 УК, о чем перед началом допроса его предупреждает следователь (ч. 2, п. 2 ч. 6, ч. 8 ст. 56, ч. 5 ст. 164 и ч. 1 ст. 189 УПК)» [2].

В практике не редки случаи, когда к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний привлекают родственников «оправдывающих» свои близких [6, с. 63]. Так, например, по ч. 1 ст. 307 УК РФ было осуждено лицо, ставшее свидетелем того, как его сын наносил удары потерпевшей, однако правоохранительным органам он заявил, что при конфликте не присутствовал. Осужденный не воспользовался правом «...отказаться свидетельствовать против самого себя и близких родственников... был предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК и сообщил неверные сведения об обстоятельствах получения телесных повреждений потерпевшей» [5]. Тем самым он дал заведомо ложные показания в качестве свидетеля в ходе досудебного производства и в суде, проигнорировав возможность воспользоваться «правом на молчание».

Важно отметить, что свидетель должен быть проинформирован о своем праве отказаться от дачи показаний против своего близкого родственника.

Так, кассационный суд, рассматривая обоснованность осуждения С. по ч. 1 ст. 307 УК РФ, указал на существенное нарушение закона в части отсутствия предупреждения свидетеля об ответственности не только за дачу ложных показаний, но и за отказ от дачи

показаний по делу ее близкого родственника. Суд, передавая дело на новое апелляционное рассмотрение, указал, что следует «...дать соответствующую оценку всем установленным по делу фактическим обстоятельствам, проверить, не повлияло ли на дачу показаний С. ее предупреждение об уголовной ответственности по ст. 308 УК с лишением возможности отказа от дачи показаний под угрозой уголовного преследования» [4].

В правоприменительной практике зачастую возникают ситуации, когда причастность лица, которое привлекается в качестве свидетеля, к совершенному противоправному деянию неочевидна и есть только предположение об этом. В связи с этим при допросе такого лица в качестве свидетеля оно должно быть предупреждено об ответственности сразу и по ст. 307 и по ст. 308 УК РФ. «Свидетельская привилегия (наряду с привилегией против самообвинения), – пишут Л.В. Головко и Л.Т. Ульянова, – действует и в данном случае, пусть и в скрытой форме. Если затем выяснится, что свидетель подлежит уголовному преследованию, а до того лгал, пытаясь выгородить себя или своего близкого родственника, то его нельзя будет привлечь к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний» [8, с. 193].

Как более сложную можно охарактеризовать ситуацию, когда ни привлекаемый в качестве свидетеля, ни его близкие родственники преступления непосредственно не совершали и в нем не участвовали, но виновны в другом деянии, связанном с расследуемым (предикатным) преступлением. Например, свидетельские показания по факту хищения автомобиля группой лиц предлагают дать сотруднику автомастерской, который после совершенного преступления, не обещая заранее, подделал VIN похищенного транспортного средства (ч. 1 ст. 326 УК). Вряд ли в описанной ситуации у лица, не участвовавшего в совершении преступления, есть право отказаться от дачи показаний или дать ложные показания об обстоятельствах, непосредственно связанных с хищением автомобиля. Указанный свидетель обязан сообщить информацию о том, кто и когда приехал в его мастерскую. Но он вправе отказаться от дачи показаний относительно того, какие манипуляции с автомобилем он сам осуществлял. Если его такого права фактически лишили, предупредив об ответственности за дачу ложных показаний, и под угрозой такой ответственности требуют рассказать все об интересующих следствие событиях, то его ложные показания можно оценивать как вынужденные.

Согласно п. 25 постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», если суд оценивает показания свидетеля как недостоверные, то это не предрешает вопрос о его виновности в деянии по ст. 307 УК РФ. «Допрос в качестве свидетеля лица, фактически заподозренного в совершении преступления и проверяемого в связи с этим на причастность к его совершению, – пишет К.К. Клевцов, – является существенным нарушением его права на защиту, влекущим признание полученных показаний недопустимыми доказательствами» [7, с. 168].

Как известно, лицо, спровоцированное сотрудниками правоохранительных органов на совершение противоправных деяний, не должно нести уголовную ответственность. В связи с этим спорна возможность квалификации по ст. 307 УК РФ дачи недостоверных сведений лицом, которого следователь или дознаватель фактически принуждает свидетельствовать против себя. Нарушение права допрашиваемого не свидетельствовать против самого себя и своих близких родственников, путем требования от него соответствующих показаний под угрозой привлечения к ответственности, должно исключать возможность квалификации сообщения им ложных сведений по ст. 307 УК РФ.

Итак, для решения вопроса о привлечении свидетеля к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний следует учитывать возможное наличие у допрашиваемого лица привилегии от обвинения, иначе не избежать существенных нарушений закона, прав и интересов допрашиваемого лица. Умолчание при даче показаний в силу его характера необходимо относить не к лжесвидетельству, а к одному из способов отказа от дачи показаний, уголовная ответственность за который предусмотрена ст. 308 УК РФ. Однако в большинстве случаев такой отказ выражается в полном и явном нежелании давать показания по делу.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. действующая). – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Определение Конституционного суда РФ от 25.09.2014 № 2169-О // Официальный интернет-портал правовой информации. – Текст : электронный. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.03.2026).
3. Постановление Конституционного суда РФ от 20.07.2016 №17-П // Официальный интернет-портал правовой информации. – Текст : электронный. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.03.2026).
4. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2023 №77-2504/2023 // Официальный интернет-портал правовой информации. – Текст : электронный. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.03.2026).
5. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.02.2025 №77-479/2025 // Официальный интернет-портал правовой информации. – Текст : электронный. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.03.2026).
6. Карягина О.В. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы и пути их решения / О.В. Карягина, А.А. Шевченко. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2024. – № 1(41). – С.59–63.
7. Клевцов К.К. Процессуальный статус и показания заподозренного лица – старые песни о главном / К.К. Клевцов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 166–169.
8. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. – 2-е изд., испр. – Москва: Статут, 2017. – 1280 с. – Текст : непосредственный.
9. Татьянина А.В. Уголовное право. Общая часть / А.В. Татьянина, С.М. Хоменко. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2024. – 156 с. – ISBN 978-5-9201-0170-9. – Текст : непосредственный.

Андреева Ольга Александровна,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Актуальность темы связана с тем, что местное самоуправление может стать в РФ основой модернизации местной жизни посредством правового регулирования, развития прямой демократии, инициатив гражданского общества и его интеллектуальных ресурсов.

В результате установлено, что современные принципы российского местного самоуправления требует анализа, поскольку они отражают переход к высшей фазе самоуправления – прямой демократии через мультипликацию функций в системе отношений власть и общество.

Местное самоуправление, принципы, дискуссии, бюрократизация, публичная власть, закон, демократия, теоретико-правовой анализ.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Andreeva Olga Alexandrovna,
Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

LOCAL SELF-GOVERNMENT IN MODERN RUSSIA

The relevance of the topic is related to the fact that local self-government in the Russian Federation can become the basis for the modernization of local life through legal regulation, the development of direct democracy, civil society initiatives and its intellectual resources.

As a result, it is established that the modern principles of Russian local self-government require analysis, since they reflect the transition to the highest phase of self-government – direct democracy through the multiplication of functions in the system of relations between government and society.

Local government, principles, discussions, bureaucratization, public authority, law, democracy, theoretical and legal analysis.

Преобразования местного самоуправления в современной России обусловлены происходящими переменами в системе публичной власти и принципами, сформулированными в новом федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ [1]. Являясь одной из форм демократии и непосредственной власти народа на местном уровне, местное самоуправление в процессе реализации своих функций закрепляет демократические начала на местном уровне, вовлекая тем самым в управление жителей муниципальных образований. В результате социальные основы местного самоуправления получают запас прочности при решении вопросов, из которых складывается местная жизнь. В них проявляется сущность местного самоуправления, как закономерности его появления в системе публичной власти.

Существующие позитивные и негативные точки зрения о местном самоуправлении, свидетельствуют о том, что до сих пор не сложилось общепринятого мнения о его природе и месте в системе публичной власти. Его отсутствие затрудняет дискуссию вокруг смысла местного самоуправления, как и роли в системе власть-общество, что может быть как позитивным, так и негативным. До принятия нового Федерального закона не существовало убедительного разъяснения причин конституционирования идеи местного самоуправления в Основном законе государства, тем более что этого никто особо и не требовал в процессе реформ 90-х годов XX века.

В то же время нуждаются в объяснении причины пассивность местного населения в вопросах решения местных дел на фоне требования: «не мешайте работать!» Оправдывает ли местное самоуправление возлагаемые на него надежды? Однозначного ответа на этот вопрос также не было. Поэтому необходим теоретико-правовой подход к анализу места и роли местного самоуправления в процессе организации совместной деятельности людей в муниципальных поселениях. Существует и другой вопрос: может быть без него можно вообще обойтись? Ответ на него делает проблему актуальной в политическом, юридическом, философско-правовом и других смыслах.

В современной политико-правовой литературе нет однозначного ответа на вопрос, связанный с регулированием отношений между государственным управления и местным самоуправлением. В процессе современного демократического транзита российской государственности возникают вопросы и о сущности местного самоуправление: является ли оно продолжением государства или может существовать вне него? Институт местного самоуправления имеет большие перспективы для своего развития в будущем, но одновременно с этим он может стать и бюрократическим проектом с целью удержания власти и контроля над обществом. До принятия нового ФЗ – № 33 не было и однозначного ответа на вопрос как воспринимать и оценивать складывающиеся взаимоотношения государства, местного самоуправления и гражданского общества в системе власть-общество. Указанные отношения должны быть направленными на придание местной жизни социально-ориентированного характера, но есть и вероятность их безальтернативности, как исторического тупика.

Институционализация местного самоуправления в категориях теории государства и права свидетельствует о том, что его модель в современной России, хотя и формировалась под влиянием европейского опыта, но и содержит ряд особенностей российского менталитета. Об этом говорило слабое отражение в нормативной правовой базе проблем, связанных с самобытностью муниципальных территорий. Тем не менее, российская модель местного самоуправления, не полностью соответствует европейской, а по ряду позиций даже превосходит ее. Такого четкого конституционного закрепления основ местного самоуправления, как в Конституции РФ, нет ни в одной из европейских конституций, что потенциально открывает российской концепции местного самоуправления инновационное будущее. Поскольку Конституция РФ имеет прямое действие, то дело не только в энтузиазме гражданского общества, реализующего новаторские идеи, но и в принципах местного самоуправления.

Историко-правовой анализ принципов местного самоуправления актуален в связи с необходимостью совершенствования практики народного представительства, которая должна обеспечить гарантии добросовестного исполнения наказов электората. Однако, в основу конституционной модели местного самоуправления заложена только одна форма общественного сознания – право, а все другие формы предоставлены самим себе, что обедняет идею местного самоуправления, сводя его к местному правопорядку. Впрочем, Конституция РФ не запрещает интерпретировать ее в рамках других форм общественного сознания, связывая их с социокультурными особенностями народов, проживающих в стране. Следовательно, можно действовать по принципу «что не запрещено, то разрешено», а это является актуальной задачей не только современной теоретико-правовой науки, но и смежных с ней наук.

Необходимо отметить, что в последние годы снизился интерес к проблемам местного самоуправления, причина чего – бюрократизация его организационной основы. Возможно, что наступило некоторое разочарование в твердости курса местного самоуправления на демократизацию в силу невосприимчивости местной власти к инновационным проектам, влекущим за собой угрозы и риски. Т.В. Ломова отмечает, что «внесение поправок в Конституцию Российской Федерации (2020 г.) способствовало закреплению понятия «единая система публичной власти», обозначавшего совокупность органов государственной власти и органов местного самоуправления» [2, с. 17] Такие и подобные соображения повышают актуальность научного поиска совершенствования местного самоуправления.

В теоретическом плане такие исследования должны носить междисциплинарный, комплексный характер с целью выявления взаимосвязи с политико-правовыми, экономическими, социальными и другими явлениями и процессами, позволившими представить феномен местного самоуправления в форме теоретико-правового концепта модернизации российского общества. Следовательно, теоретико-правовой анализ конституционной модели местного самоуправления, закрепленной в новом ФЗ – № 33 направлен на актуализацию его предназначения и смысла, а в методическом плане на раскрытие концепта современной модели местного самоуправления в общей системе народовластия, как фактора трансфор-

мации общества в социальное государство и формирование единой системы публичной власти.

Диалектика властных отношений выявляет роль и место местного самоуправления в РФ, как инновационной системы в демократическом устройстве общества, так как связана с гражданской инициативой. Как форма публичной власти, оно может стать ведущей силой общественного развития, что будет соответствовать конституционным началам российского государства и интересам общества, тотально охваченного местным самоуправлением. Позиционирование местного самоуправления как формы совместной деятельности людей в осуществлении публичной власти, способствует достижению целей социального государства и подъему культурно-просветительской и идеологической работы среди населения путем привлечения местных материальных и интеллектуальных ресурсов для патриотического воспитания, идентификации и самоидентификации гражданина первоначально на местном уровне, а затем и государства.

Библиографический список

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ (действ. ред.). – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru
2. Ломова Т.В. Местное самоуправление как предмет полицейско-правовой теории и фактор полицейской деятельности / Т.В. Ломова. – Текст : непосредственный // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2026. – №1. – С.17.

Андреева Ольга Александровна,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Бекленищев Даниил Михайлович,
аспирант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

АКТУАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ ДЛЯ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

В статье раскрывается и обосновывается сущность актуальных внутренних и внешних угроз системе национальной безопасности Российской Федерации, которые подтверждаются конкретными примерами.
Национальная безопасность, система, политика, армия, структуры, мигранты, диверсанты.
Тематический рубрикатор e-Library:10.07.01.

Andreeva Olga Alexandrovna,
Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Beklenishchev Daniil Mikhailovich,
Graduate student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

CURRENT THREATS TO THE NATIONAL SECURITY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF ADMINISTRATIVE LAW

The article reveals and substantiates the essence of actual internal and external threats to the national security system of the Russian Federation, which are confirmed by concrete examples.
National security, system, politics, army, structures, migrants, saboteurs.

В условиях современных геополитических реалий, мировой милитаризации, фактической утраты международного права, территориальных межгосударственных споров, для стран мира, прежде всего ведущих геополитических держав, возникают актуальные фундаментальные угрозы национальной безопасности. В условиях мировой политической, экономической и правовой турбулентности вопрос «выживаемости» любого государства решает сильная, быстро траснформирующаяся система национальной безопасности. Для органов, обеспечивающих систему национальной безопасности наиболее важной целью является стратегическое правовое, политическое, военное, экономическое понимание актуальных угроз, что будет являться основой для дальнейшего государственного военно-политического, правового совершенствования системы национальной безопасности.

В связи с проводимой на Украине Специальной Военной Операцией (далее – СВО), Российская Федерация столкнулась с беспрецедентным количеством внутренних и внешних угроз для национальной безопасности. Не могу не отметить, что СВО является глобальным военно-политическим ответом на планы «Коллективного Запада» по дестабилизации политической системы Российской Федерации, по расширению военно-политического блока «НАТО» в Восточной Европе. СВО – прикладное отстаивание суверенитета России в политическом, военном, экономическом и культурном планах. Но в то же время СВО обнажило множество «болевых точек» российского государства, которые накапливались на протяжении десятилетий и которые в краткосрочной перспективе предстоит решать военно-политическому руководству страны.

Безусловно, в связи с текущими угрозами, ведущими институциональными субъектами обеспечения национальной безопасности являются Вооруженные силы Российской Федерации и правоохранительные органы Российской Федерации. При этом государственная политика по обеспечению безопасности реализуется органами власти (федеральной, региональной, местным самоуправлением). Угрозы национальной безопасности подразделяются на внутренние и внешние, но в условиях нынешних геополитических реалий оба вида угроз являются основными взаимосвязанными вызовами для нашего государства.

Прежде всего, к актуальным внутренним угрозам следует отнести большое количество террористических и экстремистских элементов с территории Украины, проникающих в Россию разнообразными методами. Украинские радикальные элементы под видом беженцев проникали на территорию Российской Федерации с 2022 года. Так, в апреле 2022 года Заместитель начальника главного управления по противодействию экстремизму МВД РФ по Краснодарскому краю Дмитрий Петров заявлял: «В числе беженцев пытаются просочиться на нашу территорию лица, принимавшие участие в боевых действиях. Это не секрет... Точное количество в данный момент я сказать не могу, но они выявляются с определенной периодичностью» [1]. Стоит отметить, что украинские диверсанты ставят своей целью проведения различного рода террористических актов в местах массового скопления граждан, на военных объектах, а также ликвидация первых лиц СМИ, политической и военной элит. Целью является дестабилизация военно-политической, экономической ситуаций внутри России. Наиболее значимыми примерами являются проведение террористических актов украинскими диверсантами, в результате которых погибли известные российские журналисты Дарья Дугина (2022) и Владлен Татарский (2023), начальник войск радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ) Вооруженных сил России генерал-лейтенант Игорь Кириллов (2024), замначальника Главного оперативного управления Генштаба генерал-лейтенант Ярослав Москалик (2025), начальник управления оперативной подготовки Генерального штаба Вооруженных сил, генерал-лейтенант Фанил Сарваров (2025). 6 февраля 2026 года в Москве было совершено покушение на генерал-лейтенанта Минобороны, замначальника ГРУ Владимира Алексеева [2]. Также в СМИ есть множество публикаций о диверсиях на российских военных и гражданских инфраструктурных объектах в период 2022-2026. Наиболее существенными и публичными можно назвать диверсионный акт по подрыву Крымского моста в 2022 году при помощи грузовика, начиненного взрывчаткой, а также операцию по атаке дронами-камикадзе на российские стратегические бомбардировщики в июне 2025 года в Мурманской, Иркутской Ивановской, Рязанской и Амурской областях. Трудность в решении данной террористической, экстремистской угрозы составляет тот факт, что координация и целеполагание для террористических ячеек осуществляется непосредственно с территории Украины, от ее официальной военно-политической элиты, что ставит военно-политическое руководство России в тупиковую ситуацию, ввиду необходимости сохранения дипломатического трека. Данный факт еще раз доказывает тезис о том, что СВО – необходимость для обеспечения национальной безопасности и защиты государства от соответствующих угроз.

Немаловажной внутренней угрозой также является нелегальная миграция, преимущественно из стран Средней Азии. Согласно статистическим данным МВД за 2024 год, количество зарегистрированных трудовых мигрантов на территории Российской Федерации составляет 6,2 млн человек. В ноябре 2023 года бывший заместитель директора ФМС России Вячеслав Поставнин заявил новостному изданию «Ведомости», что в России может находиться от 1,5 млн до 3 млн нелегальных мигрантов [3]. Стоит отметить, что нелегальная миграция является питательной средой для распространения террористических и экстремистских идей, преступности. Так, в марте 2024 года радикальными исламистами, выходцами из Средней Азии, совершен террористический акт в «Крокус Сити Холле» в Красногорске, в результате которого погибло более 100 человек гражданского населения. Нападение стало одним из крупнейших терактов в истории современной России, по числу жертв уступая только террористическому акту в Беслане в 2004 году. Ответственность за теракт взяло на себя афганское отделение международной террористической организации «Исламское государство» – «Вилаят Хорасан» (признана террористической и запрещена в РФ). Секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев в апреле 2024 года на совещании по безопасности в Северо-Западном федеральном округе после вопроса о террористическом акте в «Крокус Сити Холле» заявил: «Нелегальная миграция остается питательной средой для терроризма и экстремизма, надо усилить противодействие ей на северо-западе России, пресекать попытки формирования этнических анклавов» [4]. В июле 2025 года

сотрудниками ФСБ России в Ростове-на-Дону задержан гражданин одной из стран Центральной Азии, который по заданию украинских спецслужб готовил террористический акт против высокопоставленного офицера ВС РФ. В августе 2025 года сотрудниками ФСБ пресечена попытка подготовки мигрантом из Средней Азии террористического акта в Удмуртии. Нелегал планировал поджечь железнодорожный состав, действуя по указанию кураторов из международной террористической организации. При нем обнаружены компоненты для самодельных зажигательных устройств, а в телефоне переписку с боевиками и схемы объектов гражданской инфраструктуры [5]. Также сотрудниками ФСБ России совместно с коллегами из Следственного комитета и Службы государственной безопасности Узбекистана пресечена деятельность ячейки международной террористической организации на территории Москвы. Радикалы при координации кураторов, находящихся на территории Европейского Союза, вербовали трудовых мигрантов в ряды боевиков. В феврале 2026 года в Краснодарском крае сотрудники ФСБ задержали мигранта, который планировал осуществление террористического акта на территории исправительной колонии. Подобных примеров можно привести множество за последние несколько лет. Подобные вышеупомянутым мигрантам, террористические элементы становятся частью экстремистской среды, в том числе и по приезде в Россию. Несколько десятилетий мягкой миграционной российской политики позволили сформироваться целым экстремистским, террористическим, преступным сообществам, где радикальные идеи находят благодатную почву. Иностранные мигранты трудятся на ключевых объектах гражданской инфраструктуры, получают быстрый доступ к данной инфраструктуре и практически беспрепятственно поддерживают контакт с радикальными террористическими, экстремистскими элементами. Данным фактом в свою очередь активно пользуются иностранные разведывательные структуры. Правовые решения по запрету на работу мигрантов в стратегических сферах, на объектах наиболее важной гражданской инфраструктуры (метро, аэропорты), проверка каждого иностранного лица при въезде на территорию Российской Федерации – жизненно важные вопросы обеспечения национальной безопасности.

Стоит отметить, что угроза проникновения на территорию Российской Федерации радикальных террористических и экстремистских элементов особенно возросла с приходом к власти в Афганистане «Талибана» (признана террористической и запрещена в РФ) в 2021 году и крушением режима Башара Асада в Сирии и приходом к власти представителей террористической группировки «Хайят Тахрир аш-Шам» (признана террористической и запрещена в РФ) в 2024. Сирийский кризис несет угрозу национальной безопасности странам Средней и Центральной Азии и, как следствие, России, ведь именно в Сирии на протяжении всей гражданской войны 2011–2024 годов скапливались представители радикальных исламских ответвлений с разных стран мира, а именно, Косово, Албания, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Турция, Синьцзян-Уйгурский автономный район (Китай).

Также нелегальные мигранты принимают активное участие в преступной деятельности в виде участия в этнических ОПГ, распространении наркотических веществ. «В текущем году иностранцами совершено 23 847 криминальных деяний. При этом число тяжких преступлений, совершенных приезжими, возросло на 12% (с 4390 до 4935). Втрое увеличилось число преступлений, совершенных лицами, незаконно находящимися на территории России. На 69% возросло количество криминальных проявлений со стороны трудовых мигрантов. В последнее время приезжие из других стран нередко демонстрируют негативное отношение к коренному населению, участникам СВО и сотрудникам правоохранительных органов», – сообщил на своем официальном интернет-портале Следственный Комитет Российской Федерации в сентябре 2024 года [6]. Председатель Следственного Комитета Российской Федерации Александр Бастрыкин также отметил, что негативное влияние на ситуацию оказывают попустительство со стороны ответственных должностных лиц в сфере миграции и стремление недобропорядочных арендодателей заработать побольше.

Не стоит также забывать и о сохраняющейся угрозе со стороны радикальных исламистов на Северном Кавказе, где с 1990-х годов до сих пор не решен ряд социально-экономических,

территориальных и межэтнических проблем и противоречий. Ряд слоев населения кавказского региона подвержен влиянию радикальных элементов с Ближнего Востока. Примером актуальности данной угрозы служит террористический акт в Махачкале в июне 2024 года, в результате которого погибли 17 сотрудников правоохранительных органов и священнослужитель. Также в январе 2026 года двое боевиков были ликвидированы при попытке нападения на сотрудников полиции в Дагестане. На месте боестолкновения обнаружены пистолеты, автоматы и взрывное устройство.

Внешние угрозы системе национальной безопасности Российской Федерации базируются на геополитическом аспекте развития мирового порядка и реалиях современной системы международных отношений.

В первую очередь, на данный момент, основную внешнюю угрозу национальной безопасности России представляют Украина, блок «НАТО». Данному тезису существует ряд подтверждений.

После активного вмешательства блока «НАТО» в боевые действия между Киевом и Москвой, характер угроз для национальной безопасности России намного возрос. Военнослужащие Вооруженных Сил Украины (далее-ВСУ) проходят подготовку по стандартам блока НАТО, переходят на вооружения западного производства. На стороне ВСУ воюют многочисленные иностранные наемники и натовские специалисты. За разведку и стратегическое планирование боевых действий на Украине де-факто отвечает военная элита Североатлантического альянса. Беспилотная авиация и дальнобойные ракеты натовского образца ВСУ практически ежедневно бьют по российской территории. Примером подобной угрозы на уровне муниципалитета является налет киевских реактивных БПЛА-камикадзе «Барс» и крылатых ракет «Нептун» на родной автору Таганрог 25 ноября 2025 года, в результате которого погибли 3 мирных жителя и пострадали объекты гражданской инфраструктуры [7]. Подобных примеров за последние 4 года можно привести несколько сотен. Стоит отметить и нарушение государственной границы России в августе 2024 года, когда сухопутные войска ВСУ с боями вошли на территорию Курской области.

Со стороны блока «НАТО» также существует ряд значительных внешних угроз, а именно, размещение американского ядерного вооружения в Германии, Польше, Турции и странах Прибалтики, разработка США космических аппаратов многоразового использования X37B, которые будут выводить на околоземную орбиту и которые способны нести ядерное оружие для поражения наземных целей на территории России, наращивание численности военного контингента стран НАТО у границ России, пересечение воздушного пространства России самолетами-разведчиками НАТО, расширение блока путем включения в свой состав Финляндии и Швеции в 2023 году, территориальные претензии стран блока «НАТО» к России, обострение межнациональных и межэтнических противоречий, действия националистических и религиозных экстремистов вблизи границ страны с возможностью втягивания ее в вооруженный конфликт.

Таким образом, разноплановость угроз требует от российской военно-политической, экономической элит комплексного и гибкого подхода для недопущения кризисных ситуаций в государстве. Внутренние угрозы национальной безопасности могут являться причинами появления новых внешних угроз и наоборот. Поэтому рассмотрение и решение проблем невозможно без оперативной проработки всех уровней и классификаций актуальных угроз, меняющихся с трансформацией геополитической и внутригосударственной обстановки. Немаловажным является важность оперативной трансформации российского правового поля в связи с исходящими внутренними и внешними угрозами национальной безопасности Российской Федерации.

Библиографический список

1. В МВД заявили о попытке воевавших на Украине попасть в Россию под видом беженцев. – Текст: электронный // Официальный сайт новостного портала «Lenta.ru». – URL: https://lenta.ru/news/2022/04/20/mvdead/ (дата обращения: 20.03.2026).
2. Выстрелил и улетел в Дубай. Исполнитель покушения на генерала Алексеева задержан. – Текст: электронный // Официальный сайт новостного портала «Газета.ru». – URL: https://www.gazeta.ru/social/2026/02/08/22466443.shtml (дата обращения: 20.03.2026).
3. МВД хочет запретить нелегальным мигрантам водить машину и получать права. – Текст: электронный // Официальный сайт новостного портала «Ведомости». – URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/11/28/1008064-tass-mvd (дата обращения: 20.03.2026).
4. Патрушев призвал пресекать попытки формирования этнических анклавов. – Текст: электронный // Официальный сайт новостного портала «Ведомости». – URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/04/16/1032165-presekat-popitki (дата обращения: 20.03.2026).
5. ФСБ показала видео задержания мужчины, планировавшего теракт в Удмуртии. – Текст: электронный // Официальный сайт новостного портала «РИА Новости». – URL: https://ria.ru/20250819/udmurtija-2036244727.html (дата обращения: 20.03.2026).
6. СК: В России в 2024 году иностранцы совершили почти 24 тыс. преступлений. – Текст: электронный // Официальный сайт новостного портала «Комсомольская Правда». – URL: https://www.kp.ru/online/news/5976160/ (дата обращения: 20.03.2026).
7. Люди погибли, дома сгорели. Что известно об атаке дронов на Таганрог?. – Текст: электронный // Официальный сайт новостного портала «161.ru». – URL: https://161.ru/text/incidents/2025/11/25/76139234/ (дата обращения: 20.03.2026).
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 2021. – №27. (Часть II). – Ст. 5351.

Анисимов Алексей Павлович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону
Резванова Лариса Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права и государственно-правовых дисциплин, Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Сочи

О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается несколько цифровых технологий, которые могут быть использованы в ходе учебного процесса на юридических факультетах. Особое внимание уделено технологии 3D разговорного ассистента на базе искусственного интеллекта, показаны его потенциальные возможности и сферы применения. Обращается внимание на риски внедрения цифровых технологий в высшее юридическое образование, связанные с повышением квалификации преподавателей и контролем за качеством контента, создаваемого с помощью ИИ.

Цифровизация, юристы, компьютерные игры, 3D разговорный ассистент.
Тематический рубрикатор e-Library:14.85.35.

Anisimov Aleksey Pavlovich,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University, Rostov-on-Don
Rezvanova Larisa Anatolievna,
Candidate of Law, Associate Professor,Head of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi

NEW OPPORTUNITIES FOR USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN HIGHER EDUCATION: TRENDS AND PROSPECTS

The article discusses several digital technologies that can be used during the educational process at law faculties. Special attention is paid to the technology of 3D conversational assistant based on artificial intelligence, its potential capabilities and applications are shown. Attention is drawn to the risks of introducing digital technologies into higher legal education related to improving the qualifications of teachers and quality control of content created using AI.

Digitalization, lawyers, computer games, 3D conversational assistant.

Пандемия коронавируса в России повлекла не только тяжелые последствия для жизни и здоровья людей, но и стала стимулом к цифровизации образования. За считанные месяцы преподаватели вузов освоили цифровые навыки, на формирование которых в обычных условиях ушли бы годы. Но с завершением пандемии цифровая трансформация образовательных процессов не исчезла. В третьем десятилетии XXI века традиционные методики вроде схем и таблиц, нарисованных мелом на доске, все чаще воспринимаются как устаревшие и не отвечают ожиданиям студентов, привыкших к постоянному взаимодействию с цифровыми устройствами. Чтобы укрепить взаимопонимание между преподавателями и студентами, важно не просто использовать отдельные цифровые инструменты, но и выстраивать обучение внутри цифровой среды. Это открывает новые форматы передачи знаний, делает материал нагляднее, способствует его более глубокому восприятию и усвоению. Кроме того, цифровые решения повышают вовлеченность: процесс познания становится более живым и менее формализованным, а университеты, переходящие на современные стандарты, станут более конкурентными.

Эти тенденции затрагивают все факультеты, однако каждый из них должен учитывать специфику профессиональной подготовки. На юридических факультетах (и на практике тоже) цифровые технологии уже начинают менять привычную логику нашей профессии. Например, в банковской сфере используются специальные программы для подготовки кредитных договоров. Уже активно обсуждаются онлайн-правосудие, роботизация медиации и появление программных решений, способных оказывать широкий спектр консультационных услуг [1].

Сегодня мобильные приложения позволяют людям уплачивать налоги, обжаловать штрафы, направлять обращения о правонарушениях в отдельные органы государственной власти. Все это показывает: профессия юриста входит в период глубокой трансформации. Она может привести к сокращению спроса на рутинные юридические функции, одновременно повышая требования к компетенциям будущих специалистов и к методам их формирования [2].

Следовательно, юридическому образованию нужны новые – иногда нестандартные – методические и технические решения, которые сделают обучение более современным и содержательным. Достичь этого можно через систему локальных, «точечных» разработок: они не претендуют на универсальность, однако способны реально помочь преподавателю при рассмотрении конкретных тем и решений задач со студентами. Предлагаем следующие решения.

1) обучающая компьютерная игра по экологическому праву. Означает разработку цифрового продукта в формате компьютерной игры, в рамках которой, например, проводится тестирование по дисциплине «Экологическое право» (уровень бакалавриата). Данная игра позволит оценить знания студентов и может выступать условием допуска к зачету (экзамену).

2) использование фрагментов советских (или российских) мультфильмов с юридическим содержанием. Из мультфильмов отбираются и монтируются эпизоды, содержащие юридически значимые ситуации. К каждому фрагменту формулируются вопросы, стимулирующие студентов к анализу, выявлению правовой проблемы, ее оценке и правовому решению.

3) юридическая викторина. Для проверки знаний предлагается конкурсная игра, напоминающая популярные телепередачи («Своя игра» или «Поля чудес»). В игровой форме обсуждаются вопросы, которые затем выносятся на экзамен, что помогает освоить материал.

4) разработка видеозадач двух типов. Во-первых, это реально снятые на улице студентами **видеозадачи.** В этом случае фиксируются реальные жизненные ситуации, содержащие юридически значимые обстоятельства (например, последствия наводнения или возгорание свалки отходов). К каждому ролику подготавливается набор методических вопросов: какие обстоятельства имеют правовое значение, какие нормы подлежат применению, кто будет выступать субъектом ответственности, каков возможный порядок защиты прав и т.д. Такой формат позволяет связать теорию с практикой и формирует навык решения правовых задач. Во-вторых, создание **видеозадач с помощью ИИ – специальной программы Sora. В этом случае видеоролики практического содержания создаются не выходя из дома, но к ним также прикладываются методические вопросы, позволяющие разрешить смоделированную ситуацию.**

Создание видеозадач по правовым дисциплинам дает несколько полезных эффектов: визуализирует сложные юридические процессы, облегчает понимание логики правоприменения, что помогает закреплять материал и развивает у студентов умение решать практико-ориентированные кейсы. Возможность многократного просмотра и последующего обсуждения делает нормы законов и подзаконных актов «видимыми» – не в виде абстрактных формулировок, а как инструмент оценки конкретной ситуации. В результате активизируется мыслительная деятельность и формируются элементы критического мышления: анализ, аргументация и др.

Несомненно, образовательный процесс нельзя сводить лишь к цифровым заданиям. Университетское обучение остается трудоемкой интеллектуальной работой, а цифровые и игровые форматы призваны не подменять ее, а поддерживать: разнообразить занятия, повышать вовлеченность и создавать дополнительные условия для осмысленного усвоения материала. В этом контексте особого внимания заслуживает еще одна технология – **3D разговорный ассистент (цифровой аватар) на базе искусственного интеллекта**. Дискуссии о применении ИИ и нейросетевых моделей (в том числе наиболее известных решений вроде ChatGPT и DeepSeek) в образовательной среде ведутся давно и оцениваются неоднозначно. Преимущества генеративного ИИ очевидны: он способен обрабатывать

большие массивы информации (например, помогать выявлять тенденции успеваемости), поддерживать проектную работу и групповое взаимодействие, предлагать варианты решений и сценарии, а также выполнять прикладные функции – от черновой структуризации материала до перевода текстов. Вместе с тем фиксируются и риски: нейросети могут использоваться недобросовестно – для подготовки курсовых и дипломных работ без проведения студентом самостоятельного исследования. В публичном поле обсуждались инициативы по ограничению доступа к таким сервисам в образовательных организациях, а в отдельных школах и университетах в разные периоды вводились запреты или частичные ограничения на использование ИИ-инструментов на учебных устройствах. Однако прямые запреты не устраняют проблему полностью: более продуктивным подходом представляется разработка четких правил и этических стандартов применения ИИ в обучении.

К дискуссии о возможностях ChatGPT в 2024 году добавился еще один аргумент: появилась «гибридная» технология – **интерактивный 3D ассистент (цифровой аватар)**, объединяющий несколько разработок последних лет. Такой персонаж внешне напоминает человека, отображается на экране, движется и ведет диалог; при этом мимика и движение губ синхронизируются с речью, а ответы формируются за счет подключения к нейросети. На практике подобные цифровые технологии уже применяются в различных сферах – например, в транспортной инфраструктуре и розничной торговле, где с экрана ассистент консультирует клиентов по типовым вопросам. В образовании наиболее привлекательно выглядит сфера языковой подготовки: аватар может поддерживать разговор практически на любую тему, помогая отрабатывать построение фраз и произношение. Однако и для высшего юридического образования потенциал этой технологии очевиден: при корректной настройке сценариев и ограничений она может использоваться для отработки практических юридических навыков, а также для обеспечения самостоятельной работы студентов. На наш взгляд, использование 3D разговорного ассистента целесообразно прежде всего там, где юрист регулярно взаимодействует с большим количеством граждан и вынужден многократно отвечать на типовые вопросы. В иных профессиональных ролях эта технология не является критически необходимой. Так, судье цифровой аватар в большинстве случаев не нужен: для обобщения судебной практики, анализа материалов и подготовки проекта решения достаточно функционала обычной нейросети. Аналогично депутату при разработке законопроектов и подготовке ответов на обращения граждан, как правило, достаточно текстовых ИИ-инструментов – без визуального «облика» 3D ассистента.

Отсюда следует важный методический вывод: обучая студентов работе с 3D ассистентом, необходимо сразу задавать реалистичные рамки его применения. Четкий инструктаж о назначении, ограничениях и юридически корректных сценариях использования поможет избежать завышенных ожиданий и неверного переноса технологии на задачи, где она не дает эффекта. Но возникает вопрос: каковы реальные, практические ожидания от этой технологии?

а) работа в представительских органах власти с обращениями граждан. Определенная часть выпускников юридических факультетов в дальнейшем может стать депутатами или помощниками депутатов на муниципальном, региональном или федеральном уровнях. Для таких специалистов важно освоить работу с текстовыми ИИ-инструментами (подготовка проектов нормативных актов, аналитических справок, ответов на обращения). В свою очередь 3D ассистент может быть полезен как интерфейс коммуникации с избирателями: для первичного приема, разъяснения процедур и сбора исходных данных по типовым правовым вопросам.

б) весьма перспективным представляется использование цифровых аватаров в мировых судах, которые рассматривают массовые и сравнительно несложные категории споров. В таком контексте 3D ассистент может выполнять две функции: техническую – объяснять посетителям, где находится канцелярия, как подать документы, как узнать дату заседания и процедурно-прикладную – выступать в роли «конструктора документов» (например, помогать сформировать исковое заявление по шаблону, уточняя необходимые сведения).

При соответствующей инфраструктуре возможна распечатка подготовленного документа с выдачей заявителю.

в) информационное сопровождение публичных мероприятий. Отдельный сценарий – использование 3D ассистента на крупных международных научных конференциях. Экран с аватаром в холле университета может в режиме справочной службы сообщать программу пленарных заседаний и секций, подсказывать аудитории, информировать о достижениях вуза и др.

Таким образом, появляющиеся цифровые технологии органично встраиваются в устоявшиеся методические подходы российской высшей школы. В преподавании юридических дисциплин уже давно применяется широкий набор методов: словесные, наглядные и практические; игровые и проблемные; объяснительно-иллюстративные и репродуктивные; частично-поисковые и исследовательские. Используются как традиционные, так и инновационные педагогические технологии, включая интерактивные форматы. В рамках этой тенденции новейшие цифровые технологии могут сделать образование более современным и эффективным.

Библиографический список

1. Порохов М.Ю. К вопросу о перспективах развития онлайн-правосудия по гражданским делам / М.Ю. Порохов, Д.Б. Данилов. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2020. – №3. – С. 140–144.
2. Абдусаламов Р.А. Некоторые проблемы совершенствования юридического образования в условиях цифровизации / Р.А. Абдусаламов, Л.В. Магдилова, Д.А. Рагимханова. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2019. – Т.31, № 3. – С.7–10.

Ахъядов Эльдар С.-М.,
ассистент кафедры теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

ЦЕННОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КЛЮЧ К ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ Г.Д. ГУРВИЧА

В статье анализируется роль ценностей как методологического основания философско-правовой доктрины Г.Д. Гурвича. Показано, что аксиологическое измерение его концепции позволяет раскрыть внутреннюю связь между юридическим опытом, нормативным фактом, справедливостью, социальным идеалом и правовым плюрализмом. Обосновывается, что право в учении Гурвича не сводится ни к государственному велению, ни к формальной норме, ни к простому социальному факту, а понимается как нормативно организованная и ценностно укорененная форма социальной действительности.

Философия права, социология права, нормативный факт, справедливость, социальный идеал, правовой плюрализм, социальное право.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Akhyadov Eldar S.M.,
Assistant of the Department of Theory and History of State and Law, Kadyrov Chechen State University, Grozny

VALUES AS A METHODOLOGICAL KEY TO G.D. GURVITCH'S PHILOSOPHICAL AND LEGAL DOCTRINE

The article examines the role of values as the methodological foundation of G.D. Gurvitch's philosophical and legal doctrine. It is shown that the axiological dimension of his concept makes it possible to reveal the internal connection between legal experience, the normative fact, justice, the social ideal, and legal pluralism. The author substantiates that, in Gurvitch's teaching, law is reduced neither to a command of the state, nor to a formal norm, nor to a mere social fact, but is understood as a normatively organized and value-rooted form of social reality.

Philosophy of law, sociology of law, normative fact, justice, social ideal, legal pluralism, social law.

Философско-правовая позиция Г.Д. Гурвича выстроена на принципиальном отказе сводить право к государственному велению, формально установленной норме либо к простому отражению социального факта. Для него право существует в более глубоком слое социальной действительности, где нормативность возникает не как внешнее принуждение, а как способ упорядочения совместной жизни на основании признаваемых и переживаемых ценностей.

Правопонимание у Г.Д. Гурвича изначально имеет не этатистский, а нормативно-ценностный и одновременно социологически конкретный характер. Право в этой конструкции не противостоит социальной жизни как готовая команда, исходящая от центра власти; оно формируется внутри многообразных форм социабельности и получает содержательную определенность через коллективный опыт справедливого и должного.

Становится понятным, почему ключом к его доктрине выступает юридический опыт. Г.Д. Гурвич исходит из того, что правоведение, философия права и социология права опираются на общий фундамент – специфический юридический опыт, без которого правовая действительность не может быть понята в ее собственном качестве [2, с. 115].

Опыт не равен эмпирическому наблюдению за нормами или институтами. Он включает непосредственное восприятие правового как особого модуса коллективной жизни, в котором соединяются чувственные, духовные и нормативные элементы. Отсюда следует важный методологический вывод: право не исчерпывается текстом закона, поскольку текст фиксирует лишь одну из форм его объективации. До и помимо законодательной формы существует слой правовой реальности, переживаемый как обязательность, признание, взаимное ожидание, притязание и соотнесение интересов в рамках общего порядка.

Понимание права требует разведения, но не разрыва нескольких базовых категорий гурвичевской доктрины.

Во-первых, право связано со справедливостью не как вторичной моральной оценкой уже готового правопорядка, а как с его смыслообразующим началом. Справедливость у

Г.Д. Гурвича не пребывает вне права и не навязывается ему извне; она действует внутри юридического опыта как принцип соразмерения коллективных ценностей и индивидуальных интересов.

Во-вторых, социальный идеал не подменяет собой правовую реальность, но задает направление ее оценки и преобразования.

В-третьих, нормативный факт выступает не синонимом любого социального факта, а особой формой социальной действительности, в которой коллектив вырабатывает и признает обязательные способы совместного действия.

Наконец, юридический опыт соединяет ценностное восприятие и интеллектуальное оформление права: именно в нем ценности не остаются абстракциями, а получают конкретную нормативную плотность.

В этой системе координат справедливость занимает промежуточное и вместе с тем центральное положение. Г.Д. Гурвич помещает ее на границе двух порядков: трансперсонального и эмпирического, морального и правового [4, с. 39].

Из первого она получает безусловность и императивность; из второго – действенность и способность воплощаться в институтах и практиках. Поэтому право не может быть понято ни как чистое долженствование, ни как простая техника регулирования.

Его сущность раскрывается как примирение и уравновешивание разнонаправленных притязаний в аспекте справедливости. Тем самым ценность справедливости не украшает правовую теорию, а организует само определение права. Справедливость не мыслится как неподвижный метафизический эталон, т.к. она исторична в формах своего воплощения, меняется вместе с правовой действительностью и обнаруживает себя через многообразие юридического опыта.

Смысл нормативного факта в такой конструкции особенно важен. Если позитивизм склонен видеть источник обязательности в формальном акте компетентной власти, то Г.Д. Гурвич показывает, что правотворческий потенциал возникает раньше и глубже – в самих социальных взаимодействиях, когда они приобретают устойчивый, признанный и ценностно оправданный характер. Нормативный факт есть не просто повторяющаяся практика, а социальная форма, в которой коллектив опознает справедливое правило собственного сосуществования [3, с. 83].

Нормативный факт нельзя редуцировать к обычаю, соглашению или институциональной процедуре по отдельности. Он выражает способность социального целого спонтанно вырабатывать регулятивные механизмы, посредством которых сохраняется равновесие между целым и его частями. В этом и состоит один из главных антрипозитивистских ходов Г.Д. Гурвича, где обязательность права объясняется не только санкцией, но и коллективным признанием ценностно оправданного порядка.

Следует и особое место социального идеала. У Г.Д. Гурвича он не тождествен утопии и не противопоставлен реальности как чистое пожелание. Скорее речь идет об идеалреалистической установке, при которой сущее и должное не смешиваются, но и не разводятся до полной непроницаемости. Право способно удерживать оба плана одновременно: фиксировать фактически сложившиеся формы социальной связи и оценивать их в свете тех ценностей, которые делают возможным более высокий порядок интеграции [5, с. 101].

Если ограничиться утверждением о присутствии ценностей в теории, то останется неясным главное: какую работу они выполняют в ее методе. Между тем именно здесь обнаруживается подлинная оригинальность его доктрины. Ценности позволяют перейти от описания социальной множественности к пониманию права как внутренне организованной, многоуровневой и динамической реальности. Они не подменяют эмпирическое исследование, но задают способ его прочтения.

Метод Г.Д. Гурвича строится на движении от глубинного уровня юридического опыта к институционализированным формам позитивного права.

Вначале фиксируется неорганизованная, подвижная и еще не завершенная правовая реальность; затем прослеживаются механизмы ее институционализации; после этого

анализируется отношение возникших форм к ценностям справедливости, равенства, взаимного признания и интеграции. В такой схеме ценности выполняют функцию перехода между уровнями анализа. Без них невозможно объяснить, каким образом из множества взаимодействий выделяются нормативные факты, почему одни формы социальной жизни обретают правовое значение, а другие нет, и по какой причине институциональная объективация не уничтожает, а в идеале продолжает живой источник права.

Методологически это особенно существенно для юридической науки, поскольку позволяет рассматривать позитивное право как результат и стадию более сложного процесса, а не как самодостаточное начало.

Правовой плюрализм у Г.Д. Гурвича становится понятным только при признании того, что различные социальные целостности способны быть носителями собственных правовых ценностей и, следовательно, источниками собственной нормативности. Если право укоренено в юридическом опыте и нормативных фактах, то множественность социальных форм жизни неизбежно влечет множественность правопорядков. Семья, профессиональное объединение, предприятие, союз, местное сообщество, государство, международная среда – каждая из этих тотальностей может вырабатывать обязательные формы совместного существования [1, с. 69].

Плюрализм поэтому не случаен и не производен от несовершенства государственной организации; он выражает саму структуру социальной реальности. Но его внутреннее единство возможно лишь в том случае, если за множественностью признается общая аксиологическая перспектива, стремление к справедливому соотнесению интересов и к интеграции без подавления различий.

Также роль в этой конструкции играет трансперсонализм. Он позволяет избежать двух крайностей между атомистического индивидуализма и подавляющего коллективизма. С аксиологической точки зрения это означает равнозначность личности и целого. Социальное право не должно упразднять субъективные права, поскольку именно через них проявляется личностное измерение общей нормативности. Г.Д. Гурвич настаивает, что объективный порядок социального права предоставляет субъектам их собственные правомочия, а индивидуальное право, в свою очередь, не может быть понято в отрыве от объективного порядка. Следовательно, ценность социального у него не поглощает ценность личного, а требует их взаимного порождения и ограничения.

Наиболее уязвимое место доктрины связано с вопросом о практическом критерии различения между автономной нормативностью и юридически релевантным порядком. История права показывает, что многие формы саморегуляции действительно обретают нормативную силу лишь после признания их судом или включения в позитивное законодательство. Поэтому тезис о «чистом» социальном праве, полностью независимом от государства, остается скорее предельной конструкцией, чем бесспорным описанием действительности. Сам Г.Д. Гурвич это в значительной мере осознавал, когда различал разные типы социального права в зависимости от их отношения к государству. Эта оговорка принципиальна, ведь она показывает, что его теория не должна пониматься как простая апология негосударственной нормативности.

Ценности у Г.Д. Гурвича образуют внутренний методологический каркас философии права. Через них раскрывается право как нормативно организованная и социально укорененная реальность; через них объясняется переход от юридического опыта к нормативным фактам и институциональным формам; через них получают содержательное единство правовой плюрализм, социальное право и соборность. Вне этого аксиологического измерения концепция распадается на отдельные темы (социологию права, теорию нормативных фактов, критику этатизма). Внутри него она предстает как цельная философско-правовая конструкция, в которой право мыслится способом достижения справедливой интеграции множественного социального мира. Ценности следует рассматривать не как внешний комментарий к учению Г.Д. Гурвича, а как ключ к его внутренней архитектуре и к его критике государственно-центристского понимания права.

Библиографический список

1. Антонов М.В. Георгий Давидович Гурвич (1894–1965): проект социологии права / М.В. Антонов. – Текст : непосредственный // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Георгий Давидович Гурвич (1894–1965). – № 4. – С. 63–74.
2. Загирняк М.Ю. Место религии в философии права Г.Д. Гурвича / М.Ю. Загирняк. – Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 12. – С. 111–118.
3. Загирняк М.Ю. Г.Д. Гурвич и С.И. Гессен о возможности формирования социального единства / М.Ю. Загирняк. – Текст : непосредственный // Кантовский сборник. – 2020. – Т.39, № 3. – С. 72–96.
4. Загирняк М.Ю. Концепт соборности в философии права Г.Д. Гурвича / М.Ю. Загирняк. – Текст : непосредственный // Философский журнал. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 34–49.
5. Ле Гофф Ж. Гурвич и социальное право / Ж. Ле Гофф. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 2013. – № 5 (310). – С. 97–111.

Ахъядов Эльдар С.-М.,
ассистент кафедры теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВА Г.Д. ГУРВИЧА: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ И СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

В статье рассматривается философия социального права Г.Д. Гурвича через призму ее ценностного содержания и возможностей современного теоретико-правового прочтения. Показано, что в концепции Гурвича право понимается не как производное исключительно от государства или индивидуальной воли, а как форма живой нормативности, укорененной в коллективной жизни, разделяемых ценностях и актах взаимного признания. Внимание уделяется связи права и справедливости, выступающей медиатором между трансперсональным миром ценностей и конкретным социальным порядком.

Социальное право, философия права, правовой плюрализм, справедливость, коллективная нормативность, акты признания, социальная солидарность.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Akhyadov Eldar S.M.,
Assistant of the Department of Theory and History of State and Law, Kadyrov Chechen State University, Grozny

THE PHILOSOPHY OF G.D. GURVICH'S SOCIAL LAW: THE VALUE DIMENSION AND A CONTEMPORARY INTERPRETATION

The article examines G.D. Gurvich's philosophy of social law through the prism of its value-based content and the possibilities of its contemporary theoretical and legal interpretation. It is shown that, in Gurvich's conception, law is understood not as something derived exclusively from the state or from individual will, but as a form of living normativity rooted in collective life, shared values, and acts of mutual recognition. Particular attention is paid to the relationship between law and justice, with justice acting as a mediator between the transpersonal world of values and the concrete social order.

Social law, philosophy of law, legal pluralism, justice, collective normativity, acts of recognition, social solidarity.

Проблема, вокруг которой строится философия права Г.Д. Гурвича, состоит не в поиске еще одного определения права в ряду конкурирующих дефиниций, а в выявлении того слоя социальной действительности, где право возникает как живая нормативность, еще не сведенная ни к приказу государства, ни к сумме субъективных притязаний отдельных лиц. Для учёного право принадлежит сфере должного, но это должное не висит над обществом в виде абстрактной идеи и не выводится из воли суверена. Оно укоренено в самой фактичности коллективной жизни, где ценности получают форму обязательности, а справедливость становится не отвлеченным нравственным идеалом, а принципом конкретной нормативной организации общения.

Ценностный аспект здесь не является внешним приложением к праву. У Г.Д. Гурвича ценности образуют один из глубинных уровней социальной реальности. За социальными ролями, символами, образцами поведения и институциональными структурами он усматривает особый пласт коллективных идей и ценностей, а еще глубже – коллективную ментальность, или духовную жизнь групп и общностей. Нормативный порядок поэтому не может быть объяснен только из формальной логики нормы или из техники принуждения. Он питается коллективно переживаемыми ценностями и удерживается той духовной интеграцией, которая делает возможным существование «мы» как реального носителя правовой жизни.

В конструкции философа она не сводится ни к моральной добродетели, ни к юридической формуле равного обращения. Справедливость располагается на границе двух порядков – трансперсонального мира ценностей и эмпирической социальной действительности; благодаря этому она одновременно сохраняет безусловный характер требования и приобретает действенность в конкретной правовой среде.

Право способно быть правом лишь постольку, поскольку в нем реализуется определенный аспект справедливости, признанный коллективным опытом соответствующей

общности. Отсюда понятна решающая роль «актов признания»: через них ценность переходит в нормативность, а нормативность – в устойчивый порядок. Справедливость, следовательно, не предшествует праву в виде завершенной метафизической формулы и не растворяется в позитивном установлении; она осуществляется в правовом опыте как принцип соразмерения коллективных ценностей и индивидуальных интересов.

Схема принципиально отличает Г.Д. Гурвича от государственно-позитивистской традиции. Для позитивизма право получает юридическое качество главным образом из связи с государством, законодательной процедурой и обеспеченным принуждением. Социолог исходит из иной предпосылки: государство – лишь один из центров правового образования, причем исторически важный, но не онтологически исключительный. Если право существует только там, где его санкционирует государственный аппарат, тогда оказываются необъяснимыми реальные нормативные порядки семьи, церкви, профессиональных союзов, кооперативов, местных и международных объединений, то есть тех социальных целостностей, в которых участники фактически связывают себя взаимными обязанностями и ожидают признания соответствующих правомочий.

Государство способно организовывать, координировать, подтверждать или подавлять такие порядки, но не является их единственным источником. Социальное право возникает не как делегированная государством компетенция, а как нормативное выражение самой интеграции общности [2, с. 57].

Не менее существенна его дистанция и от индивидуалистических правовых концепций. Если радикальный индивидуализм выводит право из автономной воли, интереса или переживания отдельного субъекта, то Г.Д. Гурвич показывает, что правовая действительность по своей природе коллективна. Даже там, где речь идет о межличностных отношениях, они уже опосредованы формами общения, символами, типизациями, ожиданиями и признанием, которые принадлежат не индивиду как таковому, а общему пространству социальной жизни.

Право нельзя мыслить только как сумму частных притязаний; оно всегда связано с определенной целостностью, внутри которой взаимно соотносятся свобода, обязанность, признание и порядок. Критика Г.Д. Гурвичем узко психологического подхода не означает отрицания внутреннего опыта; напротив, она означает включение его в более широкую структуру коллективного юридического опыта. Право должно быть пережито, но переживается оно не изолированным «я», а участником конкретной общности, чьи ценности и формы солидарности уже заданы в коллективной духовной жизни.

Также роль в этой конструкции играет различение микро и макро социологического уровней.

На микроуровне Г.Д. Гурвич анализирует формы непосредственного общения и типы «мы», в которых рождаются элементарные структуры взаимного признания. На макроуровне исследуются разноглубинные слои социальной реальности, включая ценности, символы, коллективные идеи и духовную жизнь.

Их необходимо рассматривать как проявление многоуровневой социальной тотальности, где непосредственные формы общения соединяются с глубинными ценностными и ментальными структурами. Правопорядок социальной общности имеет одновременно микросоциальное основание в живых отношениях ее участников, и макросоциальное основание в разделяемых ценностях и коллективной ментальности.

Отсюда понятна и критика Г.Д. Гурвичем однолинейных социологических объяснений права.

Возражая веберовской редукции к индивидуальным смыслам и поведенческим ориентациям, он подчеркивает значимость морфологической базы общества и коллективной психической жизни.

Возражая грубому дюркгеймианскому объективизму, он не допускает превращения коллективного сознания в безличную причину, полностью определяющую правовые формы.

Его правовой плюрализм строится на более сложной диалектике: право формируется в пересечении фактической солидарности, коллективных ценностей, свободы участников и конкретных организационных структур. Указанное делает социологию права не приложением к общей теории государства, а самостоятельной дисциплиной, способной объяснять правовые порядки там, где государственный взгляд видит лишь «неформальные практики» или «социальные отклонения» [5, с. 13].

Продуктивность концепции в современных условиях связана прежде всего с тем, что она предлагает категориальный аппарат для анализа нормативности за пределами государственно-центристской модели. Сегодня это особенно заметно в сферах, где право фактически распределено между государством, наднациональными режимами, профессиональными сообществами, корпоративными структурами, цифровыми платформами, локальными объединениями и транснациональными сетями. Юридическая теория, ориентированная только на закон и государственный аппарат, с трудом схватывает подобную многослойность. Г.Д. Гурвич же позволяет рассматривать ее как закономерное следствие множественности социальных тотальностей. Его мысль оказывается полезной там, где требуется описать негосударственные нормативные порядки не как аномалию, а как самостоятельную форму юридической жизни, требующую критериев легитимности, соразмерности и согласования с публичным правом.

Объяснительную силу его теория сохраняет при анализе солидарности и промежуточных социальных образований. Современное социальное государство не может эффективно функционировать, если между индивидом и государством отсутствуют устойчивые общности, способные не только представлять интересы, но и порождать внутренние формы ответственности, взаимной поддержки и нормативной координации. Профессиональные объединения, трудовые коллективы, ассоциации пациентов, территориальные сообщества, саморегулируемые организации, университетские корпорации и иные коллективные образования продолжают выполнять именно такую функцию. Через них вырабатываются стандарты поведения, процедуры признания статуса, механизмы распределения обязанностей и способы разрешения конфликтов. Социальное право позволяет увидеть в подобных процессах не периферию правовой системы, а один из ее необходимых слоев [4, с. 43].

Вместе с тем современное прочтение Г.Д. Гурвича требует корректировок. Его уверенность в внутренней нормативной плодотворности социальных общностей сегодня не может приниматься без оговорок. Не всякая социальная интеграция порождает правопорядок, совместимый с требованиями свободы и равенства; не всякая фактическая солидарность заслуживает юридического признания. Закрытые корпоративные структуры, радикализованные идентичности, цифровые сообщества с непрозрачными санкциями, экономически доминирующие платформы или криминальные сети также способны вырабатывать устойчивые нормативные факты. Следовательно, современная рецепция теории должна дополнить ее более жесткими критериями публичной проверки: соответствием основным правам, запретом дискриминации, процедурной открытостью, судебной контролируемостью и принципом недопустимости насильственной изоляции человека внутри коллективного порядка. Иначе правовой плюрализм рискует превратиться в легитимацию фрагментированной власти [1, с. 66].

Современное значение данной философии состоит не в буквальном воспроизведении ее исторических формул, а в сохранении ее объяснительного ядра: право не исчерпывается государством; нормативность возникает в пространстве социальных связей; коллективные образования могут быть самостоятельными носителями юридического смысла; справедливость действует как медиатор между ценностью и позитивным порядком. Коррекции требуются там, где современные условия обнажают риски закрытого коммунитаризма, неравенства внутри групп и коллизий между частными нормативными режимами и универсальными гарантиями прав человека. При этих оговорках философия социального права Г.Д. Гурвича сохраняет высокую методологическую и теоретико-правовую значимость: она

позволяет мыслить право как интегральную, многослойную и ценностно нагруженную реальность, в которой свобода личности и формы коллективной солидарности не исключают, а юридически обусловливают друг друга.

Библиографический список

1. Антонов М.В. Г.Д. Гурвич: проект социологии права / М.В. Антонов. – Текст : непосредственный // Право. Журнал Высшей Школы Экономики. – 2014. – Г.Д. Гурвич. – № 4. – С.63–74.
2. Загирняк, М.Ю. Аксиологические аспекты философии права ГД. Гурвича / М.Ю. Загирняк. – Текст : непосредственный // Вопросы Философии. – 2016. – № 9. – С. 54–62.
3. Загирняк М.Ю. Sobornost and Totality in Georges Gurvitch’s Social Law Doctrine / М.Ю. Загирняк. – Текст : непосредственный // Rudn Journal of Philosophy. – 2021. – Vol. 25. – №1. – P. 130-138. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-130-138.
4. Кадыров Х.Х. Идея социального права Г.Д. Гурвича в контексте проекта этико-правового синтеза русского правоведения конца XIX – начала XX века: критика субъективизма и этатизма правопонимания / Х.Х. Кадыров. – Текст : непосредственный // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – №11(150). – С. 41–45.
5. Лушников А.М. Социальное право и социальные договоры: постановка проблемы / А.М. Лушников, М.В. Лушникова (Орлова). – Текст : непосредственный // Вестник трудового права и права социального обеспечения. – 2016. – № 10. – С. 7–25.

Бабадеева Мария Сергеевна,
магистрант, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону
Анциферова Наталья Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право», ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону

НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ СДЕЛОК: ПРЕДЕЛЫ ПРЕВЕНТИВНОЙ ФУНКЦИИ И РИСКИ КВАЗИСУДЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

В статье рассматривается актуальная проблема расширения сферы обязательного нотариального удостоверения сделок, в частности, предложение о придании нотариальным сделкам с недвижимостью статуса бесспорных. Автор анализирует потенциальные правовые и экономические риски такой инициативы, включая угрозу монополизации нотариата, нарушение принципа свободы договора и конфликт с законодательством о банкротстве. На основе критического подхода обосновывается необходимость сохранения превентивной и обеспечительной функций нотариата без наделения его квазисудебными полномочиями.

Нотариат, нотариальное удостоверение сделок, бесспорность нотариальных сделок, сделки с недвижимостью, превентивная функция нотариата, банкротство и оспаривание сделок, свобода договора, правовые коллизии, судебный контроль, гражданский оборот.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Babadeeva Maria Sergeevna,
Master's program student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Don State Technical University» (DSTU), Rostov-on-Don

Antsiferova Natalya Aleksandrovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Commercial and Entrepreneurial Law , Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Don State Technical University», Rostov-on-Don

NOTARIAL CERTIFICATION OF TRANSACTIONS: LIMITS OF THE PREVENTIVE FUNCTION AND RISKS OF QUASI-JUDICIAL POWERS

This article examines the pressing issue of expanding the scope of mandatory notarial certification of transactions, specifically the proposal to grant incontestable status to notarial real estate transactions. The author analyzes the potential legal and economic risks of such an initiative, including the threat of monopolization of the notary profession, the violation of the principle of freedom of contract, and the conflict with bankruptcy legislation. Based on a critical approach, the need to preserve the preventive and security functions of the notary profession without granting it quasi-judicial powers is substantiated.

Notary profession, notarial certification of transactions, incontestability of notarial transactions, real estate transactions, the preventive function of the notary profession, bankruptcy and challenging of transactions, freedom of contract, legal conflicts, judicial review, civil circulation.

Актуальность темы исследования обусловлена значительной ролью нотариата в правовой системе Российской Федерации. В последние годы прослеживается устойчивая тенденция к унификации и централизации ряда вопросов, связанных с совершением сделок, в том числе посредством расширения сферы обязательного нотариального удостоверения. Хотя подобная политика законодателя в целом направлена на повышение стабильности гражданского оборота и защиту прав граждан, она порождает ряд дискуссионных вопросов.

Первостепенными из них как нам представляется – являются вопросы о соразмерности и целесообразности такого расширения, а также о том, насколько современное законодательство успевает адаптироваться к быстро меняющейся практике и новым реалиям. Все эти вопросы активно обсуждаются в научной и профессиональной среде, оказывая влияние в том числе на развитие правоприменения.

Особая актуальность темы нотариальных сделок связана также с их социальным восприятием, поскольку для рядового гражданина нотариально удостоверенная сделка зачастую представляется весомой гарантией законности и безопасности, инструментом, который позволяет минимизировать риски возникновения негативных правовых последствий. Если говорить более структурно, то удостоверение сделок как нотариальное действие направлено на достижение нескольких взаимосвязанных целей, среди которых

обеспечение соответствия содержания сделки действительным намерениям и правам сторон, фиксируя их взаимные обязанности, далее подтверждение подлинности и осознанность волеизъявления участников, проверяя их дееспособность и отсутствие пороков воли, и немаловажно, то, что данная процедура является формой реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ), поскольку нотариус разъясняет сторонам правовые последствия их действий. [1] Особого внимания заслуживает малозаметная, но тем не менее одна из важнейших функций нотариата – это превенция, которая в сущности служит защите прав и законных интересов граждан и организаций, а также предотвращению потенциальных нарушений закона на самой ранней стадии. [5, с. 170]

Однако в современных правовых реалиях эффективность нотариального удостоверения сделок невозможно оценивать изолированно от правоприменительной практики, в первую очередь, от деятельности судов общей юрисдикции, так как именно на стыке нотариального действия и последующего судебного контроля нередко возникают сложности и правовые коллизии.

Перед тем как непосредственной перейти к сути, излагаемой нами проблемы, необходимо подчеркнуть, что гражданское законодательство в частности ст. 163 ГК РФ предусматривает, что сделка порождает определённые правовые последствия, например, как переход имущественных прав, возникновение и прекращение обязательства и пр., иными словами мы их можем обозначить как первичные. [2] Вторичные (охранительные) – это последствия не самой сделки, а её нарушения, т.е. реституция, взыскание убытков, применение последствий недействительности сделки.

Особую остроту в контексте нотариального удостоверения в настоящее время приобрели сделки с недвижимостью. Дискуссию вокруг них активизировало высказывание члена Федеральной нотариальной палаты А. Сагина в издании «Ведомости» о целесообразности введения «принципа бесспорности нотариальной сделки». [6] На первый взгляд, эта инициатива находит некоторое обоснование в проблемах правоприменения, ярко проявившихся, например, в известном деле Долиной и Лурье, в рамках которого суды нескольких инстанций последовательно допускали существенную процессуальную ошибку, квалифицируя сделку по статье 178 ГК РФ (Недействительность сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения), тогда как Верховный Суд РФ указал на необходимость применения статьи 177 ГК РФ (сделка, совершенная гражданином, не способным понимать значение своих действий) на основании судебно-психиатрической экспертизы, проведённой исключительно в рамках гражданского процесса. И к нашему сожалению, добросовестный приобретатель недвижимости до сих пор остаётся в зоне риска. [4]

Однако предложение о придании нотариальным сделкам с недвижимостью статуса бесспорных представляется не только преждевременным, но и содержащим потенциальные системные противоречия. Прежде всего, подобная реализация может быть рассмотрена как усиление монопольного положения нотариата на огромном рынке (объём которого оценивается в триллионы рублей), что требует анализа экономических последствий и уровня и без того высоких нотариальных тарифов.

Другая проблема – это сама правовая конструкция «бесспорности», согласно озвученной позиции, она основывается на проверке нотариусом добровольности и честности, и само собой возникает закономерный вопрос о пределах и инструментах такой проверки. Нотариус не обладает бесконечными возможностями для выявления всего спектра обстоятельств, способных привести к оспариванию сделки в будущем. Речь идёт не только об основаниях, закреплённых в ГК РФ, но и, что особенно важно, о специальных основаниях для признания сделок недействительными, предусмотренных законодательством о несостоятельности (банкротстве) (ст. 61.2, 61.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). [3]

Нотариус не в состоянии достоверно установить, например, ведётся ли уже спор в третейском суде, находятся ли стороны на стадии досудебного урегулирования конфликта с кредитором или осуществляется ли отчуждение имущества лицом, в отношении которого

может быть возбуждено уголовное дело. Если сделка, удостоверенная нотариусом, получит иммунитет от оспаривания, это может привести к двум негативным сценариям: либо институт оспаривания сделок в банкротных делах будет фактически ликвидирован (в ущерб интересам кредиторов и государства), либо судебные споры трансформируются в массовые иски о возмещении убытков к самим нотариусам.

Ещё одним значимым риском, сопутствующим идее придания нотариальным сделкам особого статуса, является потенциальное нарушение фундаментального принципа гражданского права – свободы договора (ст. 421 ГК РФ).

В обычных условиях, пока гражданин добросовестно исполняет обязательства или не имеет долгов, этот принцип действует в полной мере, позволяя сторонам самостоятельно определять условия своего соглашения. Однако при возникновении финансовых трудностей и признаков несостоятельности правовой режим его сделок кардинально меняется – они становятся уязвимыми для оспаривания со стороны кредиторов в соответствии с законодательством о банкротстве.

Возникает следующая правовая коллизия, так для нотариуса, удостоверяющего сделку здесь и сейчас, эти два состояния лица – «стабильное» и «проблемное» – зачастую неразличимы, поскольку не обладая полной и абсолютной информацией о начавшемся, но ещё не формализованном споре с кредитором или о скрытой долговой нагрузке, нотариус оказывается в ситуации профессионального риска, иными словами в случае, если впоследствии сделка будет оспорена, а на нотариуса или систему гарантий будет возложена обязанность по возмещению убытков, закономерным будет его стремление минимизировать этот риск.

На практике это может выразиться в излишне осторожной, консервативной позиции, когда нотариус будет настаивать на включение в договор определённых, максимально стандартизированных и «безопасных» с правовой точки зрения условий, либо откажется удостоверять сделку с нестандартными договорённостями, которые, однако, полностью соответствуют воле сторон. Следовательно, превентивная функция, целью которой является защита, может трансформироваться в неправомерное вмешательство в автономию воли сторон, в результате этого угрозу может быть поставлена сама суть принципа свободы договора, что представляет собой системный изъян предлагаемой модели.

На основе проведённого анализа представляется обоснованной сдержанно-критическая позиция в отношении идеи придания нотариальным сделкам статуса бесспорных. Основные контраргументы можно сформулировать следующим образом:

1. Необходим взвешенный подход, избегающий крайностей, под этим мы подразумеваем, что отдельные проблемные случаи из судебной практики, сколь бы показательными они ни были, не должны служить основанием для радикального пересмотра устоявшихся институтов. Вне каких-либо сомнений, обязательное нотариальное удостоверение оправдано для отдельных категорий социально значимых сделок, повышая уровень правовой защищённости сторон, но установление нотариальной монополии на весь оборот недвижимости представляется сомнительным. Помимо прочего, это создаст неоправданную финансовую нагрузку на граждан, исключив любую рыночную конкуренцию, которая традиционно служит стимулом для повышения качества услуг.

2. Следует однозначно определить цель нотариального действия. Из всего ранее нами рассмотренного видится, что первостепенной задачей нотариуса при удостоверении сделки является установление подлинности воли сторон, проверка их дееспособности и разъяснение правовых последствий. Превращение нотариального акта в универсальную «индульгенцию», ограждающую сделку от любых будущих рисков, включая оспаривание в процедурах банкротства, является необоснованным расширением его функции и может подорвать стабильность оборота.

3. Принципиально важно соблюдать разграничение компетенций между нотариатом и судом. Нотариус не должен и не может подменять собой правосудие. Судебная система, с её многоуровневой процедурой, предназначена для разрешения споров и передача нотариусу полномочий по принятию окончательных, неоспоримых решений лишена легитимности.

Подлинно благородной и социально полезной миссией нотариата является превентивная работа: профилактика правовых рисков и формирование бесспорной доказательственной базы, которая в случае возникновения конфликта будет предметом оценки непосредственно в суде.

Таким образом, подводя итог, можно с уверенность. утверждать, что развитие института нотариата должно идти по пути усиления его классических превентивных и обеспечительных функций, а не по пути наделения его несвойственными квазисудебными полномочиями, способными нарушить ныне существующую (и в определённой степени и без того шаткую) гражданско-правовую модель регулирования.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: [текст с изм. и доп. на 06.10.2022] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Текст : электронный. – URL: www.pravo.gov.ru. – 06.10.2022 – № 0001202210060013.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025). – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2025 года № 5-КГ25-174-К2. – Российская газета. – Текст : электронный. – URL: https://rg.ru/documents/2025/12/18/opredelenie-vs-rf-dolina-lure-site-dok.html?ysclid=ml96z6p16g105417837 (дата обращения: 31.01.2026).
5. Климкина Д.В. Нотариальная форма сделок: проблемы теории и практики / Д.В. Климкина. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 11 (562). – С.170–172.
6. В Общественной палате рассказали, как защититься от «схемы Долиной» // Ведомости. – – Текст : электронный. – URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/12/09/1161850-kak-zaschititsya-ot-dolinoi (дата обращения: 31.01.2026).

Бабадеева Мария Сергеевна,
магистрант, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов на-Дону
Смоленский Михаил Борисович,
доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры «Гражданское право», ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российская таможенная академия» (Ростовский филиал, г. Ростов-на-Дону)

БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ НЕДВИЖИМОСТИ: НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ

В статье исследуются возможности и перспективы применения блокчейн-технологий в сфере недвижимости для защиты прав собственности. Рассматриваются основные принципы работы блокчейна и их влияние на совершенствование системы регистрации прав на недвижимое имущество. Анализируются нормативно-правовые акты, регулирующие внедрение цифровых технологий в реестровую систему, а также международный опыт использования блокчейна в данной области. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения безопасности транзакций, прозрачности правообладания и невозможности фальсификации данных. Исследованы современные тенденции развития законодательства о недвижимости с учетом цифровых инноваций, такие как электронная регистрация прав, смарт-контракты и крипто-ипотека. Предложены практические рекомендации по внедрению блокчейн-технологий в существующую систему оборота недвижимости с учетом требований гражданского законодательства.

Блокчейн-технологии, права собственности, недвижимость, цифровая регистрация прав, электронный реестр, защита прав собственности, смарт-контракты, крипто-ипотека, цифровизация процессов, прозрачность правообладания, безотзывность записи, информационная безопасность, электронная сделка, реестр недвижимости, цифровые технологии в праве, международный опыт внедрения, судебная защита прав, неизменяемость данных.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Babadeyeva Maria Sergeevna,
Master's Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Don State Technical University» (DSTU), Rostov-on-Don
Smolensky Mikhail Borisovich,
Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law, Donskoy State Technical University,
Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
State Public Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy" (Rostov branch), Rostov-on-Don

BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES IN REAL ESTATE: A NEW DIMENSION OF PROPERTY RIGHTS PROTECTION

This article examines the possibilities and prospects of applying blockchain technologies in the real estate sector for the protection of property rights. The main principles of blockchain operation and their impact on improving the system of property registration are considered. Normative and legal acts regulating the implementation of digital technologies in the registry system, as well as international experience in using blockchain in this field, are analyzed. Special attention is paid to issues of transaction security, transparency of ownership, and the impossibility of data falsification. Modern trends in the development of real estate legislation, taking into account digital innovations such as electronic property registration, smart contracts, and crypto-mortgage, are explored. Practical recommendations for implementing blockchain technologies in the existing real estate turnover system, in accordance with civil law requirements, are provided.

Blockchain technologies, property rights, real estate, digital property registration, electronic registry, protection of property rights, smart contracts, crypto-mortgage, digitization of processes, ownership transparency, irrevocability of records, information security, electronic transactions, real estate registry, digital technologies in law, international implementation experience, judicial protection of rights, immutability of data.

Бурное развитие цифровых технологий оказывает значительное влияние на различные сферы общественной жизни, включая рынок недвижимости. Особую роль в этом процессе играют блокчейн-технологии, которые способны кардинально изменить систему защиты прав собственности и оптимизировать процедуры совершения сделок [6]. Применение

блокчейна в сфере недвижимости не только повышает прозрачность и безопасность операций, но и решает актуальные проблемы, такие как мошенничество, бюрократические проволочки и недостаток доверия к традиционным системам регистрации прав.

В данной статье рассматриваются возможности использования блокчейн-технологий в рамках российского законодательства, анализируются существующие проблемы и предлагаются практические рекомендации по совершенствованию правового регулирования в этой области.

Блокчейн представляет собой децентрализованную цифровую базу данных (реестр), которая записывает информацию в виде последовательно связанных блоков. Каждый блок содержит данные о транзакции, уникальный хэш-код предыдущего блока и временные метки[3]. Такая архитектура обеспечивает следующие ключевые характеристики:

Прозрачность: все участники сети имеют доступ к полной истории изменений.

Независимость: отсутствие центрального органа управления исключает возможность манипуляций со стороны третьих лиц.

Иммутабельность: после записи данных их невозможно изменить или удалить без согласия всех участников сети.

Безопасность: шифрование и распределенная структура защищают информацию от несанкционированного доступа.

Эти свойства делают блокчейн идеальным инструментом для решения задач, связанных с регистрацией прав на недвижимость. На данный момент в России действует Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), который является основным инструментом учета прав на объекты недвижимости. Однако существующая система имеет ряд недостатков:

Бюрократические барьеры: длительные сроки оформления документов и необходимость личного присутствия сторон сделки.

Риск мошенничества: возможность подделки документов или манипуляций с данными при наличии внутренних сговоров.

Отсутствие полной автоматизации: многие процессы все еще требуют ручного вмешательства, что увеличивает вероятность ошибок.

Ограниченная доступность информации: некоторые данные доступны только через специальные запросы, что усложняет проверку чистоты сделки.

Внедрение блокчейн-технологий может существенно улучшить работу ЕГРН, устранив перечисленные проблемы.

Говоря о преимуществах применения блокчейна в сфере недвижимости, стоит выделить следующее:

1. Автоматизация процессов

С использованием блокчейна можно создать полностью автоматизированную систему регистрации прав, где все этапы – от подачи заявления до завершения сделки – будут происходить онлайн. Это сократит время обработки документов и минимизирует участие человеческого фактора.

2. Повышение безопасности

Благодаря иммутабельности данных, блокчейн исключает возможность изменения или подделки информации после её записи в реестр. Это значительно снижает риск мошенничества и гарантирует достоверность данных.

3. Прозрачность правообладания

Каждый участник рынка сможет получить доступ к полной истории изменений прав на конкретный объект недвижимости. Это позволит покупателям уверенно проверять «чистоту» сделки перед её заключением.

4. Экономическая эффективность

Уменьшение административных затрат и исключение посредников приведет к снижению стоимости услуг по регистрации прав. Кроме того, использование смарт-контрактов (автоматически исполняемых договоров) позволит исключить дополнительные расходы на юридическое сопровождение[4].

Также, существуют практические примеры применения блокчейна в недвижимости. Мировой опыт демонстрирует успешное внедрение блокчейн-технологий в различных странах. Например:

В США компания Propy разработала платформу для проведения международных сделок с недвижимостью с использованием блокчейна. В Швеции создан пилотный проект Land Registry, который позволяет регистрировать права на землю в цифровом формате. В Эстонии действует полноценная система электронного документооборота, основанная на блокчейне, которая охватывает все сферы государственного управления, включая недвижимость.

Эти примеры показывают, что блокчейн-технологии уже доказали свою эффективность на практике.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение блокчейна в систему регистрации прав на недвижимость сталкивается с рядом препятствий:

Правовые пробелы: текущее законодательство не предусматривает механизмы регулирования блокчейн-систем.

Техническая сложность: необходимость модернизации существующей IT-инфраструктуры для перехода на новые технологии.

Отсутствие единого стандарта: различные блокчейн-платформы могут быть несовместимы друг с другом.

Сопротивление консервативных кругов: некоторые участники рынка могут выступать против изменений из-за опасений потери контроля или доходов.

Для успешного внедрения блокчейн-технологий в сферу недвижимости необходимо принять следующие меры:

Разработка нормативно-правовой базы: создание специальных законов, регулирующих применение блокчейна в реестровых системах.

Формирование единого стандарта: установление общих правил создания и функционирования блокчейн-платформ для недвижимости.

Обеспечение информационной безопасности: внедрение современных методов защиты данных, соответствующих требованиям ФЗ-152 «О персональных данных».

Проведение пилотных проектов: организация экспериментов в регионах для тестирования новых технологий и выявления возможных проблем.

Образовательные программы : обучение специалистов работе с блокчейн-системами и повышение осведомленности граждан о преимуществах цифровых технологий.

Блокчейн-технологии открывают новые горизонты в защите прав собственности на недвижимость, предлагая надежные и эффективные решения для модернизации существующей системы. Однако для их успешного внедрения требуется комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, техническую модернизацию и активное взаимодействие всех участников рынка. Реализация этих мер позволит создать современную, прозрачную и безопасную систему управления недвижимостью, соответствующую требованиям XXI века.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21.10.1994) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 24.02.2025). – Текст : электронный.
2. О государственной регистрации недвижимости : Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29. – Ст. 4306. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 24.02.2025). – Текст : электронный.
3. О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3449. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 24.02.2025). – Текст : электронный.

4. Абрамова Е.В. Блокчейн и цифровые технологии в сфере недвижимости: правовые аспекты / Е.В. Абрамова. – Текст : непосредственный // Право и экономика. – 2022. – № 4. – С. 35–42.
5. Беляев И.А. Современные тенденции развития реестровых систем на базе блокчейн-технологий / И.А. Беляев. – Текст : непосредственный // Юридический мир. – 2021. – № 8. – С. 12–18.
6. Волков Д.С. Цифровизация рынка недвижимости: международный опыт и перспективы для России / Д.С. Волков. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2022. – № 2. – С. 78–86.
7. Ковалева М.А. Защита прав собственности в условиях цифровой трансформации: теоретические и практические аспекты / М.А. Ковалева. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 2021. – № 6. – С. 45–53.

Баккуев Азнаур Хусеевич,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В данной статье автор анализирует, каким образом в отечественном законодательстве досоветского периода возникла и совершенствовалась норма, предусматривающая ответственность за доведение до самоубийства, в том числе несовершеннолетних. Отмечается, что криминализация доведения до самоубийства несовершеннолетнего исторически обусловлена религиозным влиянием оценки данного явления на светское право. Начиная с правления Петра I, изменилась иерархия ценностных ориентаций общества, ребёнок признается ценностью, требующей уголовно-правовой охраны наравне со всеми. В этот период церковь подчиняется государству, в результате самоубийство, находившееся до этого в ведении церковного суда, перешло в позитивное право.

Самоубийство, доведение до самоубийства, несовершеннолетний.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Bakkuev Aznaur Huseevich,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

FORMATION AND DEVELOPMENT OF CRIMINAL LEGISLATION ON RESPONSIBILITY FOR DRIVING A MINOR TO SUICIDE IN THE PRE-SOVIET PERIOD

In this article, the author analyzes how the norm providing for responsibility for driving to suicide, including minors, arose and improved in the domestic legislation of the pre-Soviet period. It is noted that the criminalization of driving a minor to suicide has historically been conditioned by the religious influence of the assessment of this phenomenon on secular law. Since the reign of Peter the Great, the hierarchy of value orientations of society has changed, the child is recognized as a value that requires criminal protection on an equal basis with everyone. During this period, the church was subordinate to the state, and as a result, suicide, which had previously been under the jurisdiction of the church court, became a positive right.

Suicide, suicidal, minor.

Российская Федерация, реализуя свою социальную политику, гарантирует поддержку семьи, материнства и детства, предпринимает меры по формированию и обеспечению комфортной и доброжелательной среды для жизни детей. Интересы детства в настоящее время выступают государственным национальным приоритетом, что подтверждается реализацией масштабного комплекса мероприятий, приуроченных к Десятилетию детства. Однако, несмотря на предпринимаемые государством меры в условиях затянувшегося экономического кризиса, утраты прежних нравственных ценностей, наличия угроз насилия как в семье, так и в школе, влияния деструктивной информации, распространяющейся в сети «Интернет», дети по-прежнему остаются самой уязвимой категорией населения [1, с. 85]. К сожалению, Россия занимает одно из лидирующих мест в мире по количеству распространенности самоубийств среди несовершеннолетних. При этом получить более полную картину суицидального поведения несовершеннолетних не представляется возможным в виду отсутствия единой системы регистрации незавершенных суицидальных актов.

Отечественное уголовное законодательство предусматривает ответственность за доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), склонение к самоубийству или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ), организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ). Однако сложившиеся нормы прошли длительный путь эволюции.

В зависимости от этапа развития общества, становления религии, идеологии менялось отношение к самоубийству, к детям, их правам и обязанностям, система воспитания, поощрения и наказания, роли в семье и обществе. Известны случаи, когда на Руси в отдельных племенах сложились обычаи, либо воспринималось как приемлемое поведение действия, направленные на лишение жизни самого себя или своего ребенка. Так, например, существовало правило, согласно которому в многодетных семьях матери могли убивать новорожденных дочерей, оставляя при этом сыновей, так как они являлись защитниками. По другому обычаю жены-славянки после гибели мужа совершали самоубийство, сжигая заживо себя на костре, поскольку считалось, что вдова бесчестила семейство [4, с. 32].

До середины XIX века общественные отношения регулировались нормами как обычного права, так появляющимися отдельными нормативными правовыми актами, такими как Русская правда, Судебники 1497, 1550, 1589 гг., Соборное Уложение 1649 года, церковные уставы Великих князей, Кормчая книга и т.д.

После принятия христианства на Руси самоубийство и жестокое отношение к детям стали считаться грехом. Такое изменение отношения к самоубийству предопределило развитие нормы, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства, в том числе несовершеннолетнего. О запрете самоубийства упоминалось в таких документах как Устав князя Ярослава о церковных судах (X–XIII вв.), который предусматривал ответственность родителей, если дети совершат самоубийство по причине замужества или женитьбы против их воли; Двинская уставная грамота (1397 г.) приравнивала к убийству самоубийство и закрепила под указанными деяниями термин «душегубство».

В Соборном Уложении 1649 года самоубийство приравнивалось к убийству и считалось уголовно наказуемым деянием. Во времена правления Петра I изменилась иерархия ценностных ориентаций общества, ребёнок признается ценностью и требует уголовно-правовой охраны прав, свобод и интересов наравне со всеми. В этот период церковь подчиняется государству, в результате чего самоубийство, находившееся ранее в ведении церковного суда, перешло в правовое поле светского права. Артикул Воинский 1716 года уравнивал ответственность за детоубийство и убийство родителей, предусматривалось наказание в виде смертной казни, однако оно смягчалось, если убийство было «результатом воспитания ребёнка» [2, с. 24]. В это же время внимание уделяется уровню и качеству воспитания молодежи, устанавливается ответственность за небрежное исполнение родительских обязанностей по обучению детей, предпринимаются меры по «оздоровлению нравственного климата в семье». Кроме того, усиливается наказуемость за самоубийство и покушение на самоубийство: от волочения по улицам до смертной казни. Следует отметить, что впервые в судебной практике учитывалось психическое состояние самоубийцы в момент совершения им самоубийства.

В XIX веке изменилось социальное отношение к детству, родительская власть была ограничена. Уголовное законодательство содержало главы «О наказании за преступления против прав семейственного состояния» и «О непослушании и оскорблении детьми родителей». Таким образом, государство стремилось дисциплинировать лиц, имеющих отношение к воспитанию и содержанию детей. Норма, предусматривающая ответственность за самоубийство и покушение на самоубийство была помещена в главу «О смертоубийстве».

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года была исключена ответственность за самоубийство, совершенное по причине патриотизма, либо необходимости охраны государственной тайны, также, если для женщины являлось возможностью спасти целомудрие и свою честь от насилия (ст. 1474). В этом же документе были заложены законодательные основы закрепления ответственности за доведение до самоубийства: подстрекательство к самоубийству, пособничество ему путем склонения или доставления средств и за иное какое-либо участие в совершении самоубийства (ст. 1475); побуждение подчиненного или вверенного попечению лица к самоубийству путем жестокого обращения (ст. 1476).

В начале XX века законодатель определил возрастные разграничения жертвы: до 12 лет – ребёнок, от 12 до 16 лет – малолетний. В это же время наказуемость самоубийства подверглась критике. Одни ученые доказывали, что юридической обязанности жить не существует, необходимо отграничивать самоубийство от убийства в форме самоубийства, то есть когда самоубийство вынуждено насилием или угрозами, подстрекательством с намерением лишить жизни или пособничество с намерением лишить жизни лица, действовавшего без разумения (малолетнего). Другие считали необходимым декриминализировать деяния в виде покушения на самоубийство, пособничество к нему и за членовредительство. Третьи отмечали, что с юридической точки зрения человек не может с самим собой состоять в каких-либо правоотношениях, поэтому невозможно распространять понятие убийство на самоубийство [3, с. 45].

Проект Уголовного уложения 1903 года исключал из числа преступлений самоубийство, покушение на него и доведение до самоубийства. Действия лица, направленные на побуждение к совершению самоубийства другим лицом, а также в результате соглашения с виновным лицом, были отнесены к преступлениям против жизни. Однако данный документ не стало действующим уголовным законом, в связи с чем инициатива о признании самоубийства и покушения на него ненаказуемым не нашла своего практического воплощения, и наказания за данные деяния следовали вплоть до революции 1917 года.

Таким образом, анализ истории возникновения и формирования в российском уголовном законодательстве нормы, предусматривающей уголовную ответственность за преступное поведение лиц, причастных к самоубийству, появились не сразу. В допетровскую эпоху несовершеннолетний был бесправным. Самоубийство преследовалось по церковным законам. В период правления Петра I церковь подчиняется государству, в результате самоубийство перешло в правовое поле светского права, изменилась иерархия ценностных ориентаций общества, ребёнок признан ценностью, требующей уголовно-правовой охраны наравне со всеми.

Библиографический список

1. Карягина О.В. К вопросу о национальной безопасности России / О.В. Карягина, Е.В. Сенковенко. – Текст : непосредственный // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 9. – С. 85–88.
2. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву / Ю.Е. Пудовочкин. – Санкт-Петербург, 2002. – Текст : непосредственный.
3. Татьянина А.В. Уголовное право. Общая часть / А.В. Татьянина, С.М. Хоменко. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2024. – 156 с. – ISBN 978-5-9201-0170-9. – Текст : непосредственный.
4. Хатуев В.Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство / В.Б. Хатуев. – Москва, 2015. – Текст : непосредственный.

Боброва Валерия Александровна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВАНДАЛИЗМ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются особенности становления и развития уголовной ответственности за вандализм в российском уголовном праве. Проводится анализ исторических этапов формирования соответствующих уголовно-правовых норм – от дореволюционного законодательства до современного периода. Особое внимание уделяется эволюции научных представлений о вандализме в теории уголовного права. Выявляются проблемы правовой природы данного преступления и формулируются предложения по совершенствованию законодательства.

Вандализм, уголовная ответственность, общественный порядок, уголовное право, история законодательства.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Bobrova Valeriya Aleksandrovna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

CRIMINAL LIABILITY FOR VANDALISM: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

The article examines the formation and development of criminal liability for vandalism in Russian law. The author analyzes historical stages of the development of criminal law norms from pre-revolutionary legislation to the modern period. Special attention is paid to the evolution of scientific approaches to vandalism in criminal law theory. The paper identifies the problems of the legal nature of vandalism and proposes ways to improve criminal legislation.

Vandalism, criminal liability, public order, criminal law, history of legislation.

Ретроспективный анализ уголовного законодательства России показывает, что уголовная ответственность за деяния, аналогичные современному вандализму, формировалась постепенно и прошла сложный путь становления. При этом на протяжении длительного времени вандализм не рассматривался как самостоятельный состав преступления, а соответствующие деяния квалифицировались в рамках иных уголовно-правовых норм.

В дореволюционный период нормы, направленные на пресечение действий, связанных с повреждением имущества и осквернением общественно значимых объектов, содержались в различных законодательных актах. Так, в Соборном уложении 1649 года предусматривалась ответственность за повреждение имущества и посягательства на религиозные объекты. При этом данные деяния рассматривались, прежде всего, как посягательства на религиозные устои и собственность, а не как нарушение общественного порядка.

Дальнейшее развитие законодательства нашло отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в котором была предусмотрена более детальная регламентация ответственности за повреждение имущества и осквернение объектов. Однако и в данном нормативном акте отсутствовало выделение вандализма в самостоятельный состав преступления, что свидетельствует о недостаточной разработанности соответствующей категории в уголовном праве.

Важную роль в формировании научных представлений о преступлениях, связанных с повреждением имущества и нарушением общественного порядка, сыграли труды Н.С. Таганцева. По его мнению, повторение преступлений и причинение вреда общественным отношениям усиливают вину преступника и требуют более строгого наказания [3, с. 78]. Указанная позиция фактически предвосхищает современное понимание вандализма как деяния, затрагивающего не только имущественные, но и социальные интересы.

В советский период развитие уголовного законодательства происходило в условиях приоритета охраны социалистической собственности и общественного порядка. Уголовные

кодексы РСФСР 1922 и 1960 годов не содержали самостоятельного состава вандализма, а соответствующие деяния квалифицировались преимущественно как хулиганство. Это объясняется тем, что основное внимание уделялось демонстративному нарушению общественных норм, а не характеру причинённого имущественного вреда.

Вместе с тем, в научной литературе постепенно формировалось понимание необходимости разграничения различных форм антиобщественного поведения. Исследователи отмечали, что не все случаи повреждения имущества могут быть объяснены исключительно хулиганскими мотивами, что создавало предпосылки для последующего выделения вандализма в самостоятельный состав преступления.

Качественно новый этап развития уголовного законодательства связан с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, в котором вандализм впервые был закреплён как самостоятельное преступление. Это свидетельствует о развитии уголовно-правовой политики государства и усложнении системы охраняемых общественных отношений.

Современное уголовное право рассматривает вандализм как преступление против общественного порядка, однако его правовая природа остаётся дискуссионной. В научной литературе отсутствует единый подход к определению объекта данного преступления. Так, А.И. Рарог рассматривает вандализм как форму нарушения общественного порядка [2], тогда как А.В. Наумов указывает на его связь с посягательством на общественную нравственность [4].

Развивая данную позицию, Н.А. Лопашенко обосновывает многообъектный характер вандализма, отмечая, что он затрагивает одновременно общественный порядок, отношения собственности и культурные ценности [5]. Данный подход представляется наиболее обоснованным, поскольку позволяет комплексно оценить общественную опасность рассматриваемого деяния.

Несмотря на законодательное закрепление вандализма, в теории уголовного права сохраняется ряд проблем [6]. Одной из них является отсутствие чёткого определения объекта преступления, что затрудняет его разграничение со смежными составами, прежде всего с хулиганством. Кроме того, использование оценочных категорий, таких как «осквернение», приводит к неоднозначности правоприменительной практики.

Серьёзной проблемой является также отсутствие критериев, позволяющих определить степень общественной опасности деяния. Закон не устанавливает минимальный размер ущерба, необходимый для признания деяния уголовно наказуемым, что может приводить к избыточной криминализации.

В целях совершенствования законодательства представляется целесообразным разработать официальные разъяснения, касающиеся содержания признаков состава вандализма, а также закрепить критерии его разграничения со смежными преступлениями. Кроме того, необходимо учитывать многообъектный характер данного деяния при его уголовно-правовой оценке.

Таким образом, уголовная ответственность за вандализм в российском праве сформировалась в результате длительной эволюции законодательства и научных представлений. Несмотря на достигнутый уровень правового регулирования, сохраняющиеся теоретические и практические проблемы свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития уголовного законодательства и научной доктрины.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [принят Государственной Думой 24.05.1996, одобрен Советом Федерации 05.06.1996]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 17.03.2026).

2. Рарог А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.И. Рарог. – Москва: Проспект, 2023. – 912 с. – ISBN 978-5-392-37745-1. – Текст : непосредственный.
3. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции / Н.С. Таганцев. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. – 823 с. – Текст : непосредственный.
4. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть / А.В. Наумов. – Москва: Норма, 2022. – 784 с. – Текст : непосредственный.
5. Лопашенко Н.А. Преступления против общественного порядка / Н.А. Лопашенко. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 256 с. – Текст : непосредственный.
6. Татьянина А.В. Уголовное право. Общая часть / А.В. Татьянина, С.М. Хоменко. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2024. – 156 с. – ISBN 978-5-9201-0170-9. – EDN UOHQVV. – Текст : непосредственный.

Боброва Валерия Александровна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВАНДАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассматриваются особенности уголовно-правового регулирования ответственности за вандализм в современном российском законодательстве. Анализируются положения уголовного закона, выявляются проблемы квалификации данного преступления и его разграничения со смежными составами. Особое внимание уделяется научным подходам к определению правовой природы вандализма, а также формулируются предложения по совершенствованию законодательства.

Вандализм, уголовная ответственность, общественный порядок, уголовное право, хулиганство, повреждение имущества.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Bobrova Valeriya Aleksandrovna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

FEATURES OF CRIMINAL LAW REGULATION OF LIABILITY FOR VANDALISM IN MODERN RUSSIAN LEGISLATION

The article examines the features of criminal law regulation of liability for vandalism in modern Russian legislation. The provisions of criminal law are analyzed, as well as the problems of qualification of this crime and its differentiation from related offenses. Special attention is paid to scientific approaches to the legal nature of vandalism and proposals for improving legislation are formulated.

Vandalism, criminal liability, public order, criminal law, hooliganism, property damage.

Принятие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года [1] стало переломным моментом в развитии уголовного законодательства, в частности, вандализм впервые был закреплён в качестве самостоятельного состава преступления. Это отражает качественное изменение уголовно-правовой политики и признание того, что общественная опасность соответствующих деяний носит комплексный характер.

Несмотря на своевременность криминализации вандализма в 1996 году, уже на начальном этапе применения статьи 214 УК РФ выявился ряд концептуальных проблем. В научной литературе развернулась дискуссия о непосредственном объекте преступления, соотношении вандализма с хулиганством и умышленным повреждением имущества, а также о содержании оценочных признаков, используемых законодателем.

Особые трудности вызвало толкование понятия «осквернение». Закон не содержит его легального определения, что привело к формированию разнонаправленной судебной практики. В одних случаях суды признают вандализмом нанесение любых посторонних надписей на здания, в других – исходят из необходимости установления их циничного, оскорбительного либо явно антиобщественного характера. Отсутствие единых критериев оценки существенно снижает предсказуемость уголовно-правовой квалификации.

Не менее дискуссионным остаётся признак «общественного места». Его законодательное закрепление носит фрагментарный характер, а в правоприменении используются различные подходы к определению круга таких мест. В результате сходные по фактическим обстоятельствам деяния могут получать различную уголовно-правовую оценку, что противоречит принципу равенства граждан перед законом [2].

Системной проблемой продолжает оставаться и разграничение вандализма со смежными составами преступлений, прежде всего с хулиганством и умышленным уничтожением или повреждением имущества. Практика показывает, что выбор квалификации нередко зависит

не столько от объективных признаков деяния, сколько от оценочного восприятия степени общественной опасности правоприменителем. Это свидетельствует о недостаточной чёткости законодательной конструкции.

Дополнительную актуальность проблеме придают современные формы проявления вандализма. Развитие цифровых технологий привело к распространению так называемого «демонстративного» вандализма, когда ключевым элементом противоправного поведения становится не только повреждение объекта, но и последующая публикация его результатов в сети Интернет. Действующая редакция статьи 214 УК РФ прямо не учитывает данный аспект, что, по мнению ряда исследователей, свидетельствует о её частичной нормативной устарелости.

Криминологические исследования последних лет также указывают на омоложение субъекта вандализма и рост групповых форм совершения таких деяний. Значительная доля преступлений совершается спонтанно, без предварительного планирования, что сближает вандализм с хулиганскими проявлениями, но не устраняет необходимости их чёткого уголовно-правового разграничения.

Не менее важной является проблема определения границ уголовной ответственности. Отсутствие в законе минимального порога общественной опасности приводит к тому, что уголовная ответственность может наступать за деяния, не представляющие значительной общественной опасности. Это свидетельствует о риске избыточной криминализации и необходимости более гибкого регулирования.

В целях совершенствования уголовного законодательства представляется возможным сформулировать следующие предложения.

Во-первых, целесообразно разработать официальное толкование понятия «осквернение», закрепив его признаки на уровне постановления высшей судебной инстанции. Это позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Во-вторых, необходимо нормативно или доктринально закрепить критерии разграничения вандализма и хулиганства, исходя из направленности деяния, характера объекта и способа его совершения.

В-третьих, представляется обоснованным введение дифференциации уголовной ответственности за вандализм в зависимости от степени общественной опасности, включая возможность декриминализации малозначительных деяний с их переводом в сферу административной ответственности.

В-четвёртых, следует учитывать многообъектный характер вандализма при его квалификации, что позволит более точно отражать общественную опасность деяния и обеспечит справедливость уголовно-правового воздействия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современное состояние правового регулирования свидетельствует о необходимости дальнейшего развития данной категории, направленного на устранение выявленных противоречий и повышение эффективности уголовно-правовой защиты общественных отношений.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [принят Государственной Думой 24.05.1996, одобрен Советом Федерации 05.06.1996]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 17.03.2026).
2. Татьянина А.В. Уголовное право. Общая часть / А.В. Татьянина, С.М. Хоменко. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2024. – 156 с. – ISBN 978-5-9201-0170-9. – EDN UOHQVV. – Текст : непосредственный.

Бобрыко Мария Витальевна,
студент ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В АНТИОБЩЕСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

В представленной статье исследуются актуальные вопросы уголовно-правовой оценки деяний, связанных с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность. Автор рассматривает теоретическую коллизию, возникающую при наступлении летального исхода в результате вовлечения, и обосновывает сложность отграничения данных деяний от составов, предусмотренных ст. 109 и ст. 230 УК РФ. В работе анализируются категории легкомыслия и небрежности в контексте неосторожного причинения смерти, а также специфика нормативного определения одурманивающих веществ в сопоставлении с наркотическими средствами и их аналогами.

Несовершеннолетний, вовлечение в антиобщественные действия, одурманивающие вещества, конкуренция норм.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.01.

BobrykoMaria Vitalievna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

INVOLVEMENT OF MINORS IN ANTISOCIAL ACTIVITIES: ISSUES OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

This article examines current issues in the criminal law assessment of acts involving the involvement of minors in antisocial activities. The author examines the theoretical conflict that arises when a fatal outcome occurs as a result of involvement and substantiates the difficulty of distinguishing these acts from the offenses under Articles 109 and 230 of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper analyzes the categories of recklessness and negligence in the context of negligent causing of death, as well as the specifics of the regulatory definition of intoxicating substances in comparison with narcotic drugs and their analogues.

Minor, involvement in antisocial activities, intoxicants, competition of norms.

В российском многонациональном обществе охрана и защита детства являются приоритетным направлением внутренней политики государства, что прямо регламентируется Конституцией РФ. Данный императив предопределяет иерархию ценностей в уголовной политике, где интересы несовершеннолетнего выступают объектом повышенной правовой охраны. Так, несовершеннолетний является особым правовым субъектом, что обусловлено уровнем психофизиологического развития и необходимостью его социальной адаптации [7, с. 11-19]. В отечественной психолого-педагогической науке подчеркивается, что динамика формирования личности в периоды детства и юношества сопряжены с повышенной лабильностью психики и несформированностью волевого самоконтроля. Подражание взрослым в этом возрасте сменяется максимализмом во взглядах и антагонизмом по отношению к родителям в пубертатный период. Повышенная вовлекаемость несовершеннолетних и ориентация на взрослых, также следует отнести к возрастным особенностям ребенка.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 года № 9 [3] под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий понимаются действия лиц, достигших совершеннолетнего возраста, направленные на возбуждение стремлений совершать противоправные или антиобщественные действия. Развивая данную мысль, теории уголовного права указывают на то, что конкретный объект посягательства в ст. 151 УК РФ [1] предопределяет и специфику конструкции ее объективной стороны. Это обусловлено доктринальной установкой, согласно которой качественные характеристики защищаемого блага диктуют выбор законодателем конкретной формы общественно опасного деяния как способа деформации волевой и нравственной сферы личности. Этим подтверждается то, что законодатель выносит общест-

венную нравственность и здоровье подрастающего поколения в категорию благ, требующих безусловной защиты.

В рамках системно-структурного анализа уголовно-правовой нормы превалирует точка зрения, согласно которой данная норма обладает формальным составом, что обусловлено превентивной направленностью [11]. Ключевым моментом для признания деяния оконченным является не наступление пагубных последствий для здоровья, а сам факт совершения ребенком антиобщественных действий под влиянием субъекта преступления. Преступление считается завершенным в тот момент, когда несовершеннолетний фактически приступает к употреблению спиртного или одурманивающих веществ.

Пунктом 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 года № 9 установлено: антиобщественными действиями признается систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством. Если последствия не наступили не по причине виновных обстоятельств, то их действие может быть квалифицировано специалистами по ч. 1 ст. 3 ст. 30 УК РФ. Данная юридическая конструкция подчеркивает стадийность совершения преступления, где неоконченное вовлечение сохраняет свою общественную опасность в силу направленности умысла на деформацию личности несовершеннолетнего. Для глубокого понимания механизма противоправного влияния в доктрине выделяется специальный инструментарий, и поэтому необходимость определения понятия «вовлечение» обусловлена исследованием правонарушений, связанных с привлечением несовершеннолетних в антиобщественных действиях. Согласно Федеральному закону от 24.06.1999 № 120-ФЗ [2], антиобщественные действия – это «действия в виде систематического употребления наркотических средств, психотропных и (или) одурманивающих веществ, алкогольной продукции». В теории уголовного права предусмотрено, что вовлечение в употребление одурманивающих веществ следует отличать от употребления наркотических веществ.

Если ст. 151 УК РФ оперирует понятием «одурманивающие вещества», то ст. 230 УК РФ направлена на пресечение склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Такое разграничение опирается на принцип юридической определенности и различия в предмете преступного посягательства, имеющем разную степень общественной опасности. Под «аналогами» наркотических веществ в ст.230 УК РФ законодательный орган понимает вещества, не включенные в основные списки, но имеющие схожую химическую структуру и психоактивное действие. Перечень наркотических средств составлен в постановлении руководства РФ от 30.06.98 № 681 [4], но одурманивающие вещества содержатся в отдельном списке, содержащимся в Постановлении Правительства РФ от 24.07.2021 № 1259 «Об утверждении перечня одурманивающих веществ» [6].

Исходя из комплексного анализа данной нормы, а также критериев для включения объектов в список одурманивающих веществ утвержденных ПККН 9 октября 1996 года под одурманивающими веществами понимаются субстанции, вызывающие при немедицинском потреблении состояние измененного сознания и физиологической интоксикации, но не включенные в реестр наркотических средств. В представленном списке Правительства содержатся такие препараты, как закись азота (оксид азота (I), динитрогена оксид), ксенон, смесь дифенгидрамина (димедрола) с этиловым спиртом, смесь доксиламина с этиловым спиртом.

С юридической точки зрения опасность данных веществ заключается в их высокой вовлекающей способности: доступность и иллюзия «безопасности» способствуют быстрому формированию психологической зависимости у несовершеннолетних, что влечет за собой риск совершения ими антиобщественных действий и деградацию правового сознания личности. Медицинское подтверждение опасности данных препаратов основывается на их специфическом воздействии на центральную нервную систему: вдыхание инертных газов (закиси азота и ксенона) приводит к вытеснению кислорода из альвеол легких, вызывая острую гипоксию головного мозга, что чревато необратимым поражением нейронов, отеком мозга и остановкой дыхания. Систематическое употребление закиси азота провоцирует дефицит витамина B12, что ведет к дегенерации спинного мозга (фуникулярному миелозу),

параличам и тяжелой анемии [8]. Смеси антигистаминных препаратов (димедрола, доксиламина) с алкоголем обладают кумулятивным угнетающим эффектом на дыхательный центр, вызывая глубокую кому, острую почечную недостаточность и остановку сердца даже при минимальных дозировках.

Угроза жизни для несовершеннолетних кратно возрастает ввиду незрелости гематоэнцефалического барьера и высокой скорости метаболических процессов, что делает токсическое поражение психики фатальным и стремительным. Официальная статистика и клинические отчеты указывают на ежегодный рост случаев госпитализации подростков с тяжелыми неврологическими нарушениями и летальных исходов, связанных с асфиксией при бесконтрольном вдыхании газов [9, 10]. Таким образом, основным непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное нравственное и социальное развитие несовершеннолетнего, в то время как дополнительным объектом признается физическое здоровье потерпевшего.

Рассматривая проблему деструктивного воздействия на несовершенного, исследователи указывают на теоретическую коллизию: формальный характер состава ст. 151 УК РФ не позволяет в полной мере учитывать те случаи, когда вовлечение приводит к биологической смерти потерпевшего и возникает вопрос о юридической оценке причинной связи между действиями виновного и наступившим исходом. С точки зрения догматики уголовного права, игнорирование тяжких последствий в рамках единого состава порождает неопределенность в оценке степени вины субъекта. В теории уголовного права данная проблема квалифицируется как конкуренция норм и отсутствие законодательного закрепления квалифицированных видов преступления, сопряженных с наступлением производных тяжких последствий.

При возникновении фатальных последствий, позиция Пленума Верховного Суда РФ предписывает учитывать все обстоятельства: способ совершения деяния, поведение виновного и его отношения с потерпевшим [5]. На практике смерть несовершеннолетнего, являющаяся последствием правонарушения, предусмотренного ст.151 УК РФ в части употребления алкогольной продукции и употребления одурманивающих веществ приводит к тому, что смерть ребенка квалифицируется отдельно по ст. 109 УК РФ, что, по мнению ряда ученых, размывает единство преступного посягательства, начатого как умышленное вовлечение. Такой подход к квалификации по правилам реальной совокупности критикуется в науке за искусственное дробление единого по своей социальной сути деяния на самостоятельные составы, что затрудняет адекватное отражение степени общественной опасности совершенного преступления. Таким образом, теоретический разрыв между умышленным характером вовлечения и неосторожной формой вины по отношению к смерти ребенка диктует необходимость разграничения этих психических процессов в рамках единого акта правовой оценки.

На основании проведенного анализа теоретических положений и актуальной судебной практики представляется необходимым подчеркнуть, что концептуальным выходом из сложившейся ситуации является введение квалифицированного состава с четко определенной формой вины. Дополнение ст. 151 УК РФ новой частью, содержащей состав вовлечения несовершеннолетнего в систематическое употребление алкогольной продукции или одурманивающих веществ, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, в полной мере отвечает принципу справедливости. Внедрение данной нормы позволит реализовать доктринальный принцип дифференциации уголовной ответственности в зависимости от тяжести наступивших последствий.

В теории уголовного права подобная юридическая конструкция рассматривается как единое сложное преступление с двумя формами вины, где по отношению к действию (вовлечению) устанавливается умысел, а по отношению к последствию (смерти) – неосторожность. Это позволит исключить неоправданную конкуренцию норм и обеспечить адекватную правовую оценку деяния лица, которое, осознавая пагубность антиобщественного поведения ребенка, допускает риск наступления летального исхода. Точная квалификация и справед-

ливое назначение наказания требуют четкого отграничения неосторожного причинения смерти от умышленного лишения жизни и невиновного причинения вреда. Таким образом, вывод о форме вины должен базироваться на объективных факторах, свидетельствующих о наличии прямой причинно-следственной связи между фактом вовлечения и наступившим общественно опасным исходом.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025): [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2000–2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 29.03.2026).
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 25.12.2023): [принят Государственной Думой 21 мая 1999 года; одобрен Советом Федерации 9 июня 1999 года]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102060377 (дата обращения: 27.03.2026).
3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 9 (ред. от 28.10.2021). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=121021430 (дата обращения: 27.03.2026).
4. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.1998 № 681 (ред. от 22.02.2024). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054110 (дата обращения: 27.03.2026).
5. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102057717 (дата обращения: 27.03.2026).
6. Об утверждении перечня одурманивающих веществ: Постановление Правительства Российской Федерации от 24.07.2021 № 1259: [подписано Председателем Правительства РФ 24 июля 2021 года]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107270020 (дата обращения: 30.03.2026).
7. Балашова Д.О. Вопросы причин смерти по неосторожности / Д.О. Балашова. – Текст : непосредственный // Концепция развития науки третьего тысячелетия : сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14–15 мая 2016 года. – Санкт-Петербург : КультИнформПресс, 2016. – С. 11–19.
8. «Веселящий газ» – вовсе не смешно! : [материалы по профилактике зависимостей] // ФБУЗ «Центр гигиенического образования населения» Роспотребнадзора : [сайт]. – URL: https://cgon.rospotrebnadzor.ru/naseleniyu/zdorovyy-obraz-zhizni/veselyashchiy-gaz-vovse-ne-smeshno/ (дата обращения: 30.03.2026).

9. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2024 году: Государственный доклад: [подготовлен Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека]. – Текст: электронный // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека: официальный сайт. 2024–2026 гг. – URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=28242 (дата обращения: 30.03.2026).
10. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год: Данные судебной статистики по делам об административных правонарушениях и уголовным делам: [сформированы Судебным департаментом при Верховном Суде РФ]. – Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. 2024–2026 гг. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 30.03.2026).
11. Уголовное право. Особенная часть: курс лекций / Г.А. Агаев, Н.В. Баранков, Д.А. Безбородов [и др.] / под ред. Л. В. Готчиной, А. В. Никуленко. – 2-е изд., испр. и доп. – Текст: электронный // Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://univermvd.ru/nauka/izdaniya-universiteta/ (дата обращения: 27.03.2026).

Бобрыко Мария Витальевна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Каменева Полина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СУДЕБНОГО АКТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В представленной статье осуществляется комплексный анализ структурных компонентов судебного акта в гражданском судопроизводстве, охватывающий теоретические подходы к пониманию его функций, практические проблемы формы и содержания, а также вопросы интеграции цифровых технологий в процесс отправления правосудия. Существенное внимание уделено расширенному анализу правоприменительной практики сквозь призму принципа процессуальной экономии. Исследуется проблематика обязательности мотивировочной части судебного решения, баланс между оптимизацией судебной нагрузки и обеспечением права граждан на мотивированный и законный судебный акт.

Судебный акт, судебное решение, правосудие, оптимизация судебной нагрузки.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.27.00.

Bobryko Maria Vitalievna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Kameneva Polina Valerievna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

STRUCTURAL COMPONENTS OF A JUDICIAL ACTS IN CIVIL PROCEEDINGS: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

This article provides a comprehensive analysis of the structural components of a judicial act in civil proceedings, encompassing theoretical approaches to understanding its functions, practical issues of form and content, and the integration of digital technologies into the administration of justice. Considerable attention is devoted to an expanded analysis of law enforcement practice through the prism of the principle of procedural economy. The issue of the mandatory nature of the reasoned part of a judicial decision and the balance between optimizing judicial workload and ensuring citizens' rights to a reasoned and lawful judicial act are explored.

Judicial act, judicial decision, justice, judicial workload optimization.

Судебные акты осуществляют особую роль в правовом регулировании и выступают в системе средств правового воздействия на общественные отношения как важнейший инструмент, обеспечивающий нормальное функционирование и развитие социальных связей. Именно посредством правовых актов государственных органов реализуются компетенции судебной власти, и проявляется само существо права [6]. Судебные решения в данной парадигме представляют собой акт правосудия, выносимый именем Российской Федерации посредством волевого решения судьи соответствующего нормам процессуального и материального права, направленный на защиту прав и охраняемых законом интересов граждан через непосредственное отправление правосудия, осуществляемого в непосредственно к конкретным лицам и организациям. Решение суда является не только актом-действием, но и процессуальным документом, содержание которого строго определено нормами ГПК РФ. Конституция Российской Федерации в части 1 статьи 46 гарантирует каждому судебную защиту прав и свобод, устанавливая механизм, при котором суд обязан принимать законные и обоснованные акты, являющиеся формой выражения государственной воли [1]. Законодатель строго определил форму судебного решения, допуская его изложение в письменном виде либо в форме электронного документа.

В доктрине процессуального права функции судебных актов традиционно подразделяются на общие, присущие всем правовым актам, и специальные, выражающие специфические черты конкретной разновидности правоприменительной деятельности. Как отмечает Н.Е. Молодкин, функции судебных актов классифицируются на социальные, выражающие их предназначение в решении общественных задач, заключающихся в регулировании общественных отношений, посредством отправления правосудия, и собственно юридические, показывающие роль актов непосредственно в механизме правового регулирования и

реализации норм [7]. В свою очередь, О. К. Шопина подчеркивает, что функции вытекают из природы судебных актов и направлены на осуществление стоящих перед ними задач, выделяя правообеспечительную функцию и функцию индивидуального регулирования [9]. Д. С. Семикин дополняет данную классификацию, относя к общим функциям регулятивную, информационную, превентивную и воспитательную, что свидетельствует о многоаспектности судебного акта как правового феномена [8]. Исходя из того, что правовая природа судебных актов не однородна, и каждый вид судопроизводства в отдельности имеет свои специфические особенности, отражающиеся в судебных актах. Как следствие неодинаковы и функциональные предназначения судебных актов, в зависимости от вида судопроизводства, что непосредственно влияет на структуру судебных решений.

В доктрине процессуального права, судебное разбирательство разделено на стадии, соответствующее отражение которых зафиксированы в судебном акте, но судебное решение как процессуальный документ шире по содержанию, чем одноименное судебное действие, поскольку в нем излагается не только ответ суда в отношении основных требований, но и разрешение иных поставленных перед судом вопросов, четкая и последовательная информация о событиях и действиях участников, доказывании, на основании которой возможно воссоздание картины движения процесса с самого начала до окончания. В классической форме, закрепленной Гражданским процессуальным кодексом судебный акт состоит из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей, выполняющих свою функцию [4].

Вводная часть содержит формальные реквизиты: дату и место принятия решения, наименование суда, состав суда, секретаря судебного заседания, а также сведения об участниках процесса и предмете спора. Основная функция данной части заключается в идентификации документа, суда и участников процесса, что позволяет точно определить, к какому делу относится решение и когда оно было вынесено. Описательная часть излагает суть дела с позиций участников процесса, фиксируя требования истца, возражения ответчика и объяснения других лиц; она создает «портрет» спора глазами его сторон, позволяя понять суть противоречий и аргументацию до правовой оценки судом. Мотивировочная часть является ключевой аналитической составляющей, в которой суд указывает установленные обстоятельства дела, доказательства, а также доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства; законы, которыми руководствовался суд. Если ответчик признал иск, то в мотивировочной части решения суда может быть указано только на признание иска и принятие его судом. В случае отказа в иске, в связи с признанием уважительными причин пропуска срока исковой давности или срока обращения в суд, в мотивировочной части. Резолютивная часть содержит итоговый вывод суда об удовлетворении или отказе в иске (полностью или частично), а также указание на распределение судебных расходов и порядок обжалования. Она представляет собой окончательный вердикт, подлежащий обязательному исполнению и определяющий права и обязанности сторон после вступления решения в законную силу.

В контексте содержания судебного акта наиболее дискуссионным элементом выступает мотивировочная часть, справедливо именуемая доктриной базой решения суда. Именно в этой части суд излагает свои мотивы, результаты оценки доказательств и правовые нормы, на которых основаны окончательные выводы. Однако в целях оптимизации судопроизводства законодатель последовательно реализует принцип процессуальной экономии. Так Федеральным законом от 04.03.2013 № 20-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ГПК РФ были внесены изменения, согласно которым мировые судьи, а также судьи, рассматривающие дела в порядке упрощенного производства, освобождаются от обязанности составлять мотивированное решение при отсутствии соответствующего заявления от лиц, участвующих в деле. Данная процессуальная революция, как отмечают представители высших судебных инстанций, направлена на избавление судейского корпуса от бессмысленной работы по составлению объемных текстов по бесспорным делам, что позволяет перенаправить интеллектуальные ресурсы на

разрешение сложных правовых конфликтов [3]. Однако, на Наш взгляд, данная тенденция ставит под сомнение обоснованность итогового акта. Ведь именно мотивировочная часть судебного решения обосновывает правильность и законность вынесенного судьей решения и из этого очевиден окончательный вывод суда. И только в случае наличия мотивировочной части решение суда может считаться обоснованным.

Анализ правоприменительной практики по вопросам процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве демонстрирует сложный дуализм данного правового явления. С одной стороны, институты приказного и упрощенного производства, а также право мирового судьи оглашать исключительно резолютивную часть решения, колоссально снижают нагрузку на судебную систему и ускоряют процесс восстановления нарушенных прав. Практика показывает, что по значительному массиву дел стороны действительно не заинтересованы в изучении мотивировочной части, и их удовлетворяет исключительно исполнимость судебного акта. С другой стороны, чрезмерное увлечение идеями процессуальной экономии порождает серьезные риски для фундаментального принципа законности и обоснованности судебного постановления. Правоприменительная практика судов апелляционной и кассационной инстанций свидетельствует о том, что отсутствие мотивировки на первоначальном этапе рассмотрения спора зачастую скрывает судебные ошибки в оценке фактических обстоятельств. В ситуациях, когда сторона пропускает краткий срок для подачи заявления о составлении мотивированного решения, она фактически лишается возможности полноценно аргументировать свою жалобу в вышестоящей инстанции, так как логика правоприменителя остается скрытой за лаконичными формулировками резолютивной части.

Более того, практика применения упрощенных процедур выявила проблему формального подхода к исследованию доказательств. Высшие судебные инстанции неоднократно обращали внимание на недопустимость принесения качества правосудия в жертву процессуальной скорости, подчеркивая, что принцип процессуальной экономии не может умалять право на справедливое судебное разбирательство. Если от участника процесса поступает ходатайство о составлении мотивированного решения, суд обязан изготовить его в строгом соответствии с требованиями материального и процессуального права, детально обосновав каждый свой вывод. Таким образом, правоприменительная практика формирует устойчивый вектор: процессуальная экономия выступает эффективным инструментом управления судебной нагрузкой лишь в тех случаях, когда между сторонами отсутствует реальный правовой спор, однако при малейших признаках правового конфликта приоритет должен безоговорочно отдаваться полноте, всесторонности и мотивированности судебного акта, составляющего основу доверия общества к судебной власти.

Еще одним практическим направлением в эпоху информационного общества стала перспектива внедрения элементов искусственного интеллекта в процесс подготовки судебных актов. Искусственный интеллект на современном этапе технологического развития способен создавать проекты судебных решений и многое другое. На этот счет существует множество противоречивых мнений теоретиков. С одной стороны, данная техническая поддержка органам правосудия позволит в полной мере реализовать принцип беспристрастности, посредством устранения предвзятости, личной заинтересованности. С другой же стороны, искусственному интеллекту чужды понятия, свойственные человеческому сознанию, такие как гуманность и справедливость, требуемые процессуальным законом для оценки доказательств. Так как нормы гражданского кодекса в большинстве своем не являются императивными, то судьям приходится обращаться к нравственным и моральным устоям, лежащих в основах духа права, не исполненных в букве закона. Суд, согласно нормам процессуального законодательства оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, и это положение потеряет свое значение при повсеместном использовании ИИ в гражданском процессе. Следовательно использование искусственного интеллекта не должно заменить судей, а стать им техническим инструментом. Это может проявляться в разработка суперсервисов, таких как «Правосудие онлайн», которое предполагает автоматизированное составление проектов судебных актов на основе машиночитаемого анализа текста процес-

суального обращения [10]. Использование технологий должно ограничиваться выявлением технических ошибок, опечаток и стилистических погрешностей до момента оглашения итогового акта, оставляя смысловую и правовую оценку в исключительной компетенции судьи [4].

Резюмируя изложенное, следует заключить, что структурные компоненты судебного акта в гражданском процессе находятся в состоянии непрерывной эволюции. Балансируя между классическими теоретическими постулатами о необходимости исчерпывающей мотивировки и современными вызовами, требующими процессуальной экономии и цифровизации, судебная система вырабатывает новые подходы содержанию судебного решения. Дальнейшее развитие процессуального законодательства должно базироваться на выверенном компромиссе, при котором внедрение информационных технологий и упрощенных процедур не будет снижать гарантий судебной защиты.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.[с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020г.] – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007040001 (дата обращения: 24.03.2026).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 14 ноября 2002 г. №138-ФЗ (в актуальной редакции). – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001200211180001 (дата обращения: 24.03.2026).
3. Верховный суд объяснил отказ мотивировать судебные решения. – Текст : электронный // Информационный портал Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/26522/ (дата обращения: 07.05.2026).
4. Гражданский процесс : учебник / Н.В. Алексеева, А.В. Аргунов, А.А. Арифулин [и др.] / под ред. С. В. Никитина. – 2-е изд. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2024. – 388 с. – ISBN 978-5-93916-518-1. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/138199.html (дата обращения: 25.03.2026). .
5. Заплатина Т.С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья / Т.С. Заплатина. – Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 4. – С. 160–168.
6. Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации / В.М. Лебедев. – Москва : Статут, 2020. – 368 с. – Текст : непосредственный.
7. Молодкин Н.Е. Функции судебных актов в правовом регулировании : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Молодкин Николай Евгеньевич. – Москва, 2025. – 184 с. – Текст : непосредственный.
8. Семикин Д.С. Судебные акты в системе правовых актов современной России: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Семикин Дмитрий Сергеевич. – Саратов, 2018. – 30 с. – Текст : непосредственный.
9. Шопина О.К. Система правовых актов в современной России: проблемы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шопина Оксана Константиновна. – Саратов, 2021. – 26 с. – Текст : непосредственный.
10. Как будет развиваться «Правосудие онлайн»? – Текст : электронный // Правосудие онлайн – Электронное правосудие в России : [сайт]. – URL: https://pravosudieonline.ru/ (дата обращения: 06.05.2024)

Большакова Елизавета Алексеевна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ФОРМ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты классификации форм применения криминалистической техники в уголовном судопроизводстве. На основе анализа современных научных источников и правоприменительной практики автором выделяются и характеризуются три основные формы: процессуальная (использование техники следователем и специалистом), непроцессуальная (оперативно-розыскная и справочно-вспомогательная деятельность) и специальная (криминалистическое исследование в форме экспертизы). Особое внимание уделяется современным тенденциям цифровизации и интеграции новейших технологий в каждую из выделенных форм, а также проблемам разграничения компетенции участников следственных действий при применении технико-криминалистических средств.

Криминалистическая техника, процессуальная форма, специалист, оперативно-розыскная деятельность, судебная экспертиза, цифровизация, технологии расследования.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.85.41.

Bolshakova Elizaveta Alekseevna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

CHARACTERISTICS OF THE MAIN FORMS OF APPLICATION OF FORENSIC TECHNOLOGY IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES

The article discusses the theoretical and practical aspects of the classification of the forms of application of forensic technique in criminal proceedings. Based on the analysis of modern scientific sources and law enforcement practice, the author identifies and characterizes three main forms: procedural (the use of technique by the investigator and specialist), non-procedural (operational and investigative and reference-supporting activities), and special (criminalistic research in the form of an examination). Special attention is paid to the current trends of digitalization and integration of the latest technologies into each of the identified forms, as well as to the problems of delineating the competence of participants in investigative actions when using technical and forensic means.

Forensic technique, procedural form, specialist, operational and investigative activities, forensic examination, digitalization, etc.

Современное состояние преступности характеризуется активным использованием преступниками достижений научно-технического прогресса, что объективно требует от правоохранительных органов адекватного ответа в виде внедрения инновационных технико-криминалистических средств и методов. Криминалистическая техника, традиционно понимаемая в двух значениях – как система научных знаний и как практический инструментарий, – выступает важнейшим ресурсом повышения эффективности расследования преступлений.

В науке криминалистики сложилось устойчивое представление о необходимости классификации форм применения криминалистической техники по правовому основанию. При этом ключевое значение имеет разграничение процессуальных и непроцессуальных форм, что обусловлено требованием законности при формировании доказательственной базы. Цель настоящей статьи – комплексная характеристика основных форм применения криминалистической техники при расследовании преступлений с учетом современных тенденций развития криминалистики и уголовно-процессуального законодательства [1].

Процессуальная форма применения криминалистической техники представляет собой регламентированную уголовно-процессуальным законом деятельность участников уголовного судопроизводства по использованию технико-криминалистических средств и методов в ходе производства следственных и иных процессуальных действий. Данная форма является

основной с точки зрения формирования доказательств, поскольку результаты применения техники в процессуальной форме приобретают статус судебных доказательств.

Субъектами применения криминалистической техники в процессуальной форме выступают, прежде всего, следователь и специалист. Следователь, будучи лицом, ответственным за производство расследования, самостоятельно принимает решение о необходимости применения тех или иных технических средств, обеспечивая при этом соблюдение процессуального порядка их использования. Как справедливо отмечается в литературе, «в систему следственной деятельности технико-криминалистические средства внедряются в рамках целенаправленного процесса последовательной реализации определенных способов и приемов с соблюдением рекомендаций, разработанных с учетом теоретических, правовых и организационно-тактических основ» [2].

Особое место в процессуальной форме занимает деятельность специалиста – лица, обладающего специальными знаниями и привлекаемого к участию в следственных действиях в порядке, установленном УПК РФ. Специалист оказывает содействие следователю в обнаружении, фиксации и изъятии следов преступления, применении технических средств, а также дает консультации по вопросам, требующим специальных познаний. Анализ современной практики показывает, что «использование специалиста-криминалиста в процессуальных действиях является одним из наиболее эффективных способов повышения качества расследования» [3].

Современное развитие процессуальной формы применения криминалистической техники характеризуется активным внедрением цифровых технологий. В частности, при производстве допроса все шире используются системы видеоконференц-связи, что требует выработки новых тактических приемов. Как показывают исследования, «приемы логического воздействия более эффективны в дистанционном формате допроса по сравнению с тактическими приемами, основанными исключительно на эмоциональном воздействии на допрашиваемого». Для успешного проведения допроса с использованием видеоконференц-связи рекомендуется применять средства активного вовлечения в коммуникацию, в том числе предложение допрашиваемому составить схематическое изображение места происшествия или дать письменные пояснения.

Значительные изменения происходят и в такой традиционной сфере применения криминалистической техники, как осмотр места происшествия. Наряду с классическими тактическими приемами – статическим и динамическим осмотром, концентрическим и эксцентрическим способами обследования – все шире применяются технические инновации. «Следователь формирует целостное представление о преступлении, основываясь на следах, оставленных на месте происшествия. Эти следы могут быть связаны как с действиями преступника, так и с воздействием различных объектов или лиц». При этом «в некоторых случаях информация может быть зафиксирована с помощью технических средств или «виртуальных» отпечатков, которые при правильном извлечении могут содержать важные для следствия данные» [4].

Непроцессуальная форма применения криминалистической техники охватывает сферы деятельности, не регламентированные непосредственно уголовно-процессуальным законом, но имеющие важное значение для успешного раскрытия и расследования преступлений. Данная форма включает два основных направления: оперативно-розыскную деятельность и справочно-вспомогательную деятельность [5].

Оперативно-розыскная деятельность представляет собой специфический вид правоохранительной деятельности, осуществляемой гласно и негласно уполномоченными на то государственными органами. Применение технико-криминалистических средств в оперативно-розыскной деятельности имеет свои особенности, обусловленные, прежде всего, негласным характером многих оперативно-розыскных мероприятий. Технические средства, используемые в этой сфере, позволяют осуществлять сбор информации о признаках преступной деятельности, выявлять лиц, причастных к совершению преступлений, устанавливать местонахождение разыскиваемых лиц и предметов.

Справочно-вспомогательная деятельность представляет собой организационное обеспечение расследования, включающее ведение криминалистических учетов, формирование справочно-информационных фондов, использование автоматизированных информационных систем для анализа и обобщения криминалистически значимой информации. Как подчеркивается в научной литературе, «процесс интеграции информационных технологий в расследование преступлений – это комплексное построение цифровой системы уголовного судопроизводства, которое позволит оптимизировать деятельность следователя за счет повышения эффективности работы с информацией».

Современные исследования выделяют четыре основные модели интеграции технологий в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений: законодательное закрепление, внедрение после проверки эффективности в рамках экспериментального правового режима, ведомственная регламентация и самостоятельное инициативное внедрение. Каждая из этих моделей имеет свои достоинства и недостатки. Так, законодательное закрепление обеспечивает гарантированную легальность, но отличается длительностью процесса; экспериментальные правовые режимы позволяют учесть возможные проблемы и риски, но не всегда оперативно внедряются в практику; ведомственная регламентация обеспечивает оперативность, но может не учитывать всей полноты научных рекомендаций [6].

Специальная форма применения криминалистической техники представляет собой наиболее сложный и системно организованный вид использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Ее сущность заключается в производстве судебной экспертизы – процессуального действия, состоящего в проведении исследования и даче заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле.

Криминалистическое исследование (экспертиза) как форма применения криминалистической техники характеризуется рядом сущностных признаков. Во-первых, она осуществляется специальным субъектом – экспертом, обладающим соответствующими специальными знаниями и несущим процессуальную ответственность за данное им заключение. Во-вторых, результаты экспертного исследования облекаются в особую процессуальную форму – заключение эксперта, которое является самостоятельным источником доказательств. В-третьих, экспертиза проводится на основании постановления следователя или определения суда, что обеспечивает ее процессуальную легитимность [7].

Современное состояние судебно-экспертной деятельности характеризуется расширением круга объектов экспертного исследования и усложнением используемых методик. Цифровая трансформация общества привела к появлению новых видов экспертиз, связанных с исследованием компьютерной информации, электронных носителей, программных продуктов. Как отмечается в научной литературе, «криминалистика продолжает быть динамично развивающейся наукой, активно обогащающей свой методический и технический потенциал за счет инноваций в различных областях науки и техники».

Важным направлением совершенствования специальной формы применения криминалистической техники является разработка и внедрение автоматизированных экспертных систем, позволяющих повысить объективность и достоверность экспертных исследований. Такие системы могут использоваться для идентификации объектов по различным признакам, диагностики свойств и состояний, ситуационного анализа и прогнозирования.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что формы применения криминалистической техники при расследовании преступлений представляют собой многоуровневую систему, включающую процессуальную, непроцессуальную и специальную составляющие. Каждая из этих форм имеет свою правовую природу, субъектный состав, процедурные особенности и доказательственное значение [8].

Процессуальная форма, реализуемая следователем и специалистом, выступает основным каналом формирования доказательств на основе использования технико-криминалистических средств [9]. Непроцессуальная форма, охватывающая оперативно-розыскную и справочно-вспомогательную деятельность, обеспечивает информационную и организацион-

ную поддержку расследования. Специальная форма в виде криминалистической экспертизы позволяет получить новые доказательства на основе глубокого исследования объектов с использованием специальных знаний.

Современные тенденции развития всех форм применения криминалистической техники связаны с цифровизацией уголовного судопроизводства, внедрением автоматизированных информационных систем, использованием робототехнических средств и искусственного интеллекта. Это требует дальнейшего совершенствования правового регулирования, разработки новых криминалистических методик и подготовки квалифицированных кадров, способных эффективно использовать технико-криминалистический потенциал в борьбе с преступностью.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 63-ФЗ : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] : (ред. от 29.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). – КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 24.03.2026).
2. Фролов В.В. Разработка и содержание автоматизированных методик расследования преступлений (на примере расследования дорожно-транспортных преступлений) / В.В. Фролов. – Текст : электронный // Полицейская деятельность. – 2024. –№5. – С.62–73. DOI: 10.7256/2454-0692.2024.5.71740 EDN: FFYSIG. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71740 (дата обращение 24.03.2026).
3. Лозинский О.И. Использование возможностей робототехники и аппаратно-программных средств в криминалистической практике и при производстве отдельных следственных действий / О.И. Лозинский. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 20, № 3. – С. 128–134.
4. Модели интеграции современных технологий в правоохранительную деятельность. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 222–230.
5. Егоров Н.Н. Криминалистическая техника : учебник для вузов / Н.Н. Егоров, Е.П. Ищенко. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 193 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-21016-3. – Текст : непосредственный.
6. Крылов Д.А. Тактические приемы осмотра места происшествия в криминалистике / Д.А. Крылов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 48 (547). – С. 373–375.
7. Александров И.В. и др. Криминалистическая техника: учебное пособие для вузов / под ред. Л.Я. Драпкина. – Москва: Юрайт, 2024. – 175 с. – Текст : непосредственный.
8. Bondarenko Yu.A., Balugina T.S., Malyutin M.P. The Effectiveness of Tactical Methods of Logical Influence and Tactical Combinations during Interrogation Using Video Conferencing Systems in the Russian Federation // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 7.
9. Карягина О.В. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений : учебное пособие / О.В. Карягина, Н.А. Прокопенко, А.В. Татьянина. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2023. – 176 с. – ISBN 978-5-9201-0163-1. – EDN HBOKNL. – Текст : непосредственный.

Василькова Евгения Андреевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и права,
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи», г. Мариуполь

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются теоретико-методологические основы компетентностного подхода в системе современного юридического образования. Обосновывается необходимость перехода от традиционной модели к компетентностной парадигме в условиях цифровизации и усложнения правовых отношений. Особое внимание уделяется разграничению понятий «компетенция» и «компетентность», анализу их соотношения и значению для подготовки будущих юристов. Обосновывается необходимость усиления практико-ориентированной подготовки и развития цифровых компетенций. Делается вывод о необходимости совершенствования методологических и организационных механизмов формирования профессиональной компетентности юриста.

Компетентностный подход, юридическое образование, компетенция, компетентность, профессиональная компетентность юриста, цифровизация, образовательные стандарты, практико-ориентированное обучение.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.01.45.

Vasilkova Evgeniya Andreevna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration and Law,
Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi, Mariupol

COMPETENCY-BASED APPROACH IN LEGAL EDUCATION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

The article examines the theoretical and methodological foundations of the competency-based approach in the system of modern legal education. It substantiates the need to transition from the traditional model to a competency-based paradigm in the context of digitalization and the increasing complexity of legal relations. Particular attention is paid to distinguishing between the concepts of "competence" and "competency," analyzing their correlation and significance for the training of future lawyers. The necessity of strengthening practice-oriented training and developing digital competencies is also justified. The article concludes that there is a need to improve methodological and organizational mechanisms for the formation of lawyers' professional competency.

Competency-based approach, legal education, competence, competency, professional competency of a lawyer, digitalization, educational standards, practice-oriented learning.

Современный этап развития российской высшей школы характеризуется системным переходом от традиционной к компетентностной образовательной парадигме и ее постоянному совершенствованию. Данная трансформация обусловлена стремительным развитием цифровизации профессиональной деятельности, нарастающей сложностью правовых отношений и динамичностью законодательства. Именно для юридической профессии, требующей не только теоретических знаний, но и реальной способности применять их в непредсказуемых правовых ситуациях, переход к компетентностной модели подготовки обретает особую значимость.

Нормативную основу актуализации данной проблематики составляет Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1], закрепивший компетентностный подход в качестве методологической основы государственной образовательной политики. Анализ Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования и примерной основной образовательной программы по направлению подготовки Юриспруденция позволяет сделать вывод о том, что внедрение компетентностной модели в рамках конструирования и практической реализации образовательных программ сопровождается комплексом ряда затруднений, как нормативно-правового, так и учебно-методического. В целом, реализация компетентностного подхода в соответствующей примерной основной программе высшего образования носит исключительно формальный характер в значительной части образовательных учреждений, что обусловли-

вает необходимость теоретического осмысления самого существа компетентностного подхода и его предметного наполнения применительно к подготовке юристов. Специфика юридического образования состоит в том, что результаты освоения образовательной программы представляют собой нормативно заданное описание совокупности знаний, уровней понимания и практико-ориентированных умений, которыми должен обладать выпускник-юрист по завершении обучения. Подобная интерпретация образовательного процесса предопределяет необходимость проявления высокой степени субъектной активности обучающегося, а также акцентирует его персональную ответственность за траекторию собственного профессионального становления и личностного развития.

Компетентностный подход требует тщательного теоретического анализа, поскольку в научной литературе и нормативных документах понятия «компетенция» и «компетентность» нередко используются как синонимы, что методологически некорректно.

Анализ научной литературы (Большакова З.М., Тулькибаева Н.Н., Ярычев Н.У., Кокарева М.Е., Гордеев К.С., Пасечник А.С., Жидков А.А. и др.) показывает, что в настоящий момент однозначного определения понятий «компетенция» и «компетентность» нет.

Лингвистическим истоком данного противоречия является то обстоятельство, что английские слова «competence» и «competency» в большинстве словарей определяются как синонимы и переводятся в двойном значении – «компетенция» и «компетентность» [4].

Среди отечественных исследователей сложилось несколько подходов к данному разграничению. В соответствии с наиболее распространенной трактовкой компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним.

Иначе акцентирует данное разграничение другой подход. Разграничение понятий компетентности как качества личности, обеспечивающего возможность эффективно выполнять деятельность или проявить себя своим поведением, и компетенции как полномочий личности оказывается весьма конструктивным (полезным) для формирования адекватного понятийного аппарата [3].

Таким образом, компетенция – это нормативно установленное требование к результатам образования или профессиональной деятельности, выраженное через описание знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения определенной трудовой функции. Профессиональный стандарт юриста – нормативный документ, который устанавливает требования к квалификации и компетенциям юристов. Компетентность – это реализованная, актуализированная способность специалиста применять усвоенные компетенции в реальных профессиональных ситуациях.

Соотношение понятий можно представить следующим образом. По сущности, компетенция представляет собой нормативное требование, определенную модель, а компетентность – это уже личное качество, т.е. результат освоения определенного знания и умений. По характеру, компетенция – это потенциальная способность, компетентность же – это реальная способность. Компетенция описывается в стандартах, образовательных программа и оценивается через тесты, экзамены и т.п., а компетентность проявляется непосредственно в личности и оценивается через деятельности, т.е. через решение реальных задач. Формируется компетенция в процессе обучения, компетентность же, в процессе практики.

Применительно к юридической профессии данное разграничение имеет принципиальное значение, где успешность профессиональной деятельности напрямую зависит от способности применять знания в условиях правовой неопределенности и практической сложности. Несомненно, выпускник специальности «Юриспруденция» должен обладать компетенциями, закрепленными в образовательном стандарте, но большинство из них касаются теоретических знаний, основных навыков и умений, которые составляют фундамент, однако без практического навыка их применения для решения реальных жизненных ситуаций, конкурентноспособного специалиста не получится. Именно поэтому так важно в образовательном процессе применять практическую деятельность, так как именно в ходе

этой деятельности формируется профессиональная компетентность. По сути, компетенция – нормативно-закрепленная модель результата образовательной деятельности, а компетентность – это непосредственно, способность к профессиональной деятельности.

Исходя из вышеизложенного, профессиональная компетентность юриста – это способность осуществлять профессиональную юридическую деятельность на основе усвоенных знаний, выработанных умениях и навыках с учетом практического опыта и развитых личных качеств.

Образовательные стандарты и примерные основные образовательные программы высшего образования выполняют функцию ключевых правовых механизмов, направленных на обеспечение системного, согласованного и последовательного внедрения компетентностного подхода в образовательную деятельность.

Действующий ФГОС ВО по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», утвержденный Приказом Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011 [2], закрепляет трехуровневую архитектуру компетенций выпускника:

1. Универсальные компетенции (УК) – сквозные, межотраслевые компетенции, значимые для любой профессиональной деятельности. Они объединяют способности к системному и критическому мышлению, коммуникации, командной работе, самоорганизации, межкультурному взаимодействию и применению проектного подхода.

2. Общепрофессиональные компетенции (ОПК) – компетенции, общие для всех специализаций юридической профессии. В их числе: способность профессионально толковать нормы права (ОПК-4); способность логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь (ОПК-5); способность участвовать в подготовке проектов нормативных правовых актов и иных юридических документов (ОПК-6); способность соблюдать принципы этики юриста, в том числе в части антикоррупционных стандартов поведения (ОПК-7).

3. Профессиональные компетенции (ПК) – специфические для конкретного вида юридической деятельности. В соответствии с ФГОС ВО профессиональные компетенции, определяемые организацией самостоятельно, на основе профессиональных стандартов соответствующих профессиональной деятельности выпускников, из реестра размещенного на специализированном сайте Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. При отсутствии профессиональных стандартов, ПК определяются на основе анализа требований, предъявляемых к выпускникам на рынке труда, обобщения отечественного и зарубежного опыта, проведения консультаций с работодателями.

Несомненно, цифровизация также затронула ключевые аспекты юридической деятельности, что порождает потребность в формировании новых компетенций по освоению цифровых юридических технологий, включающих: понимание правового регулирования цифровой сферы; способность работать с электронными доказательствами; навыки дистанционной коммуникации; умение использовать цифровые сервисы, обеспечивающие оперативный и доступный консалтинг, а также программные инструменты, способствующие оптимизации управленческих процессов, сроков исполнения задач и документооборота; умение пользоваться платформами, автоматизирующими разработку, ведение и контроль договорных отношений; приобретение навыков работы с технологиями на основе искусственного интеллекта, предоставляющие возможности системного анализа судебной практики и прогнозирования вероятных исходов юридических споров.

На современном этапе стремительного развития государства и общества, обусловленного общей цифровизацией всех общественных отношений и усложнением правового регулирования, большое значение имеет модернизация образовательного процесса с учетом формирования профессиональной компетентности юриста-выпускника, а не только усовершенствование компетенций.

Библиографический список

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (акт. ред.) : [принят Государственной думой 21 декабря 2012 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: http: pravo.gov.ru (дата обращения: 15.03.2026).
2. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция: Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 13 августа 2020 г. № 1011. – Текст: электронный // Информационно-правовой портал Гарант. – URL: https://ivo.garant.ru/#/document/74607104/page/2:3 (дата обращения: 15.03.2026).
3. Большакова З.М. Компетенции и компетентность / З.М. Большакова, Н.Н. Тулькибаева. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2009. – № 24(157). – С. 13–19. – EDN KXJZCZ.
4. Ярычев Н.У. Особенности профессиональной деятельности и структура практико-ориентированных профессиональных компетенций будущего юриста / Н.У. Ярычев, А.А. Цамаева. Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2015. – №2-6. – С. 1318–1322. – EDN TMQHTL.

Волот Татьяна Николаевна,
аспирант, УО «Белорусский государственный экономический университет», г. Минск
Научный руководитель – Ладутько Виолетта Константиновна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин, УО «Белорусский государственный экономический университет», г. Минск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЕАЭС: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Актуальность темы обусловлена углублением евразийской интеграции и необходимостью адаптации национальных институтов к нормам наднационального регулирования. Статья посвящена анализу трансформации административно-правового статуса налоговых органов Республики Беларусь в условиях функционирования ЕАЭС. Постановка проблемы заключается в необходимости теоретического осмысления того, как классическая структура правового статуса дополняется международно-правовыми компонентами.

Административно-правовой статус, налоговые органы, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), фискальное пространство, наднациональное регулирование, компетенция.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.23.00.

Volot Tatiana Nikolaevna,
Postgraduate student, Educational institution «Belarusian State University of Economics», Minsk
Scientific supervisor – Ladutko Violetta Konstantinovna, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Public Law Disciplines, Belarusian State University of Economics, Minsk

THE ACTIVITIES OF THE TAX AUTHORITIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE EAEU: AN ADMINISTRATIVE AND LEGAL DIMENSION

The relevance of the topic is determined by the deepening of Eurasian integration and the need to adapt national institutions to the norms of supranational regulation. This article is devoted to the analysis of the transformation of the administrative and legal status of the tax authorities of the Republic of Belarus in the context of the functioning of the EAEU. The problem statement lies in the need for a theoretical understanding of how the classical structure of legal status is supplemented by international legal components.

Administrative and legal status; tax authorities; Eurasian Economic Union (EAEU); fiscal space; supranational regulation; competence.

В научной литературе традиционно исследуются вопросы фискальной политики и национального налогового администрирования. Однако комплексный анализ влияния интеграционных процессов именно на административно-правовой статус национальных налоговых органов как совокупности их прав, обязанностей, ответственности и организационной структуры остается недостаточно изученным. Настоящая статья направлена на выявление и систематизация специфических черт административно-правового статуса налоговых органов Республики Беларусь, приобретенных в результате имплементации норм права ЕАЭС и формирования единого фискального пространства.

В общей теории права и административном праве принято считать, что административно-правового статуса субъекта понимается как его правовое положение в административно-правовой сфере, в системе возникающих в ней административных правоотношений [3].

Правовой статус – это автономный регулятор общественных отношений, который, согласно Н.И. Матузову, охватывает весь комплекс прав, обязанностей и ответственности субъекта. По его словам, «в понятие правового статуса входит все, что определяет, гарантирует. Характеризует и формализует состояние субъекта тем или иным образом с юридической точки зрения» [4, с. 83].

В современной науке дискуссия о возможности расширения структуры правового статуса дополнительными элементами остается незавершенной. Так В.М. Горшенев определяет права, свободы, юридические обязанности и юридическую ответственность как структурные элементы правового статуса [2, с. 52].

Институциональная роль налоговых органов заключается в обеспечении системного контроля за соблюдением фискального законодательства. Деятельность данных структур

направлена на верификацию налоговой базы и мониторинг дисциплины исполнения плательщиками обязательств перед бюджетной системой. Обеспечение своевременного исполнения налоговых обязательств перед бюджетом входит в исключительную компетенцию налоговых органов.

Ядром административно-правового статуса налоговых органов Республики Беларусь являются властные полномочия по контролю за исчислением и уплатой налогов, проведению проверок, применению принудительных мер. Вхождение Республики Беларусь в ЕАЭС дополнило этот статус международно-правовым компонентом. Так Василевич Г.А. указывает, что «в настоящее время идет активный процесс создания и развития интеграционного права евразийской формации, представляющего собой совокупность норм учредительных и иных международных договоров, а также актов наднациональных органов ЕАЭС, которые регулируют общественные отношения, складывающиеся в ходе интеграционных процессов в рамках указанного межгосударственного образования, и его отношения с государствами-членами ЕАЭС, иными государствами и организациями» [1, с. 10].

Нормативная база ЕАЭС активно оперирует категориями административного права. В частности, в тексте Договора о ЕАЭС закреплены такие дефиниции административно-правового свойства, как «административные требования в государстве члене», «административные органы государств-членов», что указывает на выраженную управленческую направленность наднационального регулирования.

Правовой статус налоговых органов трансформируется: они выходят за рамки исключительно национального регулирования, становясь полноценными субъектами наднационального права. Данный процесс реализуется в двух направлениях. Во-первых, это наделение ведомств дополнительными полномочиями по реализации международных соглашений внутри ЕАЭС. Во-вторых, качественное расширение прав на межгосударственное административное содействие и получение фискальнозначимой информации от партнерских служб государств-членов ЕАЭС.

Таким образом, формируется двухуровневый статус, где национальная компетенция реализуется с оглядкой на согласованные интеграционные правила и процедуры.

Нормы права ЕАЭС вносят значительную специфику в содержание прав и обязанностей налоговых органов Республики Беларусь.

Налоговые органы должны применять не только национальные правила, но и ориентироваться на унифицированные принципы при проверке сделок между взаимозависимыми лицами из различных стран ЕАЭС, что усложняет аналитическую и методологическую работу [5].

Формирование единого фискального пространства требует адаптации внутренних процессов и организационных структур налоговых органов Республики Беларусь.

Работа в рамках ЕАЭС требует от национальных органов постоянной координации действий с коллегами для разрешения спорных вопросов, проведения согласованных контрольных мероприятий и выработки единых правоприменительных практик. Это свидетельствует о становлении элемента наднациональной административной сети налоговых служб.

Таким образом, формирование единого фискального пространства ЕАЭС оказывает глубокое трансформирующее воздействие на административно-правовой статус налоговых органов Республики Беларусь. Его ключевая специфика заключается в переходе от замкнутого национального статуса к открытому гибридному статусу, интегрированному в систему наднационального правового регулирования.

Это проявляется в существенном расширении функциональной нагрузки на налоговые органы: к традиционным полномочиям добавляются новые обязанности по администрированию цифровых услуг нерезидентов, автоматизированному трансграничному обмену фискальной информацией и применению унифицированных правил контроля. Организационно-процессуальная деятельность также претерпевает изменения, смещаясь в сторону цифровизации и необходимости постоянной межгосударственной координации.

Перспективы развития административно-правового статуса налоговых органов Республики Беларусь связаны с дальнейшей гармонизацией налогового законодательства стран ЕАЭС, углублением интеграции в сфере прямого налогообложения и созданием эффективных коллегиальных органов для разрешения споров. Для Республики Беларусь актуальной задачей является закрепление сложившейся позитивной практики взаимодействия на законодательном уровне и развитие кадрового потенциала налоговых органов, способного работать в условиях комплексного фискального пространства.

Библиографический список

1. Василевич Г.А. Интеграция как фактор развития национальной правовой системы / Г.А. Василевич. – Текст : непосредственный // Право.by. – 2015. – № 3 (35). – С. 6–10.
2. Горшенев В.М. Структура правового статуса гражданина в свете Конституции СССР 1977 года / В.М. Горшенев. – Текст : непосредственный // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе : сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1980. – С. 51 – 58.
3. Кононов П.И. Основные категории административного права и процесса : монография / П.И. Кононов. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 413 с. – Текст : непосредственный.
4. Матузов Н.И. Юридические обязанности и ответственность как элементы правового статуса личности / Н.И. Матузов. – Текст : непосредственный // Конституция и государственное строительство : сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во СГУ, 1980. – С. 83–90.
5. Налоговые соглашения между странами ЕАЭС: что нужно знать бизнесу // Финансово-бизнес-ассоциация евроазиатского сотрудничества (ФБА ЕАС). – 2025. – URL: https://www.fbacs.com (дата обращения: 07.02.2026). – Текст : электронный.

Галетко Анастасия Юрьевна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г.Таганрог
Научный руководитель – Каменева Полина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ) В РОССИЙСКОМ СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются основные положения правового регулирования института усыновления (удочерения) в Российской Федерации. Анализируются нормы семейного законодательства, регулирующие порядок, условия и правовые последствия усыновления. Особое внимание уделяется защите прав и интересов ребенка, роли суда и органов опеки и попечительства. Выявляются актуальные проблемы правоприменительной практики и предлагаются направления совершенствования законодательства.

Усыновление, семейное право, ребенок, органы опеки, суд, права ребенка, усыновители, семейные отношения.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Galetko Anastasia Yurievna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Kameneva Polina Valerievna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

LEGAL FRAMEWORK OF ADOPTION IN RUSSIAN FAMILY LAW

The article examines the main provisions of the legal regulation of the institution of adoption (adoption) in the Russian Federation. The norms of family legislation regulating the procedure, conditions, and legal consequences of adoption are analyzed. Special attention is paid to the protection of the rights and interests of the child, the role of the court, and the guardianship and custody authorities. The article identifies current problems in law enforcement practice and suggests ways to improve legislation.

Adoption, family law, child, guardianship authorities, court, child rights, adoptive parents, family relations

Институт усыновления (удочерения) занимает важное место в системе российского семейного права, выступая одной из форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Его правовое регулирование направлено на обеспечение приоритета интересов ребенка и создание условий для его полноценного развития в семье.

Основным нормативным актом, регулирующим отношения в данной сфере, является Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ). В соответствии со ст. 124 СК РФ усыновление допускается в отношении несовершеннолетних детей и исключительно в их интересах [2]. Данный принцип является ключевым и определяет содержание всех правовых норм, регулирующих усыновление.

Усыновление представляет собой юридический акт, в результате которого между усыновителем и усыновленным возникают отношения, приравненные к отношениям между родителями и детьми. Согласно ст. 137 СК РФ, усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам приравниваются к родственникам по происхождению [2]. Это означает возникновение полного объема личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей.

Процедура усыновления в Российской Федерации осуществляется исключительно в судебном порядке. В соответствии со ст. 125 СК РФ, усыновление производится судом по заявлению лиц, желающих усыновить ребенка [2]. Участие органов опеки и попечительства является обязательным, поскольку они проводят обследование условий жизни будущих усыновителей и дают заключение о целесообразности усыновления.

Закон устанавливает строгие требования к лицам, желающим усыновить ребенка. В частности, усыновителями могут быть совершеннолетние дееспособные лица, способные обеспечить ребенку надлежащие условия воспитания и развития (ст. 127 СК РФ) [2]. При этом законодатель предусматривает ряд ограничений: не могут быть усыновителями лица,

лишенные родительских прав, имеющие судимость за преступления против личности, а также страдающие определенными заболеваниями.

Особое значение имеет согласие на усыновление. В соответствии со ст. 129 СК РФ требуется согласие родителей ребенка, за исключением случаев, когда они лишены родительских прав или признаны безвестно отсутствующими [2]. Также необходимо учитывать мнение самого ребенка, достигшего возраста десяти лет.

Правовые последствия усыновления носят комплексный характер. С момента вступления решения суда в законную силу прекращаются правовые связи ребенка с его биологическими родителями (за исключением отдельных случаев), и возникают новые семейные отношения с усыновителями. Важным аспектом является сохранение тайны усыновления, закрепленной в ст. 139 СК РФ, нарушение которой влечет юридическую ответственность [2].

Несмотря на достаточно детальную регламентацию, в правоприменительной практике существуют определенные проблемы. К ним относятся длительность судебных процедур, недостаточная эффективность контроля за условиями жизни усыновленных детей, а также случаи злоупотреблений при международном усыновлении. Кроме того, актуальной остается проблема подготовки кандидатов в усыновители.

В целях совершенствования правового регулирования представляется целесообразным усилить постусыновительный контроль со стороны органов опеки, расширить программы подготовки усыновителей, а также развивать механизмы сопровождения приемных семей. Это позволит повысить эффективность института усыновления и обеспечить более надежную защиту прав детей.

Таким образом, институт усыновления в российском семейном праве представляет собой сложный правовой механизм, направленный на реализацию конституционного принципа защиты семьи, материнства и детства. Его дальнейшее развитие должно осуществляться с учетом современных социальных вызовов и необходимости обеспечения приоритета интересов ребенка.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года : [с изменениями, внесенными законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ]. – Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/d94e831070f1b 26a082b3517d51e9e4c348fc419/ (дата обращения: 25.03.2026).
2. Семейный кодекс Российской Федерации : СК : ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 05.02.2025 : (дата обращения: 25.03.2026) : [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года]. – Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 25.03.2026).
3. Об опеке и попечительстве в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 29.09.2025) : [принят Государственной Думой 11 апреля 2008 года : одобрен Советом Федерации 16 апреля 2008 года]. – Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 25.03.2026).
4. О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 (ред. от 17.12.2013). – Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59826/ (дата обращения: 25.03.2026).
5. Саенко Л.В. Семейное право : учебно-методическое пособие / Л.В. Саенко. – Саратов : Издательство Саратовской государственной юридической академии, 2024. – 251 с. – ISBN 978-5-7924-2012-0. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR

SMART : [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/151688.html (дата обращения: 25.03.2026).
6. Семейное право : учебник / Б.М. Гонгало [и др.]. – 5-е изд. – Москва : Статут, 2022. – 320 c. – ISBN 978-5-8354-1817-6. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/126412.html (дата обращения: 25.03.2026).
7. Семейное право : учебное пособие / С.В. Студеникина [и др.]. – Ростов-на-Дону : Донской государственный технический университет, 2023. – 170 c. – ISBN 978-5-7890-2094-4. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/130462.html (дата обращения: 25.03.2026).
8. Черничкина Г.Н. Семейное право : учебное пособие / Г.Н. Черничкина. – 2-е изд. – Москва : Юриспруденция, 2024. – 199 c. – ISBN 978-5-9516-0440-8. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/136102.html (дата обращения: 25.03.2026).

Гаркуша Ирина Владиславовна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Статья посвящена анализу проблем реализации социальной работы с несовершеннолетними в Российской Федерации. В работе рассматриваются ключевые трудности, препятствующие эффективной помощи несовершеннолетним в трудной жизненной ситуации: дефицит финансирования, кадровые проблемы, правовые и организационные сложности, социальные стереотипы, слабая координация между учреждениями и недостаточное вовлечение семей. Автор предлагает комплекс мер для совершенствования системы социальной работы: повышение квалификации специалистов, развитие межведомственного взаимодействия, внедрение современных технологий, индивидуализацию программ помощи, поддержку семей и акцент на профилактической работе. Подчеркивается необходимость постоянного мониторинга и адаптации практик к меняющимся социальным условиям. Реализация предложенных решений будет способствовать социальной интеграции несовершеннолетних и обеспечению их полноценного развития.

Социальная работа с несовершеннолетними, трудная жизненная ситуация, проблемы реализации, направления совершенствования.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.67.21.

Garkusha Irina Vladislavovna,
Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure,
Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AND DIRECTIONS FOR IMPROVING SOCIAL WORK WITH MINORS

The article is devoted to the analysis of the problems of implementing social work with minors in the Russian Federation. The paper examines the key difficulties that hinder effective assistance to minors in difficult life situations: lack of funding, personnel problems, legal and organizational difficulties, social stereotypes, weak coordination between institutions, and insufficient involvement of families. The author proposes a set of measures to improve the social work system: improving the qualifications of specialists, developing interagency cooperation, introducing modern technologies, individualizing assistance programs, supporting families, and emphasizing preventive work. The article emphasizes the need for continuous monitoring and adaptation of practices to changing social conditions. The implementation of the proposed solutions will contribute to the social integration of minors and ensure their full development.

Social work with minors, difficult life situations, implementation problems, and areas for improvement.

Статус социального государства, закрепленный в статье 7 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1], задает вектор государственной политики России: создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Практическая реализация этого принципа включает охрану труда и здоровья граждан, законодательное установление минимального размера оплаты труда и развернутую систему социальной поддержки: пенсии, пособия и прочие гарантии для уязвимых категорий населения.

В процессе оказания социальной помощи несовершеннолетним возникает множество барьеров, которые необходимо системно изучать и преодолевать. Одна из наиболее острых проблем – нехватка финансовых ресурсов: она напрямую ограничивает доступность и качество социальных услуг. Для полноценной поддержки подростков, оказавшихся в сложной ситуации, критически важна стабильная финансовая база.

Кадровые вызовы серьезно подрывают эффективность социальной работы. Острый дефицит квалифицированных специалистов и постоянная ротация персонала мешают выстраиванию доверительных отношений с клиентами и неизбежно сказываются на качестве услуг. Специалисты, работающие с несовершеннолетними, нередко сталкиваются с нехваткой профильных компетенций. Решением может стать внедрение регулярных программ обучения и повышения квалификации, а также разработка действенных инструментов привлечения молодых кадров в сферу социальной поддержки.

Реализация социальной работы во многом зависит от правового и организационного обеспечения. Нечеткость законодательных формулировок, неоднозначность норм и отсутствие детализированных регламентов создают риски правовых конфликтов, которые затрудняют работу с несовершеннолетними. В результате осложняется выстраивание надежной и комфортной среды оказания помощи, особенно когда требуется слаженное взаимодействие разных ведомств с ясным распределением ролей и зон ответственности.

Укоренившиеся в обществе стереотипы и предубеждения искажают восприятие несовершеннолетних, оказавшихся в сложной жизненной ситуации: зачастую их не понимают и осуждают, из-за чего им труднее интегрироваться в социум и получить доступ к нужной поддержке. Преодолеть этот барьер помогут просветительские инициативы, меняющие общественное отношение, это повысит вовлеченность подростков в программы социальной помощи.

Слабая согласованность между организациями, работающими в сфере социальной поддержки, ведет к дублированию функций и нерациональному расходованию ресурсов. Четкие алгоритмы взаимодействия между учреждениями позволят оперативнее реагировать на запросы несовершеннолетних и эффективнее использовать имеющиеся возможности.

Семья по-прежнему выступает ключевым звеном в социальной поддержке детей, однако не все родители осознают свою значимость в этом процессе. Эффективная помощь несовершеннолетним невозможна без активного участия их близких – важно обучать семьи конструктивным моделям взаимодействия и укреплять внутрисемейные связи. Для этого требуются специальные методики, ориентированные на поддержку и развитие семейного ресурса [2, с. 107].

Психоэмоциональное состояние подростков – еще один значимый аспект. В стрессовых условиях несовершеннолетние нередко теряют способность адекватно выражать эмоции, что мешает им получать необходимую помощь. Программы по развитию эмоционального интеллекта и саморегуляции могут сыграть роль катализатора позитивных изменений в их жизни.

Совокупность этих проблем ясно показывает: система социальной работы нуждается в обновлении. Адаптация методик к современным реалиям и внедрение новаторских практик – ключ к повышению качества жизни уязвимых групп несовершеннолетних.

Модернизация системы социальной работы с несовершеннолетними невозможна без глубокого аудита действующих моделей и выявления наиболее перспективных направлений развития. Первоочередная задача – повышение квалификации профильных специалистов: психологи, социальные работники и педагоги должны владеть современными методиками, учитывающими возрастные особенности подростков, их актуальные потребности и типичные жизненные трудности.

Не менее значим вопрос межведомственной координации. Разрозненность действий учреждений – частая причина неэффективности помощи: из-за отсутствия обмена данными и согласованных алгоритмов работы ресурсы расходуются нерационально. Выход из этой ситуации – создание рабочих групп и цифровых платформ для взаимодействия, проведение совместных обучающих мероприятий. Это позволит выработать единые стандарты поддержки и повысить ее качество.

Цифровые технологии открывают принципиально новые возможности для социальной работы. Онлайн-консультации, специализированные мобильные приложения и тематические сообщества в сети делают помощь доступнее, а создание безопасных виртуальных пространств даст подросткам шанс находить единомышленников и получать поддержку в привычной для них среде.

Крайне важно внедрять персонализированные подходы и гибкие программы поддержки: каждый подросток уникален, а значит, и пути преодоления его трудностей могут быть нестандартными. Создание индивидуальных траекторий помощи – с учетом личностных особенностей, социального окружения и образовательного бэкграунда – станет ключом к устойчивым положительным изменениям.

Не менее значима опора на семью. Активное вовлечение родителей в процесс социальной поддержки превращает семью в мощный ресурс для решения проблем. Группы взаимопомощи для взрослых и обучающие семинары по основам детской психологии и эффективной коммуникации помогут наладить внутрисемейные отношения и создать благоприятную среду для развития ребенка.

Профилактическая работа должна стать фундаментом современной системы социальной поддержки. Ее суть – не бороться с последствиями, а предотвращать проблемы: формировать здоровую среду для роста и развития подростков. Программы, стимулирующие социальную активность молодежи, поддерживающие их инициативы и вовлекающие в общественную жизнь, станут действенным инструментом профилактики девиантного поведения.

Совершенствование системы социальной работы невозможно без непрерывного мониторинга и гибкой адаптации к динамично меняющимся условиям. Регулярный анализ результатов реализованных мероприятий, объективная оценка их эффективности и оперативная корректировка стратегии должны стать неотъемлемой частью работы профильных учреждений. Ключевыми драйверами прогресса здесь выступают: повышение квалификации сотрудников, внедрение передовых методик и цифровых технологий, а также готовность к экспериментам и восприятию новаторских идей – все это позволит качественно решать задачи в сфере поддержки несовершеннолетних.

Таким образом, социальная работа с несовершеннолетними сопряжена с целым комплексом вызовов, требующих системного подхода и долгосрочного стратегического планирования. Среди наиболее острых проблем выделяются: хронический дефицит финансирования, кадровый голод, правовые и организационные барьеры, а также укоренившиеся социальные стереотипы, которые осложняют интеграцию подростков в общество. Преодоление этих препятствий возможно лишь через внедрение инновационных решений, нацеленных на повышение качества и доступности социальных услуг.

Приоритетными направлениями для повышения эффективности социальной работы следует считать: целенаправленное обучение и профессиональное развитие специалистов; выстраивание эффективного межведомственного взаимодействия; интеграцию современных цифровых технологий в практику работы; разработку персонализированных программ поддержки с учетом индивидуальных особенностей каждого несовершеннолетнего; активное вовлечение родителей в процесс социальной помощи и создание сообществ взаимоподдержки для семей; смещение акцента на профилактическую работу – предупреждение проблем вместо реагирования на их последствия.

Устойчивое развитие системы социальной работы с несовершеннолетними базируется на трех ключевых принципах: постоянном анализе текущей ситуации, гибкости в адаптации к новым условиям и открытости к инновациям. Реализация этих подходов позволит не только эффективнее защищать права и интересы детей, но и создаст условия для их полноценного развития, успешной социализации и интеграции в общество.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных законами №6-ФКЗ от 30.12.2008, №7-ФКЗ от 30.12.2008, №2-ФКЗ от 5.02.2014, №11-ФКЗ от 21.07.2014, №1-ФКЗ от 14.03.2020, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020, с учетом включения новых субъектов РФ, внесенных федеральными конституционными законами №5-ФКЗ от 04.10.2022, №6-ФКЗ от 04.10.2022, №7-ФКЗ от 04.10.2022, №8-ФКЗ от 04.10.2022]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 16.03.2026).
2. Мельников С.В. Основы социальной работы: учебник / С.В. Мельников, Г.В. Люткене. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2023. – 405 с. – ISBN 978-5-4497-2341-3. – Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/132703.html (дата обращения: 16.03.2026).

Геворкян Анна Артемовна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ИНСТИТУТ ЗАЛОГА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена исследованию института залога в качестве меры пресечения в уголовном судопроизводстве России. Особое внимание уделяется его двойственной сущности, сочетающей в себе как принудительные меры со стороны государства, так и добровольное принятие имущественных обязательств. Рассматриваются особенности правового положения обвиняемого (подозреваемого) и залогодателя, их взаимосвязь и отличия, а также потенциальные риски при их разделении. В результате обосновывается, что, несмотря на единую цель – обеспечение должного поведения обвиняемого, правовые статусы этих субъектов значительно различаются, что требует индивидуального подхода к их правовому регулированию и защите.

Меры пресечения, уголовное судопроизводство, залог, статья 106 УПК РФ, подозреваемый, обвиняемый, залогодатель, имущественная ответственность, процессуальное принуждение, права участников процесса.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.79.37.

Gevorgyan Anna Artemovna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE INSTITUTION OF BAIL IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the study of the institution of bail as a preventive measure in criminal proceedings in Russia. Special attention is paid to its dual nature, combining both coercive measures by the state and the voluntary acceptance of property obligations. The features of the legal status of the accused (suspect) and the pledgor, their interrelation and differences, as well as potential risks in their separation are considered. As a result, it is proved that, despite the common goal of ensuring proper behavior of the accused, the legal statuses of these subjects vary significantly, which requires an individual approach to their legal regulation and protection.

Preventive measures, criminal proceedings, bail, article 106 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, suspect, accused, pledgor, property liability, procedural coercion, rights of participants in the process.

Залог в российском уголовном праве – это мера пресечения с двойным назначением: она призвана гарантировать надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого и одновременно является добровольным имущественным обязательством. Основные положения, регулирующие залог, содержатся в статье 106 УПК РФ [1], которая определяет порядок его применения и круг участников. В залоговых отношениях выделяются две ключевые стороны: сам подозреваемый (обвиняемый), к которому применяется залог, и залогодатель – лицо, предоставляющее имущество. Их права и обязанности существенно различаются. Согласно части 1 статьи 106 УПК РФ, залог представляет собой внесение или передачу денег, ценностей, акций, облигаций или недвижимости подозреваемым, обвиняемым либо другим лицом в соответствующий орган (следствие или суд). Цель залога – обеспечить явку подозреваемого или обвиняемого, предотвратить новые преступления и не допустить препятствования расследованию. Подозреваемый и обвиняемый играют центральную роль, поскольку именно их процессуальное поведение является объектом обеспечения залогом.

В соответствии с часть 2 статьи 106 УПК РФ, суд может избрать залог как меру пресечения для подозреваемого или обвиняемого [2]. Залог применяется по определению суда. Это соответствует общим правилам (статья 97 УПК РФ), которые позволяют применять такие меры, если есть основания полагать, что человек может скрыться, продолжить преступную деятельность, угрожать участникам процесса, уничтожить улики или иным образом помешать расследованию. Именно эти риски оправдывают применение мер принуждения, включая залог [3].

Положение о залоге играет решающую роль в реализации права на защиту, предоставляя стороне защиты возможность предложить суду альтернативные меры пресечения, помимо заключения под стражу или домашнего ареста. Высшие судебные инстанции настаивают на том, чтобы подозреваемый или обвиняемый имел возможность полноценно изложить свою позицию суду, в том числе по вопросам вида и размера залога, в условиях равноправия и состязательности сторон.

Основная ответственность подозреваемого или обвиняемого, находящегося под залогом, состоит в точном следовании всем процессуальным условиям. Он должен являться по первому требованию следствия или суда, воздерживаться от противоправных действий и не препятствовать ходу дела, что соответствует целям залога, описанным в статье 106 УПК РФ [1].

В случае нарушения подозреваемым или обвиняемым взятых на себя обязательств, предусмотрена имущественная санкция: залог обращается в доход государства по решению суда, вынесенному в порядке, установленном статьей 118 УПК РФ, согласно части 9 статьи 106 УПК РФ.

Законодатель устанавливает специфические критерии для имущества, которое может служить залогом, что обусловлено правовым статусом залогодателя. Часть 3 статьи 106 УПК РФ предписывает суду определять вид и размер залога, исходя из характера преступления, личности обвиняемого или подозреваемого, а также его материального положения. Для обеспечения соразмерности меры пресечения, тяжести преступления установлены минимальные суммы залога: 50 тысяч рублей для преступлений небольшой и средней тяжести и 500 тысяч рублей для тяжких и особо тяжких преступлений. Кроме того, часть 4 статьи 106 УПК РФ предъявляет дополнительные требования к залогу недвижимого имущества, публично обращаемых акций и облигаций, а также ценностей.

Ситуация усложняется, когда залогодателем выступает лицо, не являющееся подозреваемым или обвиняемым. Их отношения носят сложный характер, поскольку процессуальное поведение подозреваемого (обвиняемого) напрямую влияет на имущественное положение залогодателя. Последний, не имея возможности контролировать действия подозреваемого (обвиняемого) в рамках процесса, принимает на себя значительный риск потери заложенного имущества в случае невыполнения обязательств. Поэтому залогодателю крайне важно тщательно оценить личность того, за кого он вносит залог, и осознанно принять на себя все возможные последствия. В случае неисполнения обязательств подозреваемым (обвиняемым), залоговое имущество будет конфисковано в доход государства без возможности возврата его стоимости. Более того, если залогодатель активно способствовал нарушению обязательств (например, помогал скрыться или уничтожать улики), его действия могут быть квалифицированы как соучастие (ст. 33 УК РФ) или укрывательство преступления (ст. 316 УК РФ), что повлечет за собой уже уголовную ответственность [4].

Правовой статус подозреваемого (обвиняемого) и залогодателя в рамках залогового правоотношения принципиально различается. Подозреваемый или обвиняемый – это лицо, к которому применяется мера пресечения, и именно от его надлежащего процессуального поведения зависит, будет ли залог возвращен или конфискован. Залогодатель, в свою очередь, выполняет функцию гаранта, предоставляя свое имущество и принимая на себя риск его утраты, если подозреваемый/обвиняемый нарушит свои обязательства. Особенно уязвимым оказывается залогодатель, не являющийся подозреваемым/обвиняемым, поскольку он лишен рычагов влияния на его действия, а последствия неисполнения обязательств для него крайне негативны и необратимы. Это подчеркивает необходимость совершенствования законодательства для обеспечения его прав и гарантий.

Таким образом, несбалансированность прав и обязанностей участников залоговых отношений требует доработки уголовно-процессуального законодательства. Следует предусмотреть дополнительные гарантии для залогодателя, например, расширить его информационные права или дать возможность просить об изменении условий залога. Это обеспечит более справедливое соотношение частных и публичных интересов в уголовном процессе.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025): [принят Государственной думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 19.03.2026).
2. Карягина О.В. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы и пути их решения / О.В. Карягина, А.А. Шевченко. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2024. – № 1(41). – С. 59–63. – EDN UCYFXV.
3. Уголовный процесс: учебное пособие / Н.В. Мирошниченко, И.Ф. Дедюхина, О.В. Жданова [и др.]. – Ставрополь: Ставропольский государственный аграрный университет, 2022. – Ч.1. – 124с. – Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/133776.html (дата обращения: 19.03.2026).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2025) : [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 19.03.2026).

Глотова Дарья Вадимовна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье исследуется генезис института ответственности медицинских работников за профессиональные правонарушения в российском праве. Автор анализирует ключевые этапы эволюции правового регулирования врачебной деятельности – от норм Русской Правды и Врачебного устава 1857 года до современного законодательства, выявляя трансформацию подходов к квалификации врачебных ошибок. Особое внимание уделяется переходу от объективного вменения и отождествления профессиональных неудач с умышленными преступлениями к формированию дифференцированной системы ответственности. Делается вывод о том, что развитие исследуемого института неразрывно связано с прогрессом юридической и медицинской мысли, а также изменением представлений общества о правах пациентов и пределах врачебного вмешательства.

Медицинские работники, профессиональная ответственность, врачебная ошибка, история медицинского права, врачебный устав.
Тематический рубрикатор: 10.01.09.

Glotova Darya Vadimovna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE GENESIS OF THE INSTITUTE OF RESPONSIBILITY OF MEDICAL WORKERS FOR PROFESSIONAL OFFENSES

The article examines the genesis of the institution of responsibility of medical workers for professional offenses in Russian law. The author analyzes the key stages of the evolution of the legal regulation of medical practice – from the norms of Russian Truth and the Medical Charter of 1857 to modern legislation, revealing the transformation of approaches to the qualification of medical errors. Special attention is paid to the transition from objective imputation and identification of professional failures with intentional crimes to the formation of a differentiated system of responsibility. It is concluded that the development of the institute under study is inextricably linked with the progress of legal and medical thought, as well as changing public perceptions of patients' rights and the limits of medical intervention.

Medical professionals, professional responsibility, medical error, medical law history, Medical regulations.

Вопрос об ответственности медицинских работников за правонарушения, совершаемые в процессе осуществления профессиональной деятельности, имеет глубокие исторические корни и является одним из наиболее сложных и многогранных в системе юридической науки. Отношение государства и общества к преступному поведению врача в различные исторические периоды было неодинаковым и зависело от множества факторов: уровня правосознания, господствующих религиозных воззрений, морально-этических норм и, безусловно, успехов самой медицинской науки. Исследование генезиса данного института позволяет не только проследить эволюцию законодательных подходов, но и выявить закономерности, определяющие современное состояние правового регулирования медицинской деятельности.

Истоки законодательной регламентации врачевания и ответственности за врачебные ошибки на Руси восходят к XI веку. Первым письменным источником, содержащим соответствующие нормы, стала Русская Правда. Данный законодательный акт закреплял два важнейших положения, касающихся врачевания: с одной стороны, предусматривалось вознаграждение для лекарей за их труд («лекарю мзда»), с другой – устанавливалась ответственность за причинение вреда пациенту в процессе лечения. Примечательно, что в случаях, когда врач причинял вред больному, он привлекался к ответственности как за умышленное преступление, то есть санкция была такой же, как и за умышленное причинение

вреда. Эта особенность отражает характерное для раннего права понимание ответственности, где результат деятельности оценивался вне зависимости от субъективного отношения к нему врача.

Возложение медицинской деятельности на монастырских врачей осуществлялась вплоть до конца XV века, она во многом определялась церковными канонами. Централизация государственной власти начинает новый этап в развитии правового регулирования медицины. В период правления Ивана III актуальность приобретает привлечения иностранных врачей, от которых ожидались безусловные успехи. При успешном исходе врач вознаграждался, но при неблагоприятном мог быть казнен. Подобный подход критически отражал сложность врачебного искусства и возможности медицины того времени.

Существенный прогресс в организации медицинского дела и его правовом регулировании связан с созданием Аптекарского приказа – первого государственного органа управления здравоохранением. Аптекарский приказ, располагавшийся в Московском Кремле и находившийся под непосредственным контролем царя, выполнял комплекс важнейших функций: выдачу разрешений на занятие медицинской деятельностью, обеспечение лекарственными средствами, подготовку квалифицированного медицинского персонала и организацию военно-медицинской службы. В ведении приказа находилось также судопроизводство по делам с участием врачей и фармацевтов, что свидетельствует о формировании специализированного подхода к рассмотрению профессиональных правонарушений медицинских работников. Важными законодательными актами рассматриваемого периода стали Судебник Ивана III 1497 года и Судебник Ивана IV 1550 года, закреплявшие нормы, связанные с обязательствами при причинении вреда жизни и здоровью.

Соборное уложение царя Алексия Михайловича 1649 года, ставшее основным источником российского права вплоть до издания Свода законов Российской империи в 1832 году, также содержало нормы, имеющие отношение к медицинской деятельности, в частности, об ответственности за отравление. Однако подлинно системный характер правовое регулирование медицинской деятельности и ответственности врачей приобрело в эпоху Петра I, который, стремясь привести российское законодательство в соответствие с европейскими стандартами, уделял значительное внимание вопросам здравоохранения и правового статуса медицинских работников. Как отмечают исследователи, петровская эпоха ознаменовалась изданием нормативно-правовых актов, прямо устанавливающих ответственность медицинских работников и приравнивающих профессиональные медицинские правонарушения к уголовным. Важнейшими документами того времени стали Воинский и Морской уставы, которые фактически выполняли роль основных источников права, регулирующих медицинскую деятельность в России, ввиду отсутствия специального устава для гражданских врачей и лекарей [1].

Вершиной дореволюционного законодательства об ответственности медицинских работников стал Врачебный устав 1857 года, вошедший в XIII том Свода законов Российской империи и действовавший вплоть до Февральской революции 1917 года. Врачебный устав представлял собой объемный кодифицированный акт, состоявший из 1866 статей с многочисленными приложениями. Структурно он включал три книги: первая содержала нормы об организации врачебной и фармацевтической деятельности (врачебные установления), вторая – устав медицинской полиции и устав о карантинах, третья – устав судебной медицины. Устав подробно регламентировал порядок допуска к врачебной практике, устанавливая строгие требования как к российским подданным, так и к иностранным врачам, включая обязательное знание русского языка. Особое значение имели нормы, запрещавшие занятие врачебной практикой недипломированным лицам, и положения об ответственности за недозволенное и неправильное врачевание [3].

Вместе с Врачебным уставом нормы содержались в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, где была выделена специальная глава «О преступлениях и проступках

против постановлений, ограждающих народное здравие». В рамках этой главы отделение седьмое «О нарушении уставов врачебных» включало нормы об ответственности за недозволенное и неправильное врачевание (статьи 870–871.1) и за неисполнение обязанностей врачами, акушерами, повивальными бабками и т.п. (статьи 872–880). Статья 870 предусматривала возможность применения к дипломированным врачам, допускающим вследствие незнания своего искусства явные ошибки, таких мер, как временное воспрещение практики до выдерживания нового испытания. В случае же причинения смерти или важного вреда здоровью вследствие неправильного лечения виновный, если он был христианином, предавался церковному покаянию [1].

Советский период развития отечественного законодательства характеризовался существенными изменениями в правовом регулировании медицинской деятельности. Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов на протяжении длительного времени закрепляли лишь одно обстоятельство, исключающее уголовную ответственность и распространяющееся на деятельность медицинских работников – крайнюю необходимость. Вместе с тем, как отмечается в научной литературе, крайняя необходимость не охватывала многие аспекты медицинской деятельности, например, эксперименты в сфере трансплантации, случаи изъятия органов или тканей у живого донора для восстановления здоровья другого пациента. Несомненным достоинством уголовного законодательства советского периода являлось установление ответственности медицинских работников за разглашение врачебной тайны. Медицина в СССР была исключительно государственной, что получило закрепление в Конституциях 1936 и 1977 годов и в других законодательных актах. В результате правовое регулирование медицинской деятельности осуществлялось преимущественно в рамках государственного управления, что накладывало отпечаток и на понимание ответственности медицинских работников как ответственности прежде всего перед государством, а не перед пациентом.

Современный этап развития института ответственности медицинских работников характеризуется его комплексным характером и многоуровневым правовым регулированием. Медицинская деятельность в Российской Федерации осуществляется в соответствии с международным, федеральным и региональным законодательством, основными источниками медицинского права являются общие и специальные законодательные акты, устанавливающие понятия, права и обязанности участников соответствующих отношений, требования к оказанию медицинских услуг. Ответственность медицинских работников может наступать в различных формах: дисциплинарной, административной, гражданско-правовой и уголовной. При этом сохраняют свою актуальность и получают дальнейшее развитие теоретические представления об обстоятельствах, исключающих преступность деяния при осуществлении медицинской деятельности, таких как обоснованный риск, крайняя необходимость, исполнение профессиональных обязанностей.

Таким образом, проведенный анализ позволил нам сделать ряд выводов о развитии института ответственности медицинских работников в России:

- вопросы привлечения к ответственности медиков являлись актуальными на протяжении всей истории российской государственности, начиная с эпохи Киевской Руси;
- стремление государства к формированию целенаправленного отношения общества к медицинским ошибкам;
- меры ответственности носили динамический характер, от смягчения до ужесточения;
- движущим механизмом прогресса медицинской науки является ответственность;
- уровень правосознания общества определяет объем ответственности в сфере охраны здоровья;
- эволюция правовых и медицинских концепций сформировала комплексный подход к ответственности медицинских работников, сочетающий защиту прав пациентов и врачей.

Библиографический список

1. Глушков В.А. Ответственность медицинских работников за профессиональные правонарушения: история и современность / В.А. Глушков. – Текст : непосредственный // Журнал истории государства и права. – 2023. – № 5. – С. 12–19.
2. Зайцева А.М. Уголовная ответственность за ненадлежащее оказание медицинской помощи / А.М. Зайцева. – Москва: Проспект, 2023. – 896 с. – Текст : непосредственный.
3. Козлова Н.В. Правовое регулирование медицинской деятельности в России XI–XVII веков / Н.В. Козлова. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2023. – № 8. – С. 142–150.

Головачева Эвелина Владиславовна,
студент, ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи», г. Мариуполь
Научный руководитель – Василькова Евгения Андреевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и права, ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи», г. Мариуполь

ИНТЕГРАЦИЯ СИСТЕМ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ПЕНСИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье рассматриваются особенности интеграции систем социального обеспечения и пенсионного законодательства Донецкой Народной Республики с правовой системой Российской Федерации. Внимание уделяется Федеральному закону № 17-ФЗ от 17 февраля 2023 года, который является нормативной базой для назначения и перерасчёта пенсий, унификации страхового стажа и предоставления дополнительных мер социальной поддержки граждан. Определены перспективы дальнейшего совершенствования законодательства, внедрения инновационных управленческих решений и расширения социальных гарантий как условия стабильного функционирования социальной инфраструктуры республики.

Интеграция, социальное обеспечение, пенсионное законодательство, Донецкая Народная Республика, Федеральный закон №17-ФЗ, пенсионная система, социальная защита, унификация, правовое регулирование, персонифицированный учёт.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.67.01.

Golovacheva Evelina Vladislavovna,
Student, Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi, Mariupol
Scientific supervisor – Vasilkova Evgeniya Andreevna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration and Law, Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi, Mariupol

INTEGRATION OF SOCIAL SECURITY SYSTEMS AND PENSION LEGISLATION IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article examines the features of the integration of the social security and pension legislation systems of the Donetsk People's Republic with the legal system of the Russian Federation. Attention is paid to Federal Law No. 17-FZ of February 17, 2023, which serves as the regulatory basis for the assignment and recalculation of pensions, the unification of insurance experience, and the provision of additional social support measures for citizens. The article identifies the prospects for further improvement of legislation, the implementation of innovative management solutions, and the expansion of social guarantees as a condition for the stable functioning of the social infrastructure of the Republic.

Integration, social security, pension legislation, Donetsk People's Republic, Federal Law No. 17-FZ, pension system, social protection, unification, legal regulation, and personal records.

В условиях обострения социально-экономических проблем в Донецкой Народной Республике особое значение имеет интеграция систем социального обеспечения и пенсионного законодательства с аналогией Российской Федерации. Основой является Федеральный закон №17-ФЗ от 17 февраля 2023 года [1], который стал нормативной базой регулирования пенсионных прав и дополнительного социального обеспечения граждан, которые проживают на территории ДНР. Формирование системы социального обеспечения на территории ДНР связано с политическими событиями, которые начались в 2014 году. Провозглашение ДНР сопровождалось не только изменением государственного статуса региона, но и создание собственной правовой и социально-экономической базы для обеспечения населения. Конституция республики закрепила основы экономической и политической регламентации, которая включает вопросы социальной защиты, что стало отправной точкой для разработки специфического законодательства и организационных механизмов социальной поддержки. В условиях нестабильности и ограниченного международного признания социальная политика ДНР строилась, прежде всего, на интеграции с Российской Федерацией.

С 2023 года в республике начата процедура назначения и пересмотра пенсий по российским нормативам, а также осуществляется предоставление около 40 государственных услуг через социальные институты России. Такой процесс обусловлен необходимостью поддержки стабильности социальной системы и укрепления экономической устойчивости в сложных условиях [2]. Стратегия социального развития, принятая в ДНР, предусматривает

развитие гуманитарных, рыночных, финансовых, правовых и производственных сфер для решения социальных задач, что отличает республику от большинства субъектов Российской Федерации, где подобные стратегии реализуются в условиях более стабильной институциональной среды [2].

Пенсионная система основана на принципе с единым взносом на обязательное государственное социальное страхование, но сохраняются проблемы финансовой устойчивости и организации персонифицированного учета. Пока около 600 тысяч жителей получают пенсии по российским стандартам, а свыше 50 тысяч – по региональным программам, что отражает параллельное функционирование двух систем и необходимость их дальнейшей интеграции с учетом уникального статуса республики [4]. Уникальность социального обеспечения состоит в сочетании внутренней нормативной базы, отражающей политический суверенитет, и тесной интеграции с российскими социальными институтами. В связи с этим социально-политическая обстановка республики становится основой, на которой строится современная система социального обеспечения и пенсионного законодательства, отличающаяся от аналогичных систем в традиционных регионах Российской Федерации [4].

Федеральный закон №17-ФЗ от 17 февраля 2023 года [1] регулирует специфику пенсионного и социального обеспечения граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, а также Запорожской и Херсонской областей. С вступлением закона в силу 1 марта 2023 года пенсии жителям территорий назначаются и пересматриваются в соответствии с российским пенсионным законодательством, что означает фактический переход на правовое поле Российской Федерации в сфере социальной защиты [1]. Закон устанавливает процедуры назначения пенсий, учитывая необходимость адаптации ранее действовавших в Донбассе нормативов к российским стандартам. В частности, оговаривается порядок пересчёта пенсий, назначенных согласно локальному законодательству, и механизм перерасчёта размера пенсий, вычисленных по российской методике до начала действия закона. При этом в условиях, когда пенсионируемые граждане не имеют документов, подтверждающих трудовой стаж или доход, закон предусмотрел межведомственные комиссии, уполномоченные принимать решение на основании подтверждающего материала или свидетельских показаний, что обеспечивает правовую защиту наиболее уязвимых категорий населения. Закон унифицирует страховой и трудовой стаж, делая их совместимыми с российской системой учёта, что обеспечивает уравнивание правовых коллизий и условия для определения права на пенсию [1]. Федеральный закон №286249-8 [2] направлен на уточнение и детализацию процедур зачёта пенсий, предоставляемых по законодательству ДНР, а также рассматривает особенности военной и приравненной к ней службы, что отражено в отдельном федеральном законе №208- ФЗ от 13 июня 2023 года [1]. Юридическая интеграция реализуется через последовательное внедрение российских НПА с учётом положений и сохранением права граждан на получение пенсии при подтверждении стажа и иных условий по обеим системам. Законодательно закреплены меры по обеспечению безопасности персональных данных, а также регламентированы процедуры взаимодействия между региональными и федеральными органами власти. Значимость Федерального закона №17-ФЗ [1] заключается в создании единой правовой среды, назначения и выплаты пенсий, а также дополнительного социального обеспечения, что является необходимым условием перехода к организационно-экономическому этапу формирования устойчивой социальной инфраструктуры региона. Особенностью дополнительного социального обеспечения в ДНР является адаптация федеральных социальных программ с учётом специфики региона. Введена практика признания и подтверждения прав на выплаты для граждан, ранее имевших пенсии в украинской системе, что важно для госслужащих и иных категорий с прерванным статусом, утративших доступ к прежним пенсионным схемам. Закон предусматривает создание специальных комиссий и механизмов, упрощающих процедуру подтверждения таких прав, что позволяет избежать социальной изоляции и финансовой уязвимости среди этой группы населения. Особое внимание уделяется поддержке инвалидов, многодетных семей, ветеранов. Помимо денеж-

ной поддержки, реализуются социальные услуги по обеспечению доступности социальной и медицинской инфраструктуры, что способствует улучшению качества жизни наиболее слабозащищённых категорий. Внедрение цифровых платформ и информационных систем для учёта и контроля реализации дополнительных мер обеспечивает прозрачность и стимулирует ответственность органов власти на всех уровнях управления.

Анализ историко-политического вопроса показал, что особенности формирования социальной системы региона во многом обусловлены нестабильностью и спецификой правового статуса, что создаёт уникальные проблемы для осуществления эффективной социальной политики. Организационно-экономическое исследование подтвердило, что финансовая устойчивость пенсионной системы напрямую зависит от уровня экономического развития региона и эффективности расходования ресурсов. Несмотря на значительную федеральную поддержку, сохраняются проблемы недостаточной занятости и ограниченного уровня собственных доходов Пенсионного фонда ДНР, что требует инновационных финансовых и управленческих подходов.

Дополнительные меры социального обеспечения выявили их значимость в расширении социальной поддержки наиболее уязвимых категорий граждан. Внедрение адаптированных механизмов повышает качество жизни и снижает социальное напряжение, что содействует укреплению доверия населения к государственным институтам и стабильности системы в целом.

Перспективы развития пенсионной системы связаны с необходимостью интеграции адаптации законодательной базы к меняющимся социально-экономическим условиям. Акцент сделан на совершенствовании цифровых платформ для учета трудового стажа, улучшении механизмов финансирования и расширении социальных гарантий, что позволит повысить эффективность и гибкость системы.

ДНР полностью перешла на российские пенсионные стандарты: страховые пенсии, ИПК и фиксированная выплата. Индексация 2026 года составила 7,6% для страховых пенсий, 6,8% для социальных и 5,6% для ЕДВ. С 1 января 2026 года в Республике прекращены 12 видов старых региональных выплат, включая пособия многодетным и одиноким матерям, вместо них введены федеральные меры: единое пособие, материнский капитал и выплаты по уходу за ребенком до 1,5 лет. Часть старых нормативных актов утратила силу, но продолжают действовать новые законы ДНР – о поддержке сирот, инвалидов, а также муниципальные акты, например о признании граждан малоимущими для получения жилья. ЕДВ индексируются по общероссийским правилам, а статусы, полученные на Украине (доноры, ветераны), признаются в российской системе. Все социальные обязательства ДНР финансируются из федерального бюджета. Таким образом, система ДНР унифицирована с общероссийской: старые региональные пособия заменены федеральными, но отдельные новые региональные законы сохраняются.

Для обеспечения устойчивого функционирования и повышения социально-экономической поддержки населения необходимо продолжать совершенствовать нормативную базу, развивать инновационные модели и использовать современные технологии. В рамках такой согласованной политики можно создать эффективную и стабильную социальную инфраструктуру, которая отвечает потребностям жителей Донецкой Народной Республики.

Библиографический список

1. Об особенностях пенсионного и дополнительного социального обеспечения граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области : Федеральный закон от 17.02.2023 № 17-ФЗ. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48923 (дата обращения: 26.03.2026).
2. Об особенностях пенсионного и дополнительного социального обеспечения граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной

Республики, Запорожской области и Херсонской области : Федеральный закон от 17.02.2023 № 17-ФЗ. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439911/ (дата обращения: 26.03.2026).
3. Владимир Подгорный о стратегии социального развития ДНР. – Текст : электронный : официальный сайт Народного Совета ДНР. – URL: https://dnrsovet.gov.ru/vladimir-podgornyj-o-strategii-sotsialnogo-razvitiya-dnr/ (дата обращения: 26.03.2026).
4. Государственное регулирование социальной защиты. – Текст : электронный // donampa.ru. – URL: https://donampa.ru/images/document/repablic_o/33/8.pdf (дата обращения: 26.03.2026).
5. Олейникова И.Н. Анализ организационно-экономических основ пенсионного обеспечения в Донецкой Народной Республике / И.Н. Олейникова, Л.Ю. Иноземцева. – Текст : электронный // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2022. – № 2 (36). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-organizatsionno-ekonomicheskih-osnov-pensionnogo-obespecheniya-v-donetskoy-narodnoy-respublike (дата обращения: 26.03.2026).

Горбатый Роман Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции,
ФГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия», г. Макеевка, ДНР
Миленко Валентин Анатольевич,
студент, ФГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия», г. Макеевка, ДНР

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В данном исследовании проведен анализ взаимодействия правоохранительных органов с искусственным интеллектом. Установлено, что еще существует огромное пространство для развития и применения искусственного интеллекта, а также возможность оптимизировать процессы выполнения важных правоохранительных задач и систему управления.

Уголовная политика, цифровизация, правоохранительные органы, искусственный интеллект.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Gorbaty Roman Nikolaevich,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
Donbass Agrarian Academy, Makeyevka, DPR
Milenko Valentin Anatolyevich,
Student, Donbass Agrarian Academy, Makeyevka, DPR

LAW ENFORCEMENT AGENCIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROSPECTS FOR COOPERATION

This study analyzes the interaction of law enforcement agencies with artificial intelligence. It has been established that there is still a huge potential for the development and application of artificial intelligence, as well as the opportunity to optimize the processes of performing important law enforcement tasks and the management system.

Enforcement agencies, artificial intelligence.

Развитие технологий требует от общества ответов на новые вызовы и открывает огромное количество уникальных перспектив. Так, одним из перспективнейших направлений цифровизации является внедрение ИИ в работу правоохранительных органов. Отметим несколько направлений, где применение искусственного интеллекта является особенно актуальным на сегодня.

Интеллектуальная система видеонаблюдения, предполагает повсеместное развёртывание на территории Российской Федерации аппаратно-программных комплексов «Безопасный город», интегрированных с технологиями искусственного интеллекта и разрабатывающихся с 2014 года [1, с. 445]. Эта система представляет собой совокупность камер видеонаблюдения, расположенных на улицах городов и работающих на базе искусственного интеллекта, которые смогут обеспечивать не только фиксацию правонарушений, но и своевременное реагирование на них.

Необходимо подчеркнуть, что существенным отличием современных систем от традиционного видеонаблюдения является – использование алгоритмов компьютерного зрения, суть которых заключается в автоматическом анализе поступающих видеозаписей без участия человека. Более того, базовый ИИ системы способен осуществлять биометрическую идентификацию граждан: система выделяет из видеопотока лицо человека, строит его уникальный цифровой слепок и мгновенно сверяет его с базами данных правоохранительных органов.

Так, например, в городе Москва камеры, установленные в метрополитене (система «Сфера»), подключены к единому центру обработки данных. При попадании в объектив камеры лица, находящегося в федеральном розыске, алгоритм отправляет сигнал на планшет ближайшего наряда полиции с указанием точных координат и фотографии подозреваемого. Помимо идентификации личности, современные алгоритмы способны анализировать поведенческие особенности людей (как, например, китайская система СкайНет) и реагировать на них [2, с. 238].

В тоже время, легитимность применения технологий распознавания лиц в общественных местах является предметом острой юридической дискуссии.

Так, согласно ч. 2 ст. 11 Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» – обработка биометрических данных допускается только с письменного согласия субъекта [3]. В тоже время, законодатель предусмотрел возможность обработки персональных данных в целях осуществления правосудия, обороны, безопасности государства, противодействия терроризму и коррупции – без такого согласия.

Подчеркнем, что судебная практика, подтверждает правомерность использования таких систем. Так, например решение Тверского областного суда по жалобе Вишнера Н.А. на решения нижестоящих инстанций о привлечении его к административной ответственности по ч. 3 ст. 12.12 КоАП РФ (проезд на запрещающий сигнал светофора). Вишнер Н.А. оспаривал факт нарушения, ссылаясь на отсутствие достаточных доказательств. Суд, изучив материалы дела, согласился с предыдущими инстанциями, отметив, что записи с камеры «Азимут 4» (ИИ-камера) достаточно для установления правонарушения [4].

Следующее направление, это **предиктивная аналитика преступности и криминологическое прогнозирование**, заключается во внедрении превентивного анализа действий с целью предотвращения правонарушений либо ликвидации потенциальных угроз от его совершения. В основе такой системы должна лежать обработка больших массивов информации, связанной с криминогенными факторами. Искусственный интеллект сможет анализировать не только статистику преступлений (время, место, способ совершения), но и огромный пласт косвенных данных, которые человеческий разум не в состоянии систематизировать. При полном анализе прямых и косвенных факторов преступности, искусственный интеллект сможет находить различные закономерности между ними и предупреждать нарушение [2, с. 239].

Самым распространенным в нашей стране на сегодняшний день является направление деятельности по **автоматизации фиксации административных правонарушений**. Поскольку административное производство проходит в упрощённой форме в сравнении с уголовным, внедрение ИИ-технологий в эту отрасль права проходит в более оперативном характере. Так, использование искусственного интеллекта позволяет сделать этот процесс автоматизированным и алгоритмичным. Поэтому участие человека-инспектора во многих случаях становится необязательным.

В данный момент это новшество нашло свое отражение в действующем Кодексе об административных правонарушениях в статье 2.6.1., в которой закреплена «презумпция виновности собственника автомобиля за совершения ряда правонарушений». В части 2 указанной статьи закреплено «освобождение собственника от административной ответственности возможно, если он сможет доказать свою невиновность в ходе рассмотрения жалобы» [5].

Также вовремя развития нейросетей список правонарушений, за которые можно привлечь к административной ответственности без участия человека – расширяется. Если раньше камеры могли фиксировать только превышение скорости, то теперь они могут определять отсутствие полиса ОСАГО по номеру, фиксировать выезд на полосу встречного движения и другие. Такой подход обеспечивает принцип неотвратимости наказания в массовом масштабе, который невозможно реализовать силами сотрудников ДПС.

Последним, пожалуй, самым социально значимым направлением цифровизации является **применение искусственного интеллекта в следственной и оперативно-розыскной деятельности**.

В первую очередь, мы говорим об анализе больших данных при расследовании сложных экономических преступлений и коррупционных схем. ИИ-программа способна систематизировать цифровые данные, выявлять скрытые взаимосвязи между различными людьми и организациями и выстраивать логические догадки. Это позволяет эффективно отслеживать цепочки транзакций по отмыванию преступных доходов, даже если средства прошли через десятки счетов фирм-однодневок.

Существенный прорыв наблюдается и в криминалистической технике, особенно в сфере звуковой и видео экспертизы. Записи с камер наблюдения или диктофонов часто имеют низкое качество, изобилуют шумами и помехами. В таких случаях могут прийти на помощь алгоритмы, обученные улучшать или восстанавливать данные. Они могут улучшить детализацию видеоизображения, способны очистить речь от шума улицы и идентифицировать говорящего по уникальным параметрам голоса [6, с. 196].

Отдельного внимания заслуживает использование технологий разведки по открытым источникам для борьбы с киберпреступностью. Специализированные поисковые боты на базе ИИ работают в режиме реального времени и сканируют открытые и закрытые площадки, выявляя контент экстремистского характера или предложения о продаже запрещенных веществ.

Однако важно осознавать риск применения таких технологий: искусственный интеллект в уголовном процессе должен выступать исключительно как инструмент для человека-следователя. Окончательная оценка доказательств и принятие решения о виновности лица должны оставаться исключительной обязанностью человека, обладающего правосознанием и способностью к моральной оценке ситуации.

Таким образом, проведенный анализ данной проблематики позволяет констатировать, что:

- внедрение биометрических систем трансформирует сам процесс охраны общественного порядка: происходит переход от патрулирования по площадям к точечному реагированию на инциденты;
- возможности превентивного анализа в будущем кардинально изменят охрану правопорядка: от реактивного (постфактум) реагирования система придет предотвращению правонарушений;
- система административного производства уже начала свое изменение в сторону оптимизации процесса привлечения лиц к административной ответственности с помощью алгоритмов, отходя от традиционной системы анализа правонарушения должностным лицом;
- ИИ становится необходимым прикладным инструментом, кардинально меняющим тактику раскрытия и расследования преступлений;
- законодательство медленными шагами начинает подстраиваться под современные реалии и расширять базу для внедрения искусственного интеллекта, что видно по изменениям в важнейшие нормативные акты и по результатам судебной практики.

Библиографический список

1. Майоров В.И. Аппаратно-программный комплекс «безопасный город» как инструмент противодействия преступности / В.И. Майоров. – Текст : непосредственный // Виктимология. – 2022. – № 4. – С. 445–451.
2. Горбатый Р.Н. Проблемы защиты информации в «облачных сервисах» / Р.Н. Горбатый. – Текст : непосредственный // Цифровизация науки и образования: перспективы создания единой системы знаний: сборник научных трудов. – Казань, 2024. – С. 238–241.
3. О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ. – URL: https://legislationrf.ru/info3/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499769&dst=1000000001&cacheid=C9F26FBAD7EDC7095522EA07CFB57AE4&mode=splus&rnd=Ep13fw#s6dsLFViaai4Hf4d1 (дата обращения: 30.03.2026). – Текст : электронный.
4. Решение Тверского областного суда от 29 января 2026 г. по делу № 21-31/2026. – URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/349343847/paragraph/1:0 (дата обращения: 30.03.2026). – Текст : электронный.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : ФЗ от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 08.03.2026). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=mmvqdla0n8110258187 (дата обращения: 30.03.2026). – Текст : электронный.

6. Горбатый Р.Н. Цифровизация преступлений: настоящее или будущее / Р.Н. Горбатый. – Текст : непосредственный // Методология познания истории: объективные механизмы развития versus политический проективизм: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, 19 апр. 2024 г. / отв. ред. Т.Э. Рагозина. – Донецк: ДоНТУ, 2024. – С. 196–205.

Горянова Яна Евгеньевна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ В РОССИИ

Статья посвящена комплексному анализу современного состояния правового регулирования семейно-бытового насилия в Российской Федерации. Работа включает в себя анализ позиций ведущих ученых-правоведов относительно проекта закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», а также предложения по совершенствованию действующей нормативной базы, в целях обеспечения достойной защиты жизни и достоинства лиц, подвергающихся насилию со стороны членов семьи.

Семейно-бытовое насилие, правовая политика, жертва, декриминализация, семья.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.01.

Goryanova Yana Evgenievna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

ISSUES OF REGULATION OF DOMESTIC VIOLENCE IN RUSSIA

The article is devoted to a comprehensive analysis of the current state of legal regulation of domestic violence in the Russian Federation. The work includes an analysis of the positions of leading legal scholars regarding the draft law «On the Prevention of Domestic Violence in the Russian Federation,» as well as proposals for improving the current regulatory framework in order to ensure the dignified protection of the lives and dignity of individuals subjected to violence by family members.

Domestic violence, law policy, victim, decriminalization, family.

Проблема семейно-бытового насилия является одной из самых острых и дискуссионных в современной российской правовой и социальной повестке. Речь идет о деструктивной модели взаимодействия в семье, характеризующейся применением власти и контроля одним из супругов (сожителей) к другому. О масштабах данной проблемы свидетельствуют такие резонансные дела, как процессы над Куадыком Бишимбаевым, Дмитрием Кабановым, Дмитрия Грачева и др. [3].

Для того, чтобы проиллюстрировать границы домашнего насилия, приведем дело об убийстве петербурженки Александры Мурсаловой, которая, ведя активную деятельность блогера, сообщала подписчикам о неоднократных угрозах мужа «прирезать» её. 21 сентября 2021 года муж нанес ей 10 ножевых ранений в область шеи и головы, а затем скинул с 13-го этажа, не оставив шанса на выживание…

Как отмечают психологи, подобное поведение не имеет рационального обоснования, кроме стремления одного из участников отношений к подчинению воли и эмоциональной сферы другого, что приводит к подавлению индивидуальности последнего [6]. В доктрине уголовного права насилие традиционно коррелирует с причинением вреда соматическому здоровью лица, однако существует и иная трактовка, включающая в себя понятие насилия не только как физического воздействия на организм, но и как психическое давление, осуществляемое из корыстных побуждений либо с целью подавления личности.

Ввиду отсутствия в действующем законодательстве нормативно закрепленной дефиниции «семейно-бытовое насилие», данная категория носит оценочный характер, что обуславливает отсутствие унифицированного доктринального подхода к ее определению. Например, Л.А. Букалерова определяет семейное насилие как криминализированное принудительное воздействие на членов семьи, реализуемое через механизмы сексуального, физического или психического принуждения. А.Н. Фатеев рассматривает домашнее насилие как комплексное явление, включающее юридически наказуемые формы, а также поведенческие модели, не квалифицируемые как деликты. Эти неправовые формы, вступая в противоречие с устоявши-

мися моделями семейного взаимодействия, служат факторами, способствующими развитию насильственной преступности в семейно-бытовой среде [5, с. 16]

Отдельного внимания заслуживает фигура женщины, как объект данного вида насилия. Как отмечает профессор кафедры уголовного права СПбГУ Владислав Щепельков, в рамках парламентских слушаний, посвященных предупреждению преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, доля женщин, потерпевших от семейного насилия, представляет собой 70–75%, между тем в брачных отношениях это процент резко повышается, составляя 85–91% [2].

Согласно данным, полученным в ходе анкетирования сотрудников правоохранительных органов, от 60 до 80% изначально поданных заявлений о фактах физического насилия впоследствии отзываются. Проведенный опрос среди пострадавших демонстрирует, что из общего числа обращений в правоохранительные органы, лишь 56% завершаются официальной регистрацией заявления. Остальная масса не проходят регистрацию, доминирующей причиной здесь указывается примирение сторон.

Таким образом, поскольку данные деяния преимущественно совершаются в приватной сфере, а их жертвы, как правило, женского пола, склонны скрывать факт применения насилия, избегая «общественной огласки», что вызывает серьезное беспокойство.

В 2017 году Федеральным законом «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» было предусмотрено изъятие из диспозиции нормы квалифицирующего признака «в отношении близких лиц». Данное законодательное нововведение, по своей сути, ознаменовало декриминализацию деяний, сопряженных с нанесением побоев в семейно-бытовой сфере, и их трансформацию в категорию административных правонарушений (ст. 6.1.1. КоАП РФ). В настоящее время уголовная ответственность за такие деяния наступает исключительно в случае их повторного совершения лицом, ранее подвергнутым административному взысканию за аналогичное правонарушение (ст. 116.1 УК РФ) [1].

Указанные законодательные новеллы были призваны устранить правовое «неравенство», заключающееся в установлении уголовной ответственности за причинение физических страданий близким лицам и административное, если объектом является лицо, не состоящее в родственных или супружеских отношениях (коллегами, соседями и т.д.). Смысл декриминализации заключается в предоставлении возможности для исправления правонарушителя, что следует из диспозиции ст. 116.1 УК РФ, и оптимизации нагрузки на судебный аппарат мировых судей. Однако, необходимо отметить, что данная административная преюдиция существенно затрудняет пострадавшей стороне реализацию права на привлечение виновного к уголовной ответственности. Помимо этого, зачастую встречается ситуация, когда экономическое положение жертвы вынуждает ее продолжать проживание с агрессором. При этом, взыскание штрафа, назначенного в соответствии со ст. 6.1.1 КоАП РФ, будет осуществляться за счет семейного бюджета, что фактически затрагивает и материальные интересы потерпевшей стороны.

С 2016 года находится на рассмотрении законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», где «семейно-бытовое насилие – умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления». Данный нормативный акт призван обеспечить защиту кругу лиц, находящихся в супружеских (включая бывших супругов), родительско-детских, родственных отношениях, а также иных лиц, совместно проживающих, ведущих общее хозяйство и связанных свойством. Субъектом противоправного деяния признается лицо, достигшее совершеннолетия, совершившее либо совершающее семейно-бытовое насилие.

По своему содержанию, проект не относится к уголовной ответственности за побои и иное физическое воздействие, а ориентирован лишь на превентивные меры. До настоящего момента законопроект не обрел силу закона, а в социуме отсутствует единство взглядов по данному вопросу, в частности, связанной с недостаточной конкретизацией дефиниций и

правовой определенности. Так, Д.О. Корецкий выделяет существенный недостаток данного определения, выраженный в выведении семейно-бытового насилия за рамки правового поля, отмечая несоответствие использования термина «нарушитель», поскольку субъект, так именуемый, не совершает формального противоправного деяния, а лишь нарушает морально-этические нормы [4, с. 74–75].

Также критики данной законодательной инициативы выражают обеспокоенность относительно фактического внедрения презумпции виновности лица, в отношении которого подано заявление, а также указывают на риски необоснованного вмешательства государственных и общественных институтов в автономию семьи, что, по их мнению, несет угрозу целостности института брака.

Напротив, сторонники реформы акцентируют внимание на необходимости совершенствования инструментария защиты прав личности в бытовой сфере. Предлагаемый перечень превентивных мер включает как просветительские методы, так и профилактический надзор, комплексные меры по социальной реабилитации и адаптации лиц, подвергшихся насилию.

Резюмируя вышеизложенное следует отметить, что семейно-бытовое насилие является структурным элементов составов преступлений и административных деликтов в сфере быта. Низкая эффективность превентивных мер обусловлена, в частности, неоправданной декриминализацией деяний, которые были ошибочно классифицированы законодателем как не представляющие значительной общественной опасности, однако, несмотря на формальную малозначительность, подобные акты насилия способствуют формированию устойчивой криминогенной установки личности на насильственную модель поведения. При расследовании преступлений необходимо исследовать и изучать тип личности и мотивы, которые он изъявляет при совершении преступления [7, с.251].

Для решения данной проблемы, на наш взгляд, необходимо, во-первых, закрепить нормативно-правовую базу, для регулирования отклоняющегося от нормы взаимоотношения членов семьи. Во-вторых, совершить перевод данной категории дел из частного в сферу частно-публичного обвинения, поскольку существующая форма не дает гарантий защиты потерпевших от воздействия агрессора, а «примирение» зачастую происходит под давлением. Необходимо, чтобы правоохранительные органы были обязаны принимать во внимания все материалы, относящиеся к бытовому насилию, независимо от желания жертвы.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) – Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b3dde6a7ee3fb5131c7f3537d550a4850b757e5b/ (дата обращения: 20.03.2026).
2. Щепельков В. Жертвами насилия в семье чаще всего становятся женщины / В. Щепельков. – Текст: электронный // Санкт-Петербургский государственный университет: офиц.сайт. – URL: https://spbu.ru/news-events/universitet-v-smi/zhertvami-nasiliya-v-seme-chashche-vsego-stanovyatsya-zhenshchiny (дата обращения: 20.03.2026).
3. Комиссарова А. Громкие истории семейного насилия: как убивали своих жен Бишимбаев, Лошагин, Кабанов, Горовой / А. Комиссарова. – Текст: электронный // Lenta.ru : офиц. сайт. – URL: https://lenta.ru/articles/2024/05/26/victims/ (дата обращения: 20.03.2026).
4. Корецкий Д.А. Семейное насилие как элемент бытовой преступности / Д.А. Корецкий. – Текст: электронный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2020. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semeynoe-nasilie-kak-element-bytovoy-prestupnosti (дата обращения: 26.03.2026).
5. Рубанцова Т. Семейно-бытовая преступность в России: причины и условия / Т. Рубанцова. – Текст: электронный // Norwegian Journal of Development of the Interna-

tional Science. – 2021. – №68. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semeyno-bytovaya-prestupnost-v-rossii-prichiny-i-usloviya (дата обращения: 20.03.2026).
6. Семейное (бытовое) насилие как деструктивный фактор, влияющий на демографический потенциал. – Текст: электронный. // Администрация Верхнехавского муниципального района Воронежской области: офиц. сайт. – URL: https://vhava-r36.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_484.html (дата обращения: 20.03.2026).
7. Карягина О.В. Психологический анализ личности преступника при раскрытии преступлений как одна из задач предварительного расследования / О.В. Карягина, Ю.В. Кузнецова // Наука и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Таганрог, 10 ноября 2023 года. – Таганрог: ДиректСайнс, 2023. – С. 248–251. – EDN LBPTJC.

Гулимов Игорь Витальевич,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Каменева Полина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ПЕРЕДАЧЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В АРЕНДУ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются правовые основы деятельности органов местного самоуправления в сфере предоставления земельных участков в аренду. Анализируются нормы Земельного кодекса Российской Федерации, Федерального закона № 131-ФЗ, а также ключевые положения гражданского законодательства, регулирующие арендные правоотношения с участием публично-правовых образований. Особое внимание уделяется процедуре проведения торгов, основаниям для заключения договора аренды без проведения конкурса и типичным нарушениям, выявляемым в ходе судебного контроля. На основе анализа судебной практики выявлены системные противоречия между федеральным регулированием и реальными управленческими практиками муниципалитетов. Автором сформулированы конкретные предложения по изменению статьи 39.6 ЗК РФ в части сокращения перечня оснований для внеаукционного предоставления участков и установления обязательного срока публикации извещений о торгах.

Земельные участки, аренда, органы местного самоуправления, торги, Земельный кодекс, муниципальное имущество, договор аренды, предоставление земли, судебная практика, правоприменение.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.55.01.

Gulimov Igor Vitalievich,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Kameneva Polina Valerievna,
Candidate of Law, Research Supervisor, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

LEGAL REGULATION OF LOCAL GOVERNMENT ACTIVITIES IN LEASING LAND PLOTS: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

The article examines the legal framework governing local government activities in the sphere of land lease. The author analyses provisions of the Land Code of the Russian Federation, Federal Law No. 131-FZ, and key civil law norms regulating lease relations involving public entities. Special attention is paid to tendering procedures, grounds for concluding contracts without a competitive process, and typical violations identified through judicial review. Based on case law analysis, systemic contradictions between federal regulation and actual municipal management practices are identified. The author puts forward specific proposals to amend Article 39.6 of the Land Code of the Russian Federation, including reducing the list of grounds for non-auction land allocation and establishing a mandatory publication period for tender notices.

Land plots, lease, local government bodies, tender, Land Code, municipal property, lease agreement, land allocation, judicial practice, law enforcement.

Земельные отношения в части предоставления участков в аренду остаются одной из наиболее конфликтных сфер муниципального управления. Ежегодно арбитражные суды рассматривают тысячи дел, связанных с оспариванием результатов торгов, признанием договоров аренды недействительными или понуждением муниципалитетов к заключению договора. Это свидетельствует не просто о правоприменительных трудностях – в значительной мере проблема носит системный характер и уходит корнями в противоречия между федеральным законодательством и реальной практикой местных администраций.

Цель настоящей статьи – выявить ключевые теоретические и практические проблемы правового регулирования деятельности органов местного самоуправления по передаче земельных участков в аренду и на основе анализа действующего законодательства и судебной практики сформулировать конкретные предложения по совершенствованию норм Земельного кодекса Российской Федерации.

Компетенция органов местного самоуправления в данной сфере определяется несколькими уровнями правового регулирования. Земельный кодекс Российской Федерации в статье

39.6 закрепляет общий порядок предоставления участков в аренду: по общему правилу – исключительно через торги, проводимые в форме аукциона [1]. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» относит управление и распоряжение муниципальным имуществом, включая земельные участки, к вопросам местного значения [2]. Гражданский кодекс РФ дополняет эту конструкцию нормами о договоре аренды – главой 34, устанавливающей требования к форме, содержанию и исполнению соответствующих обязательств [3].

Аукционная процедура, введенная в качестве основного способа предоставления земли, преследует вполне конкретную цель: исключить произвольное распределение публичного ресурса и обеспечить конкуренцию между потенциальными арендаторами. На практике, однако, торги нередко превращаются в формальность. Фиксируются случаи, когда к участию в аукционе допускается лишь один претендент, начальная цена искусственно завышается или, напротив, занижается, а информация о предстоящих торгах размещается с нарушением установленных сроков. Суды квалифицируют подобные ситуации как нарушение антимонопольного законодательства и признают результаты таких торгов недействительными [4, 5].

Законодатель предусмотрел значительный перечень исключений из общего правила об аукционе. Статья 39.6 ЗК РФ содержит более двадцати оснований для заключения договора аренды без торгов – в пользу отдельных категорий граждан, субъектов малого предпринимательства, организаций, реализующих инфраструктурные проекты, и ряда других. Широта этого перечня сама по себе создает риски злоупотреблений: при желании администрация почти всегда может подобрать формальное основание для внеконкурсного предоставления участка. Анализ судебной практики показывает, что именно споры о правомерности применения льготных оснований составляют значительную часть земельных дел.

Суды выработали ряд устойчивых позиций в данной категории споров. Во-первых, расширительное толкование исключений из аукционного порядка не допускается: перечень оснований статьи 39.6 ЗК РФ является исчерпывающим. Во-вторых, наличие формального основания для предоставления участка без торгов не освобождает муниципальный орган от обязанности обосновать выбор конкретного лица в качестве арендатора. В-третьих, нарушение процедуры предоставления влечет ничтожность договора аренды в соответствии с пунктом 2 статьи 168 ГК РФ как сделки, противоречащей требованиям закона и посягающей на публичные интересы [6].

Среди практических проблем особого внимания заслуживает вопрос о статусе ранее возникших арендных правоотношений. Значительная часть договоров аренды земельных участков заключалась в период до принятия действующего ЗК РФ либо в промежутке между его принятием и формированием нынешней редакции статьи 39.6. Многие из этих договоров содержат условия, не соответствующие действующему законодательству, однако продолжают действовать на основании принципа стабильности гражданских правоотношений. Это порождает правовую неопределенность как для арендаторов, так и для муниципальных органов, которым приходится применять нормы с учетом переходных положений.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов. Правовое регулирование аренды земельных участков органами местного самоуправления представляет собой сложную многоуровневую конструкцию, в которой федеральные нормы, региональное законодательство и муниципальные правовые акты не всегда образуют согласованную систему. Основные проблемы сосредоточены в трех плоскостях: избыточная широта исключений из аукционного порядка, недостаточная прозрачность процедур предоставления участков и правовая неопределенность в отношении ранее возникших арендных отношений.

По итогам исследования автор считает необходимым внести в статью 39.6 ЗК РФ следующие изменения. Во-первых, сократить перечень оснований для внеаукционного предоставления земельных участков, исключив из него позиции, допускающие произвольное толкование со стороны органов местного самоуправления, и оставив лишь те основания, которые связаны с четко формализованным правовым статусом арендатора. Это позволит

устранить главный канал злоупотреблений, не нарушая при этом защиты действительно льготных категорий.

Во-вторых, закрепить в законе обязательный минимальный срок публикации извещения о проведении аукциона – не менее 60 дней до его начала вместо нынешних 30 дней, установленных постановлением Правительства РФ от 11.11.2002 № 808. Увеличение срока обеспечит реальную, а не формальную конкуренцию на торгах: потенциальные арендаторы из других муниципалитетов и регионов получат достаточно времени для подготовки заявки. Мировой опыт – в частности, практика Германии и Нидерландов, где публичные земельные аукционы анонсируются за 90 дней – подтверждает, что увеличение срока публикации напрямую коррелирует с числом участников и итоговой ценой аренды [7].

Реализация предложенных изменений не потребует кардинального пересмотра всей системы земельных отношений, однако способна существенно снизить число судебных споров и повысить доходность муниципального имущественного комплекса.

Библиографический список

1. Земельный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федер. закон от 06 окт. 2003 г. № 131-ФЗ : (ред. от 22.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : ФЗ от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06 марта 2023 г. по делу № А32-28789/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10 августа 2023 г. по делу № А15-1989/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Тихомиров М.Ю. Земельные участки: основания и порядок приобретения прав / М.Ю. Тихомиров. – Москва : Изд-во Тихомирова М.Ю., 2022. – 143 с. – Текст : непосредственный.
7. Крассов О.И. Земельное право : учебник / О.И. Крассов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. – 560 с. – Текст : непосредственный.
8. Андреев Ю.Н. Аренда государственного и муниципального имущества: правовые проблемы / Ю.Н. Андреев. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2020. – № 6. – С. 68–79.

Дашин Алексей Викторович,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности, ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», г. Самара
Шаповалов Анатолий Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар

ДОКТРИНАЛЬНЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В статье рассматриваются основные направления к пониманию феномена «юриспруденции». Обращается внимание на эволюцию методологических подходов к пониманию сущности права. Обосновывается важность различных подходов к изучению юридической науки посредством смежных дисциплин, таких как социология, история, экономика, география, а также культурного контекста национального законодательства.

Юриспруденция, доктринальный и институциональный подходы, методология, наука, юридические исследования.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.00.

Dashin Alexey Viktorovich,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Support for Economic Activity, Samara State University of Economics, Samara
Shapovalov Anatoly Vyacheslavovich,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar

DOCTRINAL AND INSTITUTIONAL APPROACHES TO UNDERSTANDING JURISPRUDENCE

The article discusses the main approaches to understanding the phenomenon of «jurisprudence.» It focuses on the evolution of methodological approaches to understanding the essence of law. The article emphasizes the importance of various approaches to studying legal science through related disciplines such as sociology, history, economics, geography, and the cultural context of national legislation.

Jurisprudence, doctrinal and institutional approaches, methodology, science, legal research.

Возникновение юриспруденции и ее последующая институционализация как научной дисциплины были в значительной степени обусловлены изучением и интерпретацией римских юридических документов. На протяжении всего Средневековья правовая доктрина считалась «научной дисциплиной», поскольку в те времена главным критерием научного статуса дисциплины была «авторитетная интерпретация», а не «эмпирические исследования» [1, с. 122]. Впоследствии эта дисциплина распространилась из первых университетов Италии по всей Европе. В то время правовая работа в основном ограничивалась рамками отдельных государств из-за различий в правовых системах. Такой ранний подход к праву как к научной дисциплине представляет собой так называемый «доктринальный подход», который до сих пор является наиболее распространенным пониманием правовой работы.

Однако со второй половины XVII века, но особенно с XIX века и по сей день, развивался и другой подход. С появлением позитивизма, предполагающего, что единственно достоверное знание возникает в результате научных исследований и опровержения научных теорий, сформировалось новое понимание науки. Новым научным идеалом стало использование эмпирических данных, проверка гипотез и разработка теорий, не зависящих от географических ограничений. В результате изменилось и право как научная дисциплина [2, с. 212]. Фокус исследований в области права частично сместился как с точки зрения исследовательских вопросов, так и с точки зрения методологии.

В 1960-х и 1970-х годах представители правового реализма и социологи права положили начало движению за изучение права и общества и указали на важность понимания разницы между «правом в книгах» и «правом в действии», а также функционирования права в обществе. Они были заинтересованы в изучении правовой системы с точки зрения того,

приводит ли правовая реформа к благотворным социальным последствиям и защищает ли интересы общества. Аналогичным образом, в 1980-х годах критические юридические исследования интегрировали идеи и методы, найденные в таких дисциплинах, как социология, антропология и теория литературы.

Поскольку юриспруденция является дисциплиной между естественными и гуманитарными науками, это новое движение в значительной степени заимствовало методологию у социальных наук. Появились новые смежные дисциплины, в том числе юридическая социология, юридическая психология, право и экономика и другие. Этот подход, который также называют социально-правовым, включает в себя новые темы и методологические направления с упором на эмпирические исследования и построение теорий и получил широкое распространение в академических кругах.

Такой контекстуализированный подход к праву привел к появлению исследований о взаимосвязи права и общества, а также о вопросах властных отношений.

Открытость к контекстуализации права признает тот факт, что на право влияют идеи и дискурсы из других дисциплин, таких как социология, экономика, политология, история и психология.

Появляются и продолжают развиваться новые подходы и комбинации методов. Общепринятый доктринальный подход к юридическим исследованиям, то есть сбор, чтение и интерпретация (юридических) текстов, все чаще подвергается критике как основной методологический подход. По мнению критиков, в юридических публикациях и преподавании в академических учреждениях недостаточно внимания уделяется методологическим подходам, используемым в традиционных юридических исследованиях [3, с. 2]. Эта критика основана на сравнении с другими устоявшимися дисциплинами в области социальных наук, которые на протяжении десятилетий используют широкий спектр методологических подходов. Это также стало возможным благодаря фундаментальным изменениям, произошедшим в академической среде за последние десятилетия, особенно в области методологических достижений и тенденций интернационализации.

Институционализация юриспруденции, возникновение научного сообщества юристов, учебных заведений и других «атрибутов» научной инфраструктуры, не может, тем не менее, служить основанием для строительства «китайской стены» между ней и другими общественными дисциплинами [4, с. 78].

Кроме того, понимание современного патентного права, экологического права и законодательства в сфере информационных технологий предполагает углубленное изучение биотехнологий, экологии и информационных технологий.

В целом целью юридических исследований является понимание права и правовой системы. Методологический подход можно представить в виде концентрических кругов: самый маленький круг – это понимание конкретного положения, затем этого положения в рамках соответствующей правовой системы (например, национального или европейского правопорядка), затем в рамках конкретного социального контекста, а затем в глобальном масштабе. Как уже говорилось, существуют разные подходы к этому вопросу: доктринальные исследования рассматривают право с теоретической точки зрения как самодостаточный набор принципов, доступных через юридические тексты. Это подход Г. Кельзена, согласно которому правовые исследования посвящены не процессу или содержанию права, а его структуре, независимой от какого-либо контекста. Социально-правовые исследования, напротив, в основном сосредоточены на праве как социальном явлении с его социальными, экономическими и политическими последствиями, которые исследователь часто пытается проанализировать с помощью эмпирических методов в междисциплинарном ключе.

В то время как большинство научных публикаций и практических работ в области права относятся к первой категории, второй тип в последние десятилетия стал гораздо более востребованным в академическом дискурсе.

Социально-правовые исследования направлены на расширение картины правовой ситуации и учитывают факторы и данные, не ограничиваясь исключительно правовыми и подзаконными актами. Признается важность социологического, исторического, экономического, географического и/или культурного контекста законодательства, и для лучшего понимания основных проблем собираются эмпирические данные по этим элементам. Качественные и количественные методы сбора эмпирических данных включают наблюдение, анкетирование, контент-анализ, интервью, опросы, эксперименты и другие. Качественные методы могут помочь в контекстуализации последующего количественного анализа собранных данных. Окончательный выбор методов зависит от исследовательских вопросов, целей и контекста. Как и в случае с доктринальным подходом, исследование может проводиться в рамках кейс-стади, когда все методы исследования и анализа сосредоточены на одной конкретной ситуации. Социально-правовые исследования могут преследовать те же цели, что и классические юридические исследования (совершенствование законодательства, поиск решений), но в целом они направлены на изучение влияния правовой системы на общество.

Библиографический список

1. Ван Хук М. Методология сравнительно-правовых исследований / М. Ван Хук. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 3(308). – С. 121–147.
2. Методология юриспруденции / К. Ларенц, К.-В. Канарис ; пер. с нем. К.В. Нама. – Москва : М-Логос, 2024. – 357 с. – Текст : непосредственный.
3. Methodology of legal research: Challenges and opportunities / Langbroek P., Bos K. van den, Thomas M.S., Milo M., Rossum W. van // Utrecht law review. – Utrecht, 2017. – Vol. 13, Issue 3. – Pp. 1–8.
4. Честнов И.Л. Проблемы и перспективы юридической науки XXI века / И.Л. Честнов. – Текст : непосредственный // Юриспруденция XXI века: горизонты развития: очерки / под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. С. 69–110.

Дорофеев Сергей Вячеславович,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ОТДЕЛЬНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье раскрываются особенности реализации конституционного принципа языка уголовного судопроизводства на различных стадиях уголовного процесса в Российской Федерации. Анализируются правовые нормы, регулирующие языковые права участников процесса, выявляются практические проблемы их реализации и предлагаются пути совершенствования законодательства. Особое внимание уделено вопросам обеспечения прав лиц, не владеющих или недостаточно владеющих языком судопроизводства.

Принцип, язык судопроизводства, уголовный процесс, стадии, особенности реализации.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.79.01.

Dorofeev Sergey Vyacheslavovich,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF THE LANGUAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS AT CERTAIN STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS

The article reveals the features of the implementation of the constitutional principle of the language of criminal proceedings at various stages of the criminal process in the Russian Federation. It analyzes the legal norms regulating the language rights of participants in the process, identifies practical problems in their implementation, and suggests ways to improve the legislation. Special attention is paid to ensuring the rights of individuals who do not speak or have insufficient proficiency in the language of legal proceedings.

Principle, language of legal proceedings, criminal procedure, stages, and implementation features.

Принцип языка уголовного судопроизводства – один из фундаментальных принципов российского уголовного процесса, закрепленный в ст. 26 Конституции РФ [3] и ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [5]. Он гарантирует право каждого участника процесса пользоваться родным языком или языком, которым он свободно владеет, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика.

Актуальность темы обусловлена многонациональным составом населения РФ, ростом миграционных потоков и увеличением числа иностранных граждан, вовлеченных в уголовный процесс, необходимостью обеспечения равных процессуальных прав для всех участников независимо от их языковой принадлежности, а также наличием практических проблем в реализации языковых прав на разных стадиях процесса. Например, в регионах с компактным проживанием национальных меньшинств (Татарстан, Башкортостан, Дагестан и др.) часто возникает потребность в переводе процессуальных документов на местные языки. Среди иностранных граждан особую группу составляют трудовые мигранты из стран СНГ, которые нередко становятся потерпевшими или свидетелями преступлений, но плохо владеют русским языком.

Цель статьи – проанализировать особенности реализации принципа языка судопроизводства на различных стадиях уголовного процесса и предложить пути совершенствования правового регулирования в этой сфере.

Правовое регулирование принципа языка уголовного процесса осуществляется на нескольких уровнях: Конституция РФ (ст. 26, право на пользование родным языком) [3], УПК РФ (ст. 18, язык уголовного судопроизводства) [5], международные акты (Всеобщая декларация прав человека [1], Международный пакт о гражданских и политических правах [2]), а также федеральные законы и подзаконные акты. Согласно ст. 18 УПК РФ [5], уголовное судопроизводство ведется на русском языке либо на государственном языке республики, входящей в состав РФ. В Верховном Суде Российской Федерации, кассацион-

ных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции, военных судах производство по уголовным делам ведется на русском языке. Участникам процесса, не владеющим языком судопроизводства, обеспечивается право бесплатно пользоваться помощью переводчика. Процессуальные документы, подлежащие вручению подозреваемому, обвиняемому, должны быть переведены на родной язык или язык, которым они владеют. Это положение конкретизируется в других статьях УПК РФ [5], например, в ст. 46 и 47, гарантирующих право подозреваемого и обвиняемого давать показания на родном языке.

На стадии предварительного расследования принцип языка судопроизводства реализуется наиболее полно. Подозреваемый и обвиняемый вправе давать показания на родном языке и бесплатно пользоваться помощью переводчика (ч. 2 ст. 46, ч. 2 ст. 47 УПК РФ [5]). Все следственные действия (допросы, очные ставки, обыски и т.д.) проводятся с участием переводчика при необходимости. Процессуальные документы (протоколы, постановления) составляются на языке судопроизводства, но вручаются в переводе, а переводчик предупреждается об ответственности за заведомо неправильный перевод (ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [4]). Вместе с тем на этой стадии выявляются и существенные проблемы: нехватка квалифицированных переводчиков, особенно по редким языкам (например, дагестанский язык, язык народов Крайнего Севера), затягивание сроков расследования из-за ожидания переводчика, случаи привлечения несертифицированных переводчиков. В некоторых случаях следователи вынуждены привлекать родственников или знакомых участников процесса, что ставит под сомнение объективность перевода.

В судебном производстве языковые гарантии максимально детализированы. Подсудимый вправе выступать на родном языке и пользоваться помощью переводчика (ст. 47 УПК РФ [5]). Все судебные документы (обвинительное заключение, приговор и т.д.) должны быть переведены. В ходе судебного разбирательства переводчик обеспечивает двусторонний перевод показаний, вопросов и ответов. Среди проблем можно выделить недостаточную квалификацию некоторых переводчиков, субъективность перевода, влияющую на восприятие доказательств, и значительные финансовые затраты на оплату услуг переводчиков. Например, при рассмотрении многоэпизодных дел с участием нескольких иностранных граждан расходы на перевод могут достигать десятков тысяч рублей, что ложится нагрузкой на федеральный бюджет. Кроме того, иногда переводчики допускают ошибки из-за незнания юридической терминологии, что искажает смысл сказанного.

На стадиях апелляционного, кассационного и надзорного производства принцип языка сохраняется. Жалобы и представления подаются на языке судопроизводства либо с переводом, участники процесса вправе давать объяснения на родном языке, а судебные решения должны быть доступны в переводе. Однако и здесь возникают сложности: задержки в рассмотрении жалоб из-за необходимости перевода документов и ограниченный доступ к переводчикам на удаленных территориях. В таких удаленных субъектах, как, например, Якутия или Камчатка, могут отсутствовать переводчики с редких языков, что также дополнительно усложнит процесс.

На наш взгляд, в целях повышения эффективности реализации принципа языка уголовного судопроизводства, необходимо предпринять следующие меры. Прежде всего, целесообразными видятся создание единой федеральной базы сертифицированных переводчиков, в которой будут указываться язык, которым переводчик владеет, и его специализация, а также разработка стандартов квалификации процессуальных переводчиков и введение процедуры их аттестации. Указанные нововведения позволят отсеять некомпетентных специалистов и обеспечат высокое качество перевода.

Также, на наш взгляд, следует расширить практику применения видеоконференцсвязи с переводчиками из других регионов, что поможет оперативно решать вопросы, связанные с языковым сопровождением и в полном объеме реализации принципа состязательности сторон [6].

Кроме того, полагаем необходимым усиление контроля за качеством перевода на всех стадиях уголовного процесса и увеличение объемов финансирования, выделяемого на оплату услуг переводчиков.

Важным представляется введение обязательного обучения сотрудников правоохранительных органов основам межкультурной коммуникации. Это поможет сотрудниками лучше понимать потребности не владеющих языком участников процесса, в связи с чем, будет более эффективно организована работа с переводчиками.

Таким образом, реализация принципа языка судопроизводства – важное условие обеспечения прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе. Несмотря на тот факт, что нормативно-правовая основа, регулирующая данную сферу, достаточно разработана, на практике возникают определенные сложности, которые, в первую очередь, связаны с нехваткой квалифицированных специалистов, затягиванием сроков и финансовыми затратами.

Полагаем, что совершенствование механизма реализации принципа языка уголовного судопроизводства, должно идти по пути стандартизации требований, предъявляемых к переводчикам, расширения внедрения современных технологий, усиления контроля за качеством переводов и повышения доступности услуг переводчика на всех стадиях уголовного процесса. Предложенные в настоящей работе меры позволят обеспечить наиболее полную реализацию конституционных гарантий и повысить уровень доверия к правоохранительным и судебным органам со стороны многонационального населения Российской Федерации.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013200 (дата обращения: 19.04.2026).
2. Международный пакт о гражданских и политических правах [принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144205 (дата обращения: 19.04.2025).
3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : [с учетом поправок, внесенных законами №6-ФКЗ от 30.12.2008, №7-ФКЗ от 30.12.2008, №2-ФКЗ от 5.02.2014, №11-ФКЗ от 21.07.2014, №1-ФКЗ от 14.03.2020, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020, с учетом включения новых субъектов РФ, внесенных федеральными конституционными законами №5-ФКЗ от 04.10.2022, №6-ФКЗ от 04.10.2022, №7-ФКЗ от 04.10.2022, №8-ФКЗ от 04.10.2022]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 19.04.2026).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) [принят Государственной Думой 24.05.1996, одобрен Советом Федерации 05.06.1996]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891 (дата обращения: 19.04.2026).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) [принят Государственной Думой 22.11.2001, одобрен Советом Федерации 05.12.2001]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. –

URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942 (дата обращения: 19.04.2026).
6. Карягина О.В. Проблемы реализации принципа состязательности сторон в доказательственной деятельности на досудебных стадиях уголовного процесса / О.В. Карягина, А.А. Шевченко // Развитие конституционного и отраслевого законодательства в эпоху глобальных перемен и больших вызовов : материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию принятия Конституции Российской Федерации, Волгоград, 01–02 декабря 2023 года. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2024. – С. 270–276. – EDN XJBNIY.

Доценко Николай Николаевич,
аспирант, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», Ростов-на-Дону
Працко Геннадий Святославович,
доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения»;
профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права,
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОСТИ ПРАВОПОРЯДКА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОДХОДА П.И. НОВГОРОДЦЕВА

В статье реконструируется подход П.И. Новгородцева к правосознанию как внутреннему условию устойчивости правопорядка. Показано, что в его философии права право не сводится к системе положительных предписаний, обеспеченных государственным принуждением, а правопорядок не исчерпывается внешней дисциплиной и институциональной упорядоченностью. Раскрывается связь правосознания с концепцией возрождённого естественного права, идеей автономной личности и нравственной критикой положительного закона.

Правосознание, правопорядок, философия права, естественное право, справедливость, правовое государство, легитимность права.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Dotsenko Nikolay Nikolaevich,
Postgraduate student, Don State Technical University, Rostov-on-Don
Pratsko Gennady Svyatoslavovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Russian University of Transport, Rostov-on-Don;
Professor of the Department of Commercial and Entrepreneurial Law, Don State Technical University, Rostov-on-Don

LEGAL CONSCIOUSNESS AS A CONDITION FOR THE STABILITY OF THE RULE OF LAW: RECONSTRUCTING P.I. NOVGORODTSEV'S APPROACH

The article reconstructs P.I. Novgorodtsev's approach to legal consciousness as an internal condition for the stability of the rule of law. It is shown that, in his philosophy of law, law is not reduced to a system of positive prescriptions enforced by state coercion, while the legal order is not exhausted by external discipline and institutional organization. The article reveals the connection between legal consciousness, the concept of revived natural law, the idea of the autonomous person, and the moral critique of positive law.

Legal consciousness, legal order, philosophy of law, natural law, justice, rule-of-law state, legitimacy of law.

Реконструкция подхода П.И. Новгородцева к правосознанию предполагает отказ от сведения права к совокупности положительных предписаний, обеспеченных государственным принуждением. В его философии права правопорядок не совпадает с внешней дисциплиной, а право не исчерпывается действующим законом. Положительное право представляет собой исторически обусловленную форму организации общественной жизни, однако критерий его оценки лежит вне самой системы установленных норм – в сфере нравственно-правовых начал. Устойчивость правопорядка не может быть объяснена только санкцией, институциональной согласованностью или технической исполнимостью закона.

Логика связана у правоведа с концепцией возрождённого естественного права. Речь идёт не о восстановлении набора неизменных надположительных норм, а о признании критической функции естественного права по отношению к положительному. Естественное право выступает не альтернативным кодексом, а высшим масштабом оценки законодательства, ибо позволяет различать юридически действительное и нравственно оправданное. Принципиальный вывод: закон может сохранять формальную обязательность, но утрачивать внутреннюю правовую ценность, если разрывает связь со справедливостью, достоинством личности и нравственным долгом. Философия права у П.И. Новгородцева перестаёт быть внешним комментарием к юриспруденции и становится необходимым уровнем юридического знания. Без неё невозможно ответить на вопрос, почему установленное предписание должно признаваться правом не только формально, но и содержательно.

Основанием такой постановки вопроса выступает кантовски ориентированное понимание личности. П.И. Новгородцев выводит право не из фактических интересов индивида и не из социальных функций, а из идеи автономной личности как носителя нравственного закона. Личность для него – не эмпирический индивид, а центр нормативной само обязанности, способный соотносить свои действия с требованием должного. Свобода получает правовой смысл не как произвольное самоутверждение, а как само законность, то есть способность признавать над собой нравственный закон и действовать не только из интереса, но и из долга. Двойное ограничение: государство не вправе обращаться с человеком как со средством внешних целей, а общество не может подчинять себе внутреннюю свободу лица. Через принцип личности право связывается с нравственным содержанием, а правопорядок получает внутреннее основание легитимности [3, с. 39].

Данный подход определяет и понимание правового государства. Для учёного оно не является самодостаточной институциональной схемой, автоматически обеспечивающей торжество права. Законность, разделение властей, судебная защита, субъективные права и ограниченное управление имеют высокую юридическую ценность, но их значение производно от более глубокой задачи – охраны достоинства личности и обеспечения пространства ответственной свободы. Если правовое государство утрачивает эту связь, оно превращается в технику формально безупречного управления. Нравственный идеал при этом сохраняет обязательную, хотя и принципиально недостижимую функцию: он не совпадает ни с существующим порядком, ни с проектом окончательного общественного переустройства, но удерживает право в состоянии постоянной критики собственной завершённости. П.И. Новгородцев избегает как обожествления действующего правопорядка, так и сведения права к инструменту внешнего регулирования.

В этой конструкции правосознание занимает центральное место, т.к. не является ни психологическим приложением к праву, ни простой осведомлённостью о законе, ни общей лояльностью существующему порядку. Правосознание означает внутреннюю нормативную работу личности, в рамках которой положительное право соотносится с требованиями справедливости, долга и достоинства человека. Включает не только знание о праве, но и оценочный, волевой, мировоззренческий компоненты. Лицо не просто знает, что предписывает закон, а способно судить, выражает ли установленное право должное, и соотносить с этим собственное поведение.

Внутренняя структура правосознания в реконструкции подхода П.И. Новгородцева может быть сведена к трём взаимосвязанным моментам.

Во-первых, это признание объективной обязательности права как формы совместной свободы, а не как простого веления власти.

Во-вторых, это способность нравственной оценки положительного закона, исключающая и слепое подчинение, и произвольное отрицание всякой юридической обязательности.

В-третьих, это готовность к правомерному действию, основанному на внутреннем принятии обязанностей и уважении к правам другого. Правосознание, следовательно, соединяет идею нормы, идею справедливости и практику само обязывания.

Вне этой связи оно вырождается либо в догматическое законопочитание, либо в моральный субъективизм, неспособный удержать правовую форму.

Социологизм в критикуемой историком форме совершает сходную редукцию через категорию полезности. Право начинает оцениваться по его эффективности, способности обслуживать групповые интересы и обеспечивать управляемость. В таком случае оно перестаёт быть самостоятельной нормативной формой и становится инструментом социальной инженерии. Подмена справедливости адаптивностью ослабляет внутреннее признание права: личность перестаёт видеть в нём выражение должного и воспринимает его как механизм распределения выгод и ограничений [1, с. 11].

Наиболее разрушительным П.И. Новгородцев считал утопизм. Когда совершенный общественный строй мыслится как подлежащий скорому и полному осуществлению средствами политики и государства, право либо превращается во временное средство на пути к всеобщей гармонии, либо объявляется препятствием, которое можно снять ради великой цели. Формальные гарантии начинают казаться излишними, права личности – частными и преодолимыми, а расширение принуждения – допустимым. В этом проявляется крушение идеи права как самоограничения власти и общества.

Общий механизм кризиса таков: историзм снимает вопрос о должном в пользу объяснения, социологизм заменяет должное полезным, утопизм подменяет его проектом окончательного спасения. Закон может продолжать исполняться, но уже не признаётся как справедливый порядок свободы. Здесь особенно важна граница между правосознанием и законопослушанием. Законопослушание, основанное на страхе санкции, привычке или расчёте, способно поддерживать внешнюю видимость порядка, но не его устойчивость. Устойчивость требует более глубокого основания – готовности граждан, должностных лиц и судей воспринимать право как внутренне обязательный порядок, заслуживающий исполнения из уважения к личности и справедливости [4, с. 61].

Связь правосознания и устойчивости правопорядка у П.И. Новгородцева имеет не метафорический, а теоретически строгий характер. Правопорядок существует не как простая совокупность норм и институтов, а как состояние упорядоченности общественных отношений, в котором нормы реально действуют, субъективные права осуществимы, обязанности исполняются, а конфликты разрешаются в признанных процедурах. Недостаточно законодательства, суда, администрации и механизма ответственности. Необходима внутренняя готовность участников правовой жизни признавать право обязательным масштабом поведения. Следовательно, правосознание входит в сам механизм правопорядка как его внутреннее условие.

Представленная связь разворачивается последовательно. Нравственно ориентированное правосознание обеспечивает признание личности носителем права и обязанности; из этого признания вытекают уважение к правам другого и готовность ограничивать собственный произвол; на этой основе правомерное поведение приобретает воспроизводимый характер; воспроизводимость правомерного поведения создаёт доверие к правовым ожиданиям; именно такое доверие превращает совокупность норм в устойчивый правопорядок. Если эта связь разорвана, закон утрачивает социальную опору и начинает поддерживаться преимущественно репрессивно [2, с. 64].

Значение правосознания здесь двояко. С одной стороны, оно обеспечивает добровольный компонент исполнения права, без которого невозможен длительный правовой порядок. Ни одно государство не располагает ресурсом тотального принуждения, достаточного для постоянного внешнего контроля за каждым актом соблюдения нормы. С другой стороны, правосознание выполняет критико-корректирующую функцию: оно препятствует превращению законности в юридический фетишизм, при котором соблюдение формы подменяет вопрос о справедливости содержания. Развитое правосознание укрепляет правопорядок не только через лояльность норме, но и через способность требовать улучшения самого положительного права без разрушения правовой формы.

Институциональная устойчивость не тождественна подлинной правовой устойчивости. Возможны развитая нормативная система, сложные процедуры и усиленный контроль, но при дефиците правосознания такой порядок остаётся формальным и зависит от административного ресурса и политической конъюнктуры. Напротив, устойчивый правопорядок возможен лишь там, где право воспринимается как ценность, а не как технологический ресурс управления. Правосознание в этом смысле не заменяет институты, правовую политику и юридическую технику, но задаёт пределы их самодостаточности и обеспечивает культурную опору правового государства.

Библиографический список

1. Архипов С.И. Идея правового прогресса в трудах П.И. Новгородцева и И.А. Покровского / С.И. Архипов. – Текст : непосредственный // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2020. – № 4. – С. 5–16. – DOI: 10.34076/2219-6838-2020-4-5-16.
2. Кушнер С.Н. Задачи и цель философии права в теории П.И. Новгородцева / С.Н. Кушнер. – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет», 2022. – С.64–65. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49505637&utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 30.03.2026). – Текст : электронный.
3. Пасынкова Т.О. Возрожденное естественное право в учении П.И. Новгородцева / Т.О. Пасынкова. – Текст : непосредственный // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 10-1. – С. 34–43. – DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.063.
4. Фролова Е.А. Идеи социального и правового государства в философии права П.И. Новгородцева / Е.А. Фролова. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2018. – №7. – С. 57–65. – DOI: 10.31857/S013207690000214-7.

Доценко Николай Николаевич,
аспирант, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону
Працко Геннадий Святославович,
доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения»; профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону

ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВАЯ КРИТИКА ПОЗИТИВНОГО ЗАКОНА В ТРУДАХ П.И. НОВГОРОДЦЕВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В статье анализируется естественно-правовая критика позитивного закона в трудах П.И. Новгородцева и раскрывается ее значение для современной философии права и юриспруденции. Показано, что естественное право у П.И. Новгородцева выступает не как совокупность заранее данных норм, а как высший нормативный критерий оценки действующего законодательства. Внимание уделяется связи его концепции с критическим идеализмом и кантовской традицией, различению сущего и должного, а также критике юридического позитивизма, социологического редукционизма, исторического релятивизма и утопизма.

Естественное право, философия права, критический идеализм, юридический позитивизм, справедливость, достоинство личности, правовой идеал.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Dotsenko Nikolay Nikolaevich,
Postgraduate student, Don State Technical University, Rostov-on-Don
Pratsko Gennady Svyatoslavovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Russian University of Transport, Rostov-on-Don;
Professor of the Department of Commercial and Entrepreneurial Law, Don State Technical University, Rostov-on-Don

NATURAL LAW CRITIQUE OF POSITIVE LAW IN THE WORKS OF P.I. NOVGORODTSEV: METHODOLOGICAL POTENTIAL FOR CONTEMPORARY JURISPRUDENCE

The article analyzes the natural law critique of positive law in the works of P.I. Novgorodtsev and elucidates its significance for contemporary legal philosophy and jurisprudence. It is shown that, in P.I. Novgorodtsev's thought, natural law does not appear as a set of pre-given norms, but rather as the highest normative criterion for evaluating existing legislation. Particular attention is paid to the connection of his concept with critical idealism and the Kantian tradition, the distinction between being and ought, as well as to his critique of legal positivism, sociological reductionism, historical relativism, and utopianism.

Natural law, philosophy of law, critical idealism, legal positivism, justice, human dignity, legal ideal.

Естественно-правовая линия в трудах П.И. Новгородцева строится не как возврат к доктрине вечных и заранее данных норм, а как пересмотр самого предмета философии права. Описания действующего правопорядка, систематизации институтов и анализа позитивного материала, по его мысли, недостаточно, поскольку такой подход не отвечает на вопрос о ценности права, о границах законодательной власти и о внутреннем оправдании юридического порядка. Естественное право получает у правоведа особый смысл, т.к. выступает не параллельным сводом правил, существующим рядом с позитивным законом, а высшим нормативным масштабом, в соотнесении с которым положительный правопорядок может быть признан правом в содержательном значении. Позитивный порядок, следовательно, обладает ценностью не сам по себе, а лишь постольку, поскольку он соразмерен нормам высшего порядка; государство в этом отношении является не творцом последних, а органом их выражения и реализации.

Понимание укоренено в критическом идеализме. Учёный исходит из того, что право не исчерпывается эмпирически наблюдаемыми формами социальной регуляции. В нем всегда присутствует измерение должного, которое не выводится ни из факта существования нормы,

ни из ее государственной установленности, ни из ее полезности для общественной организации. Фундаментальное для его конструкции – различение сущего и должного. Также не разрывает право с исторической жизнью, но исключает их отождествление.

Право как социальный факт принадлежит истории; право как нормативно оправданное установление соотносится с идеалом. Философия права не может ограничиваться описанием существующего порядка. Ее задача состоит в выработке критериев оценки, позволяющих судить о том, в какой мере действующее законодательство сохраняет правовой характер. В этом смысле естественное право у П.И. Новгородцева представляет собой форму этического критицизма по отношению к позитивному закону.

Философское основание этой позиции связано с традицией И. Канта. Решающим оказывается не только гносеологическое ограничение метафизики, но прежде всего утверждение автономии нравственного сознания. В рамках этой традиции долженствование получает самостоятельный статус и не сводится к миру причинно-следственных фактов. Из этого П.И. Новгородцев извлекает два принципиальных вывода.

Во-первых, нравственный закон не зависит от изменчивости социальных обстоятельств, поскольку не выводится из внешнего опыта.

Во-вторых, личность не может быть понята как функция государства, сословия, класса или эпохи, так как она обладает безусловным достоинством и способностью к автономному суждению о должном. Человек мыслится у философа носителем права не только в эмпирическом, но и в принципиальном смысле.

П.И. Новгородцев не превращает этику И. Канта в готовую юридическую теорию. Он принимает идею автономии личности и безусловности нравственного долга, но видит ограниченность чисто формального морализма применительно к праву. Юридическая реальность включает внешние отношения, институты, взаимные притязания, механизмы власти и принуждения; поэтому переход от внутреннего нравственного закона к праву требует специального анализа социальной формы свободы. Право не растворяется в морали, но и не отрывается от нее окончательно. Между ними сохраняется дистанция, необходимая для самостоятельности юридической формы, и связь, необходимая для ее оправданности.

Из установки вырастает критика юридического позитивизма и социологического редукционизма. Сведение права к государственному велению лишает юридическую мысль возможности различать закон и справедливость. Сведение права к социальному факту, исторически сложившемуся интересу или адаптивному механизму делает невозможной нормативную критику как таковую. Если право целиком совпадает с тем, что существует, то вопрос о том, каким оно должно быть, теряет содержательность. П.И. Новгородцев, напротив, исходит из того, что именно возможность нравственного суда над положительным правом образует подлинную проблему философии права [3, с. 39].

Сходным образом учёный полемизирует с радикальным историзмом. Историческое развитие для него существенно, но не самодостаточно в качестве критерия истины и справедливости. История объясняет происхождение нормы, ее социальную обусловленность и культурный контекст, однако не дает ей безусловного оправдания. Если признать всякую правовую форму только продуктом своей эпохи, то право утрачивает нормативное ядро и растворяется в релятивизме. Исчезает различие между правомерным и просто установленным, справедливым и просто действующим. Критический идеализм, напротив, позволяет удержать историческую конкретность права, не отказываясь от идеала как масштаба его оценки и совершенствования.

Центральный ход аргументации П.И. Новгородцева строится на различении права как действующего порядка и права как должного. Речь идет не о простом противопоставлении плохого и хорошего закона, а о двух уровнях юридической реальности.

На одном уровне право существует как система действующих норм, санкций, процедур и институтов.

На другом уровне оно выражает нормативное притязание на справедливость, свободу и признание достоинства личности.

Позитивный закон принадлежит первому уровню; естественно-правовой критерий относится ко второму. Пока это различие сохраняется, закон остается предметом оценки. Когда оно стирается, критика заменяется спором о целесообразности, эффективности или технике регулирования [4, с. 677].

Существенное место в позиции П.И. Новгородцева занимает и критика утопизма. Исходит из того, что противоречие между личностью и историческими формами общественной жизни не может быть снято окончательно. Стремление личности к свободе и нравственному совершенствованию превосходит любую наличную институциональную форму. Идея окончательного общественного устройства, снимающего напряжение между свободой и организацией, представляется ему иллюзорной и опасной. Идеал должен направлять историю, но не превращаться в догму о ее завершении. Антиутопический мотив не ослабляет естественно-правовую критику, а, напротив, предохраняет ее от превращения в оправдание насилия ради предполагаемого будущего совершенства.

Методологическая продуктивность концепции правоведа для современной юриспруденции состоит в том, что она позволяет избежать ложной альтернативы между нормативизмом и морализаторством. Понимать естественное право как второй набор готовых правил, оно действительно вступает в конкуренцию с позитивным правом. У П.И. Новгородцева речь идет о другом: о способе критической проверки позитивного закона. Его подход сохраняет актуальность, поскольку не разрушает автономию юридического метода, а дополняет его уровнем принципиальной оценки. В результате вопрос о справедливости закона возвращается в пространство строгого юридического рассуждения, а не выносится за его пределы.

Для правовой политики этот подход значим потому, что не позволяет отождествлять качество законодательства с его технической безупречностью или административной исполнимостью. Закон может быть формально стройным и практически действенным, но при этом содержательно дефектным, если он игнорирует достоинство личности, несоразмерно ограничивает свободу, институционализирует неравенство или подменяет правовое регулирование управленческой целесообразностью. Подход историка требует оценивать закон не только как инструмент социального управления, но и как форму признания правового статуса человека. Не менее важен этот метод и для конституционной интерпретации. Конституционные принципы не сводятся к техническим предписаниям законодателя; их применение неизбежно предполагает оценочное суждение о смысле права. Концепция П.И. Новгородцева дает теоретическое основание такому суждению, не превращая его в произвольную морализацию [1, с. 13].

Пределы этого подхода также должны быть обозначены. Естественно-правовой критерий не дает автоматических решений для всех вопросов позитивного права. Он не заменяет отраслевого анализа, не снимает проблему конкуренции ценностей и не устраняет расхождений в понимании справедливости. Чем шире апелляция к нравственному идеалу, тем выше риск подмены юридической аргументации мировоззренческой декларацией.

Главный результат этой методологии для современной юриспруденции состоит в утверждении критического горизонта права. Без такого горизонта право превращается либо в технику власти, либо в отражение исторической случайности. Естественное право в понимании учёного не отменяет позитивное право, а удерживает его в пространстве оправданности. Оно не противопоставляет идеал правопорядку, но не позволяет правопорядку объявить себя завершенным и самодостаточным. Естественно-правовая критика позитивного закона у П.И. Новгородцева может рассматриваться как методологическая модель, соединяющая уважение к юридической форме с требованием справедливости, признание историчности права – с отказом от релятивизма, а защиту государственности – с приоритетом личности.

Библиографический список

1. Архипов С.И. Идея правового прогресса в трудах П.И. Новгородцева и И.А. Покровского / С.И. Архипов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2020. – № 4. – С. 5–16. – DOI: 10.34076/2219-6838-2020-4-5-16.
2. Новгородцев П.И. Введение в философию права. II. Кризис современного правосознания / П.И. Новгородцев. – 1909. – URL: http://hdl.handle.net/11701/18059 (дата обращения: 30.03.2026). – Текст : электронный.
3. Пасынкова Т.О. Возрожденное естественное право в учении П.И. Новгородцева / Т.О. Пасынкова. – Текст : непосредственный // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 10-1. – С. 34-43. – DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.063.
4. Уханов Р.А. Концепции возрожденного естественного права в западноевропейской правовой науке / Р.А. Уханов. – Текст : непосредственный // Аллея науки. – 2020. – Т.1, – №6(45). – С. 676–679.

Дубровский Алексей Александрович,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Татьянина Анжелика Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ЛАТЕНТНОСТЬ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ: ПРИЧИНЫ И СПОСОБЫ ОЦЕНКИ

В статье рассматривается проблема латентности коррупционной преступности в Российской Федерации. Анализируются основные причины скрытого характера коррупционных правонарушений, включая институциональные, социально-психологические и правовые факторы. Уделяется внимание трудностям выявления и учета коррупционных преступлений. Рассматриваются существующие методы оценки латентной преступности.

Коррупция, латентная преступность, криминология, противодействие коррупции, выявление преступлений, статистика преступности, антикоррупционная политика.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Dubrovsky Alexey Alexandrovich,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Tatyanina Anzhelika Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

LATENCY OF CORRUPTION CRIME IN RUSSIA: CAUSES AND METHODS OF ASSESSMENT

The article examines the problem of latency of corruption crime in the Russian Federation. The main causes of the hidden nature of corruption offenses are analyzed, including institutional, socio-psychological and legal factors. Particular attention is paid to the difficulties of detecting and recording corruption crimes. Existing methods for assessing latent crime are considered, and directions for improving mechanisms for its detection are proposed. It is concluded that a comprehensive approach to assessing the scale of corruption is necessary as an important element of increasing the effectiveness of anti-corruption policy.

Corruption, latent crime, criminology, anti-corruption policy, crime detection, crime statistics.

Изучение латентности коррупционной преступности в России является важным направлением в криминологических исследованиях. Оно имеет как практическое, так и теоретическое значения.

В криминологии латентная преступность это совокупность фактически совершенных преступлений, которые не были выявлены правоохранительными органами и, следовательно, не отражены в официальной статистике [1]. В отношении коррупционной преступности, ее латентность становится важным фактором, так как скрытый характер такого рода правонарушений препятствует изучению фактического уровня преступности и формированию объективной статистической картины.

Высокий уровень латентности следует из того факта, что коррупционные преступления, как правило, совершаются без ярко выраженной потерпевшей стороны, в условиях обоюдной заинтересованности. Это принципиально отличает их от иных преступных деяний. Более того, ни одна из сторон преступления не заинтересована в информировании о факте правонарушения, что создает дополнительные сложности в формировании статистических данных и работе правоохранительных органов.

В соответствии с Федеральным законом «О противодействии коррупции» коррупция охватывает множество деяний, которые связаны с использованием своего должностного положения в личных интересах, например: коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями, получение, дача взятки и прочие противоправные действия. Многие формы коррупционного поведения могут оставаться не замеченными только по причине широты данного понятия, что так же влияет на уровень латентности.

Существует множество факторов, влияющих на латентность коррупционной преступности, среди них: институциональные, социальные и правовые.

Институциональные причины представляют собой недостаточную эффективность работы правоохранительных и контрольных органов, а именно ограниченность ресурсов, высокая нагрузка сотрудников и недостаточная координация между разными органами. Каждая из этих причин и их совокупность негативно влияют на эффективность выявления коррупционных преступлений.

Социальные причины представляют собой особенности общественного восприятия коррупции. Многие сталкиваются с ситуациями, в которых коррупционные сделки кажутся допустимыми, неизбежными или даже морально положительными в сферах взаимодействия с государственными структурами. Это прямо влияет на количество сообщений о коррупционных преступлениях и правовую активность граждан. Так же важно учитывать, что немаловажную роль в данном вопросе играет низкий уровень доверия к правоохранительным органам и страх перед возможными негативными последствиями такого обращения у отдельных граждан.

Правовые причины представляют собой сложность выявления и доказывания коррупционных преступлений. Получение или дача взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп и иные составы, предусмотренные Уголовный кодексом Российской Федерации [3], как правило совершаются в условиях тщательной конспирации. Это создает необходимость проведения оперативно-розыскных мероприятий, влияет на количество очевидных доказательств деяния. Так же сложность фиксации факта передачи незаконного вознаграждения значительно затрудняет исполнение правосудия и привлечение нарушителей к ответственности

Высокий уровень латентности такого рода преступлений влияет на официальную статистику, из-за чего она не может считаться фактически достоверной и отражать действительное положение дел. Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской федерации, ежегодно выявляется свыше тридцати пяти тысяч коррупционных преступлений, однако фактическое количество преступлений значительно превышает зарегистрированные показатели [4], что является прямой причиной для применения дополнительных методов оценки

Социальные опросы населения и представителей бизнеса – один из самый распространенных способов оценки латентной коррупции. Он позволяет узнать отношение населения к коррупционным практикам и их распространённость в обществе. Однако этот метод имеет некоторые ограничения связанные с субъективностью предоставляемых данных, а так же нежеланием респондентов давать честную оценку и достоверную информацию по теме.

Не последнюю рол в данном вопросе занимают экспертные оценки, основанные на мнении специалистов в областях экономики, социологии и государственного управления. Этот способ хорошо позволяет выявлять и учитывать скрытые тенденции и формировать наиболее полное представление о масштабах коррупции в стране. Но так же, как и прошлый способ, сильно заависит от субъективной оценки.

Анализ косвенных показателей кажется перспективным направлением в вопросе статистического оценивания. Он включает в себя сопоставление доходов и расходов должностных лиц, результаты проверок, аудитов, а также правонарушения в смежных сферах. Активное внедрение цифровых технологий и систем анализа данных позволит повысить эффективность анализа этих данных и, как следствие, выявления коррупционных рисков

Разнообразие методов оценки, на первый взгляд, решает проблему статистического оценивания и сложности выявления преступлений, однако, их применение так же связано с рядом проблем. Такими проблемами являются: отсутствие единой методологической базы, ограниченность достоверной информации и сложность интерпретации полученных данных. Поэтому в данном вопросе целесообразным представляется использование комплексного подхода, сочетающего в себе различные методы исследования

В вопросе снижения латентности коррупционных преступлений очень важным направлением является повышения уровня доверия граждан к государственным институтам и правоохранительным органам. Это будет способствовать росту количества сообщений о

коррупционных преступлениях. Повышение прозрачности деятельности органов власти и совершенствование правового регулирования так же имеют существенное значение.

Итак, латентность коррупционной преступности – сложное явление, которое существенно влияет на эффективность противодействия коррупции. Её преодоление требует системного подхода: совершенствование методов оценки, развитие механизмов выявления преступлений и повышение правовой культуры граждан. Только комплексный подход даст возможность повысить эффективность антикоррупционной деятельности

Библиографический список

1. Долгова А.И. Криминология : учебник для вузов. – Москва : Норма, 2019. – 800 с. – Текст : непосредственный.
2. О противодействии коррупции : Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228. – Текст : непосредственный.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.
4. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Состояние преступности в России : статистический сборник. – Москва, 2024. – Текст : непосредственный.

Ермолова Анастасия Михайловна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Овсяницкий Олег Евгеньевич,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Камышанова Анна Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИМИ ПРАВАМИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ИЛИ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РЕБЁНКА

В статье рассматриваются актуальные вопросы злоупотребления родительскими правами как основания ограничения или лишения родительских прав в соответствии с российским законодательством. Анализируются основные понятия категории «родительские права», раскрывается содержание институтов ограничения и лишения родительских прав. Исследуются различные формы злоупотребления родительскими правами, особое внимание уделяется проблеме насилия над ребёнком в семье. Выявляются ключевые проблемы правоприменительной практики, связанные с недостаточной квалификацией специалистов органов опеки и попечительства, а также со сложностями сбора и оценки доказательств факта злоупотребления родительскими правами. На основе анализа судебной практики и норм Семейного кодекса РФ формулируются предложения по совершенствованию механизмов защиты интересов несовершеннолетних при рассмотрении дел данной категории судами.

Родительские права, злоупотребление родительскими правами, ограничение родительских прав, лишение родительских прав, защита интересов ребёнка, насилие над ребёнком, семейное право, гражданское право, правоприменительная практика, органы опеки и попечительства.
Тематический рубрикатор E-library: 10.47.65.

Ermolova Anastasia Mikhailovna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Ovsyanitsky Oleg Evgenievich,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Kamyshanova Anna Evgenievna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

ABUSE OF PARENTAL RIGHTS AS A GROUND FOR RESTRICTION OR TERMINATION OF PARENTAL RIGHTS: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND PROTECTION OF THE CHILD'S INTERESTS

This article examines current issues of abuse of parental rights as a basis for restricting or terminating parental rights in accordance with Russian law. It analyzes the key concepts of the category «parental rights» and explores the mechanisms for restricting and terminating parental rights. Various forms of abuse of parental rights are examined, with particular attention paid to the problem of domestic violence against children. Key challenges in law enforcement are identified, including the insufficient qualifications of guardianship and trusteeship authorities, as well as the difficulties in collecting and evaluating evidence of abuse of parental rights. Based on an analysis of judicial practice and the provisions of the Family Code of the Russian Federation, proposals are formulated to improve mechanisms for protecting the interests of minors in court proceedings in this category.

Parental rights, abuse of parental rights, restriction of parental rights, deprivation of parental rights, protection of the interests of the child, child abuse, family law, civil law, law enforcement practice, guardianship and trusteeship authorities.

Институт родительских прав занимает центральное место в системе правового регулирования семейных отношений Российской Федерации. Статья 38 Конституции РФ гарантирует защиту материнства, детства и семьи, что определяет приоритет интересов несовершеннолетних в национальном законодательстве [1]. Основным нормативным актом выступает Семейный кодекс РФ, закрепляющий равноправие родителей и обязанность действовать без вреда для здоровья и развития ребенка [2]. Однако на практике реализация этих норм сталкивается с явлениями злоупотребления родительскими правами, когда полномочия используются в ущерб интересам детей. Данная проблема относится к числу юридически трудноразрешимых, поскольку требует четкой дифференциации между законным воспита-

нием и противоправным поведением. Актуальность исследования обусловлена ростом конфликтов в этой сфере и отсутствием однозначных критериев для установления факта злоупотребления, что затрудняет работу органов опеки и судов.

Родительские права включают воспитание, образование, защиту интересов и общение с ребенком. Законодательство предусматривает дифференцированный механизм защиты: ограничение и лишение родительских прав. Ограничение, согласно статье 73 СК РФ, является мерой профилактики, применяемой, когда оставление ребенка с родителями опасно, но оснований для лишения недостаточно, например, из-за заболевания родителя. Эта мера временна и обратима. Лишение родительских прав по статье 69 СК РФ носит характер крайней меры юридической ответственности за виновное противоправное поведение, такое как уклонение от обязанностей, жестокое обращение, хронические зависимости или совершение преступлений против ребенка. Важно отметить, что лишение прав не освобождает от обязанности содержания ребенка, и восстановление возможно лишь при изменении поведения родителя.

Ключевой проблемой правоприменения остается отсутствие единого юридического определения термина «злоупотребление родительскими правами», что провоцирует расхождения в судебной практике. Наиболее распространенные формы такого поведения включают создание препятствий для получения образования, вовлечение несовершеннолетнего в противоправную активность, принудительное ознакомление с психоактивными веществами, а также использование ребенка как инструмента в спорах между родителями. Особую общественную опасность представляет насилие, проявляющееся в физическом или психологическом аспекте. Жестокое обращение является самостоятельным основанием для лишения прав, однако доказывание этих фактов сопряжено со значительными трудностями.

В деятельности органов опеки и попечительства выявляется ряд системных проблем, затрудняющих защиту интересов детей. Одной из острых проблем выступает низкий уровень профессиональной компетентности сотрудников, задействованных в обследовании условий проживания ребенка. Несмотря на обязательность участия органов опеки согласно статье 78 СК РФ, многие работники недостаточно владеют знаниями в сфере психологии и педагогики, что приводит к шаблонности заключений. Высокая загруженность и отсутствие единых методических указаний снижают объективность проверок, а качество документов различается в зависимости от региона. Такие выводы напрямую влияют на судебные решения, способствуя возможным ошибкам при определении судьбы несовершеннолетнего.

Другой существенной проблемой является сложность доказывания фактов злоупотребления в рамках гражданского судопроизводства. Особенности семейных отношений, их замкнутость и личностная защита создают препятствия для сбора достоверных доказательств, требуемых статьей 56 ГПК РФ [3]. К основным затруднениям относится необъективность свидетельских показаний, основанных на косвенных наблюдениях, и трудности в фиксации психологического насилия, последствия которого сложно количественно оценить [4]. Ситуация усугубляется страхом детей выступать свидетелями против родителей из-за эмоциональной связи и опасений перед ответными действиями. Кроме того, замедленная реакция компетентных структур часто не позволяет своевременно зафиксировать случаи жестокости.

Судебная практика также сталкивается с дилеммой при оценке доказательств. Согласно статье 67 ГПК РФ, суд оценивает доказательства по внутреннему убеждению, однако при дефиците достоверных данных судебные органы склоняются к сохранению семьи, руководствуясь приоритетом семейного воспитания по статье 54 СК РФ. Подобный подход, хотя и соответствует законодательству, способен создать угрозу жизни и здоровью ребенка, если тревожные сигналы остаются без должного подтверждения [5]. Для эффективного решения выявленных проблем требуется совершенствование законодательной базы за счет четкого формулирования критериев злоупотребления, установление общих стандартов профессиональной подготовки сотрудников органов опеки и создание методических руководств по сбору доказательств. Только комплексная модернизация механизмов правоприменения

обеспечит сбалансированность между защитой родительских прав и главенством интересов несовершеннолетних, соответствуя конституционным принципам охраны семьи в России.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г.: [с учётом поправок, внесённых федеральными конституционными законами о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. №2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ, с учётом включения новых субъектов РФ, внесённых федеральными конституционными законами от 4 октября 2022г. №5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №6-ФКЗ, от 4 октября 2022г. №7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №8-ФКЗ]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 09.03.2026, публикация № 0001202210060013).
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ: [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года: одобрен Советом Федерации 20 марта 1996 года]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации»: официальный сайт. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.02.2026).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ : [принят Государственной Думой 23 октября 2002 года : одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года] (ред. от 25.12.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации»: официальный сайт. – 2025. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.02.2026)
4. Шаталова П.В. Проблемы правоприменительной практики лишения и ограничения родительских прав / П.В. Шаталова, Э.Х. Губайдуллина. – Текст: электронный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №3-1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravoprimenitelnoy-praktiki-lisheniya-i-ogranicheniya-roditelskih-prav (дата обращения: 09.03.2026).
5. Агаркова Д.В. Образование и развитие института социальной защиты детства в Российской Федерации. / Д.В. Агаркова. – Текст: электронный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №3-1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-i-razvitie-instituta-sotsialnoy-zaschity-detstva-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 09.03.2026).

Ермолова Анастасия Михайловна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Овсяницкий Олег Евгеньевич,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Каменева Полина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

В статье анализируется эволюция фундаментальных начал гражданского судопроизводства. Основное внимание уделено принципам соразмерности и справедливости, которые, несмотря на их общепризнанный характер в международной правовой доктрине и практике европейских судов, не получили прямого законодательного закрепления в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации. Обосновывается необходимость имплементации принципов соразмерности и справедливости в национальное законодательство как необходимого условия для обеспечения баланса частных и публичных интересов, повышения эффективности судебного защиты и гармонизации российского процесса с международными стандартами прав человека.

Гражданский процесс, принципы права, соразмерность, справедливость, эволюция права, российское законодательство, правоприменительная практика, правовые проблемы, международные стандарты, судебная защита.

Тематический рубрикатор E-library: 10.47.65.

Ermolova Anastasia Mikhailovna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Ovsyanitsky Oleg Evgenievich,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Kameneva Polina Valerievna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE EVOLUTION OF THE PRINCIPLES OF CIVIL PROCEDURE

The article analyzes the evolution of the fundamental principles of civil proceedings. The main focus is on the principles of proportionality and fairness, which, despite their universally recognized nature in international legal doctrine and the practice of European courts, have not been directly enshrined in the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The article argues for the need to implement the principles of proportionality and fairness in national legislation as a prerequisite for ensuring a balance between private and public interests, improving the effectiveness of judicial protection, and harmonizing the Russian process with international human rights standards.

Civil procedure, principles of law, proportionality, justice, evolution of law, Russian legislation, law enforcement practice, legal issues, international standards, and judicial protection.

Гражданское судопроизводство как механизм защиты нарушенных прав базируется на системе основополагающих начал, обеспечивающих легитимность и эффективность судебной власти. Однако современный этап развития правовой системы Российской Федерации характеризуется определенным дисбалансом между международными стандартами и национальным законодательством. В частности, принципы справедливости и соразмерности, являющиеся краеугольным камнем в практике Европейского суда по правам человека и закрепленные в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не нашли прямого нормативного отражения в Гражданском процессуальном кодексе РФ. Исторический анализ демонстрирует, что данные категории эволюционировали от естественно-правовых идей до императивных норм международного уровня, тогда как в российском праве они зачастую остаются лишь доктринальными конструкциями. Отсутствие их законодательной фиксации создает риски правового нигилизма и затрудняет единообразное применение норм судами. В связи с этим настоящее исследование направлено на анализ исторической генетики данных принципов, выявление пробелов в российском регулировании и обоснование необходимости их имплементации для гармонизации отечественного процесса с общепризнанными нормами и обычаями международного права.

Историко-правовой анализ принципов гражданского судопроизводства свидетельствует об их глубоких корнях, уходящих к нормам римского права, где категории aequitas

(справедливость) и proporcio (соразмерность) служили корректирующим инструментом в применении строгого формального закона (ius strictum). В эпоху рецепции римского права эти идеи получили развитие в трудах глоссаторов и постглоссаторов, заложив основы континентальной правовой традиции, где справедливость рассматривалась как неотъемлемый элемент судебного усмотрения. В англосаксонской системе, в свою очередь, принцип справедливости (equity) сформировался как самостоятельный корпус норм, дополняющий общее право и обеспечивающий гибкость правоприменения. К XIX–XX векам, в период кодификации процессуальных законов в Европе и России, данные принципы трансформировались из естественно-правовых доктрин в позитивные стандарты: Устав гражданского судопроизводства 1864 года в Российской империи, хотя и не содержал прямой дефиниции соразмерности, имплементировал идеи состязательности и равноправия, предполагающие справедливый баланс интересов сторон. В международном измерении после Второй мировой войны принципы справедливости и соразмерности обрели нормативное закрепление в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также в практике ЕСПЧ (Европейский суд по правам человека), где они интерпретируются как обычаи международного правопорядка, обязательные для государств-участников. Так историческая эволюция данных начал демонстрирует их универсальный характер и постепенное возведение в статус императивных стандартов, что контрастирует с их фрагментарным отражением в современном российском законодательстве.

Анализ действующего Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации выявляет существенный пробел: несмотря на наличие в статье 2 перечня основных начал судопроизводства, принципы справедливости и соразмерности не закреплены в нем как самостоятельные императивные нормы. В отличие от международных стандартов, где данные категории признаются фундаментальными элементами правосудия и последовательно применяются в практике наднациональных судебных институтов, российское законодательство ограничивается упоминанием законности и состязательности. Это приводит к тому, что в отечественной правоприменительной практике справедливость и соразмерность часто остаются на уровне доктринальных рассуждений или общих положений Конституции РФ, не становясь прямым основанием для отмены судебных актов. Отсутствие легального определения соразмерности создает риски диспропорциональности судебных расходов, необоснованного затягивания процессов и чрезмерного формализма, когда буквальное толкование нормы превалирует надёжным восстановлением нарушенных прав. Суды, лишенные прямой законодательной отсылки к данным принципам, вынуждены искать баланс интересов через аналогию права или широкое толкование добросовестности, что порождает нестабильность судебной практики и противоречит сложившимся обычаям международного правопорядка, требующим предсказуемости и адекватности процессуальных средств поставленным целям.

Прямое законодательное закрепление принципов соразмерности и справедливости в тексте Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации выступает необходимым условием завершения системной трансформации отечественного судопроизводства. Наиболее эффективным путем реализации данной задачи представляется дополнение статьи 2 ГПК РФ соответствующими нормами, что позволит судам использовать их в качестве самостоятельного основания для принятия решений и оценки процессуальных действий сторон. До внесения законодательных изменений реализация этих начал возможна через расширительное толкование конституционных положений о судебной защите и принципа добросовестности, закрепленного в гражданском законодательстве. Такой подход обеспечит гармонизацию национального регулирования с общепризнанными нормами и обычаями международного права, повысив уровень правовой определенности. Внедрение данных критериев позволит устранить существующий дисбаланс между публичными интересами правосудия и частными правами участников процесса, обеспечивая адекватность процессуальных средств целям судопроизводства и укрепляя доверие к судебной системе через соответствие универсальным стандартам справедливости.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года : [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 11-ФКЗ, от 21.07.2014 №13-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.03.2026).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ : принят Государственной Думой 23 октября 2002 года : одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года : (ред. от 25.12.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 02.03.2026).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме. 04.11.1950 : (ратифицирована Федеральным законом от 30.03.1998 № 54-ФЗ). – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.03.2026).
4. Борисова Е.А. Гражданское процессуальное законодательство России: традиции и развитие / Е.А. Борисова. – Текст : электронный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2015. – №1 (3). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-protsessualnoe-zakonodatelstvo-rossii-traditsii-i-razvitie (дата обращения: 02.03.2026).

Зуб Карина Сергеевна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Камышанова Анна Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ИНСТИТУТЕ УСЫНОВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается институт усыновления (удочерения) как сфера столкновения частных интересов граждан, желающих принять ребенка в семью, и публичного интереса государства, заключающегося в обеспечении приоритетной защиты прав детей. Анализируется правовая природа усыновления, выявляются проблемы правоприменительной практики, возникающие при попытке соблюсти баланс указанных интересов. Особое внимание уделяется современным тенденциям развития семейного законодательства, включая вопросы цифровизации процедур, сохранения тайны усыновления и имущественных прав сторон.

Усыновление, частные интересы, публичные интересы, семейное право, неимущественные и имущественные права, баланс интересов.
Тематический рубрикатор e-Library:10.47.51.

Zub Karina Sergeevna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Kamyshanova Anna Evgenievna Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE BALANCE OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN THE INSTITUTION OF ADOPTION: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND TRENDS IN FAMILY LEGISLATION

The article examines the institution of adoption as a sphere of collision between the private interests of citizens wishing to accept a child into their family and the public interest of the state, which consists in ensuring the priority protection of children's rights. The legal nature of adoption is analyzed, and the problems of law enforcement practice that arise when trying to maintain a balance of these interests are identified. Special attention is paid to current trends in the development of family legislation, including issues of digitalization of procedures, maintaining the secrecy of adoption, and the property rights of the parties.

Adoption, private interests, public interests, family law, non-property and property rights, balance of interests.

Усыновление признается приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, поскольку позволяет наиболее полно обеспечить их право на воспитание в семье. Вместе с тем, сама процедура усыновления представляет собой сложный юридический состав, в котором тесно переплетаются частноправовые и публично-правовые элементы.

Как справедливо отмечается в современной юридической литературе, усыновление имеет публично-правовой характер, представляя собой форму реализации публичного интереса в обеспечении прав и интересов детей, лишенных попечения родителей [2, с. 20]. С одной стороны, граждане имеют законный интерес в реализации своего права на создание полноценной семьи, включая возможность принять на воспитание чужого ребенка. С другой стороны, государство через систему императивных требований к кандидатам в усыновители и судебный порядок установления усыновления реализует публичный интерес в защите прав несовершеннолетних.

Проблема баланса частных и публичных интересов в семейном праве не нова для юридической науки. Однако именно в институте усыновления эта проблема проявляется наиболее остро, поскольку затрагивает судьбу наиболее уязвимой категории граждан – детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [4, с. 32].

Институт усыновления занимает особое положение в системе семейного права, поскольку влечет за собой полное приравнивание усыновленных детей и их будущих детей (родственников по нисходящей линии) к кровным родственникам усыновителя. В результате

между сторонами возникают личные неимущественные и имущественные права и обязанности, аналогичные тем, которые существуют между родителями и детьми.

Однако, несмотря на законодательное приравнивание статусов, правоотношения, возникающие из усыновления, не могут быть признаны полностью тождественными кровнородственным. Исследователи справедливо указывают на уникальность данных правоотношений, обусловленную, прежде всего, их публично-правовой природой [2, с. 22].

Анализ судебной практики позволяет выделить ряд типичных проблем, возникающих при попытке обеспечить баланс частных и публичных интересов в процессе усыновления.

Первая проблема связана с сохранением тайны усыновления. С одной стороны, тайна усыновления рассматривается как способ обеспечения психологического комфорта ребенка и нормального протекания процесса его адаптации в новой семье. С другой стороны, современные тенденции развития психологии и педагогики, а также практика некоторых зарубежных стран свидетельствуют о том, что сокрытие факта усыновления может иметь негативные последствия для формирования личности ребенка [1, с. 61]. Кроме того, возникает коллизия между правом ребенка знать свое происхождение и институтом тайны усыновления.

Проблема усугубляется развитием генетических исследований и созданием баз данных ДНК. Возможность установить биологическое родство вне зависимости от юридических запретов ставит под вопрос эффективность законодательных ограничений на разглашение тайны усыновления.

Вторая проблема касается имущественных прав сторон. При усыновлении возникает ситуация, сходная с отношениями родителей и детей: ребенок не имеет права собственности на имущество родителей, а родители – на имущество ребенка. Это правило распространяется и на усыновителей с усыновленными. Однако на практике возникают сложные вопросы, связанные с сохранением за усыновленным ребенком права на жилое помещение, принадлежавшее ему до усыновления, а также с наследованием имущества кровных родственников [6, с. 97].

Закон предусматривает, что ребенок, имевший право на пенсию по случаю потери кормильца, сохраняет это право и при усыновлении. Но в остальном усыновленный ребенок утрачивает личные неимущественные и имущественные права по отношению к своим кровным родственникам. Возникает вопрос: всегда ли это соответствует интересам ребенка? Особенно в случаях, когда сохраняются эмоциональные связи с бабушками, дедушками или другими родственниками со стороны умерших родителей.

Третья проблема – административные барьеры и формальный подход. Публичный интерес в защите прав ребенка реализуется через систему проверок и требований. Однако на практике это может оборачиваться чрезмерным бюрократизмом, длительными сроками сбора документов и, как следствие, отказом потенциальных усыновителей от своего намерения. Парадокс заключается в том, что избыточная административная нагрузка, призванная защитить интересы детей, фактически может им вредить, поскольку сокращает количество граждан, готовых принять ребенка в семью.

Анализ изменений семейного законодательства последних лет позволяет выявить несколько устойчивых тенденций, отражающих поиск оптимального баланса частных и публичных интересов.

Тенденция первая: цифровизация процедур. Методические рекомендации органов опеки и попечительства предусматривают постепенный переход к электронному документообороту, создание единых баз данных детей, оставшихся без попечения родителей, и граждан, желающих принять их на воспитание. Это направлено на сокращение сроков устройства детей в семьи и устранение административных барьеров. Внедрение информационных технологий позволяет сделать процедуру более прозрачной и доступной.

Тенденция вторая: дифференциация правового регулирования в зависимости от категории усыновителей. Законодатель постепенно смягчает требования для определенных категорий лиц. Например, упрощается процедура усыновления ребенка отчимом или

мачехой, а также родственниками ребенка. Как отмечается в литературе, при усыновлении ребенка одним лицом допускаются исключения из общего правила о прекращении правоотношений с кровными родственниками [5, с. 69]. По желанию родителя (если усыновитель – лицо противоположного пола) или родственников умершего родителя эти связи могут быть сохранены, если того требуют интересы ребенка.

Тенденция третья: усиление психолого-педагогической подготовки. Обязательная психолого-педагогическая подготовка (за исключением близких родственников) позволяет снизить риски последующих отказов от детей и конфликтов в приемных семьях [3, с. 31]. Здесь публичный интерес реализуется не через запреты, а через обеспечение готовности граждан к выполнению родительских обязанностей.

Тенденция четвертая: совершенствование механизмов защиты имущественных прав. Разрабатываются механизмы, обеспечивающие сохранность имущества усыновленных детей, включая недвижимость и денежные средства, принадлежавшие им до усыновления. При усыновлении сохраняется принцип раздельности имущества родителей и детей, что исключает возможность злоупотреблений со стороны усыновителей.

Тенденция пятая: интернационализация и учет международных стандартов. Россия является участницей международных соглашений в сфере усыновления, что накладывает определенные обязательства по гармонизации национального законодательства. В то же время прослеживается тенденция к ограничению усыновления российских детей иностранными гражданами при одновременном стимулировании внутрироссийского усыновления. Это отражает приоритет сохранения культурной и языковой идентичности ребенка.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что институт усыновления в российском праве представляет собой сложный механизм взаимодействия частных и публичных интересов.

Основная проблема правоприменения заключается в поиске «золотой середины» между необходимым государственным контролем и созданием благоприятных условий для граждан, желающих принять ребенка в семью. Чрезмерное усиление публичного начала (избыточные требования, длительные проверки) может привести к сокращению числа усыновлений и, как следствие, нарушению права детей жить в семье. Недостаточный контроль создает риски нарушения прав уже усыновленных детей.

Современные тенденции развития законодательства свидетельствуют о движении в сторону более гибкого, дифференцированного регулирования. Цифровизация процедур, усиление психологической подготовки, сохранение значимых связей ребенка с кровными родственниками (там, где это возможно) – все это направлено на повышение качества устройства детей в семьи.

Библиографический список

1. Аветисян Е.Г. Проблема нарушения прав и законных интересов усыновленных детей иностранными гражданами / Е.Г. Аветисян, Л.Ю. Галяутдинова. – Текст: электронный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – С. 60–62. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-narusheniya-prav-i-zakonnyh-interesov-usynovlennyh-detey-inostrannymi-grazhdanami/viewer (дата обращения: 15.03.2026).
2. Гринева А.В. К вопросу о тождестве статуса родителей и усыновителей / А.В. Гринева. – Текст: электронный // Вестник ТвГУ. – Серия: Право (3). – 2024. – С. 16–29. – URL: https://eprints.tversu.ru/id/eprint/12954/ (дата обращения: 15.03.2026).
3. Громоздина М.В. Учет мнения ребенка при усыновлении: проблемы теории и практики / М.В. Громоздина. – Текст: электронный // Российский судья. – 2022. – № 5. – С. 28–33. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43847992&ysclid=mmw0qp14tc863153318 (дата обращения: 15.03.2026).
4. Копнина П.С. Современные тенденции в правовом регулировании усыновления / П.С. Копнина. – Текст: электронный // Тюменский государственный университет, Инсти-

тут государства и права. – Тюмень, 2025. – 85 с. – URL: https://library.utmn.ru/dl/Module_VKR_Tyumen/IGIP/2025/vr25-334.pdf/en/info (дата обращения: 15.03.2026).
5. Летова Н.В. Усыновление (удочерение) ребенка как способ защиты его прав и законных интересов / Н.В. Летова. – Текст: электронный // Государство и право. – 2024. – № 6. – С. 66–73. – URL: https://bigenc.ru/b/usynovlenie-udocherenie-re-6ff102 (дата обращения: 15.03.2026).
6. Нечаева А.М. Семейное право: учебник для вузов / А.М. Нечаева. – Текст: электронный // 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт. – 2023. – 294 с. – URL: https://urait.ru/book/semeynoe-pravo-510462?ysclid=mmw0obggru34666818 (дата обращения 15.03.2026).

Каменева Полина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Чупахина Милана Анатольевна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

АВТОРСКОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ РЕЗУЛЬТАТЫ, СОЗДАННЫЕ НЕЙРОСЕТЬЮ?

Статья посвящена анализу правового режима результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых с использованием искусственного интеллекта. Рассматриваются существующие подходы к определению авторства и выявляются их ограничения в условиях цифровой трансформации. Обосновывается необходимость гибридной модели правового регулирования, основанной на критерии интенсивности творческого участия человека. Предлагается дифференцированный подход к правовой охране, обеспечивающий баланс интересов разработчиков, пользователей и общества.

Искусственный интеллект, авторское право, интеллектуальная собственность, авторство, нейросети, правовое регулирование, творческий вклад, генеративный ИИ, цифровое право, результаты интеллектуальной деятельности.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.41.00.

Kameneva Polina Valeryevna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Chupakhina Milana Anatolyevna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

COPYRIGHT IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: WHO OWNS THE RESULTS GENERATED BY A NEURAL NETWORK?

Abstract:this article analyzes the legal framework for intellectual property created using artificial intelligence. It examines existing approaches to attribution and identifies their limitations in the context of digital transformation. It substantiates the need for a hybrid model of legal regulation based on the criterion of the intensity of human creative participation. A differentiated approach to legal protection is proposed that balances the interests of developers, users, and society.

Artificial intelligence, copyright, intellectual property, authorship, neural networks, legal regulation, creative contribution, generative AI, digital law, intellectual property.

Современные технологии стремительно внедряются в нашу жизнь, а искусственный интеллект (далее – ИИ) уже занял значительное место в творческой индустрии: генерация текстов, музыкальных произведений, изображений и даже программного кода становится всё более автоматизированной. В связи с этим формируется новый пласт юридических вопросов, ключевым из которых является определение принадлежности прав на результаты, созданные с использованием ИИ. Действующее авторское право традиционно исходит из презумпции человеческого авторства, предполагая наличие творческого вклада субъекта – физического лица. Однако в условиях активного внедрения генеративных технологий данная концепция подвергается серьёзному пересмотру, вызывая как практические, так и теоретические сложности.

При анализе правового режима результатов, создаваемых нейросетями, ключевое значение приобретает вопрос о признании авторства. Российское гражданское законодательство закрепляет персональный характер творческой деятельности, исходя из которого автором может быть исключительно человек. Так, в соответствии со ст. 1218 ГК РФ [1], автором результата интеллектуальной деятельности признаётся физическое лицо, творческим трудом которого создан соответствующий результат. Данный подход исключает возможность признания искусственного интеллекта субъектом авторского права, поскольку он не обладает правосубъектностью, волей и способностью нести юридическую ответственность.

Следовательно, результаты, созданные нейросетью без участия человека, не укладываются в классическую модель авторского права. Важно подчеркнуть, что охране

подлежит не сам результат как таковой, а творческий вклад человека, выраженный в объективной форме. В этой связи произведения, полностью сгенерированные ИИ, могут рассматриваться как результат технической обработки информации, что исключает их правовую защиту в рамках традиционного авторского права.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 123-ФЗ [2], искусственный интеллект определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека. Данный комплекс включает инфраструктуру, программное обеспечение, процессы обработки данных и алгоритмы принятия решений. Именно эта технологическая природа ИИ обусловливает специфику правового регулирования создаваемых им результатов.

Контент, созданный с применением ИИ, охватывает широкий спектр объектов: тексты, изображения, аудио- и видеоматериалы, программный код и иные цифровые продукты. Такие системы функционируют на основе анализа больших массивов данных, что позволяет им генерировать релевантные и зачастую оригинальные результаты. Однако вопрос об оригинальности и творческом характере таких результатов остаётся дискуссионным, поскольку они формируются не в результате сознательной деятельности, а посредством алгоритмической обработки информации.

Развитие генеративного ИИ трансформирует традиционные представления о творчестве, авторстве и интеллектуальной собственности. В этих условиях возникает правовая неопределённость, затрагивающая всех участников процесса: разработчиков, пользователей и правообладателей исходных данных. Исторически авторское право формировалось как инструмент защиты результатов человеческой творческой деятельности, однако современные технологии требуют переосмысления его базовых принципов.

В юридической науке сформировалось несколько подходов к решению проблемы авторства. Так, Абрамова Е.Н. и Старикова Е.В. считают, что авторство должно быть закреплено за разработчиками искусственного интеллекта, поскольку именно они создают алгоритмы и архитектуру системы, определяя пределы её функционирования [3, с. 36]. Однако данный подход не учитывает вклад пользователя и специфику конкретного результата.

Альтернативная точка зрения предполагает признание авторства за самим искусственным интеллектом. Тем не менее данная концепция сталкивается с фундаментальными юридическими ограничениями, связанными с отсутствием у ИИ правосубъектности. Более того, как отмечается в научной литературе, объекты, созданные с помощью нейросетей, не могут быть признаны объектами авторского права в силу отсутствия человеческого творческого начала [4, с. 58].

Третья позиция связывает авторство с пользователем, формирующим запрос и определяющим параметры генерации. Данный подход представляется более гибким, однако требует чёткого определения критериев творческого вклада. Простое введение запроса не всегда может рассматриваться как творческая деятельность, особенно если результат в значительной степени определяется алгоритмом.

В целях преодоления указанных противоречий представляется целесообразным разработать гибридную модель правового регулирования, основанную на дифференциации степени участия человека в процессе создания результата. В рамках данной модели можно выделить три уровня:

1. Минимальное участие человека – результат полностью генерируется ИИ без существенного контроля со стороны пользователя. В этом случае результат не подлежит охране авторским правом и может рассматриваться как общественное достояние;

2. Опосредованное участие – пользователь задаёт параметры и осуществляет отбор результатов. В таком случае возможно предоставление смежных прав или ограниченной правовой охраны;

3. Существенное творческое участие – человек активно влияет на процесс создания результата (редактирование, комбинирование, доработка). В этом случае результат может признаваться объектом авторского права.

Научная новизна данного подхода заключается в предложении использовать критерий «интенсивности творческого контроля» как основу для разграничения правового режима результатов, создаваемых с применением ИИ. Это позволяет учитывать как технологическую специфику, так и традиционные принципы авторского права. Дополнительно предлагается внедрение презумпции авторства пользователя при наличии доказанного творческого участия, что может упростить правоприменительную практику.

Кроме того, представляется целесообразным рассмотреть возможность введения специального правового режима для объектов, созданных с использованием ИИ, аналогичного смежным правам. Такой режим мог бы обеспечить баланс интересов разработчиков, пользователей и общества, не разрушая фундаментальных основ авторского права. [5, с. 124].

Таким образом, проблема определения авторства в отношении результатов, создаваемых с применением искусственного интеллекта, остаётся открытой и требует дальнейшего комплексного исследования. Наиболее перспективным направлением представляется разработка гибкой модели регулирования, учитывающей степень участия человека и обеспечивающей баланс интересов всех участников цифровой экосистемы.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): ФЗ от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. 23.07.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026). – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (часть 1). – Ст. 54–96.
2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ.
3. Абрамова Е.Н. Искусственный интеллект как субъект авторского права / Е.Н. Абрамова, Е.В. Старикова. – Текст : непосредственный // Hypothesis. – 2020. – № 1(10). – С. 32–38. – EDN DCAZUG.
4. Воскресенская Е.В. К вопросу о правовой природе результатов деятельности искусственного интеллекта / Е.В. Воскресенская, Л.Г. Ворона-Сливинская, А.Н. Лойко. – Текст : электронный // Colloquium-journal. – 2019. – №5 (29). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-rezultatov-deyatelnosti-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 16.03.2026).
5. Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта / В.О. Калятин. – Текст : электронный // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-subekta-prav-na-rezultaty-intellektualnoy-deyatelnosti-sozdannye-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 27.03.2026).

Камышанова Анна Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, зав. кафедрой гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В 2019 году в Российской Федерации была принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта, содержащая исключительно программные положения. При этом в действительности имеет место массовое применение технологий искусственного интеллекта при отсутствии правового регулирования. Самый важный вопрос, ответ на который в настоящее время отсутствует – субъекты отношений в сфере искусственного интеллекта и их ответственность за создание и применение продуктов с использованием ИИ. В работе анализируется парадигма развития взглядов на субъекты отношений, связанных с использованием ИИ, а также оцениваются перспективы правового регулирования субъектности в части отношений, связанных с использованием ИИ с учётом проекта федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации».

Искусственный интеллект, правосубъектность, субъектность, субъекты правоотношения.
Тематический рубрикатор E-library: 10.07.45.

Kamyshanova Anna Evgenievna,
PhD, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Head of the Department of Civil Law and Process, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

PROBLEMS OF SUBJECTIVITY IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MODERN CONDITIONS

In 2019, the Russian Federation adopted a National Strategy for the Development of Artificial Intelligence, which contained only policy provisions. However, in reality, AI technologies are being widely deployed in the absence of legal regulation. The most important question, which currently remains unanswered, concerns the parties involved in AI-related relationships and their responsibility for the creation and use of AI-enabled products. This paper analyzes the evolving paradigm of views on the parties involved in AI-related relationships and assesses the prospects for legal regulation of subjectivity in AI-related relationships, taking into account the draft federal law «On the Fundamentals of State Regulation of the Application of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation».

Artificial intelligence; legal capacity; subjectivity; subjects of legal relations.

Важным направлением развития науки и техники в 21 веке являются технологии искусственного интеллекта (artificial intelligence – AI). Первое понятие искусственного интеллекта было обозначено в работе Алана Тьюринга в 1950 году [1, 440]. В своём исследовании Тьюринг пытался определить, в состоянии ли ЭВМ мыслить самостоятельно.

Развитие технологии ИИ как одной из приоритетных в становлении информационного общества было обозначено в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 года №203 «О стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 годы» [7].

В 2019 году Указом Президента была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [6]. Однако, необходимо отметить, что Стратегия не осуществляет правовое регулирование отношений в сфере искусственного интеллекта, а только отражает основные программные положения.

В 2020 году Распоряжением Правительства РФ была утверждена Концепция развития отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. [9]. В 2020 году по инициативе Правительства РФ была создана некоммерческая организация – ассоциация «Альянс в сфере искусственного интеллекта», которая сегодня является площадкой развития искусственного интеллекта в России (далее – Альянс). Альянсом совместно с Аналитическим центром при Правительстве РФ был разработан и принят 26 октября 2021 года Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [5]. На начало 2026 года к Кодексу этики присоединились 54 федеральных и региональных органов власти, 488 российских организации, 595 ассоциированных подписантов и 84 зарубежных организации.

13 марта 2024 года отечественными разработчиками искусственного интеллекта, участниками научного и педагогического сообщества была подписана Декларация об ответственной разработке и использовании сервисов на основе ИИ [5].

За рубежом существуют свои особенности регулирования ИИ. Европарламентом 13 марта 2024 года принят рамочный закон об искусственном интеллекте. Закон устанавливает четыре рисковых категории использования ИИ и имеет основной целью запрет технологий, нарушающих права граждан (например, технологии, использующие уязвимость людей или манипулирующие ими). Кроме того, закон возлагает на всех участников отношений с использованием ИИ обязанность соблюдения авторских прав, охраны личных изображений. [4].

Изначально понятие ИИ носило исключительно технический характер. Так, Джон Маккарти (США) определял искусственный интеллект как свойство искусственных интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека [2, с.180]. К категории ИИ относили технологию создания интеллектуальных машин, интеллектуальных компьютерных программ. Существенным признаком искусственного интеллекта является возможность к обучаемости. Понятие ИИ охватывает как собственно программное обеспечение, так и устройства, которые его используют (роботы).

Фактически технологии ИИ используются сегодня в различных областях деятельности. Наиболее часто они задействованы при создании результатов интеллектуальной деятельности (текстов, картинок, видеороликов), в правоохранительной деятельности (распознавание лиц), в анализе больших массивов данных, в прогнозировании, в медицине. При этом важнейшими остаются два вопроса:

1) кто является носителем права на результат, созданный с использованием искусственного интеллекта;

2) кто будет нести ответственность при причинении вреда вследствие использования технологии ИИ.

Ключевым является вопрос субъектности правоотношений, возникших и реализуемых с использованием искусственного интеллекта. В настоящее время существует четыре основных позиции относительно субъектности ИИ.

Субъектом может считаться создатель соответствующего программного обеспечения (автора программы для ЭВМ).

Также субъектом, например, авторского права может выступать создатель результата, использовавший технологию ИИ. Данная концепция соответствует ст.1228 ГК РФ, так как вклад создателя ИИ является исключительно техническим содействием [3].

Третья позиция исходит из отсутствия субъекта в отношении результатов, созданных с использованием ИИ. Такая точка зрения представляется юридически необоснованной, так как имеет место интеллектуальный вклад в создание данного результата и требуется правильно определить лицо. В соответствие с разделом 3 Кодекса этики ответственность за последствия использования ИИ всегда несёт человек.

Сторонники последней точки зрения полагают, что субъектом является собственно, сам искусственный интеллект как некая цифровая сущность. Однако в связи с отсутствием понятия ИИ представляется преждевременным говорить о появлении некоего «электронного лица».

18 марта 2026 года Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее – Минцифры) опубликован проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации [8].

Закон планируется ввести в действие 1 сентября 2027 года и он будет регулировать отношения, связанные с созданием и применением ИИ на территории РФ, кроме отношений, возникающих для целей обороны и безопасности государства, охраны правопорядка, предотвращения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Проект содержит понятие искусственного интеллекта – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Проект предполагает существование следующих субъектов отношений в сфере ИИ:

1) разработчик модели ИИ;

2) оператор системы ИИ;

3) владелец сервиса ИИ;

4) пользователь сервиса ИИ.

При этом ст.10 Проекта на всех участников отношений возлагается ряд специфических обязанностей. Также законопроект определяет субъектов ответственности при причинении вреда вследствие использования технологии искусственного интеллекта: субъекты несут ответственность за результат, полученный с использованием искусственного интеллекта, нарушающий законодательство Российской Федерации, соразмерно степени вины каждого.

Проект устанавливает возможность административной, гражданско-правовой и уголовной ответственности. При этом гражданско-правовая ответственность наступает за результат, полученный с использованием искусственного интеллекта при условии, что указанные лица заведомо знали или должны были знать о возможности получения такого результата с использованием модели, системы или сервиса искусственного интеллекта, разработчиком, оператором или владельцем которых они являются, если в результате следственных действий не будет доказано обратное.

Таким образом, ключевым основанием привлечения к ответственности субъекта будет его вина. Критерии вины законопроектом не определяются. Лица освобождаются от ответственности в случае, если предприняли исчерпывающие меры к предотвращению получения такого результата и соблюдали требования законодательства при разработке модели, эксплуатации системы и предоставлении доступа к сервису искусственного интеллекта. Довольно размытыми формулировками представляется «ответственность за результат». Кроме того, законопроект предоставляет право регресса оператора системы ИИ, возместившего вред потерпевшему к разработчику объекта, созданного с использованием ИИ.

Исходя из анализа проекта закона об искусственном интеллекте можно сделать вывод, что субъектами отношений будут выступать и создатели ПО (разработчик модели ИИ), и эксплуатант системы ИИ (оператор), и владелец сервиса (обладатель исключительных прав на ПО) и пользователь. Критерии и основание ответственности всех указанных субъектов весьма размыты. Однако, очевидно, что закон вносит некоторую определённость в личность субъекта искусственного интеллекта, которая далее будет уточняться с развитием данной технологии.

Библиографический список

1. Turing A. Computing machinery and intelligence – Текст: непосредственный // Mind.– Oxford: Oxford University Press, 1950. – № 59. – Pp. 433–460.
2. Аверкин А.Н. Толковый словарь по искусственному интеллекту / А.Н. Аверкин, М.Г. Гаазе-Рапопорт, Д.А. Поспелов. – Москва: Радио и связь, 1992. – 256с. – ISBN 5-256-00605-3. – Текст: непосредственный.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ, часть вторая: ФЗ от 26 января 1996 г. №14-ФЗ, часть третья: ФЗ от 26 ноября 2001 г. №146-ФЗ и часть четвертая: ФЗ от 18 декабря 2006 г. №230-ФЗ): с изм. и доп. по состоянию на 10.02.2026 [часть первая принята Государственной Думой 21 октября 1994 г, часть вторая принята Государственной Думой 22 декабря 1995 г., часть третья принята

Государственной Думой 1 ноября 2001 г., одобрена Советом Федераций 14 ноября 2001 года, часть четвёртая принята Государственной Думой 24 ноября 2006 года, одобрена Советом Федераций 8 декабря 2006 года]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: официальный сайт. – 2024. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

4. Еркнапешян М. Первый в мире закон о регулировании ИИ принят Европарламентом / М. Еркнапешян. – Текст: электронный // Электронное периодическое издание «Научная Россия». – 2024. – URL:https://scientificrussia.ru/articles/pervyj-v-mire-zakon-o-regulirovanii-ii-prinat-evroparlamentom (дата обращения: 06.02.2026).
5. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 октября 2021 г.). – Текст: электронный // Официальный сайт Ассоциации «Альянс в сфере искусственного интеллекта». – 2024. – URL: https://a-ai.ru/ (дата обращения: 06.03.2026).
6. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. №490 (с изм. и доп. на 15 февраля 2024г.). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: официальный сайт. – 2024. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 06.03.2026).
7. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. №203 – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: официальный сайт. – 2024. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 06.03.2026).
8. Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации. Проект Федерального закона. – Текст: электронный // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : официальный сайт. – URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (дата обращения: 25.03.2026).
9. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.: Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020г. №2129-р. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: официальный сайт (26 августа 2020 г. №0001202008260005). – 2024. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 06.03.2026).

Канивец Никита Тарасович,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ АМНИСТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье анализируется правовой механизм реализации амнистии в Российской Федерации и некоторые проблемы её применения. Автор указывает, что амнистию можно определить в качестве правового института, который воспринимается как проявление снисхождения к лицам, преступившим уголовно-правовые запреты. При этом, для применения амнистии отсутствует необходимость в совершении лицом каких-либо активных действий. Это является одной из основных отличительных черт амнистии в сравнении с иными смежными институтами, поскольку совокупность факторов, являющихся основанием для ее применения, напрямую не связана с поведением преступника.

Амнистия, институт амнистии, уголовное законодательство, освобождение лица от наказания.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.41.

Kanivets Nikita Tarasovich,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

ISSUES OF AMNESTY IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article analyzes the legal mechanism of amnesty implementation in the Russian Federation and some problems of its application. The author points out that amnesty can be defined as a legal institution, which is perceived as a manifestation of leniency towards persons who have violated criminal law prohibitions. At the same time, there is no need for a person to take any active actions in order to apply the amnesty. This is one of the main distinguishing features of amnesty in comparison with other related institutions, since the combination of factors that are the basis for its application is not directly related to the behavior of the offender.

Amnesty, the institution of amnesty, criminal law, the release of a person from punishment.

Вопросы наказания за совершенные преступления и вопросы их предотвращения волновали общество на протяжении многих столетий. Есть мнение, что право амнистии появилось в Древнем Риме. В эпоху Средневековья амнистия применялась чаще всего феодалами с целью личного обогащения. По своей сущности амнистия – необходимый акт гуманизма, милосердия со стороны государства. Исторически доказано, что от верного применения институтов наказания и освобождения зависит последующее поведения лица, а также отношение общества к законодательству и уголовно–правовой политики государства в целом. Общество должно быть уверено в том, что при реализации уголовно-правовой политики государство делает всё необходимое для защиты прав и интересов граждан, когда освобождает от уголовной ответственности и отбывания наказания лицо, совершившее противоправное деяние [4] .

Вопрос о юридической природе института освобождения от уголовной ответственности и наказания с самого момента своего возникновения и закрепления в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года и действующем Уголовном кодексе РФ 1996 г. является актуальным и дискуссионным, ответ на него не однозначен. В УК РФ 1996 г. впервые включена отдельная статья, посвященная порядку объявления и правовым последствиям акта амнистии (ст.84) [2]. Правом издания такого акта согласно ст. 103 Конституции РФ 1993 г. обладает Государственная Дума.

Амнистия – это акт высшего органа государственной власти, основанный на гуманитарных принципах, об освобождении отдельных категорий лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности и наказания, о смягчении назначенного наказания или о снятии судимости с осужденных, в основном в связи со значимыми событиями в жизни государства [1]. Целесообразность применения амнистии к той или иной категории лиц, совершивших уголовное преступление, а следовательно, содержание и условия применения

закона об амнистии отдаются исключительно на усмотрение высшего органа государственной власти.

Амнистия применяется к лицам, совершившим преступления до издания акта или указанной в нем даты. Однако, у амнистии есть особенности в отношении лиц, совершающих продолжающиеся преступления. Если после амнистии продолжается состояние продолжающегося преступления или был совершен хотя бы один эпизод после указанной даты, то эти лица не подпадают под амнистию.

Амнистия, как государственно-правовой акт, обладает следующими характеристиками. Во-первых, она всегда нормативна и применяется к неопределенному числу лиц и уголовных дел, независимо от стадии процесса. Во-вторых, инициатива амнистии всегда исходит от государственного органа. В-третьих, акты амнистии обязательны как для правоохранительных органов, так и для лиц, которые попадают под амнистию. Исключение составляют лица, которые считают себя невиновными и желают судебного разбирательства. В-четвертых, акт амнистии лишь создает нормативную основу для освобождения лица, определяет категории лиц, которые подпадают под амнистию, а также порядок и условия ее применения [5, с. 150].

Следует отметить, что амнистия является формой государственного прощения преступников. Она служит основанием для прекращения уголовного преследования в отношении лиц, совершивших противоправные деяния. В российском законодательстве амнистия реализует принцип гуманности, защищая не только интересы законопослушных граждан, но и тех, кто нарушил закон. Амнистия является межотраслевым правовым институтом с многофункциональным характером. Применение амнистии обусловлено целым комплексом различных правовых отношений, возникающих в связи с принятием высшим законодательным органом страны решения об издании акта амнистии. Правовые последствия амнистии таковы, что для лиц, совершивших преступление, может наступить полное освобождение от уголовной ответственности или от отбывания наказания, сокращен срок наказания, наказание может быть заменено на более мягкое, лицо может быть избавлено от дополнительного наказания, а также судимости [3, с. 239].

В соответствии с п. «ж» ст. 103 Конституции РФ Государственная Дума РФ имеет право объявлять амнистию в отношении лиц, совершивших преступления. Статья 10 Конституции РФ закрепляет важнейший принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной властей. Именно здесь и возникает вопрос: на каком основании законодательная власть может присваивать себе полномочия судебной власти, и нарушить конституционный принцип верховенства закона (ч. 2 ст. 4 Конституции РФ), на основании которого признается виновность лица и выносится соответствующий судебный приговор и наказание.

К тому же при амнистии игнорируется принцип равенства граждан перед законом и судом, закрепленный в ст. 19 Конституции РФ. Как известно, применение амнистии возможно только к преступлениям, совершенным до принятия официальными властями решения об амнистии. Таким образом, гражданин, совершивший противоправное деяние, до момента издания акта об амнистии, приобретает некоторое преимущество в сравнении с гражданином, совершившим то же противоправное деяние, но уже после издания акта об амнистии. При этом, причины получения такого преимущества часто не имеют никакого конкретного отношения к принципам правосудия и уголовного наказания. В качестве примера подобных причин можно назвать освобождение по амнистии в честь 70-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации объявляет амнистию через принятие постановления об объявлении амнистии и о порядке применения амнистии, которые принимаются большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы, подписываются Председателем Государственной Думы и подлежат официальному опубликованию. Однако возникает справедливый вопрос о том, как происходит принятие подобных решений? Не будут ли меняться правила применения амнистии в зависимости от предпочтений главенствующей политической партии и состава депутатов? Не будет ли в таком случае нарушен принцип уголовного права, который обеспечивает

индивидуальный подход в назначении наказания каждому лицу, совершившему противоправное деяние?

Таким образом, становится очевидно, что институт амнистии идет в разрез с применением некоторых основополагающих принципов российского права, в том числе принципа разделения властей, судебного принципа, принципа верховенства закона, а также принципа равенства перед законом и судом. Чтобы не допустить дальнейших нарушений важнейших конституционных принципов, представляется необходимым разработать и принять федеральные законы об амнистии и помиловании, которые бы регулировали механизм функционирования указанных институтов в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: [с учётом поправок, внесённых зконами РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. №2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №8-ФКЗ]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 20.03.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) : [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 мая 1996 года]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).
3. Карягина О.В. Актуальные вопросы пенитенциарного и постпенитенциарного рецидива / О.В. Карягина, К.Э. Богославская // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : материалы XXIV Национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 21–22 апреля 2023 года. – Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2023. – С. 239–242.
4. Литвак А.А. Институты амнистии и помилования. Социально-правовые особенности формирования и развития / А.А. Литвак. – Текст: непосредственный // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. – 2021. – № 1.
5. Татьянина А.В. Уголовное право. Общая часть / А.В. Татьянина, С.М. Хоменко. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2024. – 156 с. – ISBN 978-5-9201-0170-9. – Текст: непосредственный.

Карпетченко Ярослав Витальевич,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Богославская Кристина Эдуардовна, преподаватель кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ГАЗЛАЙТИНГ КАК ФОРМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ: МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ СОСТАВОМ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ?

В работе анализируется понятие и сущность газлайтинга как формы преступления против личности, а также зарубежный опыт правового регулирования газлайтинга как формы психологического насилия, повлекшего общественно опасные последствия. В исследовании рассматриваются подходы законодательства Великобритании, Шотландии и Австралии, а также дело Салли Чаллен. Авторы обосновывают целесообразность криминализации газлайтинга в российском праве и предлагают редакции ст. 110 УК РФ и ст.110.3 УК РФ.

Газлайтинг, психологическое насилие, доведение до самоубийства, домашнее насилие, причинение вреда.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Karpetchenko Yaroslav Vitalievich,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Bogoslavskaya Kristina Eduardovna, Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

GASLIGHTING AS A FORM OF CRIME AGAINST A PERSON: CAN IT BE AN INDEPENDENT ELEMENT IN DOMESTIC LAW?

This paper analyzes the concept and nature of gaslighting as a form of crime against the individual, as well as international experience in regulating gaslighting as a form of psychological violence with socially dangerous consequences. The study examines the legal approaches of the United Kingdom, Scotland, and Australia, as well as the case of Sally Challen. The authors substantiate the advisability of criminalizing gaslighting in Russian law and propose revisions to Article 110 and Article 110.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Gaslighting, psychological abuse, incitement to suicide, domestic violence, causing harm.

Сегодняшнее время по праву считается эпохой повсеместной цифровизации, которая касается абсолютно каждого человека. С улучшением цифровых технологий особо важным является повышение своего уровня механизмы уголовно-правового регулирования, занимающиеся вопросами психической автономии субъектов. В XXI в. особо острой темой является газлайтинга – метод психологической манипуляции, который разрушает возможность личности доверять собственному мироощущению, подчиняя ее мировосприятие деструктивному преступнику. Перспектива выделения «газлайтинга» в самостоятельный состав преступления активно обсуждается в мировом научном сообществе.

Термин газлайтинг связан с пьесой Гамильтона «Gas Light», в которой муж пытался убедить жену в том, что она «безумна», тем самым избавляясь от нее, манипулируя окружающей действительностью. В современной же реальности газлайтинг определяется как форма психологического насилия. Газлайтинг характеризуется следующими качествами, являющимися пагубными для автономии личности: систематическое отрицание фактов, известных жертве; «переписывание» конкретных ситуаций в пользу «абьюзера», высмеивание воспоминаний и эмоциональной реакции жертвы; навязывание ложных мыслей, подрывающих идентичность субъекта [2, с. 233]. Эван Старк, приложивший руку к криминализации психологического насилия, в своей книге «Coercive control» рассматривает газлайтинг не как единичный акт обмана жертвы, а как инструмент полного подчинения, живущий в рамках принудительного контроля. По его мнению, принудительный контроль – это стратегия лишения личности автономии, которая включает в себя возможность микрорегуляции повседневной жизни, изоляции от всех своих близких, экономического насилия, манипуляции реальностью. Старк подчеркивает: «Жертва становится пленницей нереального мира, созданного «абьюзером», попадая в ловушку мира, полного путаницы, противоречий и страха». Самое главное, находясь в такой ситуации, жертва уже перестает

понимать, что есть законно, а что – нет; что есть хорошо, а что – нет; что есть морально оправданным поступком, а что – нет. Вследствие этого, личность жертвы начинает больше доверять интерпретации «абьюзера», нежели своей, что, в свою очередь, удобно, чтобы чужими руками совершать преступления [2, с. 235].

Для уголовно-правовой квалификации самым важным является, что именно системность является отличительным качеством газлайтинга от, например, обмана. Как подчеркивает А.М. Смирнов, воля потерпевшего деформируется через механизмы газлайтинга, и именно когда засчитывается изменение рассудка жертвы, состав можно считать оконченным, а не в сам момент применения насилия [3, с. 45–46].

Опыт Великобритании, Шотландии и Австралии необходимо считать самым важным ресурсом для настоящего анализа, так как он позволяет выделить три подхода к уголовно-правовой оценке газлайтинга. Так, например, Англия и Уэльс устанавливают ответственность в своем законодательстве за «контролирующее или принуждающее поведение в семейных или интимных отношениях». Данный состав является длящимся (repeatedly or continuously). Для того, чтобы объективно оценивать преступность поведения предполагаемого «абьюзера», должно работать следующее условие: поведение против жертвы оказало серьезное воздействие на нее; под «серьезным воздействием» понимается страх насилия более одного раза, либо тревога или дистресс, которые могут серьезно влиять на благосостояние жертвы в повседневной жизни [1, с. 136].

Важно понимать, что в самом законе газлайтинг не упоминается, но в официальных пояснениях к закону он не просто фигурирует, а играет центральную роль [4]. Состав считается оконченным с момента наступления «серьезного воздействия» (наступления общественно опасных последствий), т.е., когда его можно считать материальным.

В свою очередь, закон Шотландии несколько отличается, поскольку является более детализированный в примерах абьюзивного поведения, оказывающего вред жертве. В разделах закона «Бытовое насилие» («Domestic Abuse») точно указываются признаки психологического насилия: жертва зависима или подчинена, она изолирована от источников поддержки, ее свобода ограничена, происходит унижение, уничижение, запугивание или наказание. В пояснительных записках к закону «Бытовое насилие» (Domestic Abuse) прямо указывается газлайтинг как пример унижения «игры с разумом жертвы, заставляющие ее сомневаться в своем рассудке» [4]. В данном случае состав считается оконченным, когда подтвердится хотя бы одно условие из перечисленных, вне зависимости от того, какой урон нанесен жертве.

С 2024 года в Австралии, а именно в штате Новый Южный Уэльс, действует закон «Оскорбительное поведение» («Abusive behaviour») в отношении интимных партнеров. Данный закон, как и предыдущие нормативно-правовые акты, обязательно включает в себя длящиеся поведение, умысел на причинение психологического вреда и объективный характер [1, с. 135]. Важнейшее отличие данного закона от законов иных стран заключается в том, что, для достижения цели доказывания вины преступника, необязательно доказывать фактическое наступление последствий газлайтинга, а достаточно установить, что такое поведение могло и может принести вред.

В данном случае целесообразно проанализировать дело Салли Чаллен, которая подтверждает работоспособность криминализации газлайтинга. Женщина была осуждена в 2011 г. за убийство своего мужа. На момент совершения преступного деяния в Великобритании не существовало закона о «Принудительном контроле». Однако, в 2019 г. обвинительный приговор в отношении нее был отменен, ввиду того, что эксперты доказали, что во время брачного сожительства Салли Чаллен была под влиянием принудительного контроля и газлайтинга: муж отрицал измены, которые он совершал, и высмеивал женщину за паранойю; овладел всеми финансовыми делами, проводя экономическое насилие; по своему желанию ограничил ее от своих близких, лишив возможности на поддержку [5]. Газлайтинг разрушил ее автономность, и суд признал, что в момент совершения преступления она находилось под принудительным контролем и отменил приговор.

Газлайтинг как самостоятельный состав в российском законодательстве остаётся дискуссионным: сторонники указывают на успешный зарубежный опыт криминализации психологического и принудительного контроля и на отсутствие в РФ норм, охватывающих такие формы насилия. Дополнительным аргументом «за» является социальный запрос, поскольку значительная часть людей сталкивается с психологическим насилием, но редко обращается за защитой. Противники подчёркивают сложность разграничения газлайтинга и бытовых конфликтов, а также трудности доказывания и оценки нематериального вреда.

В ходе проведенного исследования целесообразно предложить дополнить ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства», предложив ее следующую редакцию:

«1. Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, а равно путем осуществления психологического воздействия в форме газлайтинга, наказывается…

Примечание. Под газлайтингом в главе 16 настоящего Кодекса понимается умышленное систематическое психологическое воздействие на лицо, выражающееся в искажении фактов, отрицании объективной реальности, введении в заблуждение, направленное на формирование у потерпевшего сомнений в собственной памяти, восприятии или психическом состоянии, с целью установления контроля, подчинения или причинения психического вреда».

Кроме того, следует предложить введение отдельной ст. 110.3 УК РФ, которая предусматривает ответственность за причинение вреда здоровью самому себе под воздействием газлайтинга другого человека, и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 110.3. Склонение к причинению вреда самому себе под воздействием газлайтинга

1. Склонение лица к причинению вреда своему здоровью, не повлекшего последствий, указанных в ст. 111 настоящего Кодекса, путем систематического психологического воздействия в форме газлайтинга, если установлено, что такое воздействие могло причинить существенный вред психическому состоянию потерпевшего, наказывается…

2. То же деяние, если оно:

а) совершено в отношении несовершеннолетнего;

б) совершено в отношении лица, находящегося в зависимости от виновного;

в) повлекло устойчивое расстройство психики, наказывается…

3. Деяние, предусмотренное частью первой или второй настоящей статьи, повлекшее тяжкий вред здоровью либо смерть потерпевшего по неосторожности, наказывается…».

Таким образом, необходимо отметить, что в предложенной редакции ст. 110 УК РФ газлайтинг включён как способ совершения преступления, а не как отдельный состав – это соответствует текущей логике нормы через способы воздействия на потерпевшего, а примечании дано универсальное определение, которое можно применять и в других статьях. Помимо этого, предложенная редакция ст. 110.3 УК РФ вводит промежуточный состав, закрывающий пробел: когда вред есть, но нет доведения до суицида. Так, формулировка «могло причинить вред» частично заимствует подход, используемый в зарубежном праве, в частности, австралийском, что облегчает доказывание причинно-следственной связи преступного деяния.

Библиографический список

1. Векленко В.В. Психическое насилие как средство совершения преступлений: проблемы квалификации / В.В. Векленко, Е.Н. Бархатова. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2013. – № 7. – С. 134–137.
2. Катушонок О.В. Газлайтинг как одна из форм домашнего психологического насилия: понятие и криминогенные детерминанты / О.В. Катушонок. – Текст : непосредственный // Материалы XIV Международной научно-практической конференции. – Минск : БИП, 2024. – С. 233–235.

3. Смирнов А.М. Психологическое насилие как способ совершения преступления: проблемы квалификации / А.М. Смирнов. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2024. – № 2. – С. 42–49.
4. Закон Шотландии о домашнем насилии 2018 года: пояснительные примечания Шотландского парламента. – URL: https://www.legislation.gov.uk/asp/2018/5/pdfs/aspen_20180005_en.pdf (дата обращения: 20.03.2026). – Текст : электронный.
5. Историческое дело «Р против Челлен» (2019 г.) – URL: https://thestudentlawyer.com/2024/12/15/r-v-challen-2019-ewca-crim-916/ (дата обращения: 24.03.2026). – Текст : электронный.

Карягина Оксана Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Назарова Анастасия Игоревна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА: ДИСКУССИЯ О СООТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО (ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО) ФАКТОРОВ

В статье автором анализируется дискуссия о соотношении социального и биологического (психологического) факторов в структуре личности преступника. Рассматривается эволюция взглядов от антропологической школы Ч. Ломброзо до современных интегративных подходов. На основе анализа нейробиологических и криминологических исследований обосновывается необходимость отказа от бинарного противопоставления факторов в пользу системно-уровневой модели, признающей взаимодействие биологических предпосылок и социальных детерминант. Формулируются практические импликации для дифференциации профилактики и индивидуализации ответственности.

Личность преступника, биологическое и социальное, антропологическая школа, психологическая предрасположенность, детерминизм преступности.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.81.51.

Karyagina Oksana Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure,
Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Nazarova Anastasia Igorevna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE STRUCTURE OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY: DISCUSSION ABOUT THE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIAL AND BIOLOGICAL (PSYCHOLOGICAL) FACTORS

The article analyzes the discussion about the relationship between social and biological (psychological) factors in the personality structure of a criminal. The evolution of views from the anthropological school of C. Lombroso to modern integrative approaches is considered. Based on the analysis of neurobiological and criminological research, the necessity of rejecting the binary juxtaposition of factors in favor of a system-level model recognizing the interaction of biological prerequisites and social determinants is substantiated. Practical implications for differentiating prevention and individualizing responsibility are formulated.

Criminal personality, biological and social, anthropological school, psychological predisposition, determinism of crime.

Исходной точкой дискуссии о соотношении социального и биологического (психологического) факторов в личности преступника принято считать работу Чезаре Ломброзо «Преступный человек» (1876), в которой на основе антропометрических измерений был сформулирован тезис о существовании «прирожденного преступника», обладающего специфическими физическими стигматами. Позднее Ломброзо модифицировал свою теорию, выделив наряду с «прирожденными» также «случайных» и «страстных» преступников, однако идея биологической предопределенности преступного поведения осталась краеугольной [7].

Антропологическая школа подверглась обоснованной критике по нескольким направлениям. Во-первых, методологическая уязвимость – отсутствие контрольных групп, смешение корреляции с причинностью. Во-вторых, идеологическая опасность – использование теории для оправдания репрессивной политики и расовой дискриминации. В-третьих, редукционизм – сведение сложного социального феномена к биологическим маркерам. Тем не менее, именно Ломброзо поставил вопрос, который наука не вправе игнорировать: существуют ли объективные, в том числе телесные, различия между лицами, совершающими преступления, и законопослушными гражданами?

В противовес антропологическому подходу сложилась мощная социологическая традиция. Э. Дюркгейм обосновал понимание преступности, как нормального социального

феномена, связанного с аномией – рассогласованием между культурными целями и институциональными средствами их достижения. Р. Мертон развил эту идею в теории аномии, выделив типы адаптации личности к социальной структуре.

Отечественная криминология советского периода заняла однозначную позицию: преступность имеет социальную природу, ее корни – в классовых антагонизмах и пережитках прошлого в сознании людей. Биологические факторы либо отрицались полностью, либо объявлялись не имеющими существенного значения. Эта позиция имела не только идеологическое обоснование, но и практическое следствие: акцент на социальной профилактике, перевоспитании, устранении социальных причин преступности.

Параллельно развивались психологические теории, акцентировавшие внимание на личностных особенностях. З. Фрейд и его последователи связывали преступное поведение с нарушениями в структуре личности (неразрешенными конфликтами между «Оно», «Я» и «Сверх-Я»). А. Адлер видел источник девиаций в «чувстве неполноценности» и гиперкомпенсации. К. Юнг ввел понятие архетипов, оказывающих влияние на поведение.

В бихевиоризме (Б. Скиннер, А. Бандура) преступное поведение объяснялось через механизмы научения – подкрепление агрессивных или противоправных реакций в процессе социализации. Теория социального научения А. Бандуры, в частности, продемонстрировала роль моделирования (наблюдения за поведением значимых других) в формировании агрессивных паттернов[4].

Последние десятилетия ознаменовались бурным развитием нейрокриминологии и генетической криминологии. Исследования с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) выявили корреляции между преступным поведением и особенностями функционирования префронтальной коры, миндалевидного тела, передней поясной коры. В частности, многократно подтверждена связь сниженной активности префронтальной коры с импульсивностью, снижением контроля и агрессивным поведением.

Генетические исследования (включая близнецовые и адоптивные) показывают, что наследственность может объяснять до 40–60% дисперсии в склонности к антисоциальному поведению. Идентифицированы гены, влияющие на метаболизм нейромедиаторов (MAOA, SLC6A4, DRD2), полиморфизмы которых коррелируют с повышенной агрессивностью при определенных условиях среды[10].

Особое значение имеет концепция диатез-стрессовой модели: генетическая предрасположенность (диатез) актуализируется только в неблагоприятной среде (стрессе). Классическое исследование A. Caspi и соавт. (2002) продемонстрировало, что носители «низкоактивного» аллеля гена MAOA становятся агрессивными только при условии жестокого обращения в детстве[9].

Сторонники социологического подхода указывают на несколько уязвимостей биологизаторских концепций. Во-первых, корреляция не равна причинности: нарушения функций мозга могут быть не причиной, а следствием криминального образа жизни, травм, употребления психоактивных веществ. Во-вторых, социальный контекст детерминации: даже при наличии нейробиологических особенностей их реализация в преступном поведении опосредована социальными факторами – бедностью, маргинализацией, доступом к образованию, субкультурными нормами. В-третьих, этическая проблема: биологическая редукция преступности создает риски стигматизации, оправдания социального неравенства и отказа от социальных программ профилактики[8].

В современной науке доминирует понимание, что противопоставление биологического и социального является методологически неверным. Речь должна идти о системном взаимодействии факторов разного уровня. Биологический уровень (генотип, нейрофизиологические особенности, гормональный фон) создает диапазон возможных поведенческих реакций, задает темпераментальные характеристики. Психологический уровень (характер, система ценностей, механизмы защиты, когнитивные схемы) опосредует реализацию биологических задатков в конкретных поведенческих паттернах. Социальный уровень (микросоциальное окружение, институциональные условия, культурные нормы) определяет,

какие из потенциально возможных поведенческих стратегий будут актуализированы и получат подкрепление [2].

Такой подход представлен в работах Ю.М. Антоняна, который, признавая роль психофизиологических особенностей, помещает их в контекст социализации и социальной микросреды. А.И. Долгова подчеркивает, что личность преступника формируется в процессе взаимодействия индивида с социальной средой, при этом индивидуальные особенности выступают не как фатальная предопределенность, а как условия, влияющие на избирательность восприятия социальных воздействий [6].

Спор о соотношении факторов имеет прямое отношение к фундаментальным институтам уголовного права. Вменяемость и ограниченная вменяемость – статья 22 УК РФ закрепляет понятие «психическое расстройство, не исключающее вменяемости». Однако на практике сложно определить границы, где заканчиваются «особенности личности» и начинается патология[1]. Нейробиологические данные о структурных и функциональных особенностях мозга лиц с антисоциальным поведением ставят вопрос о пересмотре критериев вменяемости. Индивидуализация наказания – если преступное поведение частично обусловлено биологическими факторами, то цели наказания (исправление, предупреждение) должны учитывать эту предрасположенность, что предполагает развитие пенитенциарной психиатрии и психотерапевтических программ. Меры безопасности – в ряде юрисдикций (США, страны Европы) нейробиологические данные используются при назначении мер безопасности (недобровольная госпитализация, пожизненный надзор). В российском праве этот вопрос остается дискуссионным.

Признание взаимодействия факторов ведет к дифференциации профилактических мер. Для лиц с выраженными психофизиологическими особенностями (высокая импульсивность, сниженный контроль) требуются ранняя диагностика и специализированные программы коррекции, а не только социально-педагогические воздействия. В то же время социальные программы (образование, трудоустройство, поддержка семьи) остаются универсальным средством, снижающим вероятность актуализации любых предрасположенностей.

Интеграция биологических данных в криминологию и уголовное право требует осторожности. Возможны риски биологической стигматизации – клеймо «потенциального преступника» на основании генетических или нейровизуализационных данных; снижения порога уголовной репрессии – использование биологических маркеров для обоснования более строгого наказания или ограничения прав; экономического неравенства – доступность нейробиологической экспертизы только для состоятельных подзащитных может усугубить неравенство перед законом [5].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, дискуссия о соотношении биологического и социального в структуре личности преступника прошла путь от антагонистического противопоставления к признанию сложного взаимодействия факторов разного уровня.

Во-вторых, современные нейробиологические и генетические исследования подтверждают наличие объективных корреляций между биологическими особенностями и антисоциальным поведением, но не свидетельствуют о фатальной предопределенности. Наиболее эвристичной является диатез-стрессовая модель, согласно которой биологическая предрасположенность актуализируется лишь в определенных социальных условиях.

В-третьих, категория «личность преступника» не может быть редуцирована ни к социальному статусу, ни к набору биологических маркеров. Она представляет собой системное качество, формирующееся в процессе взаимодействия индивида с социальной средой, где биологические особенности выступают как условия (предпосылки), а социальные факторы – как детерминанты, придающие поведению конкретную направленность.

В-четвертых, практическое значение дискуссии заключается в необходимости дифференцированного подхода к профилактике, индивидуализации ответственности и пенитенциарному воздействию. Отказ от бинарного противопоставления позволяет выстроить более

гибкую систему, учитывающую как социальные причины преступности, так и индивидуальные особенности личности.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методик интегративной оценки личности преступника, учитывающих социально-демографические, психологические и психофизиологические характеристики. Особого внимания заслуживают лонгитюдные исследования, позволяющие проследить траектории взаимодействия биологических и социальных факторов на протяжении жизненного цикла индивида.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 63-ФЗ : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] : (ред. от 29.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Антонян Ю.М. Личность преступника: криминолого-психологическое исследование / Ю.М. Антонян. – Москва : Норма, 2019. – 368 с. – ISBN 978-5-91768-897-4. – Текст : непосредственный.
3. Антонян Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.В. Гончарова, С.А. Шишкин. – Москва : Проспект, 2020. – 240 с. – ISBN 978-5-392-30789-8. – Текст : непосредственный.
4. Бандура А. Теория социального научения / А. Бандура ; пер. с англ. – Санкт-Петербург : Евразия, 2000. – 320 с. – ISBN 5-8071-0046-4. – Текст : непосредственный.
5. Гернет М.Н. Избранные труды / М.Н. Гернет ; под ред. И.А. Исаева. – Москва : Юридическая литература, 1974. – 344 с. – Текст : непосредственный.
6. Долгова А.И. Криминология : учебник для вузов / А.И. Долгова. – Москва : Норма, 2021. – 368 с. – ISBN 978-5-91768-789-2. – Текст : непосредственный.
7. Ломброзо Ч. Преступный человек / Ч. Ломброзо ; пер. с итал. – Москва : Эксмо, 2005. – 864 с. – ISBN 5-699-13045-4. – Текст : непосредственный.
8. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Р.К. Мертон ; пер. с англ. – Москва : АСТ, 2006. – 873 с. – ISBN 5-17-028112-7. – Текст : непосредственный.
9. Caspi A. Role of genotype in the cycle of violence in maltreated children / A. Caspi, J. McClay, T.E. Moffitt [et al.] // Science. – 2002. – Vol. 297, № 5582. – P. 851–854. – DOI: 10.1126/science.1072290. – Text : direct.
10. Farrington D. P. Early Prevention of Adult Antisocial Behaviour / D. P. Farrington, J. W. Coid. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 392 p. – ISBN 978-0-521-82513-1. – Text : direct.

Карягина Оксана Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Харьковская Анастасия Сергеевна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются актуальные проблемы борьбы с подростковой преступностью в Российской Федерации. Анализируются положения уголовно-административного законодательства, устанавливающие специфику ответственности несовершеннолетних. Используя статистические данные Министерства Внутренних Дел, Следственного комитета и Генеральной прокуратуры Российской Федерации, авторами рассматриваются современные тенденции в подростковой преступности, включая рост тяжких, а также особо тяжких преступлений. Особое внимание уделяется изменениям в законодательстве, внесенным в 2024–2025 годах, направленным на борьбу с участием несовершеннолетних в преступной деятельности.

Несовершеннолетние, подростковая преступность, уголовная ответственность, профилактика, вовлечение несовершеннолетних, ювенальная юстиция.
Тематический рубрикатор 10.77.01.

Karyagina Oksana Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Kharkovskaya Anastasia Sergeevna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

ISSUES OF COMBATING JUVENILE DELINQUENCY AT THE PRESENT STAGE

This article examines current issues in combating juvenile delinquency in the Russian Federation. It analyzes the provisions of criminal-administrative legislation establishing the specifics of juvenile liability. Using statistical data from the Ministry of Internal Affairs, the Investigative Committee, and the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, it examines current trends in juvenile delinquency, including the rise in serious and especially serious crimes. Particular attention is being paid to legislative changes introduced in 2024–2025 aimed at combating the involvement of minors in criminal activity.

Minors, juvenile delinquency, criminal liability, prevention, involvement of minors, juvenile justice.

Преступность несовершеннолетних традиционно относится к числу наиболее значимых проблем, стоящих перед любым государством, поскольку она не только отражает состояние правопорядка в настоящем, но и во многом предопределяет криминологические характеристики будущего. В Российской Федерации вопросам противодействия противоправному поведению подростков уделяется повышенное внимание на всех уровнях власти, что обусловлено необходимостью защиты прав и законных интересов подрастающего поколения, а также обеспечения общественной безопасности.

По итогам 2025 года впервые за длительное время зафиксирован рост подростковой преступности, а доля тяжких и особо тяжких составов в структуре этих преступлений превысила 40%. Президент РФ В.В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД 4 марта 2026 года потребовал оперативно реагировать на угрозу роста подростковой преступности в стране [6].

Российское законодательство устанавливает дифференцированный подход к ответственности несовершеннолетних, учитывающий возрастные, психологические и социальные особенности этой категории лиц.

В соответствии с частью 1 статьи 87 УК РФ, несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет [1]. По общему правилу уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Однако, за исчерпывающий перечень преступлений, представляющих повышенную общественную опасность, ответственность наступает с четырнадцати лет (ч.2 ст.20 УК РФ).

Административная ответственность для несовершеннолетних наступает по общему правилу с 16 лет. При этом законодатель предусматривает возможность освобождения лица в возрасте от 16 до 18 лет от административной ответственности с применением мер воздействия, предусмотренных федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних. Решение по данному вопросу принимается комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав. Важной гарантией является положение ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ, согласно которому административный арест не может применяться к лицам, не достигшим 18 лет [2].

По данным МВД России, в 2025 году общее число несовершеннолетних, совершивших преступления, превысило 22 тысячи человек.

За первый месяц текущего года общее количество зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких, по сравнению с январем 2025 года уменьшилось на 17%. Число уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, уменьшилось на 2,8% [5].

Наибольшее число несовершеннолетних преступников в 2025 году выявлено в регионах Уральского, Сибирского и Приволжского федеральных округов. Лидерами антирейтинга стали Свердловская область (853 человека), Челябинская область (821 человек) и Иркутская область (713 человек). В Сибирском федеральном округе в целом выявлено около 4 тысяч несовершеннолетних преступников, в Поволжье – 4,1 тысячи, в Центральном федеральном округе – около 3,7 тысячи человек.

Дифференциация в сфере профилактики правонарушений между регионами может быть обусловлена как социокультурными особенностями территорий, так и эффективностью работы системы профилактики на местах. Это связано с тем, что регион – это социокультурное сообщество, которое выполняет определённые функции по отношению к людям, проживающим на данной территории.

Наиболее тревожной тенденцией 2025 года стал качественный сдвиг в структуре подростковой преступности. Доля тяжких и особо тяжких составов превысила 40% [6]. Особую обеспокоенность правоохранительных органов вызывает рост насильственных преступлений против жизни и здоровья – их количество увеличилось на 13% по сравнению с 2024 годом, о чем заявил Александр Иванович Бастрыкин, председатель Следственного комитета Российской Федерации. [7]. Кроме того, было обращено внимание на недостаточную активность региональных управлений в области профилактики и поручил активизировать взаимодействие с органами местного самоуправления, а также развивать ведомственные образовательные программы.

В Следственном комитете также отмечают устойчивую динамику увеличения числа несовершеннолетних, совершающих преступления в составе организованных групп. Президент РФ в своем выступлении привел показатель 45% – именно столько подростков совершили противоправные деяния в групповых формах соучастия.

В Генеральной прокуратуре Российской Федерации на расширенном заседание Коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2025 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2026 год, особый акцент сделали на том, что в числе первоочередных надзорных направлений должно оставаться соблюдение прав несовершеннолетних на защиту жизни и здоровья, социальную поддержку, получение образования.

Генеральный прокурор Российской Федерации Александр Гуцан отметил, что прошедший год прервал десятилетнюю тенденцию снижения преступности несовершеннолетних.

Число совершенных ими деяний увеличилось на 10 %, в том числе особо тяжких – почти наполовину. При этом каждое пятое связано с незаконным оборотом наркотиков, каждое третье совершено с использованием информационных технологий.

Кратно возросло число подростков, вовлеченных в преступления террористической направленности. Они приобретают все более агрессивные формы. Поджоги, порча и уничтожение военного имущества, объектов транспортной инфраструктуры, трагедии в школах. Причину роста подростковой преступности связывают с просчетами субъектов профилактики [4].

Анализ правоприменительной практики 2024–2025 годов свидетельствует о серьезной трансформации подростковой преступности. Фиксируются многочисленные случаи проявления немотивированной агрессии в отношении социально незащищенных категорий граждан. Так, в Нижегородской области группа школьников на протяжении месяца издевалась над пожилой женщиной, снимая происходящее на видео и распространяя записи среди сверстников. Во Владимирской области подростки совершили нападение на мужчину с применением ножа, сопровождая свои действия идеологическими лозунгами о «борьбе с биомусором». В Челябинске несовершеннолетние организовали банду для «очистки города от бездомных», что привело к убийству человека [6].

Особую тревогу вызывает рост числа несовершеннолетних, не достигших к моменту совершения преступления возраста уголовной ответственности. В правоприменительной практике возникают ситуации, когда лица, совершившие тяжкие деяния, фактически остаются безнаказанными в силу возрастных ограничений.

Федеральный закон №514-ФЗ от 28.12.2024 внёс изменения в статьи 150, 151 и 238 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [3]. Так, в статьях 150 и 151 УК РФ добавлен новый квалифицирующий признак – совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Часть 3 статьи 150 и часть 3 статьи 151 УК РФ дополнены особо квалифицирующими признаками: «в отношении двух или более несовершеннолетних» и «в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста».

Часть 4 статьи 150 УК РФ усилила ответственность за деяния, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, в совершение трёх и более преступлений небольшой и (или) средней тяжести, а также в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет с возможностью ограничения свободы на срок до 2 лет.

Вопросы профилактики подростковой преступности регулярно рассматриваются на заседаниях Общественного совета при ГУ МВД России. Так, в марте 2026 года на площадке Санкт-Петербургского государственного университета состоялось заседание, где особое внимание было уделено мероприятиям, направленным на предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних [8].

Современное состояние преступности несовершеннолетних в Российской Федерации характеризуется рядом тревожных тенденций. Рост числа противоправных деяний, увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений, качественная трансформация подростковой преступности в сторону большей жестокости и организованности требуют адекватного реагирования со стороны государства и общества.

Внесенные в 2024–2025 годах изменения в уголовное законодательство, направленные на усиление ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, представляются своевременной и необходимой мерой. Установление наказания вплоть до пожизненного лишения свободы для организаторов и подстрекателей, использующих детей в своих целях, создает правовую основу для нейтрализации наиболее опасных форм криминального влияния на молодежь.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 13.06.1996 №63-ФЗ (в ред. 20.02.2026) // Российская газета. – № 113. – 17.06.1996 // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – Текст : электронный. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1 // официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – Текст : электронный. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).
3. О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации : Федеральный закон №514-ФЗ от 28.12.2024 (в ред. от 28.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – Текст : электронный. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).
4. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Доклад Генерального Прокурора Российской Федерации по итогам работы органов прокуратуры за 2025 год : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e8430135/ (дата обращения: 25.03.2026).
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2026 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Текст : электронный.– URL: https://мвд.рф/reports/item/79262389/ (дата обращения: 25.03.2026).
6. Парламентская газета : официальный сайт. – URL: https://www.pnp.ru/social/putin-potreboval-operativno-borotsya-s-rostom-podrostkovoy-prestupnosti.html (дата обращения: 20.03.2026).
7. Российская газета : официальный сайт. – URL: https://rg.ru/2025/10/22/kriminalnyj-podrost.html (дата обращения: 20.03.2026). – Текст : электронный.
8. Санкт-Петербургский государственный университет : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://spbu.ru/news-events/novosti/v-spbgu-proshlo-zasedanie-obschestvennogo-soveta-pri-gu-mvd-po-peterburgu-i (дата обращения: 20.03.2026).

Клименко Демьян Игоревич,
помощник судьи Таганрогского городского суда Ростовской области, г. Таганрог
Научный руководитель – Андреева Ольга Александровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

В условиях современных трансформаций государственного управления судебная власть выступает не только как орган правосудия, но и как важный фактор, определяющий качество и эффективность функционирования институтов публичной власти. Деятельность административных структур с учетом, имеющейся судебной практики, способствует оптимизации управленческих процессов и позволяет создавать более гибкие, адаптивные модели в публичном управлении, направленные на обеспечение общественных интересов, соблюдение прав граждан.

Рассматривая влияние судебной власти на модернизацию институтов публичного управления, необходимо подчеркнуть роль судебных актов в исправлении процедурных и организационных недостатков в работе исполнительных органов. Судебный контроль способствует формированию культуры правовой ответственности и снижению уровня коррупционных рисков, а также осуществлению оценки бездействия со стороны муниципалитетов, органов субъектов РФ при передаче, осуществлении отдельных государственных полномочий, что является важным элементом в обеспечении устойчивого развития государственного управления.

Судебная власть, институты публичной власти, публичное управление, конституционные права, коррупционные риски, модернизация, конституционные права.

Тематический рубрикатор e-Library 10.27.00.

Klimenko Demyan Igorevich,
Assistant judge of the Taganrog City Court of the Rostov Region, Taganrog
Scientific supervisor – Andreeva Olga Alexandrovna, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE INFLUENCE OF THE JUDICIARY ON THE MODERNIZATION OF PUBLIC POWER INSTITUTIONS AND PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA

In the context of modern public administration transformations, the judiciary acts not only as a judicial body but also as an important factor determining the quality and effectiveness of public institutions. The activities of administrative structures, taking into account existing judicial practice, contribute to the optimization of management processes and enable the creation of more flexible, adaptive models of public administration aimed at ensuring public interests and respecting citizens' rights.

When considering the influence of the judiciary on the modernization of public administration institutions, it is necessary to emphasize the role of judicial decisions in correcting procedural and organizational shortcomings in the work of executive bodies. Judicial review contributes to the development of a culture of legal responsibility and the reduction of corruption risks, as well as in assessing the inaction of municipalities and bodies of constituent entities of the Russian Federation in the transfer and exercise of certain state powers, which is an important element in ensuring the sustainable development of public administration.

Judicial power, public institutions, public administration, constitutional rights, corruption risks, modernization, constitutional rights.

В России судебная система претерпела значительные изменения, направленные на повышение прозрачности, оперативности и демократичности правоприменительных процедур, что в свою очередь оказывает влияние на процессы модернизации административных институтов.

Современные тенденции в развитии судебной системы России ориентированы на цифровую трансформацию, которая призвана обеспечить максимальную доступность и эффективность правосудия. В рамках этой стратегии Верховным Судом РФ разработана Концепция цифровой трансформации, предусматривающая расширение функционала электронного судопроизводства, внедрение системы электронных уведомлений и создание удобных личных кабинетов для участников процесса. Важным вызовом остается преодоление технологической неравномерности между судами и обеспечение информационной безопасности. [1].

Для усиления роли судебной власти в реформировании государственных институтов необходимо выстраивать эффективные механизмы взаимодействия с другими ветвями публичной власти. Это предполагает развитие координации в сфере законодательного регулирования, организацию совместных платформ для обмена информацией, а также обеспечение прозрачности и ответственности государственных органов перед судом и обществом. Особое значение имеет интеграция судебной информации с административными ресурсами, что позволит повысить скорость и качество принятия управленческих решений при соблюдении правовой экспертизы [7].

Судебная власть вступает в активное взаимодействие с институтами публичного управления, способствуя их модернизации и повышению качества государственных услуг, что может оказывать положительное влияние для разработки дальнейших реформ и совершенствования систем государственного контроля и управления.

Современная судебная система Российской Федерации базируется на двух основных нормативных актах: Конституции Российской Федерации 1993 года и Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Эти документы образуют юридический фундамент, обеспечивающий организацию, принципы и статус судебной власти в государстве.

Конституция РФ закрепляет судебную ветвь власти как самостоятельный и независимый институт государственного управления, подчеркивая верховенство закона и равенство всех перед судом. В преамбуле и первых статьях отмечается, что Российская Федерация является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления, в котором права и свободы человека являются высшей ценностью. Конституция определяет федеративное устройство страны, формируя основы для единой судебной системы, охватывающей как федеральный, так и региональный уровни. Значительное внимание уделено разделению государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, каждая из которых обладает самостоятельностью и независимостью [3].

Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» детализирует организационную структуру и порядок функционирования судебной власти, устанавливая принципы единства судебной системы, независимости и несменяемости судей, обязательности судебных постановлений и гласности разбирательств. Этот закон описывает разнообразие судов, действующих в Российской Федерации: Конституционный суд, Верховный суд, кассационные и апелляционные суды, а также суды субъектов федерации, военные и арбитражные суды, мировые судьи. Закон предусматривает также основы статуса судей, включая порядок их назначения, сроки полномочий, неприкосновенность и другие гарантии, необходимых для независимого осуществления правосудия [5][6].

Взаимодействие этих двух базовых нормативных актов гарантирует устойчивость судебной системы, обеспечивает баланс между необходимостью эффективного правосудия и соблюдением конституционных гарантий. Правовая база задает основы, не только определяя юридический статус судебной власти, но и формируя условия для реализации её роли в современном публичном управлении.

Конституционные права и свободы граждан Российской Федерации включают, прежде всего, право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, право на свободу совести и вероисповедания, свободу выражения мнений, право на защиту частной жизни, право на равенство перед законом и судом, а также право на судебную защиту. Все эти положения закреплены в Основном законе страны и составляют ядро правового статуса личности.

Судебные органы, в первую очередь Конституционный Суд РФ, обеспечивают практическую реализацию и защиту таких прав и свобод.

Так, Конституционный Суд РФ выполняет функцию высшей инстанции по конституционному контролю, рассматривая жалобы граждан, которые считают, что их права нарушены применением или предполагаемым применением законов и иных нормативных актов, оценивает соответствие законодательных и нормативных актов основному закону, разрешает споры о компетенции между федеральными и региональными властями, а также

осуществляет официальное толкование Конституции, что имеет обязательную юридическую силу и способствует единству правовой системы [4].

Важным инструментом защиты прав граждан является механизм конституционной жалобы, который предоставляет возможность обращаться в суд непосредственно при нарушении конституционных гарантий. Решения Конституционного Суда обязательны для всех органов государственной власти и влияют на дальнейшую судебную практику, обеспечивая корректировку законодательства и правоприменительной практики в соответствии с конституционными нормами [2].

Рассмотрение судом споров и жалоб способствует не только восстановлению нарушенных прав, но и формированию эффективной правовой среды, в которой права и свободы граждан становятся основой всей деятельности государственных институтов. Это способствует укреплению доверия общества к государственным органам и повышению качества публичного управления через усиление ответственности и прозрачности принимаемых решений.

Деятельность судебной власти в сфере защиты конституционных прав и свобод является важным драйвером модернизации институтов публичной власти. Систематическая судебная практика способствует совершенствованию административных процедур и созданию более справедливых и прозрачных механизмов управления, что положительно сказывается на общем уровне законности и эффективности государственного управления в России.

Необходимость модернизации институтов публичного управления в России обусловлена возрастающей сложностью социальных и политических процессов, а также усилением требований общества к качеству и прозрачности государственной деятельности. Перемены в обществе, интеграция международных стандартов и вызовы цифровой экономики требуют новых подходов к организации публичной власти, в которых ключевым становится обеспечение законности, эффективности и подотчетности государственных органов.

Судебная власть имеет непосредственное влияние на эти преобразования через систему правового контроля. В частности, обеспечение принципа верховенства закона служит основой для реформирования институтов государственного управления, направленных на исключение административного произвола и коррупции. Внедрение новых форм судебного контроля способствует созданию механизмов, способных не только выявлять нарушения, но и стимулировать совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность публичных институтов.

Заключение

Судебная власть в России играет ключевую роль в модернизации институтов публичной власти и управления в России, выступая одновременно гарантом законности и правопорядка, а также влияет на процессы модернизации публичного управления через конструктивное взаимодействие с законодательными и исполнительными органами, обеспечивая правовые рамки, необходимые для развития прозрачных и эффективных институциональных структур. Правовая база современной судебной системы сформировала прочные законодательные и институциональные основы, которые обеспечивают функционирование судов в условиях федеративного устройства и соблюдение принципов разделения властей. Важным механизмом стало закрепление задач судов по защите конституционных прав и свобод, что усиливает роль судебной власти в обеспечении национальных интересов и стабильности государственной власти.

Рассмотрение взаимодействия судебной власти и институтов публичного управления выявило взаимные процессы влияния, при которых судебная система не только контролирует законность действий органов государственной власти, но и стимулирует совершенствование нормативной базы и административных процедур, что создает условия для прозрачности, ответственности и эффективности публичного управления, это особенно актуально в условиях цифровой трансформации и повышения требований общества к государственным институтам.

Таким образом, судебная власть в России выступает не просто как орган правосудия, а как активный участник процессов модернизации публичной власти и управления. Её роль заключается в обеспечении баланса между властью и обществом, защите прав и свобод граждан, а также поддержке национальных интересов и стабильности государства. Для дальнейшего укрепления судебной системы необходимо продолжать реформы, направленные на повышение независимости судей, расширение доступа к правосудию и интеграцию цифровых инноваций. Реализация этих задач будет способствовать созданию эффективной, прозрачной и устойчивой системы публичного управления, способной отвечать вызовам современности и обеспечивать развитие правового государства в России.

Библиографический список

1. Краснов И. Верховный суд РФ разработал Концепцию… / И. Краснов. – Текст : электронный // Российская газета : сайт. – URL: https://rg.ru/2025/12/02/cifrovaia-pravda.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Falice.yandex.ru%2F (дата обращения: 01.03.2026).
2. Назарова И.С. Конституционный Суд Российской Федерации и его роль в защите прав и свобод граждан: особенности и перспективы / И.С. Назарова, Д.И. Назаров, А.А. Кулешова. – Текст : электронный // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sud-rossiyskoy-federatsii-i-ego-rol-v-zaschite-prav-i-svobod-grazhdan-osobennosti-i-perspektivy (дата обращения: 01.03.2026).
3. Конституция Российской Федерации. – Текст : электронный // СудАкт.ру:правовая база данных. – URL: https://sudact.ru/law/konstitutsiia/ (дата обращения: 01.03.2026).
4. Иванова И.А. Роль Конституционного Суда РФ в защите прав человека / И.А. Иванова. – Текст : электронный // Государство и право в XXI веке. – 2017. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-konstitutsionnogo-suda-rf-v-zaschite-prav-cheloveka (дата обращения: 01.03.2026).
5. Федеральный конституционный закон. – Текст : электронный // Контур.Норматив : справочная система. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=503795 (дата обращения: 01.03.2026).
6. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно–правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 01.03.2026).
7. Парахина Е.В. Этапы судебной реформы в Российской Федерации: итоги и перспективы / Е.В. Парахина. – Текст : электронный // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 3 (34). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-sudebnoy-reformy-v-rossiyskoy-federatsii-itogi-i-perspektivy (дата обращения: 01.03.2026).

Колган Александр Андреевич,
преподаватель, КЭУП ДГТУ «Колледж экономики, управления и права»,
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ XIX ВЕКА: КОНЦЕПЦИЯ Н.Ф. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

В статье анализирован подход Н.Ф. Рождественского к проблеме сущности права в контексте развития российской юридической науки XIX века. Рассмотрены ключевые положения его концепции, их связь с естественно-правовыми традициями и значением для отечественной правовой мысли. Особое внимание уделяется соотношению естественного и позитивного права в трактовке ученого, а также влиянию его идей на развитие юриспруденции в России.

Право, сущность права, философия права, российская юридическая наука XIX века, естественное право, позитивное право, правоприменение.

Kolgan Alexander Andreevich,
Teacher of the College of Economics, Management, and Law, Don State Technical University, Rostov-on-Don

THE PROBLEM OF THE ESSENCE OF LAW IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE OF THE XIX CENTURY: THE CONCEPT OF N.F. ROZHDESTVENSKY

This article analyzes N.F. Rozhdestvensky's approach to the essence of law in the context of the development of 19th-century Russian legal scholarship. Key tenets of his conception, their connection to natural law traditions, and their significance for Russian legal thought are examined. Particular attention is paid to the relationship between natural and positive law as interpreted by the scholar, as well as the influence of his ideas on the development of jurisprudence in Russia.

Law, essence of law, legal philosophy, 19th-century Russian legal scholarship, natural law, positive law, law enforcement.

Актуальность темы «Проблема сущности права в российской юридической науке XIX века: концепция Н.Ф. Рождественского» обусловлена ее теоретической и практической ценностью идей Н.Ф. Рождественского для современного правотворчества и правоприменения. Поднятые им вопросы – о роли обычаев и судебной практики как источников права, о критериях справедливости законов, о балансе между формальной определённостью и нравственными началами – напрямую касаются совершенствования законодательства и укрепления доверия общества к правовой системе. Анализ его концепции помогает избежать механического заимствования зарубежных моделей и учитывать культурно-исторический контекст при реформировании права

Проблема сущности права традиционно занимает центральное место в юридической науке. В XIX веке в России она получила особое звучание на фоне становления национальной правовой системы и осмысления европейских правовых идей. В этот период происходило активное заимствования и переосмысление концепций естественного права, исторического подхода и юридического позитивизма.

Одним из значимых мыслителей этого времени был Николай Федорович Рождественский (1802–1871) – профессор Санкт-Петербургского университета, чьи работы внесли вклад в развитие представлений о природе права. Его концепция представляет собой синтезировать рациональные начала естественного права с учетом исторической специфики правовых институтов.

Впервой половине XIX века российская юридическая наука находилась под сильным влиянием немецкой классической философии и естественно-правовых доктрин. Одновременно усиливался интерес к историческому методу и позитивистским подходам.

Ключевые тенденции развитии правовой мысли того времени:

- влияние немецкой философии (Кант, Гегель) – акцент на разумности права и его связи с нравственностью;
- развитие исторической школы права (Савиньи) – внимание к национальным традициям и обычаям;

– формирования юридического позитивизма – требование строгой формализации правовых норм.

В этом контексте ученый стремился соединить рациональные начала естественного права с учётом исторической специфики правовых институтов. Он критически переосмысливал европейские концепции, адаптируя их к российским реалиям.

Н.Ф. Рождественский рассматривал право, как сложное явление, сочетающее в себе *нравственные начала* и *формально-юридические признаки*. В своих трудах он подчеркивал, что право не сводится исключительно к воле законодательства, а должно опираться на универсальные моральные ценности [3, с. 30–35].

Ключевой тезис Рождественского формируется следующим образом: «Право есть совокупность правил, определяющих внешние отношения людей между собой, в виду общей пользы и справедливости» [3, с. 45].

Данная формулировка указывает на два существенных аспекта:

– социально-утилитарный – право служит общей пользе, обеспечивая порядок и стабильность в обществе;
– нравственно-справедливый – справедливость выступает критерием оценки правовых норм, что связывает право с моралью.

Ученый разграничивал естественное право, как систему идеальных нравственных требований и положительное (позитивное) право, как совокупность действующих законов. При этом он отмечал, что позитивное право должно стремиться к воплощению принципов естественного право. По словам Н.Ф. Рождественского: «Положительное право только тогда достигает своего назначения, когда оно соответствует началам права естественного» [2, с. 78].

Он выделил следующие источники права:

1. Обычай – исторически сложившееся правило поведения, признанное обществом. Ученный отмечал, что обычаи часто предшествуют законам и могут служить их основной;

2. Закон – нормативный акт, принятый государственной властью. Закон, по мнению Рождественского, должен выражать волю государства, но при этом учитывать общественные потребности;

3. Доктрина – научная концепция, влияющие на развитие права. Ученый считал, что юридическая наука должна помогать законодателю в создании справедливых норм.

Особое внимание он уделял роли *государства*, как гарант реализации правовых норм. По мнению ученого, государство не создает право произвольно, а оформляет и защищает те правила, которые соответствуют общественным потребностям и моральным устоям.

В концепции Рождественского естественное право выполняет функцию критерия оценки позитивного права. Выделил следующие признаки естественного права:

– универсальность (действует независимо от места и времени);
– связь с нравственностью;
– неизменностью основных принципов (справедливость, равенство, свобода).

Позитивное право, в свою очередь, должно:

– соответствовать принципам естественного права;
– быть формально определенным;
– обеспечиваться государством.

Отмечал, что происхождение между естественным и позитивным правом может привести к кризису правовой системы. Он писал: «Когда закон противоречит началом справедливости, он теряет свою нравственную силу и может вызвать сопротивление со стороны общества» [2, с. 112].

Подход Н.Ф. Рождественского не был лишен противоречий. С одной стороны, он признавал приоритет нравственных начал, с другой – подчеркивал необходимость формальной определенности права. Это порождало вопросы о критериях соответствия позитивного права естественному.

Критики указывали на следующие слабые места его концепции:

– сложность определения универсальных принципов естественного право:

– риск субъективизма при оценке справедливости законов;
– недостаточная проработка механизмов реализации естественных прав.

Тем не менее его концепция имела важное значение для развития российской юриспруденции: способствовал осмыслению *связи права* и *морали*, что стало основой для дискуссий о правах человека; заложила основы для *сравнительно-правовых исследований* в России, так как ученый анализировал правовые системы разных стран [1, с. 312]; повлиял на формирование *либерально-правовых взглядов* второй половина XIX века (идеи Б.Н. Чичерина, П.Н. Новгородцева); стимулировала развитие *философии права* как самостоятельной дисциплины в российских университетах [4].

Работы Рождественского использовались в качестве учебных пособий в российских университетах, а его подход к соотношению естественного и позитивного права обсуждался в трудах последующих поколений юристов.

Концепция Н.Ф. Рождественского представляет собой попытку синтезировать естественно-правовые идеи с учетом исторической и национальной специфики российского права. Его подход сочетающий нравственные ориентиры и формально-юридические требования, стал важным этапом в развитии отечественной юридической науки.

Идеи Рождественского сохраняют актуальность в современных дискуссиях о сущности права, особенно в контексте поиска баланса между универсальными ценностями и национальными правовыми традициями. Его работы напоминают о том, что право – это не только система норм, но и отражение моральных принципов общества, а их гармония является залогом стабильности и справедливости.

Библиографический список

1. Грабарь В.Э. История литературы международного права в России / В.Э. Грабарь. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – 471 с. – Текст : непосредственный.
2. Рождественский Н.Ф. Лекции по энциклопедии законоведения / Н.Ф. Рождественский. – Санкт-Петербург, 1858. – 214 с. – Текст : непосредственный.
3. Рождественский Н.Ф. Основы общей теории права / Н.Ф. Рождественский. – Санкт-Петербург, 1846. – 187 с. – Текст : непосредственный.
4. Чичерин Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. – Москва: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнер, 1900. – 344 с. – Текст : непосредственный.

Колесник Даниил Вадимович,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

СООТНОШЕНИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ «ГЕНОЦИД» С РАЗЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ

Одной из наиболее важных общечеловеческих ценностей на сегодняшней ступени развития мирового сообщества является безопасность человечества, его отдельных групп, особенно в ситуации различных проявлений массовых репрессий. Одной из форм массовых репрессий является геноцид, степень общественной опасности которого очень велика. Геноцид в отечественном и международном уголовном праве относят к особо тяжким преступлениям, посягающим на безопасность человечества. В статье рассматривается проблема соотношения состава преступления «геноцид» с различными формами массовых репрессий. Актуальность исследования обусловлена сложностями юридической квалификации массовых преступлений против человечества: нечёткость разграничения геноцида и иных форм массовых репрессий, создаёт пробелы в правоприменении и затрудняет привлечение виновных к ответственности.

Геноцид, массовые репрессии, преступления против человечности, экстремизм, расизм, фашизм, национализм, ксенофобия.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Kolesnik Daniil Vadimovich,
Master's student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

CORRELATION OF THE CRIME OF GENOCIDE WITH VARIOUS FORMS OF MASS REPRESSIONS

One of the most important universal values at the current stage of development of the global community is the security of humanity and its individual groups, especially in the context of various forms of mass repression. Genocide is one of the most dangerous forms of mass repression. In domestic and international criminal law, genocide is considered a particularly serious crime that poses a significant threat to the security of humanity. This article explores the relationship between the crime of genocide and various forms of mass repression. The relevance of this research is due to the difficulties in legal qualification of mass crimes against humanity: the lack of clarity in distinguishing between genocide and other forms of mass repression creates gaps in law enforcement and makes it difficult to hold perpetrators accountable.

Genocide, mass repression, crimes against humanity, extremism, racism, fascism, nationalism, xenophobia.

Актуальность темы обусловлена высокой общественной опасностью геноцида как особо тяжкого международного преступления, посягающего на безопасность человечества. Уничтожение национальных, этнических, расовых или религиозных групп ведёт к необратимым последствиям.

В учебной и научной литературе, средствах массовой информации и других источниках активно анализируются и сопоставляются различные негативные события, произошедшие в мире. В них можно увидеть признаки геноцида и других форм массовых репрессий в самых разных их проявлениях (расизм, неофашизм, неонацизм, сионизм, колониализм, а также другие различные формы дискриминации). В связи с этим вопрос соотношения геноцида с различными формами массовых репрессий и их выражением вовне становится все более актуальным и необходимым. Отождествление указанных фактов с геноцидом недопустимо. Определение геноцида в таком случае теряет свои отличительные признаки, становится все более аморфным и перестает отвечать не только общенаучным требованиям (например, философским, филологическим и др.), но и специальным юридическим. Так, например, законодательная техника предъявляет к уголовному праву строгие требования соответствия определения термина обозначаемому понятию. Отсутствие единого подхода в нормативных и теоретических положениях вносит неопределенность и в практику, что создает трудности в квалификации уголовно-правовых деяний.

Следует заметить, что при проведении анализа соотношения понятия геноцида и иных форм массовых репрессий необходимо исходить не столько из конкретных форм массовых репрессий, которые выступают в качестве концепции, идеологии (например, фашизм и нацизм), а сколько из их разновидностей, которые являются выражением вовне тех или иных форм массовых репрессий в современном мире (например, реабилитация нацизма). Связано это с тем, что существующие механизмы правового противодействия (в том числе и уголовно-правового), направлены на борьбу с существующими разновидностями, которые могут принимать те или иные формы массовых репрессий, а не с самими формами как таковыми [5, с. 622].

Не все известные доктрине формы массовых репрессий криминализированы, поэтому при сопоставлении геноцида с различными проявлениями массовых репрессий, полагаем необходимым рассматривать: а) формы, что уже криминализированы (на международном, национальном уровне); б) формы, перспектива криминализации которых назрела в современном мире. Если анализируемая форма массовых репрессий криминализирована или имеется перспектива криминализировать ее в будущем (например, в доктрине разработан состав преступления в целом или его отдельные элементы, признаки и т.д.), сопоставление следует проводить, учитывая не только понятия и признаки той или иной формы массовых репрессий, но и элементы и признаки состава преступления.

При анализе геноцида и соотношении его с другими формами массовых репрессий важно отталкиваться от четырех элементов состава преступления, как принято в романо-германском уголовном праве в общем и в российском уголовном праве, в частности. Как указывает А.Г. Кибальник, применение в доктрине международного уголовного права положений о составе преступления подтверждается и самим международным правом [3, с. 32].

Полагаем, начинать рассмотрение вопросов соотношения геноцида и других форм массовых репрессий необходимо с таких явлений, как ксенофобия и расизм. Именно эти формы массовых репрессий обусловлены экстремистским этноцентризмом и первыми из него вытекают. Связь геноцида как формы массовых репрессий с ксенофобией и расизмом очевидна и проявляется в различных аспектах. И в случае осуществления геноцида, и при проявлении ксенофобии, расизма посягательство может происходить на национальную, расовую, религиозную и этническую группу. Некоторые ученые отмечают, что расизм является своеобразным истоком геноцида. Е.В. Кунц говорит о том, что самой страшной формой проявления расизма является геноцид [4, с. 5].

Когда нация становится высшей ценностью и формой общности, когда это подкрепляется политическими и идеологическими основами, необходимо говорить о национализме. Он может быть оценен как с положительной стороны, когда национализм является объединяющей силой в борьбе за освобождение от колониального (неоколониального) или иностранного гнета, так и с отрицательной, когда национализм сопровождается идеей национальной исключительности (превосходства) и принимает крайние формы, превращается в шовинизм, сближается с расизмом.

Различные формы расовой дискриминации осуждаются в положениях национального законодательства. Данный вопрос отражен в ст. ст. 3, 13 Конституции РФ, в ст. ст. 105, 111, 244, 282.1 УК РФ. Для борьбы с деяниями, которые характеризуются в целом как расизм и ксенофобия, было принято Рамочное решение Совета Европейского Союза от 28 ноября 2008 г. № 2008/913/ПВД «О борьбе с отдельными формами и проявлениями расизма и ксенофобии средствами уголовного права».

Проявления ксенофобии и расизма находят множество примеров в истории человечества. В этой связи показательна ксенофобская, расистская политика Австралии, проводимая ей в прошлом веке в отношении коренного населения страны. Эта политика основывалась на концепции «расовой неполноценности» аборигенов.

В России выражение ксенофобских и расистских настроений принимает разные виды: это кавказофобия, азиатофобия, антисемитизм, русофобия и др. Сегодня, как отмечает Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин, националистические (русофобские)

убеждения, используются для проведения геноцида русскоязычного населения Донбасса, среди которого значительная часть является гражданами Российской Федерации.

В доктрине приводятся современные примеры того, как некоторые государства и народы подвергаются ксенофобским и расистским атакам. Такие нападки возникают из-за проведения самостоятельной, независимой внутренней и внешней политики (Исламская Республика Иран, Республика Ирак, Российская Федерация и др.). Полагаем необходимым в рамках исследования ксенофобии и расизма затронуть также антисемитизм, так как в доктрине некоторых отраслевых источников, отмечается связь ксенофобии и расизма с этим явлением. Во-первых, эти понятия являются синонимичными, во-вторых, они представляют собой синонимы другого понятия – «экстремизм» и др. [2, с. 182].

Следует также указать, что в рамках ксенофобии и расизма необходимо было бы рассматривать и сионизм, но в связи с тем, что сионизм, как форма национализма, на сегодняшний день более не рассматривается международным сообществом в лице Организации Объединенных Наций как разновидность международного терроризма, такая необходимость отпадает. И все же необходимо отметить, что в современной юридической науке под сионизмом понимается ключевая политико-правовая концепция, выступившая фактором единения еврейского народа и становления израильской государственности.

Безусловно, что при геноциде, ксенофобии и расизме происходит посягательство на группы людей, объединенных национальными, расовыми, этническими особенностями, причем такое посягательство связано с возбуждением ненависти либо вражды. При геноциде осуществляются действия, направленные на полное или частичное нарушение физической целостности национальной, расовой, этнической, религиозной группы (убийство членов группы, причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы и др.). При ксенофобии и расизме действия связаны с возбуждением ненависти, возбуждением вражды, унижением чести и достоинства группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии.

В доктрине подчеркивается явная связь геноцида и нацизма – еще одной формы массовых репрессий. А. Кибальник отмечает, что характерной чертой нацизма в уголовно-правовом понимании является наличие у последователей нацизма цели, присущей геноциду: это стремление полностью либо частично уничтожить «иную» группу людей.

Несмотря на тот факт, что некоторые формы массовых репрессий по тем или иным элементам и признакам состава преступления похожи на геноцид, рассмотренные формы массовых репрессий не находят с ним тождества и в сравнении с геноцидом являются самостоятельными формами массовых репрессий. Анализ соотношения состава преступления «геноцид» с различными формами массовых репрессий позволяет сделать ряд принципиальных выводов о правовой природе этих явлений, их сходствах и различиях. Геноцид, закреплённый в международном праве (в Конвенции ООН 1948 года «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» [1]) и в Уголовном кодексе РФ (например, в ст. 357 УК РФ), характеризуется специфическим умыслом – намерением полностью или частично уничтожить какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Это ключевой признак, отделяющий геноцид от иных форм массовых нарушений прав человека.

Библиографический список

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года. Вступила в силу 12 января 1951 года.
2. Карягина О.В. Анализ объективных признаков преступления экстремистской направленности / О.В. Карягина. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра,

Донецк, 05–07 ноября 2025 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. – С. 182–184. – EDN GDLNCK.
3. Кибальник А.Г. Геноцид в решениях международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии : монография / А.Г. Кибальник, А.С. Мартиросян. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 191 с. – ISBN 978-5-4396-0903-1. – Текст : непосредственный.
4. Кунц Е.В. Преступность на почве межнациональных и религиозных конфликтов и уголовно-правовые меры борьбы с нею : автореф. дис. … канд. юрид. наук, Спец. 12.00.08. Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 1998. – 19 с. – Текст : непосредственный.
5. Самедова А.Г. Вопросы правотворческой и правоприменительной практики уголовно-правовой борьбы с терроризмом / А.Г. Самедова, А.В. Татьянина. – Текст : непосредственный // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : материалы XXIII Национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 15–16 апреля 2022 года. – Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2022. – С. 623–625.

Колесникова Виктория Романовна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье автором рассматривается система обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по уголовным делам об убийствах (ст. 105 УК РФ), в соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена высокой степенью общественной опасности данного вида преступлений, сложностью разграничения убийства со смежными составами (причинение смерти по неосторожности, необходимая оборона, доведение до самоубийства) и необходимостью строгого соблюдения процессуальных норм при формировании предмета доказывания.

Доказательства, обстоятельства подлежащие доказыванию, убийство, расследование, квалифицирующие признаки, личность потерпевшего, причиненный вред.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.79.35.

Kolesnikova Victoria Romanovna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE EVIDENTIARY PROCESS IN MURDER CASES: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

The article examines the system of circumstances to be established and proved in criminal cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation), in accordance with the requirements of the criminal and criminal procedure legislation of the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the high degree of public danger of this type of crime, the difficulty of distinguishing murder from related crimes (causing death by negligence, necessary defense, driving to suicide) and the need for strict adherence to procedural rules when forming the subject of evidence.

Evidence, circumstances to be proved, murder, investigation, qualifying signs, identity of the victim, harm caused.

Понятие убийства закреплено в части 1 статьи 105 Уголовного кодекса РФ, оно определяется как умышленное причинение смерти другому человеку. Право на жизнь как высшая ценность государства изначально закреплено в статье 20 Конституции Российской Федерации [1], которая провозглашает, что каждый имеет право на жизнь, а смертная казнь до ее отмены устанавливалась исключительно в качестве исключительной меры наказания. Согласно статье 15 УК РФ убийство относится к тяжким и особо тяжким преступлениям [2], в зависимости от квалифицирующих признаков. Не случайно особенная часть УК РФ начинается со статьи 105, в которой закреплена ответственность за умышленное причинение смерти другому человеку, поскольку жизнь человека является высшей ценностью государства и охраняется законом в первую очередь.

Расследование убийств, представляет собой сложную многоступенчатую деятельность, требующую от следователя, прокурора и суда неукоснительного выполнения требования закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. Правовую основу этой деятельности составляет статья 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3], определяющая предмет доказывания по каждому уголовному делу. Процесс доказывания по делам об убийствах охватывает установление целого комплекса обстоятельств, каждое из которых имеет самостоятельное юридическое значение и требует тщательной проверки всех возможных версий произошедшего, включая те, которые могут исключать преступность деяния либо влиять на квалификацию содеянного.

Центральное место в процессе доказывания по делам об убийствах занимает установление события преступления, то есть самого факта насильственной смерти и всех объективных обстоятельств, с нею связанных. Следователю необходимо не просто констатировать смерть

человека, а доказать, что она наступила именно в результате противоправных действий, а не вследствие несчастного случая, самоубийства или заболевания. В рамках этой группы обстоятельств подлежат выяснению время, место, способ и орудие преступления, а также обстановка на месте происшествия, наличие следов борьбы или самообороны. При расследовании убийств первостепенное значение имеет установление причинной связи между действиями виновного и наступившей смертью потерпевшего, поскольку отсутствие такой связи исключает квалификацию содеянного как убийство. Статья 196 УПК РФ [3] обязывает следствие назначать судебную экспертизу для определения причины смерти, а также характера и степени вреда, причиненного здоровью, что подчеркивает важность медицинских критериев в доказывании события преступления.

Не менее важным является доказывание виновности конкретного лица и формы его вины. По каждому делу об убийстве должна быть установлена форма вины, выяснены мотивы, цель и способ причинения смерти другому человеку, а также исследованы иные обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания. Поскольку убийство характеризуется только умышленной формой вины, следствие обязано установить наличие прямого или косвенного умысла на лишение жизни. При решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения. Если убийство может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом, то покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам [4].

Важное значение имеет отграничение убийства от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего. Ключевое различие между этими составами преступлений заключается в направленности умысла виновного. При убийстве умысел лица полностью направлен на лишение потерпевшего жизни, причем умысел может быть как прямым, когда виновный желает наступления смерти, так и косвенным, когда он сознательно допускает летальный исход либо относится к нему безразлично. В отличие от этого, при совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 111 УК РФ [2], отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается исключительно в неосторожности – в форме легкомыслия или небрежности. Иными словами, лицо желало или сознательно допускало причинение тяжкого вреда здоровью, но при этом не желало и не допускало наступления смерти, которая объективно наступила вследствие причиненных повреждений.

Для правильного разграничения указанных составов специалисты выработали ряд критериев, позволяющих определить действительную направленность умысла. К таким критериям относятся орудие и способ преступления. Использование орудия, заведомо пригодного для лишения жизни, такого как огнестрельное оружие или нож при нанесении ударов в жизненно важные органы, как правило, свидетельствует об умысле на убийство, тогда как нанесение ударов в области, не являющиеся жизненно важными, может указывать на умысел на причинение вреда здоровью. Важное значение имеют также количество, характер и локализация повреждений, например множественные удары в голову, шею или грудь свидетельствуют о прямом умысле на лишение жизни, в то время как единичный удар в конечность при случайном повреждении крупного сосуда чаще указывает на неосторожное отношение к смерти.

Мотивы преступления также подлежат обязательному установлению, поскольку они влияют на квалификацию содеянного и назначение наказания. По части 1 статьи 105 УК РФ квалифицируется убийство, совершенное без квалифицирующих признаков, указанных в

части 2 статьи 105 УК РФ, и без смягчающих обстоятельств, предусмотренных статьями 106, 107 и 108 УК РФ [2]. Такие убийства, совершаемые на почве личных неприязненных отношений, ревности, ссоры или зависти, не имеющей корыстной или иной низменной подоплеки, признаваемой законом в качестве квалифицирующего признака, в судебной практике принято именовать бытовыми убийствами. Отличительной чертой таких убийств является отсутствие заранее обдуманного плана, внезапность возникновения умысла, а зачастую и совершение преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, которое учитывается судом в совокупности с иными факторами при определении меры ответственности.

При совершении убийства группой лиц, что является квалифицирующим признаком, предусмотренным пунктом «ж» части 2 статьи 105 УК РФ [2], особое значение приобретает определение роли каждого соучастника. Для правильной квалификации и индивидуализации ответственности необходимо установить, кто из участников являлся исполнителем, организатором, подстрекателем или пособником. Исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее действия, направленные на лишение жизни потерпевшего, то есть нанесшее смертельные удары, произведшее выстрел либо совершившее иные действия, приведшие к смерти. При этом соисполнителями считаются лица, которые, даже не причиняя смерть непосредственно, находились на месте преступления и выполняли функции, обеспечивающие его совершение, например удерживали потерпевшего, лишая его возможности защищаться или скрыться. Организатором является лицо, разработавшее план преступления, подыскавшее соучастников, распределившее роли либо обеспечившее орудия преступления; организатор несет ответственность за все действия, совершенные группой, если они охватывались его умыслом, даже если он не находился на месте совершения преступления. Подстрекатель – это лицо, склонившее другое лицо к совершению убийства путем уговора, подкупа, угрозы или иным способом, а пособник – лицо, содействовавшее совершению убийства советами, указаниями, предоставлением информации, орудий и средств, либо заранее обещавшее скрыть преступника, орудия или следы преступления. Правильное установление роли каждого соучастника имеет решающее значение для справедливого назначения наказания, поскольку организатор и исполнитель несут повышенную ответственность по сравнению с пособником, а при отсутствии предварительного сговора и четкого распределения ролей ответственность каждого определяется исходя из фактического объема действий, совершенных лично.

В ходе расследования уголовного дела тщательно изучается личность как обвиняемого, так и потерпевшего, поскольку данные о их социальном статусе, образе жизни, взаимоотношениях и психическом состоянии могут иметь ключевое значение для понимания мотивов преступления и назначения справедливого наказания [5]. Личность погибшего устанавливается для понимания круга его связей и для раскрытия дела. Если личность неизвестна, проводятся масштабные мероприятия по ее установлению, включая опознание, экспертизы и использование средств массовой информации. Личность обвиняемого исследуется для определения степени его общественной опасности и назначения справедливого наказания и выбор оптимальной тактики расследования. Следователь собирает социально-демографические данные, проверяет наличие судимостей, а также запрашивает характеристики с места работы и жительства. Обязательным элементом является судебно-психиатрическая экспертиза, позволяющая установить вменяемость либо наличие психических расстройств, повлиявших на поведение[6].

Таким образом, процесс доказывания по делам об убийствах представляет собой сложную деятельность, направленную на установление всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Он охватывает установление события преступления, виновности лица, формы вины и мотивов, обстоятельств, характеризующих личность потерпевшего и обвиняемого, обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также обстоятельств, способствовавших совершению преступления. От полноты, всесторонности и объективности этого процесса зависит не только привлечение виновного к

ответственности и назначение справедливого наказания, но и исключение возможности судебной ошибки в отношении невиновного, а также правильная квалификация действий лица, действовавшего при обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993: [с учётом поправок, внесённых федеральными конституционными законами о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ, от 14.03.2020 №1-ФКЗ, с учётом включения новых субъектов РФ, внесённых федеральными конституционными законами от 04.10.2022 №5-ФКЗ, от 04.10.2022 №6-ФКЗ, от 04.10.2022 №7-ФКЗ, от 04.10.2022 №8-ФКЗ]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.03.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.12.2025). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 21.03.2026).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.12.2025). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942 (дата обращения: 21.03.2026).
4. Криминалистика : учебник / Т. С. Волчецкая, Д. А. Влезько, Ю. П. Гармаев [и др.] ; под ред. В.Д. Зеленского, Г.М. Меретукова. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2024. – 704 с. – ISBN 978-5-94201-718-7. – Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/137035.html (дата обращения: 22.03.2026).
5. Карягина О.В. Психологический анализ личности преступника при раскрытии преступлений как одна из задач предварительного расследования / О.В. Карягина, Ю.В. Кузнецова. – Текст : непосредственый // Наука и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Таганрог, 10 ноября 2023 года. – Таганрог: ДиректСайнс, 2023. – С. 248–251. – EDN LBPTJC.
6. Слепов А.П. Криминалистика : учебное пособие / А.П. Слепов. – Рязань: Рязанский государственный радиотехнический университет, 2022. – 97 с. – Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/137322.html (дата обращения: 22.03.2026).

Колоденко Полина Вячеславовна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Чупахина Милана Анатольевна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ, И ПУТИ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье проводится комплексный анализ теоретических и практических проблем квалификации преступлений, совершаемых с особой жестокостью. Исследуется правовая природа данной категории, ее оценочный характер и особенности применения в судебной практике. Особое внимание уделяется современным научным исследованиям, раскрывающим междисциплинарные аспекты проблемы. Обосновывается необходимость совершенствования уголовного законодательства и разработки единых критериев квалификации. Предлагаются конкретные меры по повышению эффективности правоприменения.

Особая жестокость, уголовное право, квалификация преступлений, преступления против личности, оценочные категории.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Kolodenko Polina Vyacheslavovna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Chupakhina Milana Anatolievna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

PROBLEMS OF CRIMINAL CLASSIFICATION OF OFFENCES COMMITTED WITH PARTICULAR CRUELTY, AND WAYS TO IMPROVE IT

The article provides a comprehensive analysis of the theoretical and practical issues surrounding the classification of crimes committed with particular cruelty. It examines the legal nature of this category, its evaluative character, and the specific features of its application in judicial practice. Particular attention is paid to contemporary academic research that explores the interdisciplinary aspects of the issue. The article argues for the need to improve criminal legislation and develop uniform criteria for classification. Specific measures are proposed to enhance the effectiveness of law enforcement.

Particular cruelty, criminal law, classification of offences, offences against the person, evaluative categories.

В современных условиях развития общества преступления против личности, сопровождающиеся повышенной степенью насилия, приобретают особую общественную значимость. Особенно это проявляется в увеличении числа преступлений, сопряжённых с причинением не только физического, но и психического вреда, что усиливает общественный резонанс подобных деяний. Одним из наиболее сложных и дискуссионных признаков, используемых при квалификации таких деяний, является «особая жестокость».

Актуальность темы обусловлена отсутствием четкого законодательного определения данной категории, что приводит к неоднозначности ее толкования и применению в судебной практике. Несмотря на то, что данный признак используется в ряде норм Уголовного кодекса Российской Федерации (например, п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ), [1] его содержание раскрывается преимущественно через правоприменительную практику. Дополнительным фактором является усложнение способов совершения преступлений и рост их социальной опасности.

Несмотря на наличие научных исследований, единый подход к пониманию особой жестокости до настоящего времени не выработан. Различия в подходах обусловлены как многообразием форм проявления жестокости, так и субъективным восприятием степени страданий потерпевшего. Это обусловливает необходимость дальнейшего теоретического осмысления и практической конкретизации данной категории.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении проблемы с учетом современных научных подходов, включая достижения юридической психологии и криминологии, а также в формулировании предложений по совершенствованию законодательства. Кроме того, исследование направлено на выявление взаимосвязи между объективными признаками деяния и психологическими характеристиками личности виновного.

Категория «особая жестокость» относится к числу оценочных понятий уголовного права, содержание которых не раскрывается непосредственно в законе. Ее смысл формируется на основе судебной практики и научных подходов. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, особая жестокость выражается в причинении потерпевшему особых физических или психических страданий [2]. Однако данное определение не содержит четких критериев, что создает сложности при его применении. В частности, отсутствуют количественные и качественные показатели, позволяющие однозначно установить пределы «обычной» и «особой» жестокости.

В научной литературе выделяются следующие признаки особой жестокости:

1) причинение чрезмерных страданий;
2) изощренный способ совершения преступления;
3) длительность воздействия;
4) сознательное усиление страданий;
5) демонстративность действий [6, с. 3]

Дополнительно ряд авторов выделяет такие признаки, как использование беспомощного состояния потерпевшего и совершение преступления в присутствии близких лиц, что усиливает психические страдания жертвы [7].

Таким образом, особая жестокость представляет собой сложную категорию, включающую как объективные характеристики деяния, так и субъективное отношение виновного. При этом решающее значение имеет установление умысла лица на причинение именно особых страданий, что отличает данный признак от иных форм насилия.

Отсутствие нормативного закрепления понятия «особая жестокость» приводит к его различному толкованию в судебной практике, что нарушает принцип правовой определенности. А оценочность данного признака обусловливает зависимость его применения от субъективного восприятия правоприменителя, что снижает единообразие судебной практики. Так, при квалификации убийства по п. «д» ч. 2 ст. 105 Уголовного Кодекса Российской Федерации суды нередко по-разному оценивают сходные по фактическим обстоятельствам ситуации. Особая жестокость предполагает осознание виновным причиняемых страданий. Однако доказать данный элемент затруднительно, поскольку он связан с внутренними психическими процессами. Как правило, вывод о наличии данного признака делается на основе анализа способа совершения преступления, характера действий виновного и их направленности. На практике возникают трудности при разграничении преступлений с особой жестокостью и смежных составов (истязание, причинение вреда здоровью), что приводит к ошибкам квалификации. Например, действия, подпадающие под ст. 117 УК РФ (истязание), не всегда признаются совершенными с особой жестокостью, несмотря на наличие длительных страданий потерпевшего.

Современная юридическая наука рассматривает особую жестокость как междисциплинарное явление, требующее учета не только правовых, но и психологических факторов. В частности, исследуется влияние эмоционального состояния виновного, его мотивации и уровня агрессивности на характер совершаемых действий.

Исследования последних лет подтверждают, что отсутствие четких критериев данной категории является одной из ключевых проблем правоприменения. Так, В.А. Потетинов и А.В. Харченко отмечают, что особая жестокость остается оценочной категорией, применение которой зависит от совокупности обстоятельств дела [6, с. 3]. И.Р. Захорольных указывает, что содержание данного признака формируется преимущественно судебной практикой, что снижает уровень правовой определенности [4, с. 99]. В более поздних исследованиях подчеркивается связь особой жестокости с такими категориями, как «пытка», «садизм» и «издева-

тельство», границы между которыми остаются размытыми [3, с. 177]. При этом данные категории частично отражены в уголовном законодательстве, но не имеют единого системного толкования.

Особое значение приобретают психологические исследования. Так, Каширский Д.В. и Старосельцева О.В. выявляют особенности личности лиц, совершающих насильственные преступления, включая склонность к агрессии и сниженный уровень эмпатии [5, с. 53]. Эти данные подтверждают необходимость учета психологических факторов при квалификации преступлений. Кроме того, установлено, что лица, склонные к проявлению особой жестокости, часто демонстрируют устойчивые антисоциальные установки. Таким образом, современные исследования свидетельствуют о необходимости комплексного подхода к пониманию особой жестокости.

С учетом положений действующего уголовного законодательства можно отметить, что рассматриваемый признак выполняет функцию квалифицирующего обстоятельства, усиливающего уголовную ответственность. Это свидетельствует о признании законодателем повышенной общественной опасности подобных деяний, выявленных проблем и современных научных подходов представляется возможным предложить следующие меры.

1) законодательное уточнение понятия. Необходимо закрепить в Уголовном кодексе РФ определение «особой жестокости» либо установить перечень ее признаков;

2) разработка единых критериев оценки. Следует сформировать систему критериев, включающую интенсивность, длительность и характер страданий потерпевшего;

3) расширение использования экспертиз. Целесообразно шире применять судебно-психологические экспертизы для установления субъективной стороны преступления;

4) унификация судебной практики. Необходимо регулярное обобщение судебной практики и разработка разъяснений высших судебных органов;

5) использование цифровых технологий. Применение аналитических систем позволит повысить точность квалификации и снизить количество ошибок;

6) учет международного опыта. Изучение зарубежных подходов к определению жестокости позволит повысить эффективность национального законодательства;

7) дополнение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Представляется целесообразным более детально раскрыть признаки особой жестокости в постановлениях, что позволит снизить уровень правовой неопределенности.

Категория «особая жестокость» занимает важное место в уголовном праве, однако ее оценочный характер создает значительные трудности в правоприменительной практике. Проведенный анализ показал, что основными проблемами являются отсутствие легального определения, сложность установления субъективной стороны и неоднородность судебной практики. Современные научные исследования подтверждают необходимость междисциплинарного подхода к решению данных проблем. Особое значение приобретает гармонизация норм уголовного закона и практики их применения. Совершенствование законодательства и практики должно быть направлено на повышение правовой определенности, обеспечение единообразия квалификации и защиту прав потерпевших. Только при наличии четких критериев возможно достижение баланса между справедливостью наказания и принципом законности.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025): [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 26.03.2026).
2. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // Справочно-правовая

система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения: 26.03.2026).
3. Аубакирова-Тер-Григорян Н.М. Особая жестокость, пытка, садизм, издевательство и истязание: соотношение понятий / Н.М. Аубакирова-Тер-Григорян. – Текст : непосредственный // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2024. – № 1. – С. 177–186. – DOI: 10.31085/2949-138X-2024-1-272-177-186. – EDN NWSHTV (дата обращения: 26.03.2026).
4. Захорольных И.Р. О понятии «особая жестокость» в уголовном законодательстве России / И.Р. Захорольных. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 24 (366). – С. 99–100. – EDN PEZYRL (дата обращения: 26.03.2026).
5. Каширский Д.В. Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 1) / Д.В. Каширский, Д.В. Старосельцева. – Текст : непосредственный // Психология и право. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 53–69. – DOI: 10.17759/psylaw.2023130405. – EDN SSBCGE (дата обращения: 26.03.2026).
6. Потетинов В.А. «Особая жестокость» квалифицированного убийства как оценочная категория в уголовном праве России / В.А. Потетинов, А.В. Харченко. – Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 3-2 (117). – С. 3–7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobaya-zhestokost-kvalifitsirovannogo-ubiystva-kak-otsenochnaya-kategoriya-v-ugolovnom-prave-rossii (дата обращения: 26.03.2026).
7. Карягина О.В. Вопросы квалификации ст. 106 УК РФ: анализ законодательных инициатив / О.В. Карягина, А.В. Татьянина. – Текст : непосредственный // Наука и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Таганрог, 10 ноября 2023 года. – Таганрог: ДиректСайнс, 2023. – С. 245–247. – EDN DOVXHG.

Копылова Александра Васильевна,
преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

НАЛОГОВЫЙ ВЫЧЕТ КАК МЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ

В статье рассматривается роль налоговых вычетов как инструмента государственного регулирования. Анализируются их экономическая сущность, классификация (стандартные, социальные, имущественные, профессиональные, инвестиционные) и влияние на социально-экономическое развитие. Особое внимание уделяется функциям налоговых вычетов и проблемам их применения в современной налоговой системе.

Налоговая система, налоговые вычеты, налогообложение, НДФЛ, социальная политика, налоговое регулирование, налоговые льготы.
Тематический рубрикатор E-library: 10.07.01.

Kopylova Alexandra Vasilievna,
Lecturer, Department of Civil Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

TAX DEDUCTION AS A MEASURE OF STATE SOCIAL SUPPORT FOR THE POPULATION

The article examines the role of tax deductions as an instrument of state regulation. It analyzes their economic essence, classification (standard, social, property, professional, investment), and their impact on socio-economic development. Special attention is paid to the functions of tax deductions and the problems of their application in the modern tax system.

Tax system, tax deductions, taxation, personal income tax, social policy, tax regulation, tax benefits.

Налоговая система государства – важнейший инструмент регулирования социально-экономических процессов. Налоги выполняют фискальную, регулирующую, стимулирующую и социальную функции. Одним из главных механизмов реализации этих функций выступает институт налоговых вычетов. Налоговые вычеты позволяют уменьшить налоговую базу либо вернуть часть ранее уплаченного налога. Благодаря этому государство может стимулировать определённые виды экономической активности граждан, такие как приобретение жилья, получение образования, инвестиции или расходы на медицинское обслуживание [1].

Вопрос налоговых вычетов играет одну из основных ролей в современной системе налогового регулирования, чем и обуславливается актуальность исследования. В условиях развития рыночной экономики и усиления социальной направленности государственной политики налоговые вычеты становятся эффективным инструментом поддержки населения и стимулирования экономической активности.

Целью работы является комплексный анализ сущности налоговых вычетов, их классификации, порядка предоставления и значения в системе налогового регулирования.

Налоговый вычет – установленное налоговым законодательством уменьшение налоговой базы или суммы налога, подлежащего уплате налогоплательщиком. Основное назначение данного механизма заключается в снижении налоговой нагрузки и стимулировании социально значимых расходов граждан [2].

С экономической точки зрения налоговый вычет можно рассматривать как форму налоговой льготы. Однако, в отличие от большинства других налоговых льгот, вычеты носят адресный характер и связаны с конкретными действиями налогоплательщика. Чаще всего они применяются в отношении налога на доходы физических лиц.

Правовой основой применения налоговых вычетов выступает Налоговый кодекс Российской Федерации, который устанавливает условия их предоставления, категории налогоплательщиков и порядок получения. Налоговые вычеты позволяют уменьшить налогооблагаемый доход граждан либо вернуть часть ранее уплаченного налога [1].

Экономическая сущность налогового вычета заключается в перераспределении части налоговых поступлений в пользу налогоплательщиков, осуществляющих социально значи-

мые расходы. В результате государство стимулирует определённые виды экономической активности населения.

Институт налоговых вычетов выполняет несколько важных функций в системе налогообложения:

- социальная функция;
- стимулирующая функция;
- регулирующая функция;
- инвестиционная функция.

Таким образом, налоговые вычеты являются эффективным инструментом государственной налоговой политики.

В современной налоговой системе существует несколько видов налоговых вычетов. К основным видам налоговых вычетов относятся стандартные, социальные, имущественные, профессиональные и инвестиционные вычеты. Каждый из перечисленных видов имеет собственные особенности применения и регулируется отдельными положениями налогового законодательства.

Стандартные налоговые вычеты предоставляются определённым категориям налогоплательщиков и направлены на социальную поддержку населения. Они применяются при расчёте налога на доходы физических лиц и уменьшают налоговую базу на установленную сумму [3]. К получателям стандартных налоговых вычетов относятся родители несовершеннолетних детей, опекуны и попечители, лица с инвалидностью, а также некоторые другие категории граждан. Размер вычета зависит от количества детей и социального статуса налогоплательщика. Основная цель стандартных налоговых вычетов заключается в снижении налоговой нагрузки на семьи и обеспечении социальной поддержки населения.

Социальные налоговые вычеты предоставляются налогоплательщикам при осуществлении определённых видов расходов, имеющих социальную значимость. К таким расходам относятся затраты на образование, медицинские услуги, добровольное пенсионное страхование, благотворительность и занятия физической культурой и спортом.

Предоставление социальных налоговых вычетов позволяет государству стимулировать инвестиции граждан в развитие человеческого капитала. Это способствует повышению уровня образования населения, улучшению состояния здоровья граждан и развитию социальной инфраструктуры [4].

Имущественные налоговые вычеты применяются при совершении операций с недвижимостью. Они предоставляются налогоплательщикам при покупке жилья, строительстве жилого дома или продаже имущества. Наиболее распространённым является имущественный вычет при приобретении недвижимости. Он позволяет налогоплательщику вернуть часть налога на доходы физических лиц, уплаченного ранее.

Данный механизм стимулирует развитие рынка недвижимости и повышает доступность жилья для населения. Кроме того, имущественные вычеты способствуют развитию строительной отрасли и смежных сфер экономики [4].

Профессиональные налоговые вычеты предоставляются индивидуальным предпринимателям и лицам, осуществляющим частную практику, например, адвокатам, нотариусам и другим специалистам. Данные вычеты позволяют уменьшить налоговую базу на сумму расходов, связанных с осуществлением профессиональной деятельности. К таким расходам могут относиться затраты на аренду помещений, приобретение оборудования, оплату услуг и другие необходимые расходы. Профессиональные вычеты способствуют более справедливому налогообложению и учитывают фактические затраты налогоплательщиков [5].

Инвестиционные налоговые вычеты направлены на стимулирование инвестиционной активности населения. Они применяются при использовании индивидуальных инвестиционных счетов и операциях с ценными бумагами. Основная цель данных вычетов заключается в развитии финансового рынка и привлечении долгосрочных инвестиций в экономику. Предоставление инвестиционных вычетов позволяет повысить интерес граждан к финансовым инструментам и стимулировать накопление капитала [6].

Получение налогового вычета осуществляется в соответствии с установленными законодательством правилами. Налогоплательщик может воспользоваться несколькими способами получения вычета.

Наиболее распространённым способом является подача налоговой декларации в налоговый орган. Для этого налогоплательщик должен подготовить пакет документов, подтверждающих право на получение вычета. К таким документам относятся договоры, чеки, справки, платёжные документы и другие документы. После подачи документов налоговый орган проводит проверку предоставленной информации.

Другим способом получения вычета является обращение к работодателю. В этом случае налогоплательщик предоставляет работодателю подтверждение права на вычет, после чего налог удерживается в меньшем размере.

В последние годы широкое распространение получили электронные сервисы налоговой службы, позволяющие оформить налоговые вычеты в дистанционном формате. Это значительно упрощает процедуру получения налоговых льгот и сокращает сроки рассмотрения заявлений.

Налоговые вычеты играют важную роль в экономическом развитии государства. Их значение проявляется в нескольких направлениях

Во-первых, налоговые вычеты способствуют снижению налоговой нагрузки на население. Это повышает уровень располагаемых доходов граждан и способствует росту потребительского спроса.

Во-вторых, налоговые вычеты стимулируют развитие отдельных отраслей экономики. Например, имущественные вычеты способствуют развитию строительной отрасли, а социальные вычеты поддерживают образование и здравоохранение.

В-третьих, налоговые вычеты повышают инвестиционную активность населения и способствуют развитию финансовых рынков.

Кроме того, налоговые вычеты оказывают положительное влияние на уровень жизни населения и способствуют формированию среднего класса.

Несмотря на значительную роль налоговых вычетов, в их применении существуют определённые проблемы.

Одной из основных проблем является сложность процедуры оформления некоторых видов вычетов. В ряде случаев налогоплательщики сталкиваются с необходимостью сбора большого количества документов.

Другой проблемой является недостаточная информированность населения о возможности получения налоговых вычетов. Многие граждане не используют предоставленные законодательством возможности по снижению налоговой нагрузки.

Для повышения эффективности системы налоговых вычетов необходимо совершенствовать налоговое законодательство, развивать цифровые сервисы налоговой службы и повышать уровень финансовой грамотности населения. Развитие цифровых технологий и автоматизация налогового администрирования создают предпосылки для дальнейшего совершенствования системы налоговых вычетов и повышения её эффективности.

В ходе исследования было установлено, что налоговые вычеты выполняют социальную, стимулирующую, регулирующую и инвестиционную функции. Их применение способствует развитию рынка недвижимости, повышению уровня образования населения и стимулированию инвестиционной активности.

Совершенствование механизма предоставления налоговых вычетов является важным направлением развития налоговой системы. В современных условиях особое значение приобретает цифровизация налогового администрирования, которая позволяет упростить процедуру получения налоговых льгот и повысить эффективность налоговой системы.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон № 117-ФЗ: [принят Государственной Думой 19 июля 2000 года: одобрен Советом Федерации 26 июля 2000 года]: (с изм. и доп. по состоянию на 20.03.2026). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.02.2026).
2. Пансков В.Г. Налоги и налогообложение: учебник / В.Г. Пансков. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2025. – 447 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-20603-6. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/558456 (дата обращения: 23.03.2026).
3. Черник Д.Г. Налоговая политика государства: учебник и практикум для вузов / Д.Г. Черник, Ю.Д. Шмелев, М.В. Типалина; под ред. Д. Г. Черника. – Москва: Юрайт, 2020. – 509 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-12761-4. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/448274 (дата обращения: 23.03.2026).
4. Федеральная налоговая служба. Налоговые вычеты по НДФЛ. – Текст: электронный // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/ndfl/nalog_vichet/ (дата обращения: 26.02.2026).
5. Селезнева Н.Н. Налоги и налогообложение. Налоговая система России / Н.Н. Селезнева, Е.В. Бунакова, Е.А. Мышинская, А.С. Сурнина; Федеральное агентство морского и речного транспорта, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций». – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций, 2009. – 322 с.: ил. – ISBN 978-5-88789-295-1. – Текст: непосредственный.
6. Что такое социальный налоговый вычет и как его получить. – Текст: электронный // РБК: официальный сайт. – URL: https://www.rbc.ru/life/news/67f907e19a794728bdb8120b?ysclid=mn4ygyeni5888534520 (дата обращения: 26.02.2026).

Корниенко Анастасия Максимовна,
магистрант, преподаватель, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПРИЗНАНИЕ ГЕНОЦИДА И СУДЕБНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 1941–1945 ГОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В статье рассматривается понятие геноцида и проводится историко-правовой анализ преступлений, совершенных в годы Великой Отечественной войны немецкими захватчиками. Особое внимание уделяется трагическим событиям на оккупированной территории Ростовской области, в частности, массовым казням в Змиевской балке и их юридической квалификации. Анализируется значение судебного процесса, признавшего преступления гитлеровцев на Дону геноцидом, для увековечения памяти и противодействия фальсификации истории.

Геноцид, Великая Отечественная война, преступления против человечности, Змиевская балка.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.01.

Kornienko Anastasia Maksimovna,
Master's program student, lecturer, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

LEGAL RECOGNITION OF GENOCIDE AND JUDICIAL-HISTORICAL INVESTIGATION OF CRIMES OF 1941–1945 ON THE TERRITORY OF THE ROSTOV REGION: MODERN APPROACHES AND ARCHIVAL MATERIALS

The article examines the concept of genocide and provides a historical and legal analysis of the crimes committed during the Great Patriotic War by the German invaders. Special attention is paid to the tragic events in the occupied territory of the Rostov region, in particular, the mass executions in Zmievskaya Balka and their legal qualification. The article analyzes the significance of the trial, which recognized the crimes of the Nazis on the Don as genocide, for perpetuating memory and countering the falsification of history.

Genocide, the Great Patriotic War, crimes against humanity, Zmievskaya Balka.

Геноцид одно из самых тяжких международных преступлений, направленное на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы. Проблема геноцида, как одного из наиболее тяжких международных преступлений, остается актуальной для современного научного дискурса и правоприменительной практики. Попытки фальсификации истории, особенно событий Второй мировой войны, а также героизация пособников нацистского режима, подчеркивают необходимость глубокого изучения и популяризации знаний о геноциде.

Термин «геноцид» был введен в научный и правовой оборот польско-американским юристом Рафаэлем Лемкиным в середине XX века. Международное сообщество оперативно отреагировало на беспрецедентные преступления, совершенные нацистской Германией, и 9 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [1]. Эта Конвенция закрепила определение геноцида как действий, совершаемых с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. К таким действиям относятся:

a) убийство членов такой группы;

b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на её полное или частичное физическое уничтожение;

d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Современный Уголовный кодекс РФ статьей 357 определяет геноцид как действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы [2].

Согласно статье 15 УК РФ, геноцид относится к категории тяжких преступлений. Важнейшим аспектом является то, что преступления против мира и безопасности человечества, к которым относится геноцид, согласно российскому законодательству, не имеют срока давности. Это означает, что виновные в совершении подобных деяний могут быть привлечены к уголовной ответственности независимо от прошедшего времени.

Наиболее масштабным и ужасающим проявлением геноцида в истории стала политика нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны. Так, Холокост – систематическое, государственно организованное преследование и уничтожение евреев нацистским режимом и его коллаборационистами – унес жизни около шести миллионов человек, а также массовые убийства представителей других групп: славян, цыган, инвалидов, политических оппонентов и военнопленных.

На территории СССР, в том числе в Ростовской области, нацистская оккупация 1941–1945 годов сопровождалась целенаправленным истреблением мирного населения. Преступления включали:

- массовые расстрелы (например, в Змиевской балке, где погибло около 27000 человек);
- использование «душегубок»;
- пытки и издевательства;
- принудительные депортации в Германию;
- уничтожение целых населённых пунктов.

Одной из самых трагических страниц истории оккупации г.Ростова-на-Дону стало массовое уничтожение мирного населения в Змиевской балке. После второй оккупации города немецкими войсками 24 июля 1942 года, Змиевская балка, ранее использовавшаяся как песчаный карьер, была выбрана оккупационными властями в качестве места массовых казней. Ключевыми факторами ее выбора стали: расположение в черте города, но при этом в безлюдной местности; близость к административным зданиям и базам НКВД (что могло восприниматься как попытка символического уничтожения советской власти); транспортная доступность для организованной доставки жертв.

05–06 августа 1942 года по приказу немецких офицеров пленные красноармейцы были вынуждены вырыть в балке большие ямы и рвы. Вскоре после этого их самих расстреляли.

09 августа 1942 года было опубликовано «Воззвание», которое обязывало всё еврейское население города прийти 11 августа к 8 часам утра в один из шести сборных пунктов для «переселения» в особый район.

Взрослых расстреливали из пулемётов, часть евреев сажали в специальные машины с закрытым кузовом – «душегубки», в которых помещалось 50–60 человек. Их раздевали догола, объясняя это необходимостью проведения санобработки. Закрывали кунги и запускали двигатель, а отработанные выхлопные газы травили и душили людей. В первый день, 11 августа, в песчано-каменном карьере и соседней роще были убиты около 15 тысяч евреев. Расстрелы продолжались ночью и в последующие дни.

Непосредственная ответственность за организацию массового убийства лежит на немецких офицерах СС, осуществлявших руководство операцией, а также на полицаях, ассистировавших в уничтожении мирных жителей. В 1963 году в Краснодаре состоялся судебный процесс по делу группы предателей, служивших во вспомогательной полиции и принимавших участие в массовых убийствах в Ростове-на-Дону, в том числе в Змиёвской балке.

В современное время расследование преступлений без срока давности продолжается [3]. Значимым событием стало рассмотрение Ростовским областным судом дела о признании преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников, совершенных на территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны, геноцидом. Процесс проходил с 10 февраля по 15 марта 2022 года. В качестве свидетелей выступали очевидцы тех событий, пережившие ужасы оккупации и концлагерей, а также представители поисковых отрядов, обнаруживших братские могилы и останки жертв.

В ходе судебного разбирательства были исследованы и признаны доказанными факты массовых расстрелов, пыток, угона в рабство и иных насильственных действий, совершенных на территории области. Были выявлены многочисленные места массовых захоронений, в том числе крупные в Змиевской балке (около 27 тысяч жертв), а также в Миллерово, Шахтах, Таганроге, Новошахтинске, Азове, Сальске и других районах.

Установленные и вновь выявленные преступления нацистских оккупационных властей и их пособников были признаны:

- военными преступлениями и преступлениями против человечества (согласно уставу Нюрнбергского международного трибунала от 8 августа 1945 года и резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН);
- геноцидом славян и иных национальных и этнических групп, составлявших население СССР.

Геноцид является одним из самых страшных преступлений против человечности, оставляющим неизгладимый след в истории народов. Трагедия, произошедшая на территории Ростовской области в 1941–1945 годах, – яркий и трагический пример реализации нацистской идеологии уничтожения. Важно помнить, что преступления геноцида, совершаемые в прошлом, требуют постоянного внимания и правовой оценки в современном мире. Работа по расследованию, осуждению и предотвращению подобных деяний, основанная на действующем международном и национальном праве, является долгом перед теми, кто пал жертвой, и залогом мира для грядущих поколений.

Библиографический список

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1954. – № 12. – Ст. 244.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: официальный сайт. – 2026. – URL: http://pravo.gov.ru/
3. Карягина О.В. Деятельность прокуратуры в годы Великой Отечественной войны / О.В. Карягина, А.С. Харьковская. – Текст: непосредственный // Великая Отечественная война в исторической памяти поколений постсоветского пространства : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы, участникам, труженикам тыла и павшим на полях сражений Великой Отечественной войны, Году защитника Отечества, Махачкала–Кизляр–Бишкек, 18 апреля 2025 года. – Махачкала: Индивидуальный предприниматель Тагиев Рамидин Хейрудинович, 2025. – С. 118–120. – EDN GDTRKC.

Коробейникова Кристина Валерьевна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права,
ФГБОУ «Донецкий государственный университет», г. Донецк, Донецкая Народная Республика

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Рассматривается порядок реализации мер вмешательства в отношении несовершеннолетних. Определяется, что первоначальное исполнение мер осуществляется по месту их назначения. В случае, если условия не позволяют продолжить реализацию мер на месте, они передаются либо по месту постоянной регистрации несовершеннолетнего, либо опекуну – на доверительное управление. Отдельно регламентируется ситуация отсутствия опекуна или невозможности установить с ним связь. В таком случае орган по защите прав несовершеннолетних обязан обеспечить временное размещение ребёнка, а затем организовать его передачу в соответствующие учреждения. Обращается внимание на меры воздействия и социальной поддержки. Подчёркивается поэтапность и преемственность действий различных органов, обеспечивая защиту интересов несовершеннолетнего на каждом этапе.

Меры вмешательства, несовершеннолетние, опекун, орган по защите прав несовершеннолетних, подростковая преступность, вербовка, криминал, семейное воспитание, школьная среда.
Тематический рубрикатор E-Library 10.17.01.

Korobeinikova Kristina Valerievna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law,
Donetsk State University, Donetsk, Donetsk People's Republic

ON COUNTERING OFFENSE COMMITTED BY MINORS

This document examines the procedure for implementing intervention measures against minors. It is stipulated that the initial implementation of these measures is carried out at the place where they are assigned. If circumstances do not allow for continued implementation of these measures on-site, they are transferred either to the minor's permanent place of residence or to a guardian for trust management. Separate regulations are provided for the absence of a guardian or the inability to contact them. In this case, the juvenile rights protection agency is obligated to ensure the child's temporary placement and then arrange for their transfer to appropriate institutions. Attention is paid to measures of influence and social support. The phased and continuous action of various agencies is emphasized, ensuring the protection of the minor's interests at every stage.

Intervention measures, minors, guardian, juvenile rights protection agency, juvenile delinquency, recruitment, crime, family education, school environment.

Впервые за долгое время наметился рост правонарушений среди подростков. Несовершеннолетние нередко вовлекаются в противоправную деятельность посредством вербовки в криминальные группировки. Среди ключевых внешних факторов, способствующих совершению правонарушений подростками, выделяются: недостаточный родительский контроль, пробелы в семейном воспитании, проблемы в системе школьного образования, негативное влияние социальной среды и воздействие деструктивного информационного контента. Как отмечают ученые, психологически они находятся во «втором кризисе» подросткового возраста (около 12 лет). от 18 лет до 18 лет), они импульсивны и эмоциональны [1, с.138].

Таким образом, под воздействием неблагоприятной внешней среды несовершеннолетние склонны к совершению вредного поведения независимо от последствий. Подростковый период является критическим этапом психофизиологического становления личности. В данный период в головном мозге наблюдаются интенсивные процессы дифференцировки клеточных структур и функциональных систем: отмечается морфологическое усложнение коры больших полушарий (углубление и расширение борозд), значительное увеличение количества нейронных связей, а также завершение созревания ряда ключевых нейрокогнитивных функций [2, с.28]. Согласно результатам современных нейробиологических исследований, негативное воздействие внешней среды и неблагоприятный жизненный опыт могут вызывать стойкие изменения в траекториях развития мозга, которые носят необратимый характер и с трудом поддаются последующей коррекции. Организм и психика

несовершеннолетних находятся в стадии развития и отличаются высокой пластичностью. Это делает их уязвимыми перед негативными влияниями, но в то же время позволяет эффективно корректировать поведение: при грамотном подходе они легко усваивают полезные знания и могут вернуться на правильный путь [3, с.42].

В отношении несовершеннолетних правонарушителей применяются меры воспитательного надзора, что обусловлено особенностями их возрастного развития. Поскольку несовершеннолетние находятся на важном этапе личностного становления, усвоения социальных норм и формирования профессиональных компетенций, первоочередной задачей выступает содействие их успешной социальной интеграции и обеспечению получения соответствующей профессиональной подготовки.

Несовершеннолетние до 14 лет характеризуются высокой зависимостью от семьи и, как правило, ещё не достигли подросткового возраста. В этот период основную роль в воспитании и контроле выполняют родители при сопровождении и поддержке профильных специалистов. В возрасте старше 14 лет у несовершеннолетних возрастает степень самостоятельности, проявляются черты импульсивности и бунтарства.

Статистические данные свидетельствуют, что возрастная группа 13–14 лет склонна к совершению противоправных действий, что требует усиленного внешнего вмешательства. Для повышения эффективности профилактики правонарушений среди несовершеннолетних представляется целесообразным внести изменения в Федеральный закон от 24. 06. 1999 №120 ФЗ.

Ключевыми предложениями являются:

- установление возрастного ценза в 14 лет – это позволит разграничить подходы к профилактике и коррекции в зависимости от этапа развития ребёнка;
- внедрение дифференцированных мер воспитательного и коррекционно профилактического характера, учитывающих особенности физического и психического созревания подростков.

В частности, для несовершеннолетних старше 14 лет предлагается предусмотреть:

- лечебные меры – в случаях, когда есть медицинские показания (например, при выявлении зависимостей или психологических трудностей);
- профилактические меры – такие как: о официальное предупреждение; о беседы с родителями или опекунами о способах улучшения воспитательной работы; о взаимодействие с образовательным учреждением для координации профилактических усилий.

Такой подход позволит сделать систему профилактики более гибкой и адресной, ориентированной на реальные потребности и возможности несовершеннолетних.

В отношении лиц, впервые совершивших противоправные деяния при смягчающих обстоятельствах

При наличии надлежащих условий опеки и достижении мирового соглашения органы общественной безопасности вправе применить к несовершеннолетним комплекс мер воспитательного воздействия, в т. ч. :

- направление в специализированную школу для прохождения профилактической программы;
- вынесение официального предупреждения;
- учёт показателей успеваемости несовершеннолетнего в рамках комплексной оценки эффективности образовательного учреждения.

О принятых мерах в обязательном порядке информируются законные представители несовершеннолетнего с целью усиления семейного контроля и дисциплины.

При выявлении дополнительных потребностей может быть сформирована межведомственная группа помощи и обучения для разработки индивидуального плана коррекции поведения и устранения выявленных проблем.

Несовершеннолетний, совершивший вредное действие, и его родители обязаны принести извинения потерпевшему, а родители несовершеннолетнего, совершившего вредное действие, обязаны выплатить потерпевшему определенную сумму компенсации.

Родители или опекуны обязаны:

- обеспечить соблюдение кодекса поведения, предусматривающего поведенческие нормы, которые субъекты должны соблюдать в течение определенного периода времени, включая запрет на определенное поведение, взаимодействие с конкретными людьми или вход и выход из определенных мест.
- обеспечить получение образования определенного содержания (контроль эмоций и управление межличностными отношениями, юридическое образование, профессиональная подготовка и т.д.) или определенного вида образования (интернат), психологическое консультирование, лечение наркозависимости и т. д.

Получение образования признаётся жизненно важным для несовершеннолетних, в связи с чем прерывание учебного процесса не допускается ни при каких обстоятельствах. Профессиональные училища обеспечивают реализацию права несовершеннолетних школьного возраста на получение обязательного образования, одновременно осуществляя централизованный контроль за их поведением.

Практика показывает высокую эффективность профессиональных училищ в обучении и коррекции поведения несовершеннолетних из групп риска.

Такие учреждения позволяют:

- организовать целенаправленное обучение;
- провести коррекционную работу с учётом индивидуальных особенностей подростков;
- обеспечить освоение востребованных профессиональных навыков, способствующих социальной адаптации.

При наличии установленных законом оснований компетентные органы вправе инициировать процедуру лишения лица статуса опекуна. К несовершеннолетним мигрантам, совершившим нарушения общественной безопасности, Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) вправе применять меры воздействия, аналогичные тем, что предусмотрены для несовершеннолетних граждан Российской Федерации. В дополнение к ним может быть применена мера депортации несовершеннолетнего и его законного представителя. Реализация мер вмешательства осуществляется по месту их первоначального применения. В случае несоответствия условий для их исполнения они передаются по месту постоянной регистрации несовершеннолетнего либо передаются опекуну на доверительное управление.

Библиографический список

1. Мусаева Т.А. Определение и компоненты правового статуса несовершеннолетнего / Т.А. Мусаева. – Текст: непосредственный // Национальный вестник Республики Крым. – 2026. – № 13. – С. 138–142.
2. Федотовских А. М. Особенности допроса несовершеннолетних свидетелей в уголовном процессе / А. М. Федотовских. – Текст: непосредственный // Юный ученый. – 2026. – № 2(98). – С. 28–31.
3. Черных Я.П. Гендерные особенности вовлечения несовершеннолетних в деятельность террористических организаций / Я.П. Черных, П.Т. Савин. – Текст: непосредственный // Державинский форум. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 42–47.

Кудряшов Виктор Павлович,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Каменева Полина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ИНСТАНЦИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается апелляционная инстанция как самостоятельная стадия гражданского процесса в РФ. Анализируются два вида апелляции – полная и неполная, – их особенности и различия. Освещаются субъективные (круг лиц с правом подачи жалобы) и объективные (объекты обжалования, сроки, порядок подачи) предпосылки реализации права на апелляционное обжалование. Подчеркивается роль апелляции в повышении качества правосудия и укреплении доверия к судебной системе.

Гражданский процесс, апелляционная инстанция, самостоятельная стадия, полная апелляция, неполная апелляция.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.31.47.

Kudryashov Viktor Pavlovich,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Kameneva Polina Valerievna, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE COURT OF APPEAL AS AN INDEPENDENT STAGE OF THE CIVIL PROCESS

The article examines the appellate court as an independent stage of the civil process in the Russian Federation. It analyzes two types of appeal – full and incomplete – and their features and differences. The article highlights the subjective (the range of individuals with the right to file a complaint) and objective (the objects of appeal, the deadlines, and the procedure for filing) prerequisites for the exercise of the right to appeal. The article emphasizes the role of appeal in improving the quality of justice and strengthening trust in the judicial system.

Civil procedure, appellate court, independent stage, full appeal, partial appeal.

Апелляционное производство – это «предусмотренный нормами гражданского процессуального права порядок обжалования решений и определений суда первой инстанции, не вступивших в законную силу» [4, с. 17]. Таким образом, апелляция обозначает обжалование судебного постановления суда первой инстанции во вторую инстанцию.

В теории гражданского процесса выделяют два вида апелляции: полную и неполную.

Полная апелляция представляет собой особый процессуальный механизм, при котором апелляционный суд пересматривает дело заново с соблюдением правил, предусмотренных для первой инстанции [3]. В рамках такой процедуры участники спора вправе представлять дополнительные доказательства и ссылаться на новые фактические обстоятельства. Особенность полной апелляции заключается в том, что апелляционный суд не может направить дело на повторное рассмотрение в нижестоящую инстанцию: он обязан самостоятельно вынести итоговый судебный акт (решение либо определение), оценив как правовую, так и фактическую сторону спора.

Неполная апелляция – процессуальный механизм обжалования, при котором апелляционная инстанция пересматривает решение суда первой инстанции исключительно на основе ранее исследованных доказательств [5]. В отличие от полной апелляции, здесь не допускается представление новых фактических данных или дополнительных материалов сторонами. Законодательство предусматривает, что в определенных случаях апелляционный суд вправе направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Основная цель апелляции – повторное изучение гражданского дела по существу заявленного требования (полностью или частично), в зависимости от содержания поданной апелляционной жалобы.

Право на апелляционное обжалование – это «предоставленная законом возможность обратиться с апелляционной жалобой на не вступившее в законную силу решение суда первой инстанции в суд апелляционной инстанции» [2, с. 54].

Реализация права на апелляционное обжалование и инициирование соответствующего производства возможны лишь при наличии совокупности предпосылок двух типов: субъективных и объективных.

Субъективные предпосылки определяются кругом лиц, наделенных правом подачи апелляционной жалобы. К ним относятся: стороны процесса; иные лица, участвующие в деле; судебные представители – при условии, что полномочие на апелляционное обжалование прямо зафиксировано в доверенности, выданной представляемым лицом; правопреемники лиц, участвующих в деле, в т.ч. те, кто не вступил в процесс при рассмотрении дела в суде первой инстанции; прокурор, участвующий в деле, вправе принести апелляционное представление: независимо от своего присутствия в судебном заседании суда первой инстанции; даже если он не был привлечен судом к участию в деле, когда его участие обязательно по закону; лица, не привлеченные к участию в деле, но чьи права и обязанности затронуты решением суда первой инстанции (т.е. лица, которые лишаются прав; ограничиваются в правах; наделяются правами; на которых возлагаются обязанности в результате принятого судебного решения); лица, выступающие в защиту чужих интересов, – те, кто в предусмотренных законом случаях обращаются в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц; вступают в процесс для дачи заключения по делу в целях исполнения обязанностей, возложенных на них федеральным законом.

Объективные предпосылки включают: наличие объекта апелляционного обжалования (судебного акта, подлежащего пересмотру); соблюдение установленных законом сроков подачи апелляционной жалобы; следование регламентированному порядку оформления и направления жалобы в компетентный суд.

В соответствии с действующим процессуальным законодательством, к объектам апелляционного обжалования относятся следующие судебные акты суда первой инстанции, не вступившие в законную силу: решения суда первой инстанции – могут быть обжалованы полностью либо в отдельной части (например, в отношении резолютивной или мотивировочной составляющей); дополнительное решение – если оно было вынесено судом в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством; заочное решение – принятое в отсутствие стороны процесса при соблюдении установленных законом условий; определения суда первой инстанции – в случаях и порядке, закрепленных статьей 331 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [1].

При этом судебный приказ не подлежит апелляционному обжалованию: его отмена или изменение осуществляются в рамках иного процессуального механизма, предусмотренного действующим законодательством.

Срок подачи апелляционной жалобы лицами, участвующими в деле, либо апелляционного представления прокурором составляет один месяц. Он исчисляется со дня принятия судом первой инстанции решения в окончательной форме.

Под принятием решения в окончательной форме понимается оформление судебного акта, включающего все обязательные структурные элементы: вводную часть; описательную часть; мотивировочную часть; резолютивную часть.

Дополнительное решение (в соответствии со ст. 201 ГПК РФ [1]) выступает самостоятельным объектом апелляционного обжалования. Срок на подачу жалобы в этом случае начинается со дня вынесения дополнительного решения.

Заочное решение может быть обжаловано в течение месяца, при этом: срок начинает течь по истечении периода, отведенного ответчику для подачи заявления об отмене заочного решения; если такое заявление подано, месячный срок на обжалование исчисляется со дня вынесения судом определения об отказе в его удовлетворении.

Законодательство допускает установление сокращенных сроков подачи апелляционных жалоб и представлений для отдельных категорий дел:

- дела, рассмотренные в порядке упрощенного производства (ч. 8 ст. 232.4 ГПК РФ [1]): срок обжалования – 15 дней со дня принятия решения; если по заявлению лиц, участвую-

щих в деле, или их представителей составлено мотивированное решение, срок исчисляется со дня принятия решения в окончательной форме;

- дела о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа (ч. 1 ст. 244 ГПК РФ [1]): установлен сокращенный срок обжалования – 10 дней со дня вынесения решения;
- дела об усыновлении ребенка (ч. 2.1 ст. 274 ГПК РФ [1]): решение, которым удовлетворено заявление об усыновлении, может быть обжаловано в течение 10 дней со дня его принятия.

Такой дифференцированный подход к срокам обусловлен особой социальной значимостью данных категорий дел и необходимостью максимально оперативного разрешения споров.

Порядок подачи апелляционной жалобы или представления регламентирован статьей 322 ГПК РФ [1]. Ключевыми процессуальными правилами являются следующие:

- способ подачи: апелляционная жалоба (представление) подается исключительно через суд, вынесший обжалуемое решение. Прямая подача в апелляционную инстанцию не допускается действующим законодательством;
- последствия нарушения порядка подачи: если апеллянт направляет жалобу непосредственно в апелляционную инстанцию, она подлежит переадресации в суд первой инстанции для выполнения процессуальных действий в соответствии с общими правилами;
- сроки направления дела в апелляцию: до истечения срока подачи апелляционной жалобы дело не может быть направлено в апелляционную инстанцию; после истечения установленного срока материалы дела, включая апелляционную жалобу (представление), поступившие возражения, приложенные документы, направляются в апелляционную инстанцию для дальнейшего рассмотрения.

Таким образом, апелляционное производство выступает важным институтом гражданского процессуального права, обеспечивающим реализацию конституционного права на судебную защиту: оно создает процессуальный механизм пересмотра не вступивших в законную силу решений судов первой инстанции, позволяя сторонам оспаривать выводы нижестоящего суда и добиваться корректировки судебного акта до его вступления в силу.

Библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) [принят Государственной Думой 23.10.2002, одобрен Советом Федерации 30.10.2002]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828 (дата обращения: 21.03.2026).
2. Загайнова С.К. Пересмотр судебных актов в цивилистическом процессе: учебное пособие / С.К. Загайнова, М.Л. Скуратовский, Ю.А. Тимофеев; под. ред. Ю.А. Тимофеев. – Москва: Статут, 2022. – 207 с. – ISBN 978-5-9909636-6-5. – Текст: электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/1079466 (дата обращения: 11.03.2026). – URL: по подписке.
3. Курас Т.Л. Проблемы апелляционного производства в российском гражданском процессе: история и современность. – Текст: непосредственный // Миссия современного государства и права в эпоху социальных перемен : материалы Международной научно-практической конференции. – 2023. – С. 298 – 302.
4. Смагина Е.С. Пересмотр судебных постановлений в гражданском процессе: учебное пособие / Е.С. Смагина. – Москва: НИЦ ИНФРА-М, 2025. – 140 с. – Текст: электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/515812 (дата обращения: 21.03.2026).
5. Юдин А.В. Возбуждение апелляционного производства в системе стадий и этапов гражданского процесса / А.В. Юдин. – Текст: непосредственный // IP: теория и практика. – 2025. – № 4 (12). – С. 108 – 119.

Кудряшов Виктор Павлович,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Каменева Полина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССАХ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье рассматриваются актуальные проблемы апелляционного производства в гражданском и арбитражном процессах, связанные с правовой неопределенностью критериев принятия новых доказательств, классификацией полномочий суда апелляционной инстанции и организацией работы апелляционных судов. Предлагаются конкретные законодательные решения для повышения эффективности апелляционного обжалования и обеспечения права на справедливое судебное разбирательство.

Гражданский процесс, арбитражный процесс, апелляционная инстанция, правовые проблемы, способы преодоления.
Тематические рубрикаторы e-Library: 10.31.47, 10.33.47.

Kudryashov Viktor Pavlovich,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Kameneva Polina Valerievna, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

LEGAL PROBLEMS OF APPEAL PROCEEDINGS IN CIVIL AND ARBITRARY PROCEEDINGS AND WAYS TO OVERCOME THEM

The article discusses current issues of appeal proceedings in civil and arbitration proceedings related to the legal uncertainty of the criteria for accepting new evidence, the classification of the powers of the appellate court, and the organization of the work of appellate courts. The article proposes specific legislative solutions to improve the efficiency of appeal proceedings and ensure the right to a fair trial.

Civil proceedings, arbitration proceedings, appellate court, legal issues, and ways to overcome them.

Судебная система Российской Федерации выступает фундаментальным институтом государственного устройства, призванным обеспечивать верховенство права, защиту конституционных прав и свобод граждан, а также поддержание стабильного социального порядка. Ее функционирование базируется на ключевых принципах независимости, беспристрастности и объективности правосудия, которые закреплены в Конституции РФ [1] и отраслевом процессуальном законодательстве.

Судебные акты, вынесенные в рамках установленной процедуры, обладают обязательной юридической силой и подлежат неукоснительному исполнению. Их пересмотр или аннулирование допускается исключительно в порядке, предусмотренном законом, что обеспечивает стабильность правоприменительной практики и доверие к судебной власти.

Актуальность темы исследования обусловлена значимостью механизмов пересмотра судебных решений в гражданском и арбитражном судопроизводстве. За последние десятилетия в российском гражданском и арбитражном процессе наблюдается устойчивый рост интереса к апелляции. Это связано с совершенствованием процессуального законодательства, расширением гарантий защиты прав участников судопроизводства и повышением требований к качеству правосудия.

Апелляционное производство – это стадия судебного процесса, в рамках которой осуществляется проверка законности и обоснованности судебных актов, не вступивших в законную силу, вышестоящим судом по апелляционной жалобе или представлению. Оно позволяет исправить ошибки, допущенные судом первой инстанции. Таким образом, апелляционное производство выступает важнейшей гарантией реализации конституционного права на справедливое судебное разбирательство (ст. 46 Конституции РФ [1]). Однако действующее процессуальное законодательство содержит ряд положений, создающих правовую неопределенность и снижающих эффективность апелляционного обжалования.

В первую очередь, рассмотрим проблему правовой неопределенности критерия «уважительности» при принятии новых доказательств. Согласно ч. 1 ст. 327.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [3], апелляционный суд принимает новые доказательства только при условии обоснования уважительности причин их непредставления в суд первой инстанции. Аналогичное положение закреплено в ч. 2 ст. 268 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [2]. Критерий «уважительности» носит оценочный характер, что создает правовую неопределенность и затрудняет реализацию участниками судопроизводства конституционного права на справедливое судебное разбирательство [5]. Решением может стать закрепление в ГПК РФ [3] и АПК РФ [2] нормативного перечня уважительных причин непредставления доказательств – это снизит субъективность оценки и обеспечит единообразие судебной практики.

Далее, для систематизации полномочий суда апелляционной инстанции предлагается следующая классификация:

1. По признаку обусловленности волей участников апелляционного судопроизводства:

- инициативные полномочия – реализуются судом апелляционной инстанции автономно, без какого-либо внешнего воздействия или побуждения со стороны участников процесса. Суд самостоятельно выявляет основания для их применения и принимает соответствующие процессуальные решения;
- условно-инициативные полномочия – активируются по инициативе участников апелляционного производства (через подачу жалобы, ходатайства и т.д.), но дальнейшая реализация и объем их применения определяются усмотрением суда.

2. По критерию объема проверки постановления суда первой инстанции:

- общие полномочия – предполагают проверку судебного акта в рамках доводов апелляционной жалобы и исключительно в обжалуемой части. При этом суд вправе выйти за пределы доводов жалобы для выявления безусловных оснований к отмене судебного акта (например, нарушений, влекущих безусловную отмену решения), прекращению производства по делу или оставлению заявления без рассмотрения;
- частные полномочия – предусматривают инициативную, полную и всестороннюю проверку законности судебного акта вне зависимости от доводов жалобы. Такая проверка осуществляется в особых случаях – при наличии специфического субъекта правоотношений (несовершеннолетний, недееспособный, работник в трудовом споре) либо особого объекта правовой защиты (право на жилище, охрану здоровья, благоприятную окружающую среду и т.п.).

Для полноценной реализации публично-правовой функции правосудия и достижения целей апелляционного производства требуется существенная корректировка пределов рассмотрения апелляционной (частной) жалобы. Ключевым направлением такой модернизации выступает наделение суда апелляционной инстанции расширенными инициативными полномочиями. Это предполагает не просто проверку обжалуемого (основного) судебного акта, но и комплексный анализ связанных с ним процессуальных решений – так называемых зависимых судебных актов. Подобный подход обеспечивает системность апелляционного контроля и исключает фрагментарность проверки.

К основным судебным актам относятся решения и определения суда первой инстанции, непосредственно разрешающие спор по существу. В свою очередь, к зависимым судебным актам следует относить:

- определения об исправлении описок и явных арифметических ошибок в решении;
- определения о распределении судебных расходов;
- дополнительные решения;
- иные акты, производные от основного решения и не имеющие самостоятельного материально-правового значения [4, с. 23].

Логика такого подхода представляется нам очевидной: отмена основного судебного акта влечет за собой автоматическую отмену всех зависимых актов, поскольку они теряют свою

правовую основу. Их автономное существование без основного решения лишено смысла и может породить правовую неопределенность.

Также необходимо расширить перечень определений суда первой инстанции, правильность которых проверяется в апелляционном порядке с обязательным извещением лиц, участвующих в деле. Частные жалобы на определения, касающиеся материально-правовых отношений сторон и имеющие самостоятельное значение, следует рассматривать с извещением заинтересованных лиц. К таким определениям относятся:

- об изменении порядка и способа исполнения решения суда;
- о рассрочке либо отсрочке исполнения решения суда;
- об индексации взысканных денежных сумм;
- об отказе в удовлетворении указанных заявлений.

Наконец, исследование организации деятельности апелляционных судов выявило тенденцию недооценки роли работников аппарата суда. Их процессуальная деятельность может существенно повысить эффективность апелляционного судопроизводства. В связи с этим предлагается законодательно закрепить процессуальный статус помощников судей, делегировав им часть процессуальных полномочий. Для реализации этой инициативы необходимо внести изменения и дополнения в нормы арбитражного процессуального и гражданского процессуального законодательства.

Предложенные решения направлены на снижение правовой неопределенности в вопросах принятия доказательств, систематизацию полномочий суда апелляционной инстанции, расширение пределов апелляционного контроля, обеспечение прав лиц, участвующих в деле, и повышение эффективности апелляционного судопроизводства за счет оптимизации работы аппарата суда. Реализация данных предложений позволит укрепить гарантии справедливого судебного разбирательства и усовершенствовать механизмы апелляционного обжалования в гражданском и арбитражном процессах.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : [с учетом поправок, внесенных законами №6-ФКЗ от 30.12.2008, №7-ФКЗ от 30.12.2008, №2-ФКЗ от 5.02.2014, №11-ФКЗ от 21.07.2014, №1-ФКЗ от 14.03.2020, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020, с учетом включения новых субъектов РФ, внесенных федеральными конституционными законами №5-ФКЗ от 04.10.2022, №6-ФКЗ от 04.10.2022, №7-ФКЗ от 04.10.2022, №8-ФКЗ от 04.10.2022]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 21.03.2026).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) [принят Государственной Думой 14.06.2002, одобрен Советом Федерации 10.07.2002]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079219 (дата обращения: 21.03.2026).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) [принят Государственной Думой 23.10.2002, одобрен Советом Федерации 30.10.2002]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828 (дата обращения: 21.03.2026).
4. Загайнова С.К. Пересмотр судебных актов в цивилистическом процессе: учебное пособие / С.К. Загайнова, М.Л. Скуратовский, Ю.А. Тимофеев; под. ред. Ю.А. Тимофеева. –

Москва: Статут, 2022. – 207 с. – ISBN 978-5-9909636-6-5. – Текст: электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/1079466 (дата обращения: 21.03.2026).
5. Приймак Т.Н. Сравнительный анализ апелляционного производства в гражданском и арбитражном процессах / Т.Н. Приймак, У.А. Власова. – Текст: непосредственный // Флагман науки. – 2025. – Т.1, №5-1 (28). – С. 654–656.

Курючкина София Романовна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ОРГАНИЗАЦИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Автором в статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации организации незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ). Анализируются сложности разграничения данного состава преступления со смежными составами, проблемы определения объективной стороны преступления, проводится анализ судебной практики и вопросам квалификации по совокупности преступлений.

Организация незаконной миграции, фиктивная постановка на учет, квалификация преступлений, совокупность преступлений, объективная сторона преступления.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Kuryuchkina Sofia Romanovna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

ORGANIZATION OF ILLEGAL MIGRATION: PROBLEMS OF QUALIFICATION

The author of the article discusses the current problems of qualification of the organization of illegal migration (Art. 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author analyzes the difficulties of distinguishing this crime from related crimes, the problems of determining the objective side of the crime, and analyzes judicial practice and issues of qualification for a set of crimes.

Organization of illegal migration, fictitious registration, qualification of crimes, the totality of crimes, the objective side of the crime.

Противодействие незаконной миграции является одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики России [1]. Статья 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающая ответственность за организацию незаконной миграции, была введена в 2004 году и с тех пор неоднократно выступала предметом научных дискуссий [2]. Несмотря на руководящие разъяснения, которые содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 года № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией», правоприменители продолжают сталкиваться с серьезными проблемами при квалификации деяний по ст. 322.1 УК РФ [2].

Наиболее дискуссионным в теории и практике остается вопрос о разграничении организации незаконной миграции и фиктивной регистрации (постановки на учет) иностранных граждан (ст. 322.2 УК РФ и ст.322.3 УК РФ).

Анализ судебной практики показывает, что органы предварительного расследования нередко вменяют ст. 322.1 УК РФ за действия, которые по своей сути представляют собой лишь фиктивную постановку на учет. Характерным примером является уголовное дело № 1-95/2024 в отношении подсудимого А., который за денежное вознаграждение оформил и направил в миграционную службу 11 уведомлений о прибытии иностранных граждан, фактически не предоставляя им жилое помещение для проживания. Органы дознания квалифицировали его действия по п. «а» ч. 2, ст.322.1 УК РФ, полагая, что систематичность и возмездность оказания услуг свидетельствуют об организации незаконного пребывания [4].

Однако такая квалификация представляется спорной. По смыслу закона, фиктивная постановка на учет иностранного гражданина (ст. 322.3 УК РФ) заключается в предоставлении заведомо недостоверных сведений при отсутствии у принимающей стороны намерения предоставить помещение для фактического проживания [5]. Именно такие действия и совершал подсудимый А. Организация незаконной миграции предполагает более широкий круг действий, направленных на обеспечение незаконного въезда, пребывания или транзитного проезда иностранных граждан.

Ключевое разъяснение по данному вопросу содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18, согласно которому: «если организация незаконной миграции наряду с другими действиями организационного характера включает фиктивную регистрацию (постановку на учет) иностранных граждан, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 322.1 УК РФ и статьей 322.2 или 322.3 УК РФ. В случаях, когда действия лица состоят только в фиктивной регистрации (постановке на учет) иностранного гражданина, содеянное квалифицируется по статье 322.2 или статье 322.3 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по статье 322.1 УК РФ. Это означает, что простая фиктивная постановка на учет, не сопряженная с иными действиями по организации незаконного пребывания (например, обеспечение транспортом, жильем, трудоустройство), должна квалифицироваться только по ст. 322.3 УК РФ» [3].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ, выражается в трех альтернативных формах: организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в РФ или незаконного транзитного проезда через территорию РФ. При этом законодатель не раскрывает содержание понятия «организация», что порождает трудности в правоприменении.

По смыслу разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, организация незаконной миграции квалифицируется, как оконченное преступление с момента умышленного создания виновным лицом условий для осуществления иностранными гражданами хотя бы одного из незаконных действий, перечисленных в диспозиции, независимо от того, совершены ими такие действия или нет.

На практике возникает вопрос: что именно следует понимать под созданием условий? Анализ судебных решений показывает, что к таким действиям суды относят:

- заключение фиктивных трудовых договоров с иностранными гражданами;
- предоставление жилых помещений для проживания иностранцев при отсутствии законных оснований;
- организацию каналов транспортировки иностранцев через границу;
- подыскание иностранных граждан, желающих за денежное вознаграждение заключить фиктивный трудовой договор [6].

Примером правильной квалификации может служить уголовное дело № 1-95/2020, рассмотренное Северным районным судом г. Орла. Фигурантами дела стали А. и П., которые за денежное вознаграждение организовали незаконное пребывание на территории Российской Федерации граждан из ближнего зарубежья. А. подыскивала иностранных граждан, изготавливала фиктивные трудовые договоры, а П. подписывал их, ставил печать организации и организовывал подачу уведомлений. Их действия были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ как организация незаконного пребывания иностранных граждан группой лиц по предварительному сговору [7].

В данном случае налицо именно организационная деятельность, выходящая за рамки простой фиктивной постановки на учет: систематический характер, вовлечение двух лиц, создание устойчивой схемы легализации иностранцев через фиктивное трудоустройство.

Часть 2 ст. 322.1 УК РФ предусматривает такой квалифицирующий признак, как совершение преступления организованной группой (п. «а»). Понятие организованной группы содержится в ч. 3 ст. 35 УК РФ. Однако на практике возникают сложности с доказыванием данного квалифицирующего признака.

В упомянутом выше уголовном деле, действия осужденных были квалифицированы именно как совершенные группой лиц по предварительному сговору. Суд установил, что между соучастниками было распределение ролей: одна осужденная подыскивала иностранных граждан и изготавливала фиктивные договоры, другой подписывал их и организовывал подачу уведомлений. Действия носили систематический характер и были направлены на достижение общего преступного результата

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о проблемах квалификации ст. 322.1 УК РФ.

Во-первых, требуется четкое разграничение организации незаконной миграции и фиктивной постановки на учет иностранных граждан. Квалификация по ст. 322.1 УК РФ возможна лишь при наличии действий, действительно носящих организационный характер и выходящих за рамки простого уведомления миграционных органов о прибытии иностранца. При одновременном совершении обоих деяний необходима квалификация по совокупности преступлений, как это разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18.

Во-вторых, объективная сторона преступления требует уточнения. Понятие «организация» не может толковаться расширительно как «любые действия», поскольку это ведет к необоснованному привлечению к уголовной ответственности за малозначительные деяния. Необходимо выработать критерии, позволяющие отграничить организационную деятельность от разового содействия. Оконченным преступление признается с момента создания условий для незаконной миграции, независимо от наступления фактических последствий.

Решение обозначенных проблем возможно путем совершенствования уголовного законодательства, а также выработки единообразных подходов в применении и толковании норм права. Только при соблюдении данных условий уголовно-правовые средства противодействия незаконной миграции будут применяться эффективно и обоснованно.

Библиографический список

1. Карягина О.В. Анализ современных угроз национальной безопасности страны / О.В. Карягина. – Текст : непосредственный // Государство и право России в современном мире : материалы Международной научно-практической конференции, Кизляр, 15 мая 2024 года. – Махачкала: Формат, 2024. – С. 66–71. – EDN DOPLKS.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 13.06.1996 № 63ФЗ (в ред. 20.02.2026) // Российская газета. – 1996. – 17 июня. // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).
3. О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 (ред. от 23.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.03.2026). – Текст : электронный.
4. Приговор № 1-675/2023 1-95/2024 от 28 января 2024 г. по делу № 1-675/2023 // Сайт: Судебные и нормативные акты. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/OxawnL5QU4q/ (дата обращения: 20.03.2026). – Текст : электронный.
5. Татьянина А.В. Уголовное право. Общая часть / А.В. Татьянина, С.М. Хоменко. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2024. – 156 с. – ISBN 978-5-9201-0170-9. – EDN UOHQVV. – Текст : непосредственный.
6. Звечаровский И.Э. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. Москва: Проспект, 2026. – 832 с. – Текст : непосредственный.
7. Приговор № 1-95/2020 от 24 мая 2020 г. по делу № 1-95/2020 // Сайт: Судебные и нормативные акты. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/MgqOOYjaMKNW/ (дата обращения: 20.03.2026). – Текст : электронный.

Лазаренко Кристина Витальевна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Каменева Полина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ОБЯЗАННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ПО СТРАХОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ

В настоящей статье рассматриваются теоретико-правовые основы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Рассматривается роль в защите имущественных интересов третьих лиц, правовая природа и место в публично-правовом регулировании. Особое внимание уделено административной ответственности за неисполнение обязанности, составу правонарушения и превентивным мерам государственного принуждения.

Гражданская ответственность, транспортные средства, обязательное страхование, административная ответственность, страховой полис, правонарушение, безопасность дорожного движения.
Тематический рубрикатор e-Library: 06.73.23.

Lazarenko Kristina Vitalievna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Kameneva Polina Valerievna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

OBLIGATIONS OF VEHICLE OWNERS TO INSURE CIVIL LIABILITY: LEGAL BASIS AND ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATION

This article examines the theoretical and legal foundations of compulsory civil liability insurance for vehicle owners. It explores the role of this insurance in protecting the property interests of third parties, its legal nature, and its place in public law regulation. Special attention is given to the administrative liability for failure to comply with this obligation, the elements of the offense, and preventive measures of state coercion.

Jcivil liability, vehicles, compulsory insurance, administrative liability, insurance policy, offense, and road safety.

В условиях активного развития транспортной инфраструктуры и роста числа автомобилей, обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) приобретает особую актуальность. Его правовая природа продиктована необходимостью защитить имущественные интересы третьих лиц, которым может быть причинён вред при эксплуатации источника повышенной опасности. Именно поэтому государство устанавливает строгие требования к владельцам и предусматривает административную ответственность за их несоблюдение [3].

Прежде всего, важно понять теоретико-правовые основы этой обязанности. ОСАГО – это форма публично-правового регулирования, призванная сбалансировать частные и публичные интересы. С одной стороны, оно гарантирует потерпевшим компенсацию ущерба, независимо от финансового положения виновника. С другой стороны, ОСАГО способствует стабильности гражданского оборота и снижает социальную напряжённость.

Владелец транспортного средства обязан застраховать автомобиль с момента приобретения права владения, пользования или распоряжения. Эта обязанность является абсолютной: она распространяется на всех и подлежит безусловному исполнению. Суть её проста: заключить договор страхования с лицензированной компанией и поддерживать его действие на протяжении всего срока эксплуатации автомобиля.

Транспортное средство по своей природе – источник повышенной опасности. Это означает, что оно всегда несёт риск причинения вреда, который невозможно полностью исключить, даже соблюдая все меры предосторожности. Именно поэтому государство устанавливает дополнительные гарантии для защиты пострадавших, и обязательное страхование – одна из ключевых таких гарантий.

Административно-правовая обязанность страхования закреплена в законодательстве, регулирующем дорожное движение и страховую деятельность. Она носит императивный характер, не допуская никаких исключений. Невыполнение этой обязанности расценивается как административное правонарушение, посягающее на установленный порядок и общественную безопасность [1, с. 15].

Административная ответственность за неисполнение обязанности по страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) реализуется посредством применения мер государственного принуждения к правонарушителю. К таким мерам, как правило, относятся административные штрафы, а в отдельных случаях – запрет эксплуатации транспортного средства до момента устранения выявленного нарушения [5, с. 88]. Целью привлечения к ответственности является не только карательная функция, но и превентивная – предупреждение новых правонарушений, а также формирование правосознания участников дорожного движения.

Структура состава административного правонарушения в данной области включает традиционные элементы: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Объектом правонарушения выступают общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности дорожного движения и защитой имущественных интересов граждан. Объективная сторона выражается в форме бездействия – отсутствии действующего договора обязательного страхования. Субъектом правонарушения является владелец транспортного средства, обладающий соответствующей административной деликтоспособностью. Субъективная сторона может характеризоваться как умышленной, так и неосторожной формой вины.

Особое внимание следует уделить принципу соразмерности административной ответственности. В теории административного права подчеркивается, что санкции должны быть адекватны характеру и степени общественной опасности совершенного правонарушения.

Само по себе отсутствие страхового полиса не несет прямого ущерба, однако оно значительно увеличивает риски для третьих лиц. По этой причине законодатели, как правило, устанавливают невысокие штрафы, одновременно мотивируя нарушителей как можно скорее исправить ситуацию.

Сравнительно-правовой аспект также заслуживает внимания. Хотя подходы к обязательному страхованию и ответственности за его отсутствие варьируются в разных правовых системах, общая тенденция – усиление контроля и повышение эффективности правоприменения. Некоторые страны уже используют автоматизированные системы проверки страхового покрытия, что позволяет быстро выявлять нарушения и снижать их скрытность.

Уполномоченные государственные органы играют ключевую роль в обеспечении исполнения обязанности по страхованию. Они осуществляют контроль за соблюдением законодательства, проводят профилактические мероприятия и применяют административные меры воздействия. Эффективность их деятельности во многом определяется уровнем правовой культуры населения и доступностью страховых услуг [3].

Важно помнить: административная ответственность за отсутствие страховки не отменяет гражданско-правовой ответственности за причинённый вред. При ДТП виновник без страховки обязан возместить ущерб в полном объёме из собственных средств. Это дополнительно мотивирует владельцев соблюдать установленные требования.

Обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств – ключевой элемент обеспечения безопасности дорожного движения и защиты прав граждан. Его теоретико-правовая база опирается на концепцию источника повышенной опасности и принцип социальной справедливости. Административная ответственность за отсутствие страховки выполняет превентивную и карательную функции, укрепляя правопорядок. Дальнейшее совершенствование регулирования в этой сфере должно быть направлено на повышение эффективности контроля, развитие страховой системы и формирование ответственного поведения участников движения [4, с. 250].

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023). – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
2. О безопасности дорожного движения : Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 28.12.2022). – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 1995. – №50. – Ст. 4873.
3. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств : Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 01.07.2023). – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 18. – Ст. 1720.
4. Баранов В.М. Административное право России : учебник / В.М. Баранов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2022. – 416 с. – Текст : непосредственный.
5. Серков П.П. Административная ответственность в Российской Федерации : учебник / П.П. Серков. – Москва : Норма, 2021. – 304 с. – Текст : непосредственный.

Левашова Ирина Валентиновна,
студент, ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Научный руководитель – Перенесенко Валерий Эдуардович,
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ БЕЗ ГРАНИЦ

Статья исследует киберпреступность в России: её развитие, виды, проблемы низкой раскрываемости, сложности выявления и расследования. Анализируются пути совершенствования законодательства, подчёркивается важность международного сотрудничества в борьбе с транснациональной киберпреступностью и рассматриваются перспективы применения искусственного интеллекта с учётом этических аспектов. Материал будет полезен юристам, правоохранителям, специалистам по кибербезопасности, законодателям и студентам профильных направлений. Снижение уровня киберпреступности в РФ возможно за счёт комплексного подхода – модернизации законов, международного взаимодействия и внедрения технологий с соблюдением этических норм, что повысит раскрываемость преступлений и укрепит цифровую безопасность страны.

Киберпреступность, латентность, Уголовный кодекс РФ, трансграничность, международное сотрудничество, правоприменение, информационные технологии, законодательство.
Тематический рубрикатор e-Library:10.77.51.

Levashova Irina Valentinovna,
Student, Donbass State University of Justice, Donetsk
Scientific supervisor – Perenesenko Valery Eduardovich, Donbass State University of Justice, Donetsk

CYBER CRIME WITHOUT BORDERS

The text discusses the problem of cybercrime as one of the most acute challenges for the Russian Federation and the global community. The article analyzes the key factors of the spread of digital crimes: latency (natural and artificial), economic prerequisites, and features of the Internet (anonymity, cross-border). It highlights the challenges of law enforcement in the Russian Federation, from the qualification of acts using new technologies (AI, blockchain) to the problems of international cooperation and extradition. The article mentions Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation and the European Convention on Cybercrime. It emphasizes the need to improve national legislation, join international conventions, and constantly update legal mechanisms in accordance with the development of technology.

Cybercrime, latency, Criminal Code of the Russian Federation, cross-border, international cooperation, digital environment, law enforcement, information technology, legislation.

В наши дни, все возрастающий уровень государственных и международных кибернетических войн, захлестнул все сферы жизни человечества, угрожая широким спектром проблем. Д. Н. Карпова рассматривает киберпреступление не с правовой, а с социальной точки зрения: «акт социальной девиации с целью нанесения экономического, политического, морального, идеологического, культурного и других видов ущерба индивиду, организации или государству посредством любого технического средства с доступом в Интернет».

Стремительное развитие информационных технологий, открывая беспрецедентные возможности для прогресса, одновременно вооружает злоумышленников все более совершенными инструментами для совершения преступлений. Особую тревогу вызывает отставание законодательной базы, призванной регулировать сферу киберпространства, что зачастую снижает оперативность правоохранительных органов в выявлении и пресечении противоправных действий. Для повышения эффективности противодействия этой угрозе необходимо глубокое осмысление причин её возникновения и разработка адекватных механизмов нейтрализации.

Современное состояние сферы киберпреступлений характеризуется заметным ростом активности злоумышленников: количество информационных вмешательств и связанных с ними инцидентов стабильно увеличивается как в России, так и в мире. Преступники всё чаще используют не просто отдельные приёмы, а комплексные и технологически продвинутые методы – например, применяют искусственный интеллект для автоматизации атак, создают сложные фишинговые схемы, маскируют вредоносное программное обеспеченье под легитимные программы или эксплуатируют недавно обнаруженные уязвимости в популярных

сервисах до того, как разработчики успевают выпустить обновления безопасности. В России за период с января по ноябрь 2025 года было зарегистрировано 627 тысяч киберинцидентов, что на 10,8% меньше по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года. Следует отметить сокращение числа преступлений, квалифицируемых как компьютерные информационные правонарушения, на 40,6%, и дистанционных краж – на 23,6%. Также наблюдается снижение кибермошенничеств, осуществляемых посредством телекоммуникаций, компьютеров и социальных сетей, на 8,3%. Что требует активной реакции общества и правоохранительных органов.

Преобладающую часть киберпреступлений – порядка 63,4% – составляют хищения и мошеннические действия, которых зафиксировано 397,4 тысячи. Вместе с тем, отмечен рост преступлений, связанных с нелегальным оборотом наркотических веществ через Интернет: их количество достигло 109,2 тысячи, что на 28,5% превышает показатели прошлого года.

Общее число граждан, пострадавших от кибермошенников, сократилось – однако тревожным сигналом стало почти двукратное увеличение числа несовершеннолетних жертв. Это свидетельствует о переориентации злоумышленников на более молодую аудиторию: преступники разрабатывают специализированные схемы, нацеленные на подростков, – например, маскируют фишинговые атаки под игровые платформы, соцсети или предложения быстрого заработка.

Тенденция вписывается в более широкую картину эволюции киберпреступности, о которой предупреждает Юрий Жданов, доктор юридических наук: «Прибегая к принципиально новой схемотехнике и логике работы, злоумышленники смогут взламывать все ныне существующие методы защиты информации. То есть традиционные алгоритмы криптографии (распределение ключей, ассиметричное шифрование, электронные подписи) в ближайшие годы станут не только небезопасными, но и, по сути, бесполезными. Будет потеряно одно из основных условий использования информационных технологий – обеспечение безопасности, основанной на конфиденциальности, целостности и доступности данных».

В глобальном масштабе, по экспертным оценкам, ущерб от киберпреступности в 2026 году достигнет 11,9 триллиона долларов США, что составляет примерно 11% от мирового ВВП 2024 года. Наиболее частыми объектами кибератак в мире являются государственные учреждения (15%), промышленные предприятия (15%) и ИТ-компании (7%). В 2025 году в рейтинге наиболее уязвимых отраслей сфера услуг (отели, кафе, рестораны, туристические агентства и т.д., 7%) вытеснила медицинские организации. Глобальный прогноз ущерба к 2026 году в 11,9 триллиона долларов подчёркивает необходимость усилить международное сотрудничество и программы обучения цифровой безопасности, особенно среди молодёжи.

Одним из ключевых факторов, способствующих распространению киберпреступности, является латентность. Она существенно затрудняет оценку реальных масштабов угрозы: зачастую жертва даже не подозревает о совершённом против неё преступлении, а часть инцидентов намеренно не попадает в поле зрения правоохранительных органов. Однако бороться с киберпреступностью можно только комплексным подходом, объединяющим технические, правовые, организационные и образовательные меры. На государственном уровне нужно совершенствовать законодательство, ужесточать ответственность за киберпреступления, развивать антифрод-системы и международное сотрудничество. В организациях следует обучать персонал основам кибербезопасности, внедрять политики доступа и регламенты работы с данными, проводить аудит безопасности и готовить планы реагирования на инциденты. Для общества критически важно повышать цифровую грамотность: обучать граждан распознавать фишинг, создавать надёжные пароли и безопасно пользоваться интернетом. Бизнесу необходимо сотрудничать с госорганами, инвестировать в защиту данных и привлекать специалистов для тестирования защищённости систем. Только совместные усилия государства, компаний и граждан позволят эффективно противостоять киберугрозам.

В уголовном законодательстве Российской Федерации преступления в сфере компьютерной информации находят отражение в главе 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, включающей статьи, касающиеся неправомерного доступа (ст. 272), создания и распространения вредоносных программ (ст. 273), нарушения правил эксплуатации компьютерных систем (ст. 274) и неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру (ст. 274.1). Несмотря на наличие данной законодательной базы, на практике возникают существенные сложности.

Особую обеспокоенность вызывает квалификация деяний, связанных с использованием таких новых технологий, как искусственный интеллект, в преступных целях. Значительная часть уголовных дел по главе 28 прекращается из-за недоказанности состава преступления, часто обусловленной недостатком разработанных методик работы с цифровыми доказательствами [2].

Сложности международного сотрудничества и экстрадиции преступников, связанные с трансграничным характером киберпреступлений, ещё больше усугубляют ситуацию. По некоторым данным [3], лишь незначительная часть международных электронных преступлений успешно расследуется. Это подчеркивает необходимость постоянного совершенствования законодательства и укрепления международного правового взаимодействия.

Таким образом, российское законодательство, кодифицируя деяния в сфере компьютерной информации, вместе с тем сталкивается с вызовами, требующими адаптации. Параллельно существуют и международные правовые акты, призванные бороться с киберпреступностью, среди которых выделяется Будапештская конвенция о преступности в сфере компьютерной информации [1]. Хотя Россия не является участницей этой конвенции, её нормы представляют значительный интерес для гармонизации национального законодательства и расширения международного сотрудничества. Участие в подобных международных инициативах, а также проведение мероприятий, подобных Международному конгрессу по кибербезопасности, способствует обмену опытом и выработке общих подходов к решению глобальных проблем. Главные препятствия в борьбе с киберпреступностью – отставание законодательства от темпов развития технологий, высокая латентность таких преступлений, сложности в международном сотрудничестве и квалификации деяний, особенно когда в них задействованы новейшие разработки

Важно развивать технические средства защиты: внедрять многофакторную аутентификацию, шифрование данных, системы мониторинга угроз. Параллельно необходимо повышать цифровую грамотность граждан – особенно молодёжи, – обучая их распознавать фишинговые атаки и безопасно пользоваться интернетом. Как отмечает Д.Н. Карпова, киберпреступление – это «акт социальной девиации с целью нанесения экономического, политического, морального, идеологического, культурного и других видов ущерба индивиду, организации или государству посредством любого технического средства с доступом в Интернет». Это подчёркивает, что проблема выходит за рамки технологий и затрагивает общество в целом. Таким образом, чтобы снизить риски в цифровом мире, нужны согласованные действия: от личной кибергигиены каждого пользователя до масштабных международных соглашений и инвестиций в новые методы защиты.

Библиографический список

1. Будапештская конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (СДСЕ №185) : принята 23 ноября 2001 г. // Council of Europe : [сайт]. – Текст : электронный. – URL: https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention (дата обращения: 17.03.2026).
2. Уголовный [18.03.2026 19:04] кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Коликов Н.Л. Причины и условия профессиональной компьютерной преступности / Н.Л. Коликов. – Текст : электронный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 35 (250). – С. 60–63. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-usloviya-professionalnoy-kompyuternoy-prestupnosti (дата обращения: 17.03.2026).
4. МВД: число киберпреступлений в России снизилось на 12% в 2025 году. – Текст : электронный. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8442339.

Магомадова Эльза Исаевна,
аспирант, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЮРИДИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Н.К. РЕННЕНКАМПФА

Статья посвящена реконструкции теоретико-правовых оснований юридического наследия Н.К. Ренненкампфа в контексте развития русской правовой мысли второй половины XIX века. Показано, что его концепция выходит за пределы традиционного понимания энциклопедии законоведения как вводного учебного курса и представляет собой попытку системного осмысления права, его источников, форм и государственно-обязательного характера. Внимание уделено разграничению источника и формы права, трактовке положительного закона, критике расширительного понимания судебной практики как источника права, а также связи права с государственным принуждением и нормативной определенностью.

История правовой мысли, теория права, энциклопедия законоведения, источники права, формы права, положительное право, закон, правопонимание, государство, юридическая наука.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Magomadova Elsa Isaevna,
Postgraduate student, Kadyrov Chechen State University, Grozny

THEORETICAL AND LEGAL ISSUES IN THE JURIDICAL LEGACY OF N.K. RANNENKAMPF

The article is devoted to the reconstruction of the theoretical and legal foundations of N.K. Rennenkampf's juridical legacy in the context of the development of Russian legal thought in the second half of the nineteenth century. It is shown that his conception goes beyond the traditional understanding of the encyclopedia of jurisprudence as an introductory academic course and represents an attempt at a systematic comprehension of law, its sources, forms, and state-binding character. Particular attention is paid to the distinction between the source and the form of law, the interpretation of positive law, the critique of an expansive understanding of judicial practice as a source of law, as well as the connection between law, state coercion, and normative certainty.

History of legal thought, theory of law, encyclopedia of jurisprudence, sources of law, forms of law, positive law, statute, understanding of law, state, legal science.

Н.К. Ренненкампф принадлежит к числу тех представителей русской юридической науки второй половины XIX века, через которых прослеживается переход от энциклопедии законоведения как преимущественно вводного учебного курса к более сложной теоретической дисциплине, связывающей философские, исторические и догматические основания права. Его место в дореволюционном правоведении определяется не только профессорской деятельностью по кафедре энциклопедии законоведения и государственного права, но и тем, что он оказался в узловой точке нескольких научных линий: исторической школы права, университетской энциклопедической традиции и складывающейся общей теории права.

В этом отношении Н.К. Ренненкампф не сводим ни к автору учебного курса, ни к консервативному публицисту, ни к полемисту против социологической юриспруденции. Он выступает как систематизатор понятийного строя права, для которого юридическая энциклопедия служила не внешним прологом к отраслевому знанию, а формой концептуального упорядочения всей юриспруденции.

Научно-образовательная среда, в которой формировались его взгляды, характеризовалась двумя встречными процессами.

С одной стороны, в российском университетском преподавании еще сохранялось смешение энциклопедии права с естественным правом и методологическими курсами; с другой – возрастала потребность в таком учении о праве, которое позволяло бы отличить собственно правовые формы от простого изложения положительного законодательства. Н.К. Ренненкампф прямо фиксировал эту проблему, связывая зрелое развитие юридической энциклопедии в России лишь с 1830-х годов. Его позиция была ответом на состояние науки, при котором право нередко растворялось в законе, а закон – в описании действующих норм без их историко-философского осмысления. Энциклопедический проект следует рассматривать

как попытку восстановить автономию юридической науки по отношению к голой законодательной экзегезе.

Отмечалось, что его творческое наследие долгое время либо замалчивалось, либо рассматривалось преимущественно через призму консервативно-охранительных установок, тогда как собственно теоретико-правовая аргументация оказывалась на периферии анализа. Даже там, где обсуждались его возражения Н.М. Коркунову, внимание часто сосредоточивалось на факте полемики, а не на содержании его понятийной конструкции. Возникала методологическая ошибка: Н.К. Ренненкампфа читают либо как второстепенного критика социологической школы, либо как идеолога государственной централизации, тогда как его тексты требуют реконструкции в качестве целостного юридико-теоретического наследия [1, с. 107].

Данное прочтение позволяет отграничить предмет анализа от смежных тем. Речь идет не о биографии ученого, не о его публицистике как самостоятельном жанре и не о частной истории научных споров. Существенен вопрос о том, какую модель права и государства он выстраивал, как понимал источник правовой обязательности, каким образом разводил источник и форму права, почему настаивал на приоритете положительного закона и чем объясняется его настороженность к расширительному признанию судебной практики источником права.

В правопонимании Н.К. Ренненкампфа определяющим является стремление сохранить специфику права как особого нормативного порядка, не растворяя его ни в нравственности, ни в религии, ни в произвольной совокупности правил человеческого поведения. Исходила его критика слишком широких определений права. Возражая против формулы, под которую подпадали бы нравственные, религиозные, логические и даже гигиенические правила, он фактически настаивал на необходимости строгого юридического критерия. Критерий связывался не с абстрактной ценностью нормы и не с ее интеллектуальной содержательностью, а с ее юридической признанностью и обеспеченностью. Право у него мыслится как нормативный порядок, который существует в общеобязательных формах и поддается институциональной защите [5, с. 93].

Н.К. Ренненкампф не отрицал, что и нравственные нормы воздействуют на поведение, однако юридическое измерение нормы он связывал с возможностью принуждения. Полемизируя с представлением, будто право не обладает собственным принудительным характером, он указывал на санкцию и государственно-организованное понуждение как на признак, отделяющий юридическую норму от иных регуляторов. В этой позиции нет упрощенного сведения права к насилию. Принуждение выполняет у него функцию критерия юридической определенности: если нормативное предписание не имеет обеспеченной формы защиты, то становится неясным, чем право отличается от совета, морального требования или научной доктрины. Тем самым Н.К. Ренненкампф заранее блокирует те концепции, в которых право чрезмерно расширяется за счет интересов, психологических состояний или теоретических конструкций.

Вопрос об источниках права у Н.К. Ренненкампфа требует особенно точного разведения понятий. Под источником он понимал не внешний юридический носитель нормы, а более глубокое начало правообразования – «народный дух», складывающийся под воздействием материальных и иных условий жизни народа и выражающийся в воле законодателя. Эта формула принципиальна. Она показывает, что Н.К. Ренненкампф не сводил право к чистой команде государства, но и не допускал романтического противопоставления органической народной жизни законодательству. Народный дух у него не противостоит воле законодателя, а получает в ней юридически значимое выражение. Иначе говоря, право возникает не из индивидуального произвола власти, но и не из бесформенной народной стихии; оно проходит через стадию институционального оформления, где социально-историческое содержание превращается в юридическую норму [3, с. 18].

Формы права Н.К. Ренненкампф отделял от его источника. К числу основных форм он относил обычное право, закон и право юристов; к дополнительным – административные

распоряжения, поскольку они также способны содержать нормы, но отличаются от закона порядком происхождения и местом в системе регулирования. Представленное решение имеет двойное значение.

Во-первых, оно фиксирует множественность юридических форм при сохранении иерархии между ними.

Во-вторых, оно позволяет объяснить, каким образом право может быть положительным, не замыкаясь исключительно на парламентском или законодательном акте в узком смысле. При этом административное распоряжение у него не уравнивается с законом, т.к. различие процедур принятия и нормативного статуса сохраняется, что предохраняет концепцию от размывания границ между законодательной и исполнительной нормативностью.

Понимание закона тесно связано с идеей положительного права и правовой устойчивости государства. В споре о судебной практике он последовательно отстаивал тезис, что правопорядок должен управляться на основании положительных законов, а потому судебное правоприменение не может быть признано самостоятельным источником права в том же смысле, в каком им являются закон или обычай. Его аргументация строилась не на отрицании творческой роли интерпретации вообще, а на неприятии такого расширения судебной функции, которое вело бы к случайности и судебному произволу. Суд действует в пределах смысла законов и законодательства; если же практика начинает сама производить нормы, нарушается граница между установлением права и его применением. С полной ясностью обнаруживается его установка на верховенство закона как на условие общей определенности и равномерности правового порядка [2, с. 87].

Государство у Н.К. Ренненкампфа не предшествует праву в виде голой силы, но и не растворяется в обществе. Оно выступает формой организации юридического порядка, внутри которой воля законодателя приобретает общеобязательное значение и обеспечивается системой принуждения. Верховенство закона для него не сводится к формуле технического легизма. Речь идет о подчинении всех участников правового общения единому масштабу нормативности. В этой плоскости следует понимать и его настойчивое неприятие ситуаций, когда отдельные социальные, национальные или корпоративные группы претендуют на особое положение вне общего закона. Закон сохраняет юридический смысл постольку, поскольку его действие носит не привилегированный, а общий характер.

Теоретические построения не оставались внутри энциклопедии права. Они непосредственно работали на границе с государственным и полицейским правом, поскольку задавали критерии разграничения компетенций, понимания нормативных актов и оценки административных форм. Признание административных распоряжений дополнительной формой права показывает, что он видел нормативную деятельность исполнительной власти, но стремился удержать ее в пределах законной системы. Значение имелось для всей дореволюционной дискуссии о соотношении закона, указа, подзаконного распоряжения и административной практики [4, с. 179].

Юридическое наследие Н.К. Ренненкампфа сохраняет актуальность для современной теории права по нескольким основаниям.

Оно напоминает о необходимости строгого различения источника и формы права, без которого неизбежно смешиваются социальные предпосылки правообразования и юридические способы закрепления норм.

Его аргументация в защиту нормативной определенности остается значимой для споров о пределах судебного усмотрения и подзаконного регулирования.

Понимание закона как общего и равномерно действующего масштаба позволяет заново поставить вопрос о правовом равенстве не как о политическом лозунге, а как о свойстве юридической формы.

Вклад Н.К. Ренненкампфа в отечественную теоретико-правовую традицию состоит именно в этом соединении исторической чувствительности, догматической строгости и государственно-правовой системности.

Библиографический список

1. Жуков В.Н. Юридическая наука в дореволюционной России: становление и соотношение догматической и фундаментальной юриспруденции / В.Н. Жуков. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2015. – Юридическая наука в дореволюционной России. – № 2. – С. 96–114.
2. Малюгин С.В. Идея права в российской историографии, истории политических и правовых учений. Часть 2: 60-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в. / С.В. Малюгин. – Текст : электронный // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2020. – № 6. – С. 85–95. – DOI: 10.34076/2219-6838-2020-6-85-95.
3. Молотков М.Б. Право и закон во взглядах представителей отечественного юридического позитивизма второй половины XIX – начала XX века / М.Б. Молотков. – Текст : непосредственный // Наука и просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 17–19.
4. Оксамытный В.В. Становление сравнительного правоведения как юридической науки: исторические рамки оформления / В.В. Оксамытный. – Текст : непосредственный // Становление сравнительного правоведения как юридической науки. – 2018. – С. 177–186.
5. Слобожанинов О.К. Развитие учебной дисциплины «Энциклопедия права» в Германии XVIII–XIX веков / О.К. Слобожанинов – Текст : непосредственный // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 88–94. – DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-2-88-94.

Магомадова Эльза Исаевна,
аспирант, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА Н.К. РЕННЕНКАМПФА: СОДЕРЖАНИЕ И АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

В статье реконструируется содержание правовой доктрины Н.К. Ренненкампфа и определяется ее значение для современной теории права. Показано, что в центре его концепции находится нормативное понимание права, при котором источник права в техническом смысле связывается с юридически распознаваемой формой действия нормы. Раскрывается соотношение закона, обычая, судебной практики и доктрины в его теоретической модели, а также анализируется полемика с Н.М. Коркуновым как выражение конкурирующих типов правопонимания в русской юриспруденции конца XIX века.

Теория права, история правовых учений, источники права, форма права, юридическая определенность, закон, обычай, правовая доктрина, юридический позитивизм.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Magomadova Elsa Isaevna,
Postgraduate Student, Kadyrov Chechen State University, Grozny

N.K. RANNENKAMPF'S LEGAL DOCTRINE: CONTENT AND RELEVANCE FOR CONTEMPORARY LEGAL THEORY

The article reconstructs the content of N.K. Rennenkampf's legal doctrine and determines its significance for contemporary legal theory. It is shown that the core of his concept is a normative understanding of law, within which the source of law in the technical sense is associated with the legally recognizable form in which a norm operates. The paper examines the correlation between statute, custom, judicial practice, and legal doctrine in his theoretical model, and also analyzes his polemic with N.M. Korkunov as an expression of competing types of legal understanding in late nineteenth-century Russian jurisprudence.

Legal theory, history of legal doctrines, sources of law, form of law, legal certainty, statute, custom, legal doctrine, legal positivism.

Н.К. Ренненкампф связывает юридическую устойчивость не с отвлеченной идеей происхождения права вообще, а с тем, в каких формах оно «образуется и действует». В этом смысле источник права в техническом значении совпадает у него с формой объективизации нормы. От определенности и полноты таких форм зависит «твердость и бесспорность» правового действия. Формула выражает не частное замечание по терминологии, а общий методологический выбор. Право приобретает качество права не потому, что оно социологически наблюдаемо или культурно объяснимо, а потому, что оно получило юридически распознаваемую форму, пригодную для применения.

Связь этой позиции с идеей «народного духа» требует аккуратного разграничения. Н.К. Ренненкампф не является простым продолжателем исторической школы в ее классическом варианте, однако он работает в поле проблем, поставленных именно ею. Историческая школа ввела в русскую юриспруденцию мысль о том, что право нельзя оторвать от общественной и национальной среды, в которой оно складывается и применяется. Для последующей догматики, к которой примыкает Н.К. Ренненкампф, это имело двойное значение. С одной стороны, право признается исторически и культурно обусловленным; с другой – такая обусловленность не отменяет необходимости формального закрепления и юридической определенности. Иными словами, «народный дух» у него не превращается в автономный и самодостаточный источник непосредственного правоприменения. Он сохраняет значение объяснительного фона правогенеза, но не подменяет собой закон как высшую форму действующего права [5, с. 93].

В этой логике следует рассматривать соотношение закона, обычая и «права юристов». Закон для ученого – не одна из равновеликих форм, а организующий центр всей правовой системы. В дореволюционной позитивистской среде этот тезис разделялся широко, однако у Н.К. Ренненкампфа он получает особенно строгую формулировку, где закон выше иных форм и именно в нем концентрируется нормативная определенность, необходимая для

единообразного применения права. Обычай в такой конструкции не исчезает, но его роль остается подчиненной. Он может фиксировать сложившееся юридическое воззрение, исторически сопровождает правообразование, однако в условиях развитого государственного порядка не способен конкурировать с законом как с высшей формой юридической воли.

Хотя в дореволюционной литературе терминологический аппарат принципов еще не получил той системной разработки, которая характерна для современной теории, в реконструкции доктрины Н.К. Ренненкампфа принципы выступают как исходные начала правопорядка, обеспечивающие внутреннюю согласованность между формой права, его обязательностью и пределами усмотрения. В его конструкции такими началами являются юридическая определенность, верховенство положительного закона, недопустимость произвольного смешения права с внеюридическими регуляторами и подчинение правоприменителя нормативно распознаваемым формам. Принципы не противостоят правовой системе извне; напротив, они образуют ее методологический каркас и объясняют, почему правоприменение не может быть сведено к свободному выбору социально желательного решения. Вывод согласуется с более общим дореволюционным тезисом о функциональной связи правопонимания и правоприменения: то, как мыслится право, предопределяет и то, как должно мыслиться его применение [3, с. 99].

Его спор с Н.М. Коркуновым действительно относится к узловым эпизодам становления различных линий правопонимания в русской юриспруденции конца XIX века. Предметом разногласия были не отдельные дефиниции, а сама структура юридического знания. Н.М. Коркунов стремился показать социальную подвижность права, творческую роль судебной практики и зависимость правового порядка от развития интересов и общественных отношений. Н.К. Ренненкампф, напротив, настаивал на том, что подобное расширение понятия права ведет к утрате его специфики и создает неопределенность в выборе способа защиты интересов. В споре о сущности права он упрекал Н.М. Коркунова в чрезмерной широте определения; в споре о происхождении права – в допущении идеи бессознательного первичного правосознания; в споре об источниках – в признании судебной практики самостоятельным источником. Тем самым одна линия отечественной мысли двигалась к социологизации права, тогда как другая стремилась удержать его нормативную форму от размывания.

Показателен именно вопрос о судебной практике. Н.М. Коркунов, исходя из неполноты и казуистичности законодательства, усматривал в кассационной практике творческое правообразование. Н.К. Ренненкампф же возражал на основании положительного законодательства империи и европейского опыта, полагая, что судебная практика не может быть признана источником права в строгом смысле. В этом споре различие между авторами касается не только техники источниковедения [1, с. 11].

Для Н.М. Коркунова творческий характер суда – следствие самой социальной природы права, а для Н.К. Ренненкампфа такое признание означало бы подрыв иерархии форм права и перенос центра правовой системы из закона в усмотрение интерпретатора. Поэтому его полемика с Н.М. Коркуновым одновременно является полемикой о границах судебной власти, о допустимых пределах правотворчества и о самом стандарте юридической научности.

В этой связи его методология может быть охарактеризована как формально-юридическая, но не примитивно текстуалистская. Она исходит из потребности в системности, в разграничении уровней анализа и в строгом различении факта социального бытия нормы и ее юридического статуса. Н.К. Ренненкампф важен не как изолированный догматик, а как участник большого процесса преобразования русской правовой науки, в котором после исторической школы возникла необходимость соединить историческую чувствительность к развитию права с более строгой догматической обработкой законодательства. Значимость и для сравнительно-правового измерения спора: критикуя излишне простые схемы, он апеллирует к европейским конституционным формам и показывает, что сопоставление правопорядков должно вести не к размыванию понятий, а к уточнению их юридического содержания.

В современных дискуссиях об источниках права вновь возрастает роль судебной практики, доктрины и принципов. Однако именно поэтому особенно востребован критерий, позволяющий различать интерпретационное развитие права и подмену закона судебным или экспертным усмотрением. Н.К. Ренненкампф не дает готового ответа на все современные вопросы, но задает строгую рамку анализа: признание фактического влияния судебной практики еще не равнозначно признанию ее формальным источником права. Научная доктрина может ориентировать правоприменителя, но не должна уничтожать границу между разъяснением права и его созданием [2, с. 149].

Не менее важна и его установка на принципиальную значимость юридической определенности. В эпоху, когда правовая аргументация все чаще строится на балансировании ценностей, принципах и интересах, наследие Н.К. Ренненкампфа напоминает о том, что сама апелляция к принципам нуждается в формализуемых пределах. Иначе принцип перестает быть исходным началом системы и превращается в риторическое оправдание желательного результата. Доктрина полезна именно как противовес тенденциям к неограниченному усмотрению: она не отрицает сложности права, но требует, чтобы усложнение не разрушало критерии юридической распознаваемости решения.

Учёный не игнорирует значение исторической среды и национального развития, однако показывает, что обращение к этим обстоятельствам не освобождает юриста от работы с формой права. Тезис особенно значим сегодня, когда культурно-цивилизационные аргументы нередко используются как самостоятельное обоснование нормативных выводов. Позиция помогает удержать баланс между историко-культурный контекст важен для понимания генезиса права, но и действительность права определяется не одной лишь исторической укорененностью, а юридической институционализацией [4, с. 18].

Жесткое верховенство закона в той версии, которую отстаивал Н.К. Ренненкампф, исторически связано с законодательным строем Российской империи и не может быть механически перенесено в современную систему, где принципы права, конституционный контроль и практика высших судов играют существенно большую роль. Его недоверие к судебному правообразованию в чистом виде уже не соответствует фактической структуре современного правопорядка. Вместе с тем именно эта ограниченность и делает его полезным собеседником для современной теории: она позволяет ясно увидеть точку, в которой расширение судейской и доктринальной роли перестает быть интерпретацией и начинает менять архитектуру источников права. Историческая дистанция здесь работает как аналитическое преимущество.

Результирующее значение доктрины Н.К. Ренненкампфа состоит в том, что она фиксирует один из наиболее последовательных вариантов юридико-позитивистского ответа на вызовы модернизации права в России второй половины XIX века. Содержание этого ответа включает нормативное понимание права, техническое толкование источников как форм действия права, признание историко-культурной среды права без превращения ее в непосредственный критерий правоприменения, верховенство закона над обычаем и судебной практикой, а также подчинение деятельности юриста исходным началам определенности, обязательности и институциональной обеспеченности нормы. В системе дореволюционной мысли Н.К. Ренненкампф занимает место автора, который не просто спорил с Коркуновым по частным вопросам, а отстаивал иную модель юридической рациональности. Для современной теории права его наследие сохраняет значение как средство концептуального различения права и иных регуляторов, как метод проверки границ судебного усмотрения и как напоминание о том, что без ясности в вопросе о формах права невозможна ни стройная теория источников, ни устойчивая практика правоприменения.

Библиографический список

1. Архипов С.И. Система права: зарождение и развитие теории. Часть 1: Представления о системе права в немецкой исторической и реалистической школах права и в российской дореволюционной юридической науке / С.И. Архипов. – Текст : электронный // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу.– Система права. – 2023. – № 4. – С. 5–18. – DOI: 10.34076/22196838_2023_4_5.
2. Бедретдинова В.В. Формы права в Российской Федерации (с позиции интегративного правопонимания) / В.В. Бедретдинова. – Текст : непосредственный // Евразийское научное объединение. – 2021. – № 8-2 (78). – С. 148–149.
3. Жуков В.Н. Юридическая наука в дореволюционной России: становление и соотношение догматической и фундаментальной юриспруденции / В.Н. Жуков. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2015. – № 2. – С. 96–114.
4. Молотков М.Б. Право и закон во взглядах представителей отечественного юридического позитивизма второй половины XIX – начала XX века / М.Б. Молотков. – Наука и просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 17–19. – Текст : непосредственный.
5. Слобожанинов О.К. Развитие учебной дисциплины «Энциклопедия права» в Германии XVIII–XIX веков / О.К. Слобожанинов. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т.8, № 2. – С. 88–94. – DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-2-88-94.

Макавчук Анастасия Андреевна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

УБИЙСТВА, СОВЕРШЁННЫЕ ПО МОТИВАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ, РАСОВОЙ, РЕЛИГИОЗНОЙ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ: ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ И ДОКАЗЫВАНИЯ МОТИВА

В статье рассматриваются особенности квалификации убийств, совершённых по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Проводится разграничение данных убийств по направленности мотива, цели деяния, характеру конфликта и поведенческим признакам. Описываются способы доказывания мотива (анализ обстоятельств, показания, материальные и электронные следы) и виды необходимых экспертиз. Также обозначаются типичные сложности при квалификации и предлагаются подходы к их преодолению.

Убийство, национальная ненависть, расовая вражда, религиозная ненависть, квалификация преступления, доказывание мотива, экстремизм.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Makavchuk Anastasia Andreevna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

MURDERS COMMITTED ON THE GROUNDS OF NATIONAL, RACIAL OR RELIGIOUS HATRED OR ENMITY: FEATURES OF QUALIFICATION AND PROOF OF MOTIVE

The article examines the specifics of the qualification of murders committed on the grounds of national, racial, religious hatred or enmity (paragraph «l» of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code). A distinction is made between these murders according to the direction of the motive, the purpose of the act, the nature of the conflict and behavioral characteristics. The methods of proving the motive (analysis of circumstances, testimony, material and electronic traces) and the types of necessary examinations are described. Typical qualification difficulties are also identified and approaches to overcoming them are proposed.

Murder, national hatred, racial hatred, religious hatred, qualification of a crime, proof of motive, extremism.

Мотив национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды рассматривается как обязательный признак экстремистской деятельности согласно ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Он основан на неприязненном отношении к целой группе людей из-за их принадлежности к определённой нации, расе, религии или социальной группе, часто связан с убеждением в превосходстве своей группы над другой и стремлением унизить достоинство жертвы.

Отличие убийства по мотивам ненависти или вражды от убийства на почве личных неприязненных отношений и разграничение этих двух категорий преступлений критически важно для правильной квалификации деяния и назначения справедливого наказания [3, с. 54]. Рассмотрим эти отличия по следующим критериям:

1. Направленность мотива:

- личные неприязненные отношения (месть, ревность, зависть, обида): мотив всегда персонифицирован, т.е. направлен на конкретного человека из-за его действий, слов, поведения или сложившихся обстоятельств. Потерпевший значим сам по себе;
- ненависть или вражда (расовая, национальная, религиозная и пр.): мотив деперсонифицирован, т.е. жертва выступает символом группы, к которой виновный испытывает неприязнь. Личность потерпевшего вторична, важен сам факт его принадлежности к «чужой» группе.

2. Цель деяния:

- при личных мотивах цель – «расправиться» с конкретным человеком за причинённое зло, самоутвердиться за его счёт, устранить препятствие и т.д.;

– при ненависти или вражде цель шире – не просто устранить жертву, а продемонстрировать неприязнь к группе, унизить её достоинство, запугать её представителей, утвердить превосходство «своей» группы. Преступление может носить демонстративный, публичный характер.

3. Характер конфликта:

– личные отношения: конфликт, как правило, индивидуален и ограничен во времени (может быть давним или сиюминутным), он возникает между конкретными людьми и часто имеет понятную причину (ссора, измена, долги, служебные разногласия и т.п.);
– ненависть или вражда: конфликт не персонален, а идеологичен, он существует *до* совершения преступления и не зависит от действий жертвы. Виновный действует на основе устойчивых убеждений о «неполноценности», «опасности» или «недостойности» определённой группы людей.

4. Поведенческие признаки и доказательства:

– личные отношения: в действиях виновного отсутствуют признаки пропаганды или демонстрации нетерпимости, конфликт может выглядеть как бытовая ссора или драка. Мотив устанавливается через анализ личных связей, переписки, свидетельских показаний о характере отношений;
– ненависть или вражда: в действиях или высказываниях виновного присутствуют прямые или косвенные признаки нетерпимости.

5. Объект ненависти:

– в личных отношениях – это человек;
– в экстремистских мотивах – группа.

Убийства, совершённые по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, квалифицируются по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ключевой проблемой при этом является установление мотива, поскольку преступники часто отрицают его наличие. Доказывание такого мотива требует комплексного подхода – анализа обстоятельств дела, показаний, материальных следов и результатов экспертиз [1, с. 182].

Рассмотрим способы доказывания мотива:

1. Анализ обстоятельств дела. Учитываются обстановка совершения преступления, способ его совершения, поведение преступника до и после деяния.

2. Показания свидетелей и потерпевших. Важно выявить, упоминал ли преступник в разговорах или действиях признаки ненависти к определённой группе.

3. Материальные следы. К ним относятся надписи, граффити, символы, которые могут указывать на мотив. Например, использование нацистской символики или оскорбительных прозвищ по этническому признаку.

4. Электронные данные. Сообщения в соцсетях, посты, комментарии, электронные письма, где преступник выражает ненависть или вражду. Такие данные подлежат изъятию и исследованию.

При расследовании таких преступлений часто назначаются различные виды экспертиз, которые помогают установить мотив:

– лингвистическая экспертиза. Анализирует тексты (письменные, аудио-, видеоматериалы) на предмет наличия признаков возбуждения ненависти или вражды, унижения человеческого достоинства;
– психолого-лингвистическая экспертиза. Оценивает направленность текста на формирование или поддержание интолерантных установок, выявляет признаки убеждающего воздействия;
– компьютерно-техническая экспертиза. Исследует цифровые следы: восстанавливает удалённые данные, анализирует сеансы пребывания в интернете, выявляет взаимосвязи подозреваемого с другими пользователями;
– психолого-психиатрическая экспертиза. Помогает установить наличие у обвиняемого экстремистских взглядов, оценить его психическое состояние и мотивацию;

– автороведческая экспертиза. Определяет авторство текстов, что важно, если преступник действовал анонимно.

При назначении экспертиз важно корректно формулировать вопросы, не выходя за пределы компетенции экспертов [2, с. 142]. Рассмотрим типичные сложности, возникающие в данном процессе:

– ложные показания. Свидетели или потерпевшие могут давать заведомо ложные показания из-за страха мести или из-за солидарности с преступником по национальному, религиозному или иному признаку;
– завуалированность мотивов. Преступник может маскировать истинные мотивы, ссылаясь на личные конфликты или другие причины;
– сложность определения социальной группы. В законодательстве нет чёткого определения понятия «социальная группа», что затрудняет квалификацию;
– необходимость комплексного подхода. Доказывание мотива часто требует сочетания различных видов экспертиз и следственных действий.

Таким образом, квалификация и доказывание мотива национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды – сложный процесс, требующий тщательного анализа всех обстоятельств дела, активного использования экспертных методов и соблюдения процессуальных норм.

Библиографический список

1. Карягина О.В. Анализ объективных признаков преступления экстремистской направленности / О.В. Карягина. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 05–07 ноября 2025 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. – С. 182–184.
2. Рарог А.И. Квалификация преступлений: учебное пособие / А.И. Рарог. – Москва: Проспект, 2023. – 384 с. – Текст : непосредственный.
3. Татьянина А.В. Уголовное право. Общая часть / А.В. Татьянина, С.М. Хоменко. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2024. – 156 с. – Текст : непосредственный.

Мальков Роман Игоревич,
аспирант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Яценко Ольга Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПРОЦЕДУР В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена проблеме эффективности парламентских процедур в Российской Федерации. Автор выявляет ключевые сложности: затягивание сроков рассмотрения законопроектов, недостаточную прозрачность законодательного процесса, формальное экспертное участие и низкую эффективность парламентского контроля. Для решения этих проблем предложены меры по пяти направлениям: оптимизация рассмотрения законопроектов (экспресс-экспертиза, автоматизация согласования); расширение общественного участия (цифровые платформы, публичные слушания); усиление роли экспертов (экспертные советы, рецензирование); повышение эффективности контроля (регламентация сроков, «парламентские часы»); цифровизация процедур (единая экосистема, онлайн-трансляции). Реализация указанных мер поможет повысить прозрачность, сократить сроки принятия законов и укрепить доверие граждан к институтам демократии.

Парламентские процедуры, эффективность, проблемы, направления развития.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.15.35.

Malkov Roman Igorevich,
Postgraduate student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Yatsenko Olga Vasilyevna, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

IMPROVING PARLIAMENTARY PROCEDURES IN THE RUSSIAN FEDERATION: CHALLENGES AND DIRECTIONS FOR DEVELOPMENT

The article is devoted to the problem of the effectiveness of parliamentary procedures in the Russian Federation. The author identifies key difficulties: delays in the consideration of bills, insufficient transparency of the legislative process, formal expert participation, and low efficiency of parliamentary control. To address these issues, five areas have been identified for improvement: streamlining the review of draft laws (rapid review, automated approval); expanding public participation (digital platforms, public hearings); strengthening the role of experts (expert councils, peer review); improving the effectiveness of oversight (regulating deadlines, parliamentary clock); and digitalizing procedures (unified ecosystem, online broadcasts). Implementing these measures will enhance transparency, reduce the time required to pass laws, and build public trust in democratic institutions.

Parliamentary procedures, efficiency, problems, and development directions.

Эффективность деятельности любого государственного органа, в особенности законодательного, напрямую обусловлена наличием четкого и системного правового регулирования его функционирования. В Российской Федерации основы парламентских процедур закреплены Конституцией РФ [1], детализируются посредством федеральных законов и регламентов палат Федерального Собрания [2; 3], а в практической реализации дополняются сложившимися обычаями и прецедентами. Понимание структуры данной многоуровневой системы регулирования и классификация парламентских процедур необходимы для осмысления их роли и места в механизме государственного управления.

Парламентские процедуры представляют собой не формальный элемент, а ключевой механизм реализации принципов представительной демократии. Их результативность непосредственно влияет на качество принимаемых законодательных актов и уровень доверия общества к институтам власти.

Вместе с тем функционирование российского парламентаризма сопряжено с рядом существенных проблем, требующих системного анализа и выработки целенаправленных решений.

Прежде всего, отмечается затягивание сроков рассмотрения законопроектов, обусловленное избыточным количеством бюрократических процедур, несогласованностью позиций профильных комитетов и политических фракций, а также отсутствием четких временных рамок на различных этапах законодательного процесса.

Кроме того, наблюдается недостаточная прозрачность законодательного процесса, выражающаяся в ограниченном доступе граждан к информации о стадиях рассмотрения законопроектов, отсутствии систематизированной публикации данных о вносимых поправках и аргументации изменений, а также фрагментарной доступности материалов, затрудняющей общественный контроль.

Еще одной проблемой выступает формальный характер экспертного участия, проявляющийся в эпизодическом привлечении специалистов из научной, профессиональной и общественной сфер и позднем вовлечении экспертов в процесс разработки нормативных актов, когда возможности влияния на содержание документа существенно ограничены.

Также нельзя игнорировать и низкую эффективность парламентского контроля, характеризующуюся формализацией депутатских запросов и парламентских слушаний, не оказывающих существенного влияния на деятельность исполнительной власти, наличием пробелов в регламентах, порождающих разночтения и создающих условия для злоупотреблений, а также отсутствием действенных механизмов ответственности и четкой регламентации сроков реагирования.

Для повышения эффективности законодательной деятельности предлагается реализовать комплекс мер по следующим направлениям.

Необходима оптимизация процесса рассмотрения законопроектов: внедрение процедуры экспресс экспертизы для «простых» законопроектов, установление четких временных регламентов для каждого этапа рассмотрения инициатив и автоматизация процессов согласования поправок между профильными комитетами.

Также важно повысить эффективность парламентского контроля: четко закрепить в регламентах формы и сроки реагирования Правительства на парламентские запросы, ввести практику ежегодных «парламентских часов» с отчетами ключевых министров перед депутатами и расширить полномочия парламентских комиссий по проведению расследований.

Ключевым условием успешной трансформации парламентской работы становится профессиональное развитие ее участников. Парламентариям и сотрудникам аппарата необходимо освоить новые инструменты и подходы: разобраться в цифровых технологиях, изучить современные методы экспертной оценки, вникнуть в обновленные регламенты и процедуры. Для этого целесообразно организовать серию обучающих семинаров – не формальных лекций, а практических занятий с разбором реальных кейсов и отработкой навыков.

Параллельно имеет смысл запустить пилотное тестирование отдельных инноваций в отдельных комитетах. Например, можно апробировать механизмы публичных слушаний или экспресс-экспертиз на ограниченном числе законопроектов. Такой «лабораторный» подход позволит выявить сильные и слабые стороны новых практик, скорректировать их до широкого внедрения и затем масштабировать успешный опыт на всю парламентскую систему.

Не менее важно выстроить прозрачную систему мониторинга и обратной связи. Регулярный анализ эффективности внедренных изменений должен опираться не только на внутренние данные, но и на мнение независимых экспертов, профильных научных организаций и представителей гражданского общества. Это поможет своевременно замечать проблемы, учитывать разные точки зрения и делать процесс совершенствования более гибким и устойчивым.

Отдельные элементы этой концепции уже показали свою эффективность на практике. Так, механизм публичных обсуждений на regulation.gov.ru [4] доказал, что граждане и организации готовы конструктивно участвовать в законотворчестве. Логично расширить этот опыт – дать возможность высказывать замечания не только на финальной стадии, но и на этапе концепции, разработки и доработки законопроекта.

Еще один позитивный пример – онлайн-трансляции заседаний Государственной Думы. Они заметно повысили прозрачность парламентской работы, но потенциал этого инструмента раскрыт не полностью. Дополнение трансляций публикацией стенограмм, материалов экспертиз и пояснительных записок сделает процесс еще более открытым и понятным для общества.

Наконец, хорошую эффективность демонстрируют экспертные советы при комитетах. К примеру, Комитет по экономической политике успешно привлекает бизнес-ассоциации к обсуждению налоговых законопроектов – это позволяет учитывать реальные потребности экономики и избегать ошибок. Подобный подход стоит распространить и на другие сферы: от социальной политики и здравоохранения до экологии и цифровой трансформации. Такой обмен опытом поможет сделать законы более взвешенными и жизнеспособными.

Таким образ, реализация обозначенных направлений позволит:

- сократить сроки прохождения законопроектов без ущерба для качества их проработки;
- повысить прозрачность законодательного процесса и расширить возможности общественного контроля;
- обеспечить более полное использование экспертного потенциала при разработке нормативных актов;
- усилить действенность парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти;
- оптимизировать рабочие процессы посредством внедрения цифровых технологий.

Совершенствование парламентских процедур должно носить системный и непрерывный характер, сочетая нормативное регулирование, технологические инновации и развитие культуры взаимодействия между парламентариями, экспертами и обществом. Конечной целью данных преобразований является повышение качества государственного управления, укрепление доверия граждан к институтам представительной демократии и обеспечение соответствия законодательства реальным потребностям общества.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : [с учетом поправок, внесенных законами №6-ФКЗ от 30.12.2008, №7-ФКЗ от 30.12.2008, №2-ФКЗ от 5.02.2014, №11-ФКЗ от 21.07.2014, №1-ФКЗ от 14.03.2020, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020, с учетом включения новых субъектов РФ, внесенных федеральными конституционными законами №5-ФКЗ от 04.10.2022, №6-ФКЗ от 04.10.2022, №7-ФКЗ от 04.10.2022, №8-ФКЗ от 04.10.2022]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 20.03.2026).
2. О регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление СФ ФС РФ от 30.01.2002 № 33-СФ (ред. от 16.07.2025). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интерне-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102051201 (дата обращения: 20.03.2026).
3. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД (ред. от 26.02.2026). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074679 (дата обращения: 20.03.2026).
4. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: официальный сайт. – 2026. – URL: https://oblsud--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 20.03.2026). – Текст: электронный.

Мартынов Ринат Юрьевич,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Яценко Ольга Васильевна,кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

МЕЖДУНАРОДНОЕ УСЫНОВЛЕНИЕ В 2026 ГОДУ: ПОРЯДОК И НЮАНСЫ

Усыновление российских детей иностранными гражданами – тема с ярко выраженными полярными последствиями. С 2024 года этот процесс фактически полностью прекратился: иностранцы не усыновили ни одного ребенка. Однако оценки этого события диаметрально противоположны.

Усыновление, Российское законодательство, семейный кодекс, правовые последствия.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Martynov Rinat Yurievich,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Yatsenko Olga Vasilyevna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

INTERNATIONAL ADOPTION IN 2026: PROCEDURES AND DETAILS

The adoption of Russian children by foreign citizens is a topic with pronounced polar consequences. Since 2024, this process has virtually ceased: no children have been adopted by foreigners. However, the assessments of this event are diametrically opposed.

Adoption, Russian legislation, family code, legal consequences.

В соответствии с русским правом, усыновление русских детей гражданами-иностранцами возможно в 2026 году. Кроме того, усыновление является законным. Однако в 2024 году вводится запрет на усыновление граждан Российской Федерации гражданами Соединенных Штатов Америки.

Усыновление по международному частному праву представляет собой процесс, позволяющий формализовать формирование семьи среди людей различных национальностей (родители-иностранцы и русские дети). Процедура международного усыновления основана на юридических процедурах, которые варьируются в зависимости от страны усыновителя.

Порядок усыновления иностранных граждан в России регулируется Законом той страны, где имеет место быть постоянное проживание будущих родителей. Однако, будущие родители обязаны так же соблюдать Российское законодательство, а именно:

Статья 124 Семейного кодекса РФ;

Статья 21 Конвенции ООН о правах детей;

Глава IV постановления Правительства РФ № 275 «Об усыновлении» от 29 марта 2000 г.

Официальная позиция властей заключается в том, что достигнута стратегическая цель, а критические голоса указывают на рост числа «невидимых сирот» и возвратов детей из российских семей.

Правовые и политические последствия. Основные изменения последних лет связаны с последовательным ужесточением законодательства в ответ на резонансные инциденты за рубежом. «Закон Димы Яковлева» (2012 г.) стал отправной точкой, запретив усыновление российских детей гражданами США. Это было сделано в ответ на американский «акт Магнитского» и случаи гибели детей в американских приемных семьях.

Расширение запретов: позже под ограничения попали однополые пары, одинокие усыновители из стран, где разрешены такие браки, а с 2024 года – и граждане государств, где легализована смена пола.

Критерий «наилучшего обеспечения интересов» – это ключевое понятие, которое должно лежать в основе всех решений об усыновлении. На практике его трактовка вызывает споры: власти считают, что ребенку лучше в своей стране, а критики – что лучше в любящей семье, даже за рубежом.

Утрата контроля: одной из причин запретов стала невозможность эффективно контролировать судьбу детей после их вывоза за границу и отсутствие надежных механизмов защиты их прав в иностранных семьях.

Социальные и демографические последствия. Здесь последствия оказались неоднозначными. С одной стороны – «нулевой показатель» иностранного усыновления, с другой – тревожные внутренние тенденции. Иностранное усыновление сократилось с 57 детей в 2022 г. до 0 в 2024 г [1, с. 124].

Устройство детей россиянами в 2024 г. – 76 из 100 выявленных сирот (минимум за 12 лет). Отказы от приемных детей выросло с 9 из 100 (2013 г.) до 16 из 100 (2024 г.).

Потенциальные приемные семьи в 2024 г. – 40 тыс. новых семей (минимум за 14 лет). Количество российских семей, готовых принять детей, падает, а число отказов от уже взятых растет.

Две точки зрения на проблему. Ситуация вызывает полярные оценки в обществе.

Официальная позиция (аргументы «за» прекращение выдачи детей за рубеж): защита генофонда и суверенитета: недопустимо, чтобы страна «поставляла» своих детей за границу, особенно в государства с враждебной политикой. Приоритет внутреннего усыновления: необходимо развивать собственную систему помощи сиротам. Как заявила детский омбудсмен Мария Львова-Белова: «Мы достигли того, о чем мечтали».

Угроза традиционным ценностям: запрет на усыновление в страны, где разрешена смена пола, призван защитить детей от «экспериментов».

Критическая позиция (аргументы «против» полного запрета): Шанс для самых уязвимых: именно иностранцы чаще всего усыновляли детей-инвалидов, с ВИЧ, братьев и сестер, которых в России брать не готовы. Для них международное усыновление было единственным шансом обрести семью [2, с. 78].

Проблема «невидимых сирот»: многие дети живут в учреждениях без официального статуса сироты (например, по заявлению матери) и не могут быть усыновлены. Они не попадают в статистику. Формальный подход: критики утверждают, что рапортовать о победах, оперируя цифрами, проще, чем реально менять систему помощи детям, оставшимся без попечения.

Основным последствием стало полное прекращение международного усыновления как явления. Это привело к двум разнонаправленным результатам:

1. Позитивный (с т.з. государства): Россия полностью обеспечивает устройство детей-сирот своими силами, защищая их от потенциальных рисков за рубежом и неподконтрольных иностранных юрисдикций.

2. Негативный (с т.з. правозащитников): наиболее «сложные» дети (с особенностями развития, старшего возраста) потеряли последний шанс на семью. При этом внутренняя система не справляется с их устройством, о чем свидетельствует рост возвратов и падение числа желающих взять ребенка.

Надеюсь, этот анализ поможет увидеть всю сложность и неоднозначность ситуации.

Библиографический список

1. Семейный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.03.2026).
2. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ (последняя редакция). – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.03.2026).

3. Наумова Р.Л. Усыновление российских детей иностранными гражданами: проблемы и пути решения / Р.Л. Наумова, В.И. Серёгин. – Текст : непосредственный // Экономика, социология и право. – 2025. – № 1. – С 205–209.
4. Семенов А.В. Проблемы международного усыновления в Российской Федерации / А.В. Семенов. – Текст : непосредственный // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 2. – С. 104–122.

Меер Александра Сергеевна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Татьянина Анжелика Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ГРАБЕЖА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы отграничения грабежа от смежных составов преступлений, а именно таких как кража, разбой и вымогательство. Также автором отражены критерии, по которым, по его мнению, следует проводить отграничение данных составов.

Грабеж, кража, разбой, вымогательство, преступное деяние, хищение, чужое имущество.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Meer Alexandra Sergeevna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Tatyanina Angelika Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE ISSUES OF DISTINGUISHING ROBBERY FROM RELATED CRIMES

This article discusses some issues of distinguishing robbery from related crimes, namely theft, robbery and extortion. Also, the author reflects the criteria by which, in his opinion, these formulations should be distinguished.

Robbery, theft, extortion, criminal act, embezzlement, other people's property.

Актуальность настоящей статьи определяется сохраняющейся значимостью проблем квалификации грабежа в современном уголовном праве. Неправильная уголовно-правовая оценка данного деяния нередко обусловливает сложности в адекватном определении степени общественной опасности преступлений против собственности. Грабеж, обладая повышенной общественной опасностью, способен причинить существенный вред не только имущественным отношениям, но и общей безопасности общества [4, с. 114]. В условиях динамичных социально-экономических трансформаций возрастает количество вопросов, связанных с отграничением грабежа от смежных составов преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ. Поскольку многие составы преступлений против собственности характеризуются сходством признаков объективной стороны, их правильная квалификация требует четкого разграничения по всем элементам состава преступления.

Согласно ст. 161 Уголовного Кодекса РФ, грабеж представляет собой открытое хищение чужого имущества [1]. Ключевым квалифицирующим признаком, отличающим грабеж от кражи, выступает открытый способ совершения хищения. В доктрине уголовного права и судебной практике выделяются объективный и субъективный критерии открытости хищения.

Объективный критерий заключается в том, что противоправное изъятие имущества осуществляется в присутствии собственника либо третьих лиц, способных осознавать противоправный характер действий виновного и негативно к ним относиться. Субъективный критерий предполагает осознание самим виновным того обстоятельства, что его действия воспринимаются окружающими как противоправные. Именно субъективный критерий имеет приоритетное значение, поскольку из содержания п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» следует, что в случае если лицо, совершая хищение, не сознает, что окружающие лица понимают противоправный характер его действий, то деяние следует квалифицировать как тайное хищение имущества [2].

Немаловажным представляется и решение вопроса о разграничении квалифицированного грабежа с применением насилия от разбоя. Так, в соответствии с действующим уголовным законодательством применение насилия при совершении открытого хищения вещи является не обязательным признаком данного преступления, однако, в ч. 2 ст. 161 УК РФ он включен в число квалифицирующих. При этом разбойное нападение всегда сопровождается примене-

нием преступником насилия в отношении потерпевшего. В данном случае насилие рассматривается как способ завладения имуществом, принадлежащим другому лицу [5, с. 45].

Отличие рассматриваемых составов заключается в характере применяемого насилия и моменте, с которым законодательство связывает окончание преступного деяния. Насилие при грабеже не должно быть опасным для жизни и здоровья человека, а в случае разбоя насилие представляет серьезную опасность для лица. Грабеж признается оконченным с момента, когда виновный получает реальную возможность распорядиться изъятым имуществом по своему усмотрению. Разбой же считается оконченным уже с момента нападения, совершенного в целях хищения чужого имущества с применением соответствующего насилия или угрозы, независимо от факта завладения имуществом.

К числу корыстных преступлений против собственности относится и состав преступления, предусмотренный ст. 163 Уголовного Кодекса РФ, – вымогательство [1]. Основным объектом вымогательства также являются отношения собственности. Однако, исходя из Уголовного Кодекса, стоит выделять и дополнительный объект данного состава преступления, а именно психическую неприкосновенность личности. Нарушение психической неприкосновенности личности осуществляется путем угроз со стороны преступника причинить вред имуществу потерпевшего, применить насилие, распространить сведения, которые потерпевший желает сохранить в тайне и др.

Разграничение грабежа и вымогательства целесообразно проводить, прежде всего, по предмету преступного посягательства. Если предметом грабежа является имущество, характеризующееся наличием трех обязательных признаков (экономического, юридического, физического), то предметом вымогательства помимо имущества является также право на имущество и действия имущественного характера [6, с. 342].

Стоит обратить внимание и на способ завладения чужим имуществом при отграничении данных составов. Согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о вымогательстве» при грабеже и разбое насилие служит средством непосредственного завладения имуществом или его удержания, а изъятие происходит одновременно с насильственными действиями либо непосредственно после них. При вымогательстве умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем, а насилие лишь подкрепляет соответствующее требование [3].

Кроме того, грабеж предполагает непосредственное взаимодействие виновного с потерпевшим в момент изъятия имущества, тогда как вымогательство может совершаться как непосредственно, так и опосредованно.

Подводя итог всему вышеуказанному, можно отметить, что точность квалификации грабежа и его отграничения от смежных составов преступлений (кражи, разбоя, вымогательства) имеет принципиальное значение для обеспечения законности и обоснованности уголовно-правовой оценки. Ошибки в установлении формы вины, содержания умысла, момента возникновения преступного намерения, причинно-следственной связи между действиями виновного и наступившими последствиями нередко влекут неправильную квалификацию и, как следствие, нарушение принципа справедливости при назначении наказания.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=102041891&rdk=0 (дата обращения: 10.03.2026).
2. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022). – Текст: электронный //

Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 10.03.2026).
3. О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 №56 – Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190790/ (дата обращения: 10.03.2026).
4. Карягина О.В. Направления совершенствования дифференциации уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества / О.В. Карягина. – Текст : электронный // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : материалы XXVI Национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 25–26 апреля 2025 года. – Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2025. – С. 114–118. – EDN TPPVTX.
5. Татьянина А.В. Уголовное право. Общая часть / А.В. Татьянина, С.М. Хоменко. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2024. – 156 с. – ISBN 978-5-9201-0170-9. – Текст : непосредственный.
6. Филиппова В.А. Некоторые вопросы квалификации грабежа / В.А. Филиппова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – №50 (340). – С. 342–344.

Никанова Алина Алексеевна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Писаренко Аксинья Петровна, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ И КОРПОРАТИВНЫЕ ИНТЕРЕСЫ: ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы определения пределов уголовно-правового воздействия на хозяйственную деятельность при квалификации злоупотребления должностными полномочиями. Анализируется конфликт между необходимостью защиты корпоративных интересов от недобросовестных действий менеджмента и риском избыточного вмешательства уголовного закона в предпринимательские споры, носящие гражданско-правовой характер. На основе проведенного анализа автором предлагаются критерии для отграничения уголовно наказуемого злоупотребления от правомерных (рисковых) управленческих решений и гражданско-правовых нарушений, а также обосновываются предложения по совершенствованию судебной практики в целях соблюдения баланса частных и публичных интересов.

Злоупотребление полномочиями, корпоративные интересы, должностное лицо, хозяйственная деятельность, уголовно-правовое вмешательство, предпринимательский риск, существенный вред.
Тематический рубрикатор e-Library: 15.21.51.

Nikanova Alina Alekseevna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Pisarenko Aksinya Petrovna, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

ABUSE OF AUTHORITIES AND CORPORATE INTERESTS: LIMITS OF CRIMINAL INTERFERENCE IN THE ORGANIZATION'S ECONOMIC ACTIVITIES

The article discusses the problems of determining the limits of criminal law impact on economic activity when qualifying abuse of official authority. It analyzes the conflict between the need to protect corporate interests from unscrupulous management actions and the risk of excessive interference of criminal law in business disputes that are of a civil nature. Based on the analysis, the author proposes criteria for distinguishing between criminal abuse and legitimate management decisions and civil law violations, and substantiates proposals for improving judicial practice in order to maintain a balance between private and public interests.

Abuse of authority, corporate interests, official, economic activity, criminal intervention, business risk, significant harm.

В современном мире, где корпоративные структуры играют ключевую роль в экономике, вопросы злоупотребления полномочиями и их пересечения с корпоративными интересами становятся более актуальными. Уголовное право призвано защищать как права граждан, так и стабильность хозяйственного оборота, однако его вмешательство в эту сферу требует тонкого баланса, чтобы не подавлять здоровую деловую активность.

Злоупотребление полномочиями, согласно законодательству, представляет собой использование лицом своего служебного положения вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо существенное нарушение охраняемых законом интересов общества или государства [4].

В контексте хозяйственной деятельности это может проявляться в различных формах: принятие решений в личных интересах в ущерб компании: например, заключение заведомо невыгодных для компании сделок, предоставление преференций аффилированным лицам, игнорирование рисков ради личной выгоды. Использование служебной информации в личных целях: разглашение конфиденциальной информации, инсайдерская торговля, использование служебного положения для получения личной выгоды на рынке. Недобросовестное управление активами: растрата, присвоение, незаконное отчуждение имущества компании [1]. Создание препятствий для конкуренции: использование служебного

положения для получения необоснованных преимуществ перед конкурентами, что может наносить ущерб как другим участникам рынка, так и потребителям.

Корпоративные интересы – это совокупность прав и законных интересов, которые принадлежат самой корпорации как юридическому лицу, а также ее участникам (акционерам, учредителям). Эти интересы включают:

- Финансовую стабильность и прибыльность компании: обеспечение устойчивого развития, получение прибыли, увеличение стоимости активов.
- Репутацию и деловую активность: поддержание положительного имиджа на рынке, развитие партнерских отношений, расширение клиентской базы.
- Защиту от недобросовестных действий: предотвращение мошенничества, хищений, злоупотреблений со стороны как внутренних, так и внешних субъектов.
- Соблюдение законодательства и этических норм: ведение бизнеса в рамках правового поля и в соответствии с общепринятыми моральными принципами.

Уголовное право является крайней мерой воздействия, применяемой государством для защиты наиболее значимых общественных ценностей [2]. Вмешательство в хозяйственную деятельность, даже при наличии признаков злоупотребления полномочиями, должно быть строго регламентировано и обосновано.

Ключевые принципы, определяющие пределы вмешательства:

1. Принцип законности: уголовное преследование возможно только при наличии четких составов преступлений, предусмотренных законом. Нельзя привлекать к ответственности за действия, которые не являются преступными по своей природе, даже если они наносят ущерб.
2. Принцип вины: для привлечения к уголовной ответственности необходимо доказать вину лица, то есть его умысел или неосторожность в совершении противоправного деяния. Случайные ошибки или неверные управленческие решения, не связанные с личной заинтересованностью, не должны подпадать под уголовное преследование.
3. Принцип соразмерности: уголовное наказание должно быть соразмерно тяжести совершенного преступления и причиненному ущербу. Нельзя применять чрезмерно суровые меры за незначительные нарушения.
4. Принцип субсидиарности: уголовное право должно применяться только в тех случаях, когда другие, менее строгие меры (гражданско-правовая ответственность, административные санкции) не способны обеспечить должную защиту прав и интересов.
5. Четкое разграничение между гражданско-правовыми и уголовно-правовыми деликтами: многие действия, наносящие ущерб компании, могут быть урегулированы в рамках гражданского права (например, через иски о возмещении убытков). Уголовное преследование должно быть оправдано, когда речь идет о намеренном, корыстном использовании служебного положения, подрывающем основы хозяйственного оборота.
6. Защита от «криминализации бизнеса»: чрезмерное применение уголовного права к предпринимательской деятельности может привести к параличу бизнеса, оттоку инвестиций и снижению экономической активности. Важно, чтобы правоохранительные органы не использовали уголовное законодательство как инструмент давления на бизнес или для решения хозяйственных споров.

Существуют определенные трудности и проблемы, например, часто сложно убедительно подтвердить, что действия должностного лица были предприняты именно из корыстных или иных личных побуждений, а не допущены по ошибке, из-за недостатка компетентности или под влиянием внешних обстоятельств. Чересчур строгое уголовное преследование может вызвать у руководителей нежелание принимать рискованные, но потенциально выгодные для компании решения, из-за страха понести уголовную ответственность [3]. В таком случае, важно выстроить оптимальный баланс между обеспечением защиты прав акционеров и других заинтересованных лиц от неправомерных действий и предоставлением управленцам достаточной свободы для эффективного ведения бизнеса.

Ключевыми возможностями совершенствования правового регулирования являются:

- Детализация составов преступлений: более четкое определение признаков злоупотребления должностными полномочиями в сфере хозяйственной деятельности, с акцентом на умысел и наличие реального ущерба.
- Развитие механизмов корпоративного контроля: укрепление роли советов директоров, аудиторских комитетов, внутренних контрольных служб для предотвращения злоупотреблений на ранних стадиях.
- Повышение прозрачности корпоративных отношений: внедрение стандартов корпоративного управления, раскрытие информации о сделках с аффилированными лицами, улучшение системы отчетности.
- Обучение и повышение квалификации правоприменителей: специализированное обучение сотрудников правоохранительных органов и судей по вопросам корпоративного права и экономики, чтобы они могли более точно оценивать сложные хозяйственные ситуации.
- Активное применение альтернативных мер воздействия: в случаях, когда ущерб не является критическим, а умысел не очевиден, следует рассматривать возможность применения гражданско-правовых или административных мер, а не сразу переходить к уголовному преследованию.

Таким образом, злоупотребление полномочиями в хозяйственной деятельности представляет собой серьезную угрозу как для отдельных корпораций, так и для экономики в целом. Уголовное право, безусловно, должно играть свою роль в борьбе с такими явлениями. Однако его вмешательство должно быть строго ограниченным, основанным на принципах законности, вины и соразмерности. Важно не допустить, чтобы уголовное преследование стало инструментом подавления здоровой деловой активности, а наоборот, способствовало созданию прозрачной, справедливой и стабильной среды для ведения бизнеса, где корпоративные интересы надежно защищены, а права и законные интересы всех участников хозяйственного оборота соблюдаются. Достижение этого баланса требует постоянного совершенствования законодательства, правоприменительной практики и развития институтов корпоративного управления.

Библиографический список

1. Виноградов В.Д. Злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях: Актуальные проблемы расследования / В.Д. Виноградов. – Текст : непосредственный // ЮП. – 2009. – №3. – С.1–4.
2. Сычёв П.Г. Имущественный характер экономических преступлений и соответствующие процессуальные последствия / П.Г. Сычёв. – Текст : непосредственный // Имущественные отношения в РФ. – 2014. – №12(159). – С.80–92.
3. Сычёв П.Г. Проблематика уголовно-правовой защиты имущественных отношений хозяйствующих субъектов России / П.Г. Сычёв. – Текст : непосредственный // Имущественные отношения в РФ. – 2013. – №2(137). – С.81–87.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года, одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. – ISBN 567-5-534-00267-4. – Текст : электронный. – URL: https://base.garant.ru/10108000/ (дата обращения: 10.03.2026).

Павлов Олег Витальевич,
аспирант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Андреева Ольга Александровна,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

РИМСКИЕ ИНСТИТУТЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ЗНАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ГЕНЕРАТИВНЫЕ ИИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТАТУСА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье проводится сравнительно-правовой анализ римских институтов регулирования «посредников знания» и современных генеративных систем искусственного интеллекта. Рассматриваются механизмы сочетания устойчивости и адаптивности в римском праве через соотношение ius civile и ius honorarium, а также институт манумиссии и правовой статус вольноотпущенников. Особое внимание уделено роли греческих рабов-интеллектуалов как носителей знаний при отсутствии полной правосубъектности. На основе выявленных закономерностей предлагается интерпретация современных ИИ-систем (Claude, Gemini) как функциональных посредников, чья правовая оценка должна строиться не на признании субъектности, а на распределении ответственности между участниками цифровой среды. Делается вывод о применимости римской модели «управляемой гибкости» к современному правовому регулированию ИИ.

Римское право, вольноотпущенники, манумиссия, интеллектуальный труд, искусственный интеллект, Claude, Gemini, правосубъектность, ответственность.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.27.01.

Pavlov Oleg Vitalievich,
Graduate student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Andreeva Olga Alexandrovna,
Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

ROMAN INSTITUTIONS OF KNOWLEDGE MEDIATION AND MODERN GENERATIVE AI: A COMPARATIVE ANALYSIS OF STATUS AND RESPONSIBILITY

The article provides a comparative legal analysis of Roman institutions regulating «knowledge intermediaries» and modern generative artificial intelligence systems. The mechanisms of combining stability and adaptability in Roman law are considered through the relationship between ius civile and ius honorarium, as well as the institution of manumission and the legal status of freedmen. Special attention is paid to the role of Greek intellectual slaves as carriers of knowledge in the absence of full legal personality. Based on the revealed patterns, an interpretation of modern AI systems (Claude, Gemini) is proposed as functional intermediaries, whose legal assessment should be based not on the recognition of subjectivity, but on the distribution of responsibility between participants in the digital environment. The conclusion is made about the applicability of the Roman model of «managed flexibility» to modern legal regulation of AI.

Roman law, freedmen, manumission, intellectual labor, artificial intelligence, Claude, Gemini, legal personality, responsibility.

Римское право выработало устойчивую «архитектуру управляемой гибкости»: ядро ius civile сохраняло формальную определённость, а ius honorarium через преторскую практику приспосабливало защиту прав к изменяющимся условиям. На примере манумиссии и статуса вольноотпущенников (liberti), а также роли греческих рабов-интеллектуалов (учителей, врачей, писцов) показано, как право регулировало посредников знания, не наделяя их полной автономией. Сравнение с генеративными системами Claude и Gemini уточняет критерии агентности, распределения ответственности и пределы правосубъектности ИИ в логике современных режимов регулирования (EU AI Act) и дискуссий о гражданской ответственности.

Введение: устойчивость права и «посредники знания»

Ускорение технологических изменений усиливает запрос на такие правовые модели, которые одновременно обеспечивают предсказуемость правоприменения и допускают адаптацию к новым практикам. Историко-правовая компаративистика продуктивна тем, что позволяет выявлять не «готовые рецепты», а повторяющиеся регуляторные логики. В работе

под «посредниками знания» понимаются субъекты или системы, которые переводят знания в управленческие и юридически значимые решения (например, учитель, экспертная система), влияя на результат, но не совпадая с носителем ответственности.

Ius civile и ius honorarium: претор как механизм адаптации

Консервативный слой римского права традиционно связывают с ius civile: формально фиксированными нормами, зависящими от статуса и традиционных юридических форм. [3, С. 12] Инновационный слой оформлялся в ius honorarium: претор через эдикт и практику предоставления исков, интердиктов и возражений создавал «надстройку» защиты, позволяющую учитывать фактические обстоятельства и экономические новации без отмены базовых конструкций. [4] Показательно, что преторская техника часто работала как «функциональное расширение» (например, через полезные иски и эксцепции), что по смыслу близко к современным механизмам уточнения и развития правоприменительных стандартов при неизменности кодифицированных формул.

Манумиссия и патронат: смена статуса liberti

У Гай исходное деление лиц на свободных и рабов задаёт фундамент статусной модели (Gai. Inst. 1.9). [1] Манумиссия переводила человека из положения объекта права в положение субъекта, однако юридическая «память» о прежней зависимости сохранялась через патронат. Это проявлялось в двойственной природе статуса: расширение правоспособности вольноотпущенника сочеталось с закреплением специальных обязанностей и ожиданий лояльности, что позволяло римскому праву управлять социальной мобильностью, не разрушая иерархии и сетей контроля.

Obsequium и operae: контроль через обязанности и ограничения

Патронат включал обязанность уважения (obsequium) и обязанность предоставлять услуги (operae) патрону; соответствующие положения систематизируются в классической традиции и в компиляции Юстиниан. [2, с. 9] В регуляторном смысле это важный ход: право создаёт «промежуточный режим» между полной зависимостью и полной автономией – не через признание отдельной правосубъектности, а через распределение обязанностей и механизмов санкционирования неблагодарности/нарушения статуса. Тем самым просматривается общая логика: расширение возможностей допускается при наличии компенсирующих средств контроля и подотчётности, что концептуально релевантно современным дебатам о надзоре за сложными цифровыми посредниками. [5]

Греческие рабы-интеллектуалы: paedagogi, grammatici, medici, scribae

Рабство в Рим включало развитый сектор интеллектуального труда: греческие рабы нередко работали paedagogi (воспитание и сопровождение детей), grammatici и риторы (обучение), medici (врачевание), scribae и секретари (ведение документации и управленческие коммуникации). Социальная и экономическая ценность таких работников могла быть высокой, однако правовой статус оставался ограниченным: знания и компетенции «инкорпорировались» в хозяйство через контроль над носителем, а не через признание самостоятельной юридической роли. Это создаёт важную рамку для сравнения: посредник знания может быть критически значим для качества решений, но право может сознательно удерживать ответственность у организатора (владельца, нанимателя, должностного лица), а посредника рассматривать как инструмент выполнения функций.

Научная новизна и современная перспектива: Claude, Gemini и EU AI Act

Научная новизна заключается в гипотезе о применимости «патронатной» логики к регулированию генеративного ИИ: вместо поиска правосубъектности ИИ предлагается рассматривать режим «расширяемого функционала при усиленной атрибуции последствий» – аналог того, как римское право сочетало расширение статуса libertus с obsequium/operae и контролем конфликтности.

Генеративные системы Claude (разработчик – Anthropic) и Gemini (разработчик – Google) выполняют роль цифровых посредников знания: они генерируют тексты, резюмируют материалы, предлагают аргументационные ходы и варианты документов, что уже влияет на практики юридической работы. При этом сами поставщики подчёркивают ограниченность

надёжности выводов и риск правдоподобных ошибок, что юридически важно для стандарта должной осмотрительности пользователя и для распределения ответственности между разработчиком, внедряющей организацией и конечным оператором.

EU AI Act закрепляет риск-ориентированную модель: допускается широкое применение ИИ, но вводятся дифференцированные обязанности по управлению рисками, прозрачности и человеческому надзору, а для отдельных практик – запреты или ограничения. [5] В связке с этим Европейский парламент в рекомендациях о гражданской ответственности за ИИ акцентирует проблему причинности и необходимость сохранять эффективную компенсацию вреда при усложнении цепочек принятия решений (2020/2014(INL)). В компаративной оптике отсюда следует практический вывод: пока ИИ не обладает социальной природой и интересами, юридическая «персонализация» ИИ с высокой вероятностью ухудшит управляемость, размывая ответственность; более продуктивно развивать режимы контроля, аудита, документирования и профессиональной верификации результатов, которые по функции сродни римской связке «расширение применения – усиление обязанностей».

Заключение

Римское право демонстрирует, что устойчивость правопорядка достигается институционализацией управляемой гибкости: ius honorarium дополняло ius civile, а манумиссия открывала социальную мобильность, но поддерживалась патронатными обязанностями как механизмом контроля и подотчётности. Роль греческих рабов-интеллектуалов показывает исторический пример регулирования критически важных посредников знания при сохранении ответственности у человека-организатора. Применительно к генеративным системам Claude и Gemini это поддерживает правоприменительный тезис: фокус следует смещать не к правосубъектности ИИ, а к ясной атрибуции обязанностей и рисков между разработчиком, внедряющей стороной и профессиональным пользователем в рамках риск-ориентированных режимов (EU AI Act) и дебатов о гражданской ответственности.

Библиографический список

1. Гай. Институции / пер. с лат., коммент. – Москва : Статут, 2019. – 400 с. – Текст : непосредственный.
2. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. – Москва : Наука, 2006. – 624 с. – Текст : непосредственный.
3. Новицкий И.Б. Римское право : учебник / И.Б. Новицкий. – Москва : Зерцало, 2019. – 304 с. – Текст : непосредственный.
4. Покровский И.А. История римского права / И.А. Покровский. – Москва : Статут, 2020. – 512 с. – Текст : непосредственный.
5. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). – URL: https://eur-lex.europa.eu (дата обращения: 19.03.2026). – Текст : электронный.

Пилипенко Маргарита Васильевна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Писаренко Аксинья Петровна, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПРОБЛЕМА ВОВЛЕЧЕНИЯ ЖЕНЩИН В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Автор рассматривает женскую преступность, как отдельный вид преступности, существенно различая женскую преступность и мужскую. В статье рассматриваются криминологические причины женской преступности, приводится анализ специфических преступлений, чаще всего совершаемых женщинами. Женская преступность является составной частью всей преступности, но при этом заметно и негативно влияет на общество в целом, так как традиционно женщине отводится совсем иная роль – хранительницы семейного очага, матери, супруги.

Преступность, гендер, женская преступность, детерминанты преступности, причины преступности.
Тематический рубрикатор e-Library: 15.21.51.

Pilipenko Margarita Vasilyevna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Pisarenko Aksinya Petrovna, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE PROBLEM OF WOMEN'S INVOLVEMENT IN CRIMINAL ACTIVITIES: A CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

The author considers female crime as a separate type of crime, significantly distinguishing between female and male crime. The article examines the criminological causes of female crime and provides an analysis of specific crimes most often committed by women. Female crime is an integral part of overall crime, but it has a significant and negative impact on society as a whole, as women are traditionally expected to play a different role as homemakers, mothers, and wives.

Crime, gender, female crime, determinants of crime, causes of crime.

Женская преступность по-прежнему относится к числу наименее изученных направлений современной криминологии. Исторически научный интерес преимущественно был сосредоточен на преступлениях, совершаемых мужчинами, тогда как специфика женского преступного поведения нередко оставалась без должного внимания. В то же время именно женская преступность отражает глубинные социальные и нравственные противоречия, существующие в обществе.

Женская преступность представляет собой совокупность преступлений, совершаемых лицами женского пола на определенной территории за конкретный период времени. Её девиантный характер на протяжении длительного времени рассматривался как редкое явление. Считалось, что женщина по своей природе менее склонна к агрессии и нарушению социальных норм. Однако реальные социальные процессы демонстрируют иную картину. Женщины всё чаще оказываются вовлечёнными в криминальную среду, что требует более глубокого и всестороннего анализа причин данного явления [1].

Гендерный подход подчёркивает различия в социальных ожиданиях, предъявляемых к мужчинам и женщинам, и это различия напрямую влияют на их поведение в обществе. Традиционно от женщин ожидается быть: хранительницей домашнего очага, «хорошей матерью», женой, эмоционально устойчивой, неконфликтной и т.д. Женское поведение оценивается намного строже, особенной в сфере соблюдения моральных норм. Вследствие этого любые формы девиации со стороны женщины воспринимаются более негативно и вызывают повышенное осуждение от общества.

В криминальной среде эти различия становятся особенно заметными. Женщины оказываются в условиях, где доминируют насилие, иерархия, гипермаскулинность. Женщине для

выживания в такой среде приходится не просто «приспосабливаться», она трансформируется, чтобы стать частью системы, которая изначально враждебна её традиционной социальной роли. Ценой выживания становится глубокая личностная ломка, последствия которой остаются с ней даже после выхода из криминальной среды.

Важным социальным фактором является ближайшее окружение. Для женщины значимую роль играют межличностные отношения, в том числе партнерские и семейные связи. Вовлечение женщин в девиантное поведение нередко происходит под влияние близких людей, уже включённых в криминальную деятельность. В таких случаях отклоняющееся поведение возникает не как осознанное решение, а как следствие давления со стороны окружения и стремление сохранить эмоциональную либо материальную зависимость [3].

Женская преступность статистически менее выраженная, чем мужская, однако имеет качественные отличия, проявляющиеся в структуре деяний, типичных ролях и специфических криминогенных факторах. Структура преступлений у женщин отличается от мужской: женщины совершают преступления значительно реже. В анализе женской преступности доминируют корыстные деяния – кражи, мошенничество, растраты и присвоение, часто связанные с профессиональной или бытовой сферой. Также распространены преступления в сфере экономической деятельности и оказания услуг (торговля, кредитование, страхование), а также правонарушения, связанные с организацией антиобщественного образа жизни (незаконный оборот наркотиков, содержание притонов, вовлечение несовершеннолетних) [4].

Женщины редко выступают в роли непосредственных исполнительных или агрессивных преступлений. Их криминальная активность чаще реализуется через вспомогательные и интеллектуальные функции такие как: организация и подстрекательство к совершению деяния; пособничество и укрывательство преступников; сбыт или скупка краденого имущества. Данные роли опираются не на физическую силу, а на социальные связи, доверительное положение и манипулятивные способности. Особенности насильственной преступности женщин имеют отдельную, социально опасную категорию – женщины – насильственные преступницы. Несмотря на статистическую редкость, их деяния имеют ярко выраженную мотивационную специфику [5]. Судебная практика свидетельствует о том, что тяжкие насильственные преступления (убийства, тяжкий вред здоровью) совершаются женщинами преимущественно в сфере семейно-бытовых отношений. Ключевыми криминогенными факторами выступаю: затяжные конфликты на почве личной неприязни; ситуации хронического бытового насилия; состояние алкогольного опьянения, выступают катализатором агрессии.

Таким образом, женское насилие чаще является не инструментом достижения корысти, а крайней, ситуативной реакцией на длительную психотравмирующую обстановку. Криминогенными детерминантами к формированию женской преступности является комплекс специфических обстоятельств, среди которых ведущую роль играют: семейно-бытовое неблагополучие (материальная нужда, гиперответственность за детей); статус жертвы длительного психологического или физического насилия; наличие психологических травм и зависимостей.

Следовательно, женская преступность не является уменьшенным отражением мужской, а выступает как самостоятельное социально-правовое явление. Её характерными особенностями являются ориентация на корыстные и экономические преступления, исполнение организационно-вспомогательных функций в преступных группах, а также совершение насильственных деяний преимущественно в ответ на виктимизацию в сфере быта.

Результаты многочисленных исследований показывают, что женщин, как правило, вовлекают в преступную деятельность в более позднем возрасте под влиянием семейно-бытовых конфликтов и неблагоприятных жизненных обстоятельств [2]. Среди выявленных женщин, совершивших преступления, более половины относятся к возрастной категории около 30 лет. В то же время вызывает обеспокоенность устойчивая тенденция увеличения

доли женщин в возрасте 19–29 лет среди преступниц. Преступная активность женщин указанных возрастных групп отражает уровень социального неблагополучия в обществе.

Анализ представленных данных указывает на заметное увлечение доли женщин преступниц, имеющих высшее и среднее специальное образование. Этот факт, по-видимому, отражает реальность и остроту социального противоречия между объективными условиями занятости женщин в производственной сфере и субъективно воспринимаемой невозможностью их полноценной реализации.

Библиографический список

1. Даудова С.А. Женская преступность в современном мире / С.А. Даудова. – Текст : непосредственный // Актуальные исследования. – 2025. – №6(241). – С. 16–18.
2. Остапчук Е.С. Причины и условия современной женской преступности в России / Е.С. Остапчук, К.О. Полякова. – Текст : непосредственный // Вестник магистратуры. – 2023. – №2-2(137). – С.91–92.
3. Репецкая А.Л. Виктимологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых женщинами (региональный аспект) / А.Л. Репецкая, Т.С. Кононыхина. – Текст : непосредственный // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – №6. – С.709–712.
4. Степанян Ш.У. Современная женская преступность в России и пути её предупреждения / Ш.У. Степанян. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2011. – №8. – С. 27–33.
5. Туваев В.П. Криминологическая характеристика женской преступности / В.П. Туваев // Инновационные механизмы и стратегические приоритеты научно-технического развития. – Стерлитамак, 2021. – С.234–237. – Текст : непосредственный.

Пильгуй Роман Сергеевич,
студент, ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Перенесенко Валерий Эдуардович,
старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

ТЕРРОРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Статья посвящена вопросам терроризма как глобальной угрозы безопасности в современном мире. Особое внимание уделено причинам возникновения терроризма, его формам и методам воздействия на общество и государства. На основе анализа международной практики и усилий различных стран делается вывод, что эффективная борьба с терроризмом требует комплексного подхода и международного сотрудничества. Предложены рекомендации по совершенствованию мер противодействия, включая правовое регулирование, профилактические программы и повышение уровня социальной защиты.

Терроризм, террористический акт, террорист, виды терроризма.
Тематический рубрикатор e-Library: 15.21.51.

Pilguy Roman Sergeevich,
Student, Donbass State University of Justice, Donetsk
Perenesenko Valery Eduardovich,
Senior Lecturer, Donbass State University of Justice, Donetsk

TERRORISM IN THE MODERN WORLD

The article is devoted to the issues of terrorism as a global threat to security in the modern world. Special attention is paid to the causes of terrorism, its forms and methods of influencing society and the state. Based on an analysis of international practice and the efforts of various countries, it is concluded that an effective fight against terrorism requires an integrated approach and international cooperation. Recommendations are proposed for improving counteraction measures, including legal regulation, preventive programs and increasing the level of social protection.

Terrorism, terrorist act, terrorist, types of terrorism.

Террористы – одиночки, транс-национальные преступные сообщества, террористические государства, это существующая глобальная проблема и угроза всей политической и экономической системе мира. Стремление воздействовать и трансформировать экономику политическую систему и даже изменять идеологию как правило является целью террористов. В настоящее время терроризм почти достиг своей высшей точки развития. Приоритетом внешней политики многих государств является борьба с терроризмом. В современном мире, насилие становиться привычным, но устранение или минимизация его, является одной из важных задач любого государства. На сегодняшний день мы все чаще слышим о происходящих террористических актах, которые непосредственно касается нашей жизни в настоящее время и в будущем, и каждый человек может оказаться жертвой этого акта.

В российском законодательстве в федеральном законе «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ статья 3, терроризм характеризуется как:

Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Терроризм представлен здесь как идеология насилия и метод воздействия на органы власти и международные организации через устрашение населения или противоправные насильственные действия. Это подчёркивает, что терроризм – это не просто насилие ради насилия, а инструмент политического или идеологического давления, направленный на изменение решений властей [3];

Террористический акт – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях. Понимание терроризма как идеологии и метода, а не просто акта насилия, помогает формировать более

эффективные стратегии борьбы с ним. При этом важно не только реагировать на террористические акты, но и устранять коренные причины терроризма: социальное неравенство, политическую нестабильность, радикализацию личности;

Современный терроризм представляет сложную систему, состоящую из комплекса взаимодополняющих процессов – идеологических, криминальных, военных, экономических, политических, религиозных и националистических.

Цели терроризма:

1) Внутриполитические цели:

а) Изменение политического режима и общественного устройства страны;

б) Подрыв демократических преобразований;

в) Подрыв авторитета власти и веры населения в ее способность защитить его законные права и интересы;

г) Дестабилизация внутриполитической обстановки;

д) Затруднение и дезорганизация деятельности органов власти и управления или соперничающих политических партий и организаций;

е) Срыв определенных мероприятий органов власти и управления.

2) Внешнеполитические цели:

а) Ослабление международных связей;

б) Срыв международных акций по разрешению международных или внутриполитических конфликтов;

в) Создание неблагоприятных условий для деятельности граждан и учреждений страны за границей.

Терроризм разделяют на несколько видов:

1) Традиционный терроризм, когда для совершения теракта применяются огнестрельное и холодное оружие, взрывчатые вещества, яды и другие средства.

2) Технологический терроризм, когда для совершения теракта используются новейшие достижения науки и техники в области компьютерных и информационных технологий, радиоэлектроники, генной инженерии и т.д.

3) Неорганизованный или индивидуальный (терроризм одиночек) терроризм в этом случае теракт (реже, ряд терактов) совершает один-два человека, за которыми не стоит какая-либо организация.

4) Организованный, коллективный терроризм террористическая деятельность планируется и реализуется некой организацией. Организованный терроризм, наиболее распространённый в современном мире.

5) Националистический терроризм преследует сепаратистские или национально-освободительные цели;

6) Религиозный терроризм– может быть связан с борьбой приверженцев религии между собой (индуисты и мусульмане, мусульмане и христиане) и внутри одной веры (сунниты-шииты), и преследует цель подорвать светскую власть и утвердить власть религиозную;

7) Политический терроризм – преследует цель коренного или частичного изменения экономической или политической системы страны, привлечения внимания общества к какой-либо острой проблеме. Иногда это вид терроризма называют революционным. Примером идеологически заданного терроризма служат анархистский, эсеровский, фашистский, европейский «левый» терроризм и др.

8) Криминальный терроризм – терроризм осуществляется уголовными элементами или криминальными группами с целью добиться определённых уступок от властей, запугать власть и население страны с помощью методов насилия и устрашения, заимствованных из практики террористических организаций.

9) Бытовой терроризм – преследует цель дестабилизации семьи, захвата, перераспределения между семьями. Этот вид терроризма ещё называют семейным. Примером бытового терроризма служат систематические воздействия одного члена семьи на другого с помощью скандалов, упреков, и симуляция болезненного состояния.

10) Кибертерроризм – действия по дезорганизации автоматизированных информационных систем, создающих опасность гибели людей, причинения значительного материального ущерба или наступления иных общественно опасных последствий. [2]

Терроризм – очень серьезная проблема в настоящем и ещё более значительная угроза в будущем. Количество террористических актов постоянно увеличивается, они становятся все более жестокими и все чаще объектом их становятся люди. Насилие направлено в основном против гражданских объектов и лиц. Мотивы имеют политический или иной характер. Я привел в пример три террористических акта, происходивших с 2001 года в разных странах в том числе и России. Данные теракты свидетельствуют о жестокости и безжалостности по отношению к людям.

1. Беслан. Россия.

1 сентября 2004 г. в Беслане боевики во главе с Русланом Хучбаровым захватили более 1 тыс. 100 учащихся школы номер 1, их родственников и учителей. 2 сентября после переговоров с экс-президентом Республики Ингушетии Русланом Аушевым бандиты отпустили 25 женщин и детей. 3 сентября в школе началась стрельба и взрывы, это вынудило начать штурм. Большинство заложников были освобождены, 335 человек погибли. Среди погибших 186 детей, 17 учителей и сотрудников школы, 10 сотрудников ФСБ России, два сотрудника МЧС. Боевики были уничтожены, выжил лишь один – Нурпаши Кулаев в 2006 г. приговорен к смертной казни, замененной на пожизненное заключение из-за моратория на исполнение смертных приговоров. Ответственность за теракт взял на себя международный террорист Шамиль Басаев. Цель этого теракта заключалась в демонстрации недееспособности России как государства и геополитический передел. [1]

2. Теракты в Мумбаи. Индия.

11 июля 2006 г. исламские террористы привели в действие спрятанные в скороварки взрывные устройства, заложенные в вагоны семи пригородных поездов в пригородах Мумбаи. Теракт произошел во время вечернего часа пик. Погибли 209 человек, более 700 пострадали. По окончании расследования преступления суд приговорил к различным тюремным срокам 12 человек, 5 из них приговорены к смертной казни. Премьер-министр Индии Манмохан Сингх назвал теракт «отвратительной и трусливой попыткой навязать чувство страха и ужаса всем гражданам».

3. Теракты 11 сентября в США.

Самый крупный теракт за всю историю человечества произошёл в столице мира, в городе Нью-Йорк. Поражающий своей бесчеловечностью акт потряс не только жителей Америки, но и весь мир. 11 сентября 2001 года террористическая организация «Аль-Каида» совершила серию из четырёх атак на самые значимые объекты США. Группа смертников из 19 человек организовала захват четырех рейсовых пассажирских авиалайнеров, два из которых были направлены на высотные здания Всемирного торгового центра, третий самолет врезался в здание Пентагона. Экипаж, вместе с пассажирами последнего рейса сумели оказать боевикам отпор, но самолет все равно потерпел крушение в поле штата Пенсильвания. В результате атаки погибло 2996 человек и более шести тысяч были ранены. Были уничтожены знаменитые башни-близнецы и повреждения получило правительственное здание Пентагона. [1]

В России постоянно проводятся антитеррористические операции, ликвидируются главари террористических групп, задерживаются террористы. Ежегодно в законы о противодействии экстремизму и борьбе с терроризмом вносятся поправки, направленные на улучшение безопасности в этой сфере.

Противодействие терроризму в Российской Федерации основывается на следующих основных принципах:

1) обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;

2) законность;

3) приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности;

4) неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности;

5) системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму;

6) сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму;

7) приоритет мер предупреждения терроризма;

8) единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций;

9) сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму;

10) конфиденциальность сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников;

11) недопустимость политических уступок террористам;

12) минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма;

13) соразмерность мер противодействия терроризму степени террористической опасности. [5]

Методы борьбы:

1) Террористы не могут действовать изолированно, они поддерживают контакты с единомышленниками. Отслеживание таких контактов с помощью специальной техники позволяет понять схемы действий, разведать планы террористов, а также обнаружить и обезвредить их. Пример: германские власти обезвредили группу Баадер-Мейнхоф («Фракция Красной армии») с помощью созданной ими компьютерной базы данных для сбора и анализа фактов, имеющих отношение к террористам.

2) Возможность ареста или уничтожения лидеров террористических групп. Лидеры террористических структур оказывают значительное влияние на деятельность возглавляемых ими организаций. Их роль снижается в случае, если террористы ориентируются на другие цели, например, определенное мировоззрение, или если за ними стоят спецслужбы какого-либо государства. Однако, в большинстве случаев активность террористических ячеек зависит от деятельности их руководителей. Пример: арест лидера Рабочей партии Курдистана Абдуллы Оджалана полностью парализовал деятельность данной структуры. К аналогичному результату привел захват лидера перуанской организации «Сендеро Луминосо» («Светлый путь») Абимаэля Гусмана.

3) «Разделяй и властвуй». Между террористическими группами существует конкуренция за известность, влияние, деньги и последователей. Пример: в Ираке террористические группы воюют между собой в большей степени, чем с властями и частями коалиции. Состояние такой вражды является постоянным. Во многих случаях подобная конкуренция приводила к ослаблению и даже разрушению мощных организаций. Из-за внутренних разногласий в 1970-1980-е годы исчезли «Японская Красная армия» и палестинский «Черный июнь». При планировании антитеррористических операций нужно выявлять и использовать подобные разногласия.

4) Террористические организации состоят из людей, которых можно уничтожить или вернуть к нормальной жизни путем убеждения и демонстрации доброй воли. Государство должно проводить ряд мер по завоеванию умов членов террористических организаций, убеждая их в бессмысленности дальнейшей борьбы. К таким мерам относятся: искоренение коррупции во власти; улучшение жизни населения в районах, поддерживающих террористов; подрыв финансовой и продовольственной базы террористов; склонение их лидеров к отказу от вооруженной борьбы; объявление амнистий для членов террористических групп; разъяснение бессмысленности террористической деятельности.

5) Совершая атаки по всему миру, террористы наживают все больше врагов в лице различных стран. Понимание необходимости совместной борьбы с терроризмом становится сильнее имеющихся разногласий между ними. Пример: уничтожение лидера иракской «Аль-

Каиды» иорданца Аль-Заркави. После совершения им теракта в иорданском городе Амман, иорданские спецслужбы установили его местонахождение и передали информацию американцам, в результате чего Аль-Заркави был уничтожен.

6) Некоторые страны поддерживают террористов, используя их в своих интересах. Чтобы пресечь такую поддержку, мировое сообщество применяет экономические и политические санкции, однако иногда кардинально решить проблему способно лишь военное вмешательство. Пример: военное давление на Афганистан, Ливию и Ирак вынудило их прекратить поддержку террористических структур.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что терроризм – это публично совершаемые опасные действия или угрозы таковыми, направленные на устрашение населения, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого – либо решения или отказ от него в интересах террористов. Терроризм имеет много разновидностей, но в любой форме он является самой опасной по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям социально-правовой проблемой современного общества. Исходя из этого, можно сказать, что терроризм – это явление, с которым мы встречаемся постоянно. Очень важно знать и всегда помнить о нём. Не стоит забывать о том, что его можно предвидеть и предупредить о его появление. [4]

В процессе выполнения были решены следующие задачи:

1. Дано понятие терроризма.

2. Выявлены причины терроризма. Они различны, но важно помнить о каждом из них.

3. Рассмотрены методы воздействия терроризма на общество. Методы террористов влияют на нашу психику и формирует наше общество с помощью насильственных действий и СМИ, которые мгновенно передают сообщения о террористических актах, делая миллионы зрителей по всему миру их свидетелями и тем самым оказывая психологическое давление на людей. Одновременно происходит бесплатная реклама террористической организации, которая обычно не скрывает своей причастности для создания атмосферы страха и оказания давления на власть.

4. Рассмотрены способы борьбы с терроризмом. Важно пресекать терроризм на ранних стадиях, чтобы в дальнейшем он не разросся до титанических размеров. Борьба с терроризмом – деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, осуществляемая с использованием разведывательных, контрразведывательных, оперативно-розыскных, следственных, войсковых и специальных мероприятий, направленных на решение задач по:

1) выявлению, предупреждению и пресечению террористической деятельности;

2) раскрытию и расследованию преступлений террористического характера.

Таким образом, результаты проведенного изучения дают основания считать, что терроризм несёт за собой негативные последствия для всего мира. Доказана важность скорого решения международных конфликтов с террористами, посредством мирных действий для улучшения психического состояния населения. Цель исследования достигнута, поставленные задачи решены.

Я считаю что, терроризм это не просто насилие, а стратегическая форма давления и запугивания, наносящая вред не только конкретным жертвам, но и всему обществу. Понимание его сущности помогает выработать более эффективные меры противодействия. Чтобы победить современный терроризм, мало бороться с его непосредственными проявлениями – нужно нейтрализовать факторы, которые способствуют его возникновению и развитию. В связи с этим необходимо отметить, что терроризм может достигать своих целей, только опираясь на поддержку определенных сил на международной арене и общественного мнения внутри страны. К сожалению, и сегодня некоторые государства пытаются с его помощью решить свои внутренние и внешнеполитические проблемы, хотя возможности такой поддержки резко сократились, да и в целом, как уже отмечалось, мировым сообществом терроризм отвергается.

Библиографический список

1. 10 крупнейших терактов в мире. – Текст : электронный. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2436364.
2. Лекция 7. Терроризм. Виды и цели терроризма. – Текст : электронный. – URL: https://sdo.svgu.ru/mod/page/view.php?id=3051----------лекция.
3. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006. № 35-ФЗ. – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/4fdc493704d123d418c32ed33872ca5b3fb16936/
4. Терроризм – угроза современному обществу. – Текст : электронный. – URL: https://ayanadm.khabkrai.ru/Important/Antiterror/680.
5. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. – Текст : электронный. – URL: https://70.мвд.рф/folder/9812872.

Писаренко Аксинья Петровна,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

УКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИМ ПРОЯВЛЕНИЯМ (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА РАБОТЫ ТАГАНРОГСКОГО ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2036 ГОДА)

Высокий уровень экстремистских проявлений в современной молодежной среде свидетельствует о необходимости укрепления национального единства и межэтнического согласия, а также совершенствования профилактических программ противоправного поведения в молодежной среде. Автор делится опытом реализации элементов воспитательной, профилактической, научно-образовательной и просветительской работы в Таганрогском институте управления и экономики через призму положений Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года.

Национальное единство, межэтническое согласие, молодежная среда, противодействие экстремизму, профилактика, просвещение, стратегия государственной национальной политики.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.81.71.

Pisarenko Aksinya Petrovna,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure Law, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

STRENGTHENING NATIONAL UNITY AND INTERETHNIC COOPERATION IN THE MODERN YOUTH ENVIRONMENT AS A MEASURE TO COUNTER ACTS OF EXTREMISM (ON THE EXAMPLE OF THE EXPERIENCE OF THE TANGANROG INSTITUTE OF MANAGEMENT AND ECONOMICS IN IMPLEMENTING THE STRATEGY OF THE STATE NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE PERIOD UP TO 2036)

The high level of extremist manifestations in the modern youth environment indicates the need to strengthen national unity and interethnic harmony, as well as to improve preventive programs for illegal behavior among young people. The author shares the experience of implementing elements of educational, preventive, scientific, and educational work at the Taganrog Institute of Management and Economics through the lens of the provisions of the State National Policy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2036.

National unity, interethnic harmony, youth environment, countering extremism, prevention, education, and the strategy of state national policy.

С 1 января 2025 года вступил в силу Указ Президента Российской Федерации 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» (далее Стратегия) [1]. Данный программный документ нацелен на координацию деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления в сфере государственной национальной политики Российской Федерации и обеспечения их взаимодействия с институтами гражданского общества при ее реализации.

Цель Стратегии – укрепление единства многонационального народа РФ и общероссийской гражданской идентичности при сохранении этнокультурного и языкового многообразия для обеспечения развития страны, её государственной и территориальной целостности, внутренней политической и социальной стабильности.

Среди приоритетных направлений Стратегии, можно выделить такие, как: 1) укрепление общероссийской гражданской идентичности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей; 2) сохранение и поддержка этнокуль-

турного и языкового многообразия РФ; 3) обеспечение межнационального (межэтнического) и межрелигиозного согласия, противодействие экстремизму и возникновению конфликтов на национальной (этнической) и (или) религиозной почве.

По решению Президента РФ В.В. Путина 2026 год объявлен Годом единства народов России. Соответствующий указ № 962 был подписан 25 декабря 2025 года [2]. Российская Федерация входит в первую десятку стран по численности населения и является одним из крупнейших многонациональных государств мира. На ее территории проживают представители свыше 190 народов, используются более 300 языков, из которых около 150 относятся к языкам народов Российской Федерации. Кроме того, согласно Единому перечню коренных малочисленных народов, по состоянию на 2025 год Российскую Федерацию населяют 47 этнических общностей.

В соответствии со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года, профилактические мероприятия в вузах должны быть направлены на укрепление гражданского единства, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений, раннее предупреждение экстремизма (включая националистический, религиозно-политический и идеологический).

В вузе, как неотъемлемой части системы образования и молодежной политики, реализация таких предупредительных мер, должна строиться через ряд ключевых направлений. Во-первых, основой должно выступить формирование общероссийской гражданской идентичности. Это центральная идея Стратегии (раздел «Цели, принципы и приоритетные направления»). В этой связи уместной и полезной могла бы быть интеграция в учебные дисциплины специализированных просветительских модулей по истории России, социологии межэтнических отношений, основам государственной политики в сфере межнационального согласия. Помимо этого, воспитательная работа должна быть выражена акцентированием на деловых дискуссиях на примерные темы «Единство многообразия», «Мы – россияне». Поддерживаться должна и языковая политика: акцент на русском языке как языке государственном и языке межнационального общения (без ущемления права на изучение родных языков).

Во-вторых, работа должна вестись в области повышения межкультурной компетенции и профилактики ксенофобии. Стратегия требует преодоления негативных стереотипов и предрассудков и в этой связи могли бы быть эффективны просветительские мероприятия, например в формате фестивалей национальных культур, дней дружбы народов, круглых столов с представителями национально-культурных автономий. В этом аспекте для научно-педагогических работников, реализующих положения Стратегии, необходимо специальное обучение, например, в формате тренингов для преподавателей и сотрудников по выявлению признаков экстремизма в студенческой среде и корректному и своевременному реагированию. Также при наличии в контингенте обучающихся иностранных граждан, будут актуальны вопросы их адаптации. Здесь, уместно было бы создание клубов интернациональной дружбы, программ тьюторства (наставничества) для снижения рисков маргинализации.

В-третьих, ещё больший упор нужно сделать на информационно-просветительскую работу (в том числе и в контексте цифровой гигиены). Стратегия особо выделяет угрозы в информационной сфере и социальных сетях. В этой связи, обязательны так называемые правовые ликбезы в части разъяснения статей 282, 205.2, 207.3 УК РФ, 13.15 КоАП РФ (ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, фейки, публичные призывы и пр.). Кроме того, необходимо сделать упор на повышение медиаграмотности: внедрить мастер-классы по распознаванию фейков, манипулятивных технологий, запрещенной символики экстремистских организаций. Мониторинг соцсетей и мессенджеров является важным профилактическим инструментом. Анализ открытых студенческих пабликов, своевременное информирование руководства и правоохранительных органов (в рамках закона) о выявленных призывах или конфликтах – способно внести свой весомый вклад в оперативное реагирование на настроения в кругу обучающегося контингента.

В-четвертых, важнейшей составляющей антиэкстремистской профилактики, может выступить и психолого-педагогическая работа, направленная на раннее выявление рисков. Стратегия подразумевает профилактику на уровне личности, особенно в группах риска. Здесь, важнейшим психолого-педагогическим инструментом может выступить реальное функционирование психологической службы: консультирование студентов, склонных к агрессии, фрустрации, поиску «образа врага» способно пресечь на первичном этапе тревожные настроения в кругу обучающихся и работников вуза, в том числе. В этом ключе, эффективным могут быть диагностические процедуры в форме анонимных опросов для выявления уровня ксенофобных установок, доверия к деструктивным идеологиям. А, работа с деструктивным поведением, может быть выражена через алгоритмы действий при выявлении у студента символики или материалов, запрещенных в РФ (сначала беседа и разъяснение, при отказе – информирование правоохранителей).

В-пятых, активно должно развиваться взаимодействие с субъектами профилактики (согласно Стратегии). Участие в реализации региональных планов по гармонизации межнациональных отношений органов власти, правоохранительных органов в формате научно-практических семинаров, спарринговых лекций сотрудников Центра «Э», МВД, ФСБ, отработка действий при угрозе экстремистских акций. Кроме того, должна поддерживаться и межконфессиональная связь с представителями официально признанных религий и национальными объединениями в целях диалога о недопустимости смешения веры и экстремизма.

В-шестых, на организационном уровне должны быть оптимизированы внутривузовские управленческие меры. На уровне локальных актов видится эффективным внедрение в устав и правила внутреннего распорядка отдельной правовой оговорки о недопустимости экстремистской деятельности. План мероприятий должен содержать специальные «дорожные карты» по профилактике экстремизма с конкретными сроками и ответственными лицами. Функционирование в вузах специального органа – совета по профилактике на постоянной основе в составе проректора /помощника по воспитательной работе, штатного психолога, юриста и представителей студенческого совета позволит контролировать воспитательный процесс и его эффективность.

В отличие от ранних документов, новая Стратегия делает акцент не только на пресечении, но и на опережающем воспитании патриотизма и общероссийской идентичности. Поэтому в профилактика в вузе не должна сводиться к запретам и угрозе наказания – это контрпродуктивно. Основной упор должен делаться на позитивную повестку: создание среды, где экстремистские идеи становятся культурно и социально неприемлемыми, а любой студент чувствует себя частью российского гражданского сообщества.

Таким образом, реализация профилактических мероприятий в высших учебных заведениях согласно положениям Стратегии – это системная слаженная работа научно педагогических работников и практикующих профильных специалистов, объединяющая образование, психологию, информационную безопасность и межведомственное взаимодействие, строго в рамках Конституции РФ.

ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики» за более чем 30 летний опыт работы в области российского образования и обеспечения органов власти и организаций и бизнеса Ростовской области и России квалифицированными кадрами, ежегодно ведет плановую профилактическую, просветительскую и воспитательную работу с контингентом обучающихся.

За годы работы вуза, была выстроена слаженная система взаимодействия с обучающейся молодежью разных возрастных категорий, а с периода выхода в свет Стратегии, и уже в 2025–2026 уч.гг. включала в себя следующие образовательные, просветительские и профилактические элементы:

– активно ведется посеместровая работа общественного объединения молодежных инициатив «Мне НЕ всё равно!». Объединение функционирует в вузе с 2013 года и его основной задачей является консолидация обучающейся молодежи разных курсов и форм

обучения в изучении вопросов противодействия экстремизму, терроризму, коррупции и наркотизации в молодежной среде [3]. Данные научные направления для исследования были избраны титульными неслучайно. Президент РФ В.В. Путин неоднократно акцентировал внимание политической общественности и граждан на комплексном подходе к решению вопросов эффективного противодействия именно этим основным национальным угрозам России, что нашло своё отражение (в том числе) и в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Взаимосвязь и взаимозависимость национальной безопасности Российской Федерации и её социально-экономическое развитие неразрывны. Именно поэтому для эффективной профилактики экстремистских и террористических проявлений в молодежной среде, формирования неприятия коррупции среди молодого поколения и понимания истинного вреда наркомании, было принято решение о создании координирующего научно-просветительского органа с участием молодежи в целях выработки новых подходов к противодействию угрозам национальной безопасности через научные знания.

С 2023 года в рамках деятельности Объединения «Мне НЕ всё равно!» взял своё начало одноименный конкурс для молодежи города Таганрога, представителей всех образовательных организаций города от школ до вузов. Городской социально-правовой конкурс молодежных инициатив «Мне НЕ всё равно!» (научных и прикладных работ по обеспечению законности и противодействию коррупции) на кубок Прокуратуры города Таганрога уже прошел на научной базе ТИУиЭ трижды и содержит не только конкурсную часть, но образовательно-просветительскую – отдельно для педагогической общественности и обучающейся молодежи. Конкурс длится полгода и после блока просветительских мероприятий перетекает в этап подготовки участниками конкурсных проектов по заданным номинациям и завершается подведением итогов и церемонией награждения победителей. На текущий период это самое масштабное образовательно-просветительское мероприятие на Дону. Также ЧОУ ВО ТИУиЭ на постоянной основе сотрудничает с Советом ветеранов органов Прокуратуры Ростовской области, что позволяет передавать бесценный межпоколенческий опыт служения Отечеству от старших к младшим;

В рамках реализации положений Стратегии акцент в ТИУиЭ делается на формировании у молодого поколения на всех этапах образовательного и воспитательного процессов – гражданского самосознания, представлений о единстве многонационального народа Российской Федерации и воспитании патриотизма.

В частности, в ЧОУ ВО ТИУиЭ в рамках исполнения положений Стратегии в части образовательного и воспитательного элементов:

- обеспечено присутствие государственных символов Российской Федерации, студенты-наставники из числа старшекурсников, отличников учебы рассказывают младшему контингенту в просветительских беседах на кураторских часах о символах России и их конституционном статусе;
- регулярно проводятся мероприятия, посвященные государственным праздникам Российской Федерации, памятным датам (День Героя, День народного единства и пр.) – формирующие у молодежи чувство общности, принадлежности к истории страны и ее достижениям;
- организовано на постоянной основе посещение молодежью объектов культурного наследия в ареале города Таганрога – Музей «Самбекские высоты»; Мемориал «Петрушинская балка» и пр., позволяющее молодому поколению осознавать важность исторических событий родного края, занимаясь архивной поисковой работой, прослеживать историю своей семьи, ощущать преемственность поколений;
- создание и развитие проектов, направленных на сближение поколений и передачу традиционных российских духовно-нравственных ценностей от старших поколений младшим, на укрепление гражданского единства, приобщение молодежи к культуре и традициям народов России. Так, в 2025 году был учрежден патриотический конкурс

чтецов «Чтоб не забылась та война…», в рамках которого, готовя конкурсные работы, участники из числа обучающихся школ и колледжей города Таганрога проникаются историей России, её военными страницами, учатся не только подбирать литературные произведения о героизме, но и чувствовать их, мочь передать не только их суть, но и боль потерь и радость со слезами на глазах;

- ежегодно для контингента обучающихся проводится более 10 мероприятий, направленных на противодействие распространению ксенофобии, идеологий нацизма, экстремизма и терроризма среди молодежи;
- в научно-исследовательскую деятельность активно вовлекается студенты – представители молодежи из Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области. За последние три года в копилке побед ТИУиЭ более 15 призовых мест среди представителей студенчества, прибывших из новых российских территорий;
- профессорско-преподавательский состав ТИУиЭ прошел профессиональную подготовку по внедрению и реализации в учебном процессе новой учебной дисциплины «Основы российской государственности». Кроме того, для всех образовательных направлений реализуется специализированная профилактирующая дисциплина «Противодействие экстремизму, терроризму и коррупции», изучение и аттестация по которой показывает высокие результаты осведомленности студентов о данных видах преступной деятельности и видах и формах юридической ответственности за них;
- в рамках кураторских часов проходят тематические лектории, направленные на изучение традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей;
- за последние три года дополнительное профессиональное образование в виде повышения квалификации по правовой грамотности, антитеррористической и антиэкстремистской профилактике прошли более 120 работников ТИУиЭ, а также обучены более 80 педагогических работников из новых субъектов Российской Федерации;
- активно развивается институт студенческого наставничества, как форма привлечения студентов старших курсов бакалавриата и магистратуры к мероприятиям по социокультурной адаптации. Старшие студенты бакалавриата и магистратуры активно принимают участие в реализации адаптационных просветительских лекций в интерактивном формате для первых курсов, рассказывая о городе Таганроге и Ростовской области, правах и обязанностях граждан, проживающих на территории региона;
- при изучении дисциплин исторического цикла большое внимание уделяется сохранению и развитию культуры межнациональных (межэтнических) отношений, защите исторической правды и исторической памяти, традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, повышение интереса к изучению истории, значимых исторических событий, ставших основой российских государственных праздников, памятных дат и памятных дней, в том числе посредством популяризации архивных документов.

Неоспорим научный факт о том, что межэтнические конфликты, искаженное осознание гражданской идентичности, неминуемо приводят к экстремистским проявлениям и чаще всего это проявляется в молодежной среде – это контингент радикально настроенных школьников и студентов. Именно поэтому так важен грамотный, комплексный и системный научный подход к деликатным вопросам межрелигиозных и межэтнических отношений. Думается, что слаженная работа государства, законодательных директив, специализированных органов и научно-образовательных организаций позволит выработать позитивный опыт по реализации положений Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года.

Библиографический список

1. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : указ Президента Российской Федерации 25 ноября 2025 г. № 858 // Официальный сайт Президента России. – Текст : электронный. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615 (дата обращения: 02.02.2026).
2. О проведении в Российской Федерации Года единства народов России : указ Президента Российской Федерации от 25.12.2025 № 962 // Официальный сайт Президента России. – Текст : электронный. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52790 (дата обращения: 02.02.2026).
3. Студенческое объединение молодежных инициатив «Мне НЕ всё равно!» // Официальный сайт ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики». – Текст : электронный. – URL: https://tmei.ru/studencheskoe-obedinenie-molodezhnykh-initsiativ-mne-ne-vsjo-ravno (дата обращения: 02.02.2026).

Писаренко Даниил Вадимович,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

НОВАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В статье проводится анализ новаций и перспектив антикоррупционной политики России в текущем периоде через призму уголовно-правовых и криминологических инструментов. Автор указывает на латентность коррупционной преступности, как криминологическое свойство коррупции и подчеркивает, что это по-прежнему, ключевой барьер к эффективному противодействию ей. Предлагаются комплексные меры: дифференцированная ответственность, профилактика через прозрачность, комплаенс и общественный контроль для преодоления латентности и повышения подотчетности должностных лиц.

Антикоррупционная политика, латентность коррупции, государственный контроль, ФЗ №273-ФЗ, система «Посейдон», аудит, комплаенс, превенция, прозрачность.
Тематический рубрикатор e-Library: 15.21.51.

Pisarenko Daniil Vadimovich,
Master's student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, PhD in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

INNOVATIONS AND PROSPECTS OF CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL COUNTERACTION TO CORRUPTION

The article analyzes the innovations and prospects of Russia's anti-corruption policy in the current period through the lens of criminal law and criminological tools. The author points out the latency of corruption crime as a criminological feature of corruption and emphasizes that it is still a key barrier to effective anti-corruption measures. The article proposes comprehensive measures, including differentiated responsibility, prevention through transparency, compliance, and public control, to overcome latency and increase the accountability of officials.

Anti-corruption policy, corruption latency, state control, Federal Law No. 273-FZ, Poseidon system, audit, compliance, prevention, and transparency.

Оценка результатов антикоррупционной политики в России на 2026 год демонстрирует формирование более зрелой и комплексной системы противодействия коррупции, что связано с долгосрочным развитием законодательной базы и внедрением новых технологических решений. Важным результатом стало укрепление системы контроля над достоверностью предоставляемой информации о доходах, имуществе и обязательствах госслужащих, что снизило уровень формального непредставления сведений и способствовало выявлению случаев злоупотреблений.

По данным Генеральной прокуратуры РФ более 36 тысяч коррупционных преступлений зарегистрировано в России в период с января по ноябрь 2025 года, а к уголовной ответственности привлечены порядка 17 тысяч человек. Динамика коррупционной преступности на протяжении последних пяти лет показывает прирост - количество преступлений коррупционной направленности в среднем составляет около 35 тысяч в год. Большинство из составов преступлений связаны со взяточничеством и коммерческим подкупом, мошенничеством, растратой, злоупотреблением и превышением служебных полномочий. При этом, надо понимать, что цифры не всегда отражают истинную картину происходящего. Во-первых, из-за высокой латентности коррупции и невозможности определить соотношение между скрытыми и выявляемыми деяниями. Во-вторых, показывая количество, они не раскрывают качество проводимой работы, которое гораздо важнее [1].

Латентность коррупционных преступлений в российском государственном секторе выступает как фундаментальная и неизменная тенденция этой категории преступлений, характеризующаяся значительной скрытностью и скрываемостью, что напрямую влияет на эффективность антикоррупционной политики. Одной из основных причин латентности

является отсутствие потерпевших в привычном понимании, когда ущерб представляет собой не физический или имущественный вред конкретному лицу, а наносится общественным интересам и государственным структурам. Это приводит к тому, что лица, участвующие в коррупционных схемах, не имеют мотивации заявлять о преступлениях, а граждане как свидетели не чувствуют заинтересованности в раскрытии преступлений из-за страха репрессий, социальной или экономической зависимости, либо из-за отсутствия доверия к правоохранительным органам. Дополнительным препятствием для выявления коррупционных преступлений становится вовлечённость или косвенная заинтересованность сотрудников правоохранительных органов в коррупционных схемах, что снижает качество и полноту расследований. Часто коррупционные преступления оформляются сложными цепочками, использующими цифровые технологии, многоэтапные операции и конспиративные механизмы, что затрудняет их обнаружение и документальное подтверждение. Для преодоления латентности коррупции необходим комплексный подход, в основе которого, может быть дифференцирование уголовной ответственности по степени общественной опасности с возможной декриминализацией малозначительных деяний и их переводом в административную плоскость.

Важным элементом в системе предотвращения коррупции является многоуровневая проверка деятельности государственных служащих и учреждений, включающая служебные аудиты, экспертные оценки и внутренние проверки исполнения предписаний. Регулярные ревизии финансово-хозяйственной деятельности позволяют выявить нарушения и своевременно принять меры по их устранению. Особое внимание уделяется повышению квалификации аудиторов и внедрению комплексных методик оценки рисков коррупционных практик, что значительно повышает качество контроля. Аудит в государственном секторе служит не только инструментом выявления уже допущенных нарушений, но и профилактическим средством, направленным на предупреждение коррупционных действий. Системный анализ финансовых и хозяйственных операций позволяет выявить аномалии и коррупционно-опасные участки, что способствует своевременному принятию превентивных мер.

Важной составляющей современных превентивных антикоррупционных мер стало внедрение систем антикоррупционного комплаенса, представляющих собой комплекс организационных и технических процедур, направленных на предотвращение, выявление и минимизацию коррупционных рисков. Эти системы включают мониторинг соответствия деятельности государственных структур установленным стандартам, аудит процессов принятия решений, контроль за конфликтами интересов и работу специализированных подразделений, отвечающих за антикоррупционную политику внутри организаций [2].

С позиции эффективизации уголовно-правовых мер, основной (вполне ожидаемой) новацией 2026 года стал переход от публичной отчетности чиновников к тотальному цифровому контролю за их активами, а также значительное расширение механизмов конфискации имущества за коррупционные преступления, включая мелкие взятки.

С 1 января 2026 года в России произошел кардинальный и принципиально иной сдвиг в системе контроля за доходами чиновников. Так называемая «отмена публичности» - упразднена обязательная ежегодная подача деклараций о доходах и расходах госслужащими, а также их публикация на официальных сайтах ведомств и в СМИ. Вместо этого внедрен, так называемый «непрерывный автоматизированный антикоррупционный контроль» через государственные информационные системы (например, «Посейдон»). Внедрённая в 2025 году автоматизированная система «Посейдон» обеспечивает непрерывный мониторинг денежных средств, имущества и финансовых операций госслужащих и их близких в режиме реального времени [3]. Эта система интегрирует данные из Федеральной налоговой службы, Росфинмониторинга, Росреестра, Росимущества, Банка России и других ведомств, что позволяет выявлять несоответствия между фактическим положением дел и подаваемой информацией без необходимости ежегодной декларации от чиновников.

Теперь контроль основан на риск-ориентированном подходе. Подавать сведения о доходах и имуществе необходимо лишь при поступлении на службу, назначении на

должность, включении в кадровый резерв, а также в случае, если расходы гражданина превысили совокупный доход его семьи за три предыдущих года. Думается, это делает систему контроля более скрытой от общества, но позволяет государству в автоматическом режиме отслеживать подозрительные расходы чиновников, не дожидаясь ежегодного и не всегда честного отчета.

Наказание за коррупцию в 2026 году демонстрирует ярко выраженный «карательный» уклон. Глава Следственного комитета А. Бастрыкин официально предложил ввести в качестве уголовного наказания «полную конфискацию всего имущества», нажитого коррупционерами. Он аргументирует это тем, что высокий уровень коррупции в условиях ведения специальной военной операции становится «стратегической угрозой» экономике [4]. Хотя это пока предложение, но оно однозначно отражает вектор развития правоприменительной практики.

Также ужесточено наказание за мелкие взятки. В Госдуму внесен законопроект (№411567-8), который качественно меняет ответственность по ст. 204.2 и 291.2 УК РФ (мелкое коммерческое взяточничество и мелкая взятка до 10 000 руб.). Кроме того, вводится ответственность за вымогательство такой взятки, совершение ее группой лиц по предварительному сговору, а также за деяния, совершенные лицом, имеющим судимость за аналогичные преступления. Ключевое нововведение заключатся в том, что лицам, осужденным за мелкую взятку, может быть применена конфискация имущества. Ранее эта мера к таким составам не применялась.

С сентября 2026 года вступает в силу закон, предоставляющий Росфинмониторингу прямой доступ к данным о транзакциях россиян, что свидетельствует о тенденции расширения полномочий финансового мониторинга. Финансовая разведка получит доступ к информации Национальной системы платежных карт (НСПК), которая обслуживает карты «Мир», и Системы быстрых платежей (СБП). Это позволит в режиме, близком к реальному времени, отслеживать подозрительные операции, связанные с отмыванием денег и финансированием преступной деятельности, что значительно повышает раскрываемость коррупционных схем, завязанных на «обналичивании».

Статистика и динамика по уголовным делам с коррупционной составляющей, показывает, что борьба с коррупцией переходит в фазу так называемого «закручивания гаек». Так, 2025 году в суды было направлено 14 200 уголовных дел с коррупционной составляющей. Количество возбужденных дел выросло на 16% по сравнению с 2024 годом [5]. Уголовное преследование было открыто на властные элиты в Минобороны, российских судах, региональных администрациях. И цифры по задержаниям 2026 года лишь еще более утверждают абсолютный карательный подход, не взирая, на ранги и чины. Эксперты прогнозируют дальнейший рост числа дел, особенно в налоговой и таможенной сферах. Государство, стремясь наполнить бюджет, будет использовать уголовно-правовые механизмы как инструмент фискального и имущественного контроля.

Таким образом, перспективы 2026 года связаны не с усилением общественного контроля, а с так называемой «технологизацией надзора» со стороны государства и экстраординарным ужесточением санкций. Комплексный подход к минимизации коррупционной преступности в государственном секторе России, опирающийся на современные законодательные инициативы и судебную практику, а также на технологии цифрового контроля и расширение использования контролирующих инструментов – аудита, комплаенса и пр., предполагает высокий потенциал для снижения уровня коррупции. Совершенствование практических мер и внедрение новых уголовно-правовых и криминологических мер со стороны государства, внедренных в 2025–2026гг., вероятно могут выступить залогом более эффективного формирования правового государства и обеспечат устойчивое развитие российского общества и экономики.

Библиографический список

1. Гуцан: число коррупционных преступлений превысило средний показатель за пять лет // ТАСС : официальный сайт. – 2025. – 9 декабря. – Текст : электронный. – URL: https://tass.ru/obschestvo/25851061 (дата обращения: 12.03.2026).
2. Антикоррупционный комплаенс 2.0: от формальности до реальной защиты бизнеса от уголовных и административных рисков // Закон.ру : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://zakon.ru/blog/2025/12/16/antikorrupcionnyj_komplaens_20_ot_formalnosti_do_realnoj_zaschity_biznesa_ot_ugolovnyh_i_administrat (дата обращения: 12.03.2026).
3. Приняты изменения в антикоррупционное законодательство // Официальный сайт Государственной думы РФ. – Текст : электронный. – URL: http://duma.gov.ru/news/62707/ (дата обращения: 12.03.2026).
4. Бастрыкин предложил конфисковывать у коррупционеров все имущество // ТАСС : официальный сайт. – 2026. – 3 марта. – Текст : электронный. – URL: https://tass.ru/ekonomika/26628563 (дата обращения: 12.03.2026).
5. Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ // Crimestat.ru : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 12.03.2026).

Пономарева Виктория Сергеевна,
магистрант, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», г. Ростов-на-Дону
Працко Геннадий Святославович,
доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», г. Ростов-на-Дону;
профессор кафедры коммерческого права и предпринимательства, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону;
м.н.с., ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СПЕЦИАЛЬНЫХ РАЗРЕШЕНИЙ (ЛИЦЕНЗИЙ) В УСЛОВИЯХ ЛИКВИДАЦИИ СУБЪЕКТА ТРАНСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ АННУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРЕЕМСТВА

В публикации анализируется правовая сущность приостановки действия лицензии, предоставленной юридическому лицу, рассматривается данный механизм как административно-восстановительное воздействие. Представленная работа систематизирует возникающие сложности при ликвидации юридических лиц, осуществляющих деятельность в сфере транспорта. Приведена классификация данных проблем, отмечены пробелы и противоречия, проявляющиеся в ходе процедуры прекращения деятельности участников транспортного сектора.

Правопреемство, лицензии, ликвидация, транспортная деятельность, аннулирование.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.27.00.

Ponomareva Victoria Sergeevna,
Master's program student, Rostov State Transport University, Rostov-on-Don
Pratsko Gennady Svyatoslavovich,
Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Rostov State Transport University, Rostov-on-Don;
Professor of the Department of Commercial Law and Entrepreneurship, Don State Technical University, Rostov-on-Don; Researcher, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog.

LEGAL REGIME OF SPECIAL PERMISSIONS (LICENSES) IN THE EVENT OF THE DISSOLUTION OF A TRANSPORT ACTIVITY SUBJECT: ISSUES OF ANNULATION AND LEGAL SUCCESSOR

The publication analyzes the legal essence of suspending a license granted to a legal entity and considers this mechanism as an administrative and restorative measure. The presented work systematizes the difficulties that arise during the liquidation of legal entities operating in the transport sector. It provides a classification of these issues and highlights the gaps and contradictions that arise during the procedure for terminating the activities of participants in the transport sector.

Succession, licenses, liquidation, transportation activities, cancellation.

Большое количество игроков рынка прекращают свою деятельность. Причины ликвидации юридических лиц могут быть различны, а также характер ликвидации может быть, как добровольный, так и принудительный. На данный момент РФ находится в трудном экономическом положении, ситуация вызвана санкционным давлением. Сложная экономическая ситуация одна из основных причин ликвидации юридических лиц [7, с. 34].

Лицензирование – это, тот инструмент, что позволяет обеспечить сохранность тех общественных отношений, что представляют для самого социума значительный интерес. На практике процедура лицензирования носит формальный характер, что не позволяет в конечном итоге достичь поставленных целей и функционировать, как защитный механизм.

Сегодня на территории РФ зарегистрировано 458000 организаций, оказывающих услуги по грузоперевозке, 6.500 проходят процедуру собственной ликвидации, 94 проходят через процедуру структурной реорганизации [8].

На сегодня в секторе рынка можно наблюдать системный рост показателя стоимость осуществления грузоперевозок: рост стоимости горюче-смазочных материалов, рост стоимости технического обслуживания транспорта, необходимость повышать уровень заработной платы сотрудников.

За 2025 год, согласно имеющимся статистическим показателям, стоимость грузоперевозок выросла на 15%. Сложившаяся ситуация делает ведение бизнеса в данной сфере значительно менее рентабельным. В том случае, если ситуация на рынке не улучшится за ближайший год, то сектор рынка сократиться еще на 7% [8].

Для ведения бизнес-деятельности в сфере транспортных услуг необходимо получить лицензию. Непосредственно лицензия выдается на 5 лет. Порядок лицензирования транспортных средств в РФ осуществляется, согласно нормам действующего транспортного законодательства. Сама по себе транспортная деятельность подразумевает, как перевозку грузов, так и перевозку пассажиропотока. Процедура лицензирования должна быть проведена в отношении любого юридического, независимо от структуры его образования и от правовой формы его регистрации. В том случае, если физическое лицо ведет деятельность предпринимательского характера в транспортной сфере, оно также обязано пройти процедуру лицензирования [2, с. 257].

Согласно нормам законодательства, действующих на сегодня на территории РФ, существуют механизмы прекращения действия лицензии в транспортной сфере. Прекращение действия транспортной лицензии происходит через процедуру аннулирования. Второй вариант развития событий, это когда одно лицо совершает имущественную уступку в пользу другого лица.

Принцип универсального правопреемства, это еще один механизм, о котором хотелось бы рассказать более подробно. Указанный механизм срабатывает только в том случае, если суд подтверждает, что одна из сторон процесса получила от другой полный пакет прав для ведения деятельности в сфере транспорта [5].

Реорганизация структуры компании не предполагает прекращение имущественных прав организации. Механизм правоприемничества на практике используется для защиты прав и интересов лиц, находящихся в статусе учредителей и кредиторов.

Для соблюдения прав интересов учредителей и кредиторов транспортной деятельности, законодательство устанавливает обязанность исключающего органа опубликовать свое решение в печати, указав в каком порядке и в какие сроки кредиторы и иные лица, права которых затрагиваются прекращением юридического лица, могут направить заявления [3, с. 15].

Далее необходимо рассмотреть вопрос о возможных основаниях приостановки действия лицензии на осуществления деятельности в рамках транспортной сферы РФ: недопуск контролирующих органов на территорию объекта, где находятся на стоянке транспортные средства, в реальности лицо осуществляющее транспортную деятельность системно отсутствует на месте официальной регистрации, лицензиат системно не выполняет требования, предъявляемые, непосредственно, самой лицензией, для получения лицензии лицензиат предоставил недостоверные данные о себе.

Кроме того, действенной мерой в целях пресечения недобросовестного поведения участников рынка представляется установление законопроектом периода запрета на деятельность лица в транспортной сфере.

За счет проведения эффективного процесса реформирования норм законодательства транспортной сферы возможно не только устранить пробелы в существующих формулировках, но и обеспечить более эффективное функционирование правовой системы в сфере права в целом, частично решить проблему правовых коллизий.

Процедура ликвидации юридического лица является комплексной и должна в обязательном порядке проходить в рамках норм действующего законодательства, а значит, используемые правовые механизмы должны иметь высокие показатели эффективности.

Библиографический список

1. О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 04.05.2011 №99-ФЗ (ред. от 31.07.2025). – Текст : непосредственный // Парламентская газета. – 2011. – 13 мая.

2. Купцов С.А. Проблемы правового регулирования лицензирования в Российской Федерации / С.А. Купцов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – №52(447). – С. 257–259.
3. Левохина И.Л. Основные проблемы, возникающие при ликвидации юридических лиц / И.Л. Левохина. – Текст : непосредственный // Новый юридический вестник. – 2022. – №5(38). – С. 14–17.
4. Насибуллин А.М. Отличие исполнительных действий при ликвидации организации-должника (юридического лица) от физического лица-должника (банкротство) / А.М. Насибуллин, У.М. Мурзабулатов. – Текст : непосредственный // Аллея науки. – 2023. – Т. 2, № 5(80). – С. 912–921.
5. Постановление АС Центрального округа от 11.06.2020 № Ф10-5953/2016 по делу № А23-3388/2015 // СПС Гарант. – Текст : электронный.
6. Працко Г.С. Деятельность Министерства транспорта Российской Федерации / Г.С. Працко, Е.Р. Валуйскова, Д.А. Пешкова. – Текст : непосредственный // Транспорт: наука, образование, производство (Транспорт-2021) : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 19–21 апреля 2021 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2021. – Т. 3. – С. 235–238.
7. Скворцова Т.А. Правовая сущность недействительных сделок / Т.А. Скворцова, А.В. Мускевич, П.М. Джаватханова. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 7. – С. 34–36.
8. Статистика по государственной регистрации. – Текст: электронный // Федеральная налоговая служба РФ: [сайт]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (дата обращения: 24.02.2026).

Пятакова Ирина Александровна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Андреева Ольга Александровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права , ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА СУДЬИ В ИНКВИЗИЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Актуальность анализа эволюции института судьи в инквизиционном процессе средневековой Европы, связана с модернизацией обвинительного процесса, в котором у судьи была пассивная роль арбитра, к розыскному (инквизиционному) процессу, где судья становится одновременно инициатором дела, следователем и обвинителем.

Установлено, что новые принципы судопроизводства явились основой изменения доказательственной парадигмы (признание как «царица доказательств»), легализации пытки и совмещения процессуальных функций в руках инквизитора.

Инквизиция, инквизиционный процесс, судья-инквизитор, каноническое право, обвинительный процесс, розыскной процесс, ордалии.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Pyatakova Irina Aleksandrovna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Andreeva Olga Alexandrovna, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF THE JUDGE IN THE INQUISITORIAL PROCESS OF MEDIEVAL EUROPE

The relevance of analyzing the evolution of the institution of a judge in the inquisitorial process of medieval Europe is related to the modernization of the prosecution process, in which the judge had a passive role as an arbitrator, to the investigative (inquisitorial) process, where the judge simultaneously becomes the initiator of the case, investigator and prosecutor.

It is established that the new principles of judicial procedure were the basis for a change in the evidentiary paradigm (recognition as the «queen of evidence»), the legalization of torture and the combination of procedural functions in the hands of the inquisitor.

Inquisition, inquisition process, judge-inquisitor, canon law, indictment process, search process, ordeal.

Согласно церковному преданию, история Римской церкви насчитывает немногим менее двух тысячелетий. На протяжении большей части этого периода Католическая церковь во главе с верховным понтификом оказывала значительное воздействие как на монархов, так и на широкие слои населения европейских стран. С одной стороны, она выступала объединяющим фактором для европейцев, с другой – играла ключевую роль в политических интригах и затяжных вооруженных конфликтах. С.Н. Безус отмечает, что «инквизиция (от лат. *inquisitio* – «расследование») или судебно-полицейская организация, целью которой была борьба с противниками святой веры, зародилась не в умах простых граждан, а в лоне католической церкви Средневековой Европы [1, с. 54]. Поэтому она представляла собой систему судебного преследования тяжких религиозных преступлений в католической традиции. По мере исторического развития религиозные и правовые воззрения трансформировались, что требовало введения новых регулятивных механизмов. В связи с этим институт судьи в инквизиционном процессе средневековой Европы претерпел значительные изменения, обусловленные эволюцией канонического права, методов следствия и целей правосудия.

В массовом сознании современников инквизиционные процедуры поначалу не оценивались как нечто чудовищное или антигуманное. Показательным в этом отношении является труд Луиса де Парамо (Luis de Paramo) – испанский инквизитор, доктор теологии, инквизитор Сицилии. Он является автором трактата «De origine et progressu Officii Sanctae Inquisitionis» («О происхождении и развитии святой инквизиции»), который был в 1598 году

опубликован в Мадриде. Будучи одним из первых теоретиков инквизиции, он занимал должность инквизитора в Сицилии с 1586 года до своей смерти в 1608 году. В своей работе он оправдывает действия инквизиции, используя, на наш взгляд, достаточно спорные аргументы. Например, он утверждал, что «первым инквизитором был сам Господь Бог, а первыми еретиками стали Адам и Ева». По его версии, Бог изгнал прародителей из рая лишь после того, как провел с ними тайный допрос и суд [5, с. 79]. Следовательно, Бог не дает людям счастье, но он открывает им путь к свободе, что является тяжким испытанием.

До институционализации инквизиции доминирующей формой судопроизводства выступал обвинительный процесс, ключевая особенность которого заключалась в том, что инициатива возбуждения или прекращения дела принадлежала потерпевшему. Судья при этом играл роль пассивного арбитра, основная задача которого сводилась к приданию процессу формальной законности. Однако старая модель постепенно утрачивала эффективность: ложные доносы со стороны обвинителей влекли за собой наказания, а практика ордалий («Божьего суда») подрывала общественное доверие. Кроме того, в условиях борьбы с ересью Церковь столкнулась с проблемой: очевидцы религиозных преступлений под воздействием страха отказывались брать на себя роль обвинителей. Решение сложившейся проблемы было найдено в римском праве, где существовала процедура *inquisitio* (расследование) [3].

В рамках нового подхода статус судьи наполнился иным содержанием, что коренным образом изменило логику и последовательность судебного разбирательства. Отныне суд получил возможность выступать инициатором дела, становясь активной стороной процесса.

Формирование институционализированной инквизиции во второй четверти XIII века не было спонтанным явлением, а явилось результатом эволюции канонического права и реакции на кризис традиционной доказательной базы. Предпосылки новой системы судопроизводства, пришедшей на смену обвинительному процессу, отчетливо прослеживаются уже в период, предшествовавший 1215 году. [4, с. 203] Одним из ранних механизмов, подготовивших почву для розыскного процесса, стало посещение епископами вверенных им приходов с целью выявления религиозных отклонений. В ходе таких визитаций владыки опирались на показания «добросовестных людей», что позволяло аккумулировать в церковной среде информацию, известную как «дурная молва», которая впоследствии становилась основанием для возбуждения дела. Термин инквизиция в то время еще не обозначал карательный институт, а использовался для описания специфического метода расследования. В отличие от обвинительного процесса, требовавшего инициативы от потерпевшего, инквизиция предполагала активную роль судьи, который был вправе инициировать разбирательство по собственной инициативе и вызывать свидетелей для установления истины, особенно по делам, затрагивающим публичный интерес. [5]

Решающим переломом, обусловившим поиск новых правовых форм, стала отмена «суда Божьего» (ордалии). К началу XIII века обвинительный процесс с использованием ордалий продемонстрировал свою несостоятельность. Исход испытаний зачастую был предсказуем или поддавался фальсификации, а доктрина «божественного вмешательства» не обеспечивала эффективного противодействия растущей угрозе ересей. Церковь нуждалась в рациональном и управляемом инструменте правосудия. Кульминацией этого процесса стал Четвертый Латеранский собор (1215 год). Одним из ключевых решений собора стал канонический запрет на участие священнослужителей в процедуре ордалий. Церковные реформаторы начала XIII века рассматривали «Божий суд» как языческий пережиток, чуждый духу христианства. Как отмечается в современных исследованиях, ордалии не имели легитимного обоснования ни в Священном Писании, ни в римском праве, являясь лишь «обычаем», что вызывало растущее отторжение у церковных юристов того времени. Принятое решение было продиктовано стремлением оградить сакральное от мирского, разграничить компетенцию духовной и светской власти, а также сделать правосудие более

предсказуемым инструментом властного регулирования. [2] Важнейшим фактором психологической подготовки общества к новой системе стало введение ежегодной тайной исповеди. Данное нововведение приучало мирян к мысли, что признание является легитимным путем к очищению, постепенно перенося этот принцип из сферы таинства в сферу юриспруденции.

Хотя Латеранский собор создал теоретическую и каноническую базу, окончательное институциональное оформление инквизиционного процесса произошло несколько позже. Церковный суд, действующий на основе розыскного принципа, был официально санкционирован и получил распространение в 1230-х годах при папе Григории IX. Понтифик начал делегировать полномочия по расследованию ересей специальным судьям-инквизиторам, назначаемым преимущественно из числа недавно утвержденных нищенствующих орденов, что положило начало деятельности папской инквизиции как особого института.[3] В отличие от епископального суда, папский инквизитор обладал юрисдикцией на всей территории данного государства и не зависел от местной светской власти, что делало его фигуру чрезвычайно влиятельной и одновременно мишенью для конфликтов.

В рамках сформировавшейся процедуры судья-инквизитор был обязан следовать строгой двухэтапной логике расследования:

- первый этап – *inquisitio generalis* (общее расследование) предусматривал сбор «молвы» о еретическом поведении в конкретной местности. Жителям под присягой предписывалось назвать всех лиц, которых они подозревают в отступничестве;
- втором этапе – *inquisitio specialis* (специальное расследование), когда подозреваемому предъявлялись конкретные обвинения, и он переходил в разряд обвиняемого.

Именно на этом этапе кардинально менялся статус судьи, который из пассивного регистратора фактов превращался в активного следователя, целью которого было не столько формальное наказание, сколько вынужденное признание подозреваемого. Последнее рассматривалось в каноническом праве как необходимое условие для «спасения души» и основное доказательство для вынесения обвинительного приговора. [4]

Следующим значимым этапом трансформации статуса судьи стал период так называемой «поздней инквизиции». В это время нарастает критика инквизиционной процедуры со стороны как светских юристов, так и части церковной иерархии. Отсутствие процессуального разделения этих ролей, с точки зрения современников, порождало произвол и делало невозможным справедливое разбирательство. В ответ на эти вызовы папская курия предпринимает попытку регламентировать деятельность инквизиторов: появляются подробные руководства, наиболее известным из которых является «Practica officii inquisitionis» Бернара Ги (1324 год), который был инквизитором Тулузы в 1307–1323 годах. Его трактат предписывал судье строго фиксировать каждый шаг расследования, вести протоколы допросов и собирать письменные заключения «добрых людей». Однако формальная регламентация парадоксальным образом укрепила власть инквизитора: он получил в руки легитимный инструментарий для манипуляции правовыми нормами. [1] В конце XIII – начале XIV вв. принципы розыскного процесса заимствуются королевскими судами Франции, Арагона, Сицилии и Германии. Судья-следователь в светском контексте перенимает активную роль церковного инквизитора: он инициирует дела по «дурной молве», собирает доказательства по собственной инициативе и может применять пытку.

В заключении можно сделать вывод, что подобная трансформация процессуальной роли судьи неизбежно влекла за собой изменение и доказательственной парадигмы. Если в обвинительном процессе основным доказательством выступали показания потерпевшего и результаты ордалий, то инквизиционная процедура сделала центральным элементом признание обвиняемого. Таким образом, судья-инквизитор приобрёл беспрецедентную власть не только над процессуальной, но и над физической стороной личности подсудимого.

Библиографический список

1. Безус С.Н. Первые документы испанской Инквизиции / С.Н. Безус. – Текст : непосредственный // Вестник экспертного совета. – 2017. – № 4 (11). – С. 54.
2. Арну А. История инквизиции / А. Арну ; под ред. Е.В. Тарле. – Москва : Юрайт, 2025. – 152 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-05291-6. – Текст : непосредственный.
2. Григулевич И.Р. История инквизиции (XIII–XX вв.) / И.Р. Григулевич. – Москва : Наука, 1970. – 448 с. – Текст : непосредственный.
3. Джамалова Э.К. Ретроспективный анализ принципов инквизиционного процесса / Э.К. Джамалова, Г.Г.Гаджиев. – Текст : непосредственный // Закон и право. – 2021. – № 9. – С. 29–30. – ISSN 2073-3313.
2. Мейкок А.Л. История инквизиции / А.Л. Мейкок ; пер. с англ. М.В. Келер. – Москва : ОЛМА-пресс, 2002. – 381 с. – Текст : непосредственный.

Рысухина Алина Максимовна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ РАЗБОЯ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Статья посвящена анализу современных проблем уголовно-правовой квалификации разбоя и особенностей индивидуализации наказания за совершение данного преступления. Рассматриваются трудности разграничения разбоя со смежными составами преступлений против собственности, прежде всего с грабежом, а также вопросы правовой оценки угрозы применения насилия и использования предметов в качестве оружия.

На основе анализа судебной практики выявляются типичные ошибки квалификации и противоречия в подходах судов к оценке насильственного характера посягательства. Делается вывод о необходимости формирования более единообразных подходов к квалификации разбоя и дальнейшего совершенствования механизмов индивидуализации уголовного наказания.

Разбой, квалификация преступлений, преступления против собственности, разграничение составов преступлений, индивидуализация наказания.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Rysukhina Alina Maksimovna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

MODERN PROBLEMS OF QUALIFICATION OF ROBBERY AND INDIVIDUALIZATION OF CRIMINAL PUNISHMENT

The article is devoted to the analysis of modern problems of criminal-legal qualification of robbery and features of individualization of punishment for committing this crime. The article discusses the difficulties of distinguishing robbery from related crimes against property, primarily from robbery, as well as the legal assessment of the threat of violence and the use of objects as weapons.

Based on the analysis of judicial practice, the article identifies typical errors in the qualification of crimes and contradictions in the courts' approaches to assessing the violent nature of the offense. The article concludes that it is necessary to develop more uniform approaches to the qualification of robbery and further improve the mechanisms for individualizing criminal punishment.

Robbery, qualification of crimes, crimes against property, delineation of criminal offenses, individualization of punishment

Современное состояние преступности против собственности, сопряженной с насилием, обусловливает устойчивый научный интерес к вопросам уголовно-правовой оценки разбоя. Несмотря на относительно стабильную конструкцию состава преступления, закрепленного в статье 162 Уголовного кодекса Российской Федерации, правоприменительная практика демонстрирует наличие значительного числа проблем, возникающих при квалификации данного деяния, а также при определении объема уголовной ответственности и назначении справедливого наказания.

Проблематика квалификации разбоя нередко проявляется при разграничении данного состава преступления со смежными формами хищений – и прежде всего с грабежом, предусмотренным статьей 161 УК РФ [1]. В основе разграничения указанных преступлений лежит характер применяемого насилия, однако судебная практика демонстрирует случаи, при которых оценка степени опасности насильственных действий вызывает значительные сложности. При грабеже насилие не представляет опасности для жизни или здоровья потерпевшего, тогда как для разбоя характерно применение насилия, представляющего такую опасность, либо угроза его применения.

Вместе с тем на практике нередко возникает ситуация, при которой насильственные действия не повлекли фактического причинения вреда здоровью, но объективно могли создать угрозу для жизни потерпевшего. В подобных случаях квалификация содеянного требует анализа конкретной обстановки совершения преступления, характера используемых

предметов, способа воздействия на потерпевшего, а также интенсивности насильственных действий [4, с. 59-60].

Сложности квалификации также проявляются при оценке угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья. Угроза в структуре разбоя обладает самостоятельным уголовно-правовым значением, поскольку способна оказывать сильное психическое воздействие на потерпевшего и фактически лишает его возможности сопротивляться противоправному завладению имуществом. Вместе с тем содержание угрозы нередко носит неопределенный характер, что затрудняет установление ее реальной опасности.

В правоприменительной практике нередко возникают ситуации, когда угрозы высказываются исключительно в устной форме, без демонстрации оружия или иных предметов, способных причинить вред. В таких случаях встает вопрос о правильной квалификации содеянного – как разбоя либо как грабежа. Так, приговором Карасукского районного суда по делу № 1-148/2024 от 17 декабря 2024 г. был признан виновным подсудимый, который, руководствуясь корыстными мотивами, прибыл к жилому дому потерпевших и, реализуя умысел на хищение чужого имущества, незаконно проник в жилище [5]. Находясь внутри, он предъявил имевшийся при нем нож и стал высказывать угрозы убийством в адрес находившихся в доме лиц, в том числе используя выражение «я вас убью». Действия подсудимого были квалифицированы по ч. 3 ст. 162 УК РФ.

Дополнительные трудности возникают при квалификации разбоя, совершенного с применением предметов, используемых в качестве оружия. Законодатель связывает повышенную уголовную ответственность с использованием оружия либо предметов, применяемых в качестве такового, однако определение круга подобных предметов не всегда очевидно [3, с. 52]. Судебная практика признает в качестве таких средств не только специально изготовленное оружие, но и любые предметы, которые в конкретной ситуации могли быть использованы для причинения вреда жизни или здоровью потерпевшего. При этом решающее значение приобретает способ применения соответствующего предмета и направленность действий виновного.

Характерным примером выступает судебная практика по делу № 1-379/2023, рассмотренному Первоуральским городским судом Свердловской области. Суд установил, что обвиняемый, находясь в торговом зале магазина «Кировский», предпринял попытку покинуть его с неоплаченным товаром. Когда сотрудник магазина попытался остановить его и изъять корзину с продукцией, подсудимый пригрозил применением насилия, после чего распылил в лицо потерпевшему содержимое аэрозольного баллончика, причинив физическую боль и вызвав временное раздражение слизистой оболочки глаз. Изначально следственные органы квалифицировали содеянное по ч. 2 ст. 162 УК РФ, ссылаясь на использование предмета в качестве оружия.

Вместе с тем суд, исследовав представленные доказательства, пришел к выводу об отсутствии подтверждений того, что вещество в баллончике представляло опасность для жизни или здоровья человека. В связи с этим не было оснований признавать использованный предмет оружием либо предметом, применяемым в качестве такового. С учетом установленных обстоятельств действия подсудимого были переквалифицированы на покушение на грабеж с применением насилия, не опасного для здоровья (ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ) [6]. В мотивировочной части приговора суд подчеркнул, что к предметам, используемым в качестве оружия, могут относиться любые материальные объекты, объективно способные причинить вред здоровью потерпевшего, однако наличие данного признака должно подтверждаться конкретными обстоятельствами дела и характеристиками примененного средства.

Индивидуализация наказания по делам о разбое предполагает анализ совокупности обстоятельств, характеризующих как совершенное деяние, так и личность виновного. Значение приобретают степень насильственного воздействия на потерпевшего, последствия преступления, роль каждого участника при совершении разбойного нападения, а также данные о личности подсудимого, включая наличие судимостей, возраст, социальный статус и

иные характеристики [2, с. 62]. Вместе с тем в ряде случаев указанные обстоятельства учитываются судами формально, что приводит к назначению наказаний, недостаточно отражающих реальную степень общественной опасности содеянного.

Наряду с этим обращает на себя внимание проблема соотношения квалифицирующих признаков разбоя и обстоятельств, учитываемых при назначении наказания. В уголовном праве отдельные признаки преступного деяния (например, совершение кражи или грабежа организованной группой либо применение оружия) выполняют двойную функцию. Проблема возникает в случаях, когда один и тот же криминообразующий фактор (например, применение насилия или участие нескольких лиц) используется правоприменителем дважды.

Сначала на его основе деяние относят к более тяжкому виду преступления (по части 2 или 3 статьи УК РФ). Затем этот же фактор снова всплывает при назначении наказания – уже в качестве отягчающего обстоятельства, что усиливает приговор. Такая двойная трактовка вызывает вопросы у теоретиков права: по сути, она нарушает принцип non bis in idem (не дважды за одно и то же), так как виновный несет более строгую ответственность из-за одного и того же признака, учтенного дважды.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать следующие основные выводы. Анализ действующего законодательства и судебной практики позволяет говорить о сохраняющейся неоднозначности подходов к квалификации разбоя и разграничению его со смежными составами преступлений против собственности. Несмотря на формальную определенность признаков данного преступления, их практическое толкование во многом зависит от оценки конкретных обстоятельств дела, что нередко приводит к расхождениям в правоприменении.

Так, сложности вызывает установление характера насилия и содержания угрозы его применения, а также определение признаков использования предметов в качестве оружия. Как показывает судебная практика, отсутствие единых критериев оценки указанных признаков способствует возникновению квалификационных ошибок и последующей переквалификации содеянного. Не менее значимой является проблема индивидуализации наказания, которая в ряде случаев носит формальный характер и не в полной мере отражает степень общественной опасности совершенного деяния и личность виновного. Дополнительные вопросы вызывает и практика двойного учета одних и тех же обстоятельств, что ставит под сомнение соблюдение принципа справедливости уголовного наказания .

В этой связи представляется обоснованной необходимость дальнейшего развития единообразных подходов к квалификации разбоя, а также совершенствования критериев оценки обстоятельств, имеющих значение для назначения наказания.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : электронный. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.03.2026).
2. Карягина О.В. Психологические особенности индивидуального и группового преступного поведения / О.В. Карягина. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2022. – № 1(35). – С. 61–65.
3. Татьянина А.В. Уголовное право. Общая часть / А.В. Татьянина, С.М. Хоменко. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2024. – 156 с. – ISBN 978-5-9201-0170-9. – Текст : непосредственный.
4. Ялышева А.В. Квалификация разбоя в системе форм хищения: теоретические и практические проблемы / А.В. Ялышева. – Текст : непосредственный // Международный академический журнал. – 2025. – № 4. – С. 58–61
5. Приговор Карасукского районного суда Новосибирской области № 1-148/2024 от 17 декабря 2024 г. по делу №1-148/2024. – Текст : электронный. – URL:

https://sudact.ru/regular/doc/KdqdOMgJAD6w/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 16.03.2026).
6. Приговор Первоуральского городского суда Свердловской области № 1-379/2023 от 13 июля 2023 г. по делу №1-379/2023. – Текст : электронный. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/JUye0ef8BqQr/?page=5&utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 16.03.2026).

Сапрыкин Владислав Юрьевич,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА ОТ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА

В работе рассматриваются ключевые проблемы отграничения взяточничества от такого смежного состава преступления, как коммерческий подкуп. Особое внимание уделяется критериям разграничения, таким как субъект преступления, характер передаваемого вознаграждения и наличие корыстной заинтересованности. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на устранение правовой неопределенности и повышение эффективности борьбы с коррупцией.

Взяточничество, коррупция, коммерческий подкуп.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Saprykin Vladislav Yurievich,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

CURRENT PROBLEMS OF DISTINGUISHING BRIBERY FROM COMMERCIAL BRIBERY

The paper examines the key problems of distinguishing bribery from such a related crime as commercial bribery. Special attention is paid to the criteria of differentiation, such as the subject of the crime, the nature of the transferred remuneration and the existence of a vested interest. Measures are proposed to improve legislation and law enforcement practices aimed at eliminating legal uncertainty and increasing the effectiveness of the fight against corruption.

Bribery, corruption, commercial bribery.

Актуальность проблемы отграничения взяточничества от смежных преступлений обусловлена высоким уровнем коррупции и значительным числом ошибок при квалификации соответствующих деяний. В современных условиях усложнения экономических и управленческих процессов границы между различными составами преступлений становятся все менее очевидными. Неправильная квалификация может привести как к необоснованному ужесточению ответственности, так и к ее необоснованному смягчению, что подрывает принципы справедливости и законности. Кроме того, существующие пробелы и противоречия в законодательстве способствуют формированию неоднородной судебной практики.

Необходимо подчеркнуть, что взяточничество и коммерческий подкуп относятся к коррупционным преступлениям и имеют сходные черты – незаконное вознаграждение за определённые действия. Однако правовая природа этих деяний различна, поскольку они затрагивают разные сферы общественных отношений и совершаются разными субъектами. Отграничение этих преступлений важно для правильной уголовно-правовой квалификации, определения характера общественной опасности и назначения соответствующей ответственности [3, с. 151].

Взяточничество посягает на интересы государственной службы, местного самоуправления, публичной власти и нормативного функционирования государственных механизмов. Основной охраняемый объект – законность и беспристрастность функционирования органов власти. В свою очередь, коммерческий подкуп посягает на интересы службы в коммерческих и иных негосударственных организациях. Основной объект – нормальные хозяйственные отношения и добросовестное управление внутри частных структур. Таким образом, взяточничество нарушает публично-правовую сферу, коммерческий подкуп – частно-правовую.

Субъект преступления является одним из ключевых критериев разграничения рассматриваемых составов [5, с. 32]. При взяточничестве субъектом получения взятки является должностное лицо, то есть лицо, наделённое властными полномочиями, уполномоченное принимать юридически значимые решения, имеющее статус государственного или муници-

пального служащего. К лицам такого типа относятся, например, полицейские, инспекторы, судьи, госчиновники, сотрудники муниципальных органов. Как верно отмечает Л.А. Маслова, при коммерческом подкупе субъектом является лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, например, директор фирмы, менеджер отдела, член правления акционерного общества, руководитель подразделения либо представитель частного юридического лица. Важным критерием разграничения является тот факт, что такие лица не обладают властными полномочиями публичного характера [4, с. 72]. Таким образом, различие по субъекту связано с природой власти: публичная против корпоративной.

Помимо этого, в обеих формах преступления предметом выступает незаконное вознаграждение. Однако при взяточничестве предмет взятки получает особый статус, т.к. он становится средством подкупа лица, принимающего решения от имени государства. При коммерческом подкупе предметом является вознаграждение, влияющее на решения в рамках деятельности частной организации. Здесь последствия более локальные и не затрагивают публичный порядок управления.

Говоря об отличительных признаках по характеру действий, И.Н. Базанов отмечает, что взяточничество предполагает выполнение действий, непосредственно значимых в сфере публичного права, например, решение административного вопроса, выдача разрешения, освобождение от ответственности, принятие нормативного решения. Здесь действия должностного лица имеют юридические последствия для граждан, организаций или государства [2, с. 38]. Коммерческий подкуп предполагает действия в частно-организационной сфере, например, заключение коммерческого договора на выгодных условиях, получение конфиденциальной информации, продвижение конкретного партнёра или поставщика, изменение внутренних корпоративных решений. Такие действия влияют на хозяйственные отношения, но не на государственное управление.

Помимо этого целесообразно отметить, что для обеих форм характерен прямой умысел и корыстный мотив, однако мотивационная направленность различается: при взяточничестве – злоупотребление публичной властью ради выгоды, при коммерческом подкупе – злоупотребление корпоративным статусом для выгоды. В первом случае нарушается доверие граждан к государству, а во втором – доверие к честным рыночным механизмам. Помимо этого, следует отметить, что общественная опасность взяточничества выше, поскольку преступление разрушает авторитет государственной власти, нарушает конституционные принципы, подрывает законность и управление обществом. Коммерческий подкуп оценивается как менее опасный, поскольку влияет на экономическую сферу, но не на государственные институты.

В законодательстве установлены более строгие санкции за взяточничество, особенно за его квалифицированные формы: получение взятки в крупном и особо крупном размере, вымогательство взятки, совершение деяния должностным лицом высокого уровня (занимающим государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, а равно главой органа местного самоуправления). Коммерческий подкуп обычно предусматривает иные виды наказаний и реже включает квалифицирующие признаки, связанные с публичной властью. В практике возникает вопрос: если представитель частной компании выполняет функцию, порученную ему государством (например, является аккредитованным контролёром на основании нормативных актов), то принимает ли он статус «должностного лица»? Юридический ответ: да. Если лицо временно выполняет публично-властные функции, оно становится субъектом взяточничества, а не коммерческого подкупа. Так, статус определяется не формальным трудовым договором, а фактическим исполнением властных полномочий.

Разграничение этих преступлений позволяет правильно квалифицировать деяния, определять правовые последствия и строить систему эффективного противодействия коррупции как в государственном, так и в частном секторе.

Для повышения эффективности разграничения взяточничества и смежных преступлений представляется необходимым реализовать комплекс мер. Во-первых, требуется совершенствование уголовного законодательства путем уточнения признаков составов преступлений. В частности, необходимо закрепить критерии оценки косвенной выгоды и нематериальных форм вознаграждения. Во-вторых, следует разработать и утвердить разъяснения высших судебных органов, направленные на унификацию правоприменительной практики. Такие разъяснения должны содержать конкретные примеры разграничения составов преступлений и рекомендации по квалификации спорных ситуаций. В-третьих, необходимо усилить подготовку сотрудников правоохранительных органов и судей в сфере квалификации коррупционных преступлений. Это может быть достигнуто через внедрение специализированных образовательных программ и повышение уровня методического обеспечения. В-четвертых, целесообразно внедрение цифровых инструментов анализа судебной практики, позволяющих выявлять типичные ошибки и формировать единообразные подходы к квалификации.

Проблема отграничения взяточничества от смежных преступлений носит комплексный характер и требует системного подхода к ее решению. Уточнение законодательных норм, развитие судебной практики и повышение профессионального уровня правоприменителей позволят снизить количество ошибок при квалификации и повысить эффективность борьбы с коррупцией.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.03.2026). – Текст : электронный.
2. Базанов И.Н. Актуальные проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст.290 Уголовного кодекса РФ (получение взятки) и возможные пути их решения / И.Н. Базанов. – Текст : непосредственный // Вестник магистратуры. – 2023. – № 5-2 (140). – С. 38–40.
3. Карягина О.В. Трансформация изменений уголовного законодательства в 2024 году: анализ законодательных новелл / О.В. Карягина. – Текст : непосредственный // Правовой порядок и юридическая деятельность : сборник научных статей IV Всероссийской национальной конференции студентов, магистрантов и молодых ученых, Ростов-на-Дону, 10 февраля 2025 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2025. – С. 150–152.
4. Маслова Л.А. Коммерческий подкуп и взяточничество: современный взгляд на отграничение составов / Л.А. Маслова. – Текст : непосредственный // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2023. – № 1. – С. 70–75.
5. Татьянина А.В. Уголовное право. Общая часть / А.В. Татьянина, С.М. Хоменко. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2024. – 156 с. – ISBN 978-5-9201-0170-9. – Текст : непосредственный.

Сафиуллин Вячеслав Евгеньевич,
аспирант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Яценко Ольга Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕПУТАТСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

В статье анализируются проблемы реализации депутатских полномочий в законотворческой деятельности Государственной Думы РФ и предлагаются пути их решения. Основные трудности: высокая загруженность депутатов и жесткие процедурные сроки; недостаточная экспертная поддержка, отсутствие единой базы экспертиз; политизация процесса и голосование по фракционным решениям; влияние лоббистских групп; слабые механизмы обратной связи с избирателями; дефицит профессиональной и административной поддержки у части парламентариев. Для преодоления проблем автор предлагает создать единую базу экспертных заключений; повысить прозрачность законотворчества; развивать платформы для общественного обсуждения; организовать курсы повышения квалификации для депутатов; ввести обязательное декларирование интересов. Реализация указанных мер повысит качество законов и эффективность государственного управления.

Государственная Дума, депутаты, законотворчество, проблемы реализации.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.15.35.

Safiullin Vyacheslav Evgenievich,
Postgraduate Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific Advisor – Yatsenko Olga Vasilievna, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

PROBLEMS OF REALIZING PARLIAMENTARY POWERS IN THE FIELD OF LEGISLATION

The article analyzes the problems of exercising parliamentary powers in the legislative activity of the State Duma of the Russian Federation and suggests ways to solve them. The main difficulties include: high workload of deputies and strict procedural deadlines; insufficient expert support and lack of a unified database of expertise; politicization of the process and voting based on factional decisions; influence of lobbying groups; weak mechanisms for feedback from voters; and a lack of professional and administrative support for some parliamentarians. To overcome these problems, the author proposes to create a unified database of expert opinions; to increase the transparency of lawmaking; to develop platforms for public discussion; to organize advanced training courses for deputies; and to introduce mandatory declaration of interests. The implementation of these measures will improve the quality of laws and the efficiency of public administration.

State Duma, deputies, lawmaking, and implementation issues.

Законотворческая деятельность – ключевой элемент функционирования демократического государства.

Законотворческая деятельность (законотворчество) – это разновидность правотворческой деятельности, представляющая собой упорядоченную систему действий специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц, направленную на создание, изменение или отмену нормативных правовых актов высшей юридической силы – законов.

Результат законотворческой деятельности – закон как нормативный правовой акт, обладающий высшей юридической силой после Конституции РФ [1]. Он устанавливает, изменяет или отменяет общеобязательные правила поведения, рассчитанные на многократное применение и адресованные неопределенному кругу лиц.

В широком смысле законотворчество охватывает не только формальные процедуры рассмотрения и принятия законов, но и предшествующие этапы: выявление потребности в новом регулировании, разработку концепции, подготовку текста, проведение экспертиз. В узком смысле понятие охватывает исключительно парламентские процедуры – от официальной подачи законопроекта до его финального обнародования, фиксирующего вступление в силу.

Итак, законотворческая деятельность – многоаспектный процесс с четкой этапностью, соединяющий юридические, политические и социальные составляющие. Ее миссия – сформировать действенную и сбалансированную нормативную систему, отвечающую запросам общества и обеспечивающую долгосрочное развитие государства.

Обладая правом законодательной инициативы и участвуя в рассмотрении законопроектов, депутаты Государственной Думы РФ определяют вектор развития национальной правовой системы. Тем не менее на пути реализации их полномочий возникает ряд существенных препятствий, снижающих результативность законотворчества.

Ключевая сложность кроется в организационных и процедурных барьерах. Депутаты сталкиваются с чрезмерной загруженностью и нехваткой времени для детального анализа законопроектов. Насыщенный график заседаний, работы в комитетах и взаимодействия с избирателями мешает вникнуть в суть каждого документа. Процедурные правила, закрепленные в Регламенте Государственной Думы [2], порой создают излишние формальности, замедляющие процесс рассмотрения инициатив. Например, длительные согласования между комитетами, многократное внесение поправок и жесткие сроки рассмотрения законопроектов, не всегда соответствующие их сложности, существенно осложняют работу.

Серьезной проблемой выступает недостаточная экспертная поддержка. Для качественной проработки законопроектов необходима всесторонняя экспертная оценка, включающая правовую экспертизу, финансово-экономическое обоснование, оценку регулирующего воздействия и анализ социальных и экономических последствий. На практике доступ депутатов к квалифицированным экспертам ограничен: не хватает независимых аналитических центров, способных предоставить объективные заключения, механизмов привлечения узкопрофильных специалистов (экономистов, экологов, медиков и т.д.), а также единой базы данных по результатам экспертиз ранее принятых законов. Следствием становится принятие ряда законов с фрагментарными пробелами и внутренними противоречиями, которые выявляются уже на практике и требуют внесения правок.

Политизация заметно деформирует законотворческий процесс. Фракционная солидарность подменяет содержательную проработку: решения диктуются партийной линией, а не оценкой сути документа. Это порождает законы, отражающие волю группы, а не общества, блокирует перспективные инициативы из-за политической борьбы и превращает обсуждения в ритуальное голосование «за» или «против» по партийной принадлежности.

Проблема лоббизма и конфликта интересов сохраняет остроту. При наличии формальных ограничений лоббистские группы продолжают оказывать весомое влияние – лоббируют выгодные корпорациям законопроекты, внедряют в тексты поправок скрытые преференции и эксплуатируют депутатские полномочия для решения узколичных вопросов. Отсутствие прозрачного механизма учета лоббистской деятельности затрудняет контроль за ее влиянием на принимаемые решения.

Механизмы обратной связи между депутатами и избирателями развиты недостаточно, хотя Конституция РФ [1] провозглашает народ единственным источником власти. Слабая вовлеченность граждан в обсуждение законопроектов обусловлена недостаточной информированностью и низкой активностью населения. Публичные слушания и консультации зачастую носят формальный характер, цифровые платформы для сбора предложений от населения используются ограниченно, а система обязательной отчетности депутатов перед избирателями о результатах их законотворческой деятельности отсутствует.

Кроме того, не все депутаты обладают достаточной юридической и управленческой подготовкой для качественной работы с законопроектами. Особенно это касается новых парламентариев, не имеющих опыта парламентской деятельности, представителей регионов, слабо знакомых с федеральными процедурами, и депутатов, совмещающих парламентскую работу с основной профессией. Недостаток административной поддержки дополнительно осложняет ситуацию.

Несовершенство процедур внесения и рассмотрения законопроектов также создает препятствия. Формальные требования к оформлению инициатив порой становятся барьером

для их внесения. Так, необходимость предоставления полного пакета документов (финансово-экономическое обоснование, перечень затрагиваемых законов и т.д.) без экспертной помощи оказывается сложной задачей. Установленные сроки внесения поправок не соотносятся с глубиной проработки сложных вопросов, а практика отклонения законопроектов на старте по формальным критериям, минуя содержательную оценку, лишает шанса многие перспективные идеи.

Для повышения эффективности депутатских полномочий в законотворчестве требуется системный подход. Укрепить экспертную поддержку поможет формирование единой базы заключений по законопроектам, развитие сети независимых аналитических центров и вовлечение профильных экспертов на всех стадиях законотворческого процесса.

Для роста прозрачности законотворческого процесса необходимо ввести публичность поправок с указанием их авторов, обеспечить свободный доступ к материалам обсуждений и расширить возможности онлайн-платформ для общественного обсуждения законопроектов. Совершенствование обратной связи с обществом предполагает проведение тематических опросов по важным инициативам, введение практики депутатской отчетности перед избирателями и масштабирование цифровых каналов для сбора гражданских идей.

Укрепить профессиональную компетентность депутатов позволит запуск специализированных программ повышения квалификации для новых парламентариев, создание детальных методических руководств по работе с законопроектами и расширение штата помощников для надежной технической и аналитической поддержки.

Противодействовать лоббизму поможет внедрение обязательного декларирования интересов, четкое регламентирование контактов депутатов с представителями бизнеса и некоммерческих организаций, а также расширение механизмов общественного контроля за принятием решений.

Таким образом, сложности реализации депутатских полномочий в законотворчестве образуют сложную систему взаимосвязанных проблем, требующих целостного решения. Оптимизация рабочих процедур, усиление экспертной базы, рост прозрачности процесса и учет запросов общества способны заметно повысить качество принимаемых законов и восстановить доверие граждан к законодательной власти.

Реализация предложенных мер откроет путь к более продуктивной работе депутатов и станет важным шагом в развитии демократических институтов России. Это позволит точнее отражать интересы общества в нормативных актах и обеспечит повышение общей эффективности государственного управления за счет более сбалансированного и ответственного законотворчества.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации :п ринята всенародным голосованием 12.12.1993 : [с учетом поправок, внесенных законами №6-ФКЗ от 30.12.2008, №7-ФКЗ от 30.12.2008, №2-ФКЗ от 5.02.2014, №11-ФКЗ от 21.07.2014, №1-ФКЗ от 14.03.2020, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020, с учетом включения новых субъектов РФ, внесенных федеральными конституционными законами №5-ФКЗ от 04.10.2022, №6-ФКЗ от 04.10.2022, №7-ФКЗ от 04.10.2022, №8-ФКЗ от 04.10.2022]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 15.03.2026).
2. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД (ред. от 26.02.2026). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102051201 (дата обращения: 15.03.2026).

Свищ Алина Андреевна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Камышанова Анна Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПРИЗНАНИЕ ДВИЖИМОЙ ВЕЩИ БЕСХОЗЯЙНОЙ И ПРИЗНАНИЕ ПРАВА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА БЕСХОЗЯЙНУЮ ВЕЩЬ: НОРМЫ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА

В статье исследуются материально-правовые механизмы признания вещи бесхозяйной и приобретения на неё права муниципальной собственности. Анализируются статьи 225 и 226 Гражданского кодекса Российской Федерации, разграничивающие режим движимого и недвижимого бесхозяйного имущества. Рассматривается проблема доказывания факта дереликции, а также критерии отграничения брошенной вещи от находки. Особое внимание уделяется роли органов местного самоуправления как единственного субъекта, управомоченного инициировать судебное признание права на бесхозяйную недвижимость. Обосновывается вывод о том, что судебное решение выступает центральным правоустанавливающим элементом юридического состава в данной сфере, а действующее регулирование не в полной мере обеспечивает баланс публичных и частных интересов.

Бесхозяйная вещь, дереликция, брошенная вещь, находка, муниципальная собственность, статья 225 ГК РФ, статья 226 ГК РФ, органы местного самоуправления, юридический состав, право собственности.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.55.01.

Svishch Alina Andreevna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Kamyshanova Anna Evgenievna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor and Head of the Department of Civil Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

RECOGNITION OF A MOVABLE THING AS OWNERLESS AND RECOGNITION OF MUNICIPAL OWNERSHIP RIGHTS OVER AN OWNERLESS THING: SUBSTANTIVE LAW PROVISIONS

The article examines the substantive legal mechanisms for recognising a thing as ownerless and acquiring municipal ownership rights over it. Articles 225 and 226 of the Civil Code of the Russian Federation, which distinguish between the legal regime of movable and immovable ownerless property, are analysed. The problem of proving the fact of dereliction and the criteria for distinguishing an abandoned thing from a found object are considered. Special attention is paid to the role of local self-government bodies as the sole entity authorised to initiate judicial recognition of rights over ownerless immovable property. The conclusion is substantiated that a court decision constitutes the central title-establishing element of the legal composition in this sphere, and that the current regulation does not fully ensure a balance between public and private interests.

Ownerless thing, dereliction, abandoned thing, found object, municipal property, Article 225 of the Civil Code, Article 226 of the Civil Code, local self-government bodies, legal composition, property right.

Институт бесхозяйного имущества занимает особое место в системе российского гражданского права: он находится на стыке частноправовых начал – охраны права собственности и свободы воли – и публично-правового интереса в том, чтобы имущество не выпадало из хозяйственного оборота. На практике вопрос о том, является ли вещь действительно бесхозяйной или за ней всё же стоит конкретный собственник, оказывается далеко не очевидным. Суды регулярно сталкиваются с ситуациями, когда объект годами числится бесхозяйным лишь потому, что никто не предпринял должных шагов для его легализации, – и наоборот, когда попытка муниципалитета оформить право на бесхозяйное имущество наталкивается на неожиданно возникшего претендента на наследство или давно забытого сособственника.

Гражданский кодекс Российской Федерации регулирует данный институт в статьях 225 и 226, однако нормы этих статей принципиально различаются в зависимости от вида имущества – движимого или недвижимого. Это различие носит не формальный, а сущностный характер и порождает разные процедуры, разных участников и разные правовые последствия. Цель настоящей статьи – системно проанализировать материально-правовой

режим признания вещи бесхозяйной применительно к обоим видам имущества, выявить проблемные точки в действующем регулировании и оценить, насколько судебное решение способно служить универсальным правоустанавливающим инструментом.

Статья 226 ГК РФ проводит принципиальное разграничение внутри категории движимых бесхозяйных вещей, разделяя их на два подвида в зависимости от стоимости и характера отказа от права [1]. Для малоценных вещей – тех, чья стоимость явно ниже пятикратного минимального размера оплаты труда, а также металлолома, бракованной продукции и производственных отходов – закон допускает так называемое внесудебное присвоение: лицо, в чьём владении или на чьей территории находится такая вещь, вправе обратить её в свою собственность путём совершения фактических действий, свидетельствующих об намерении присвоить вещь [1]. Для всех остальных движимых вещей, от которых собственник отказался, требуется судебная процедура, что концептуально сближает их режим с режимом бесхозяйной недвижимости.

Ключевой и наиболее сложной в доказывании категорией является дереликция – намеренный, осознанный отказ собственника от права на вещь. Дереликция отличается от простого оставления вещи без присмотра именно наличием определённости воли: собственник должен не просто бросить вещь, но отказаться от неё именно как от объекта права. На практике установить это намерение крайне непросто. Суды оценивают совокупность косвенных признаков: длительность отсутствия заботы о вещи, её физическое состояние, поведение предполагаемого собственника, наличие или отсутствие мер по охране имущества [4]. Единого стандарта доказывания в этой сфере не выработано, что порождает значительную вариативность судебных решений по схожим фактическим обстоятельствам.

Существенную практическую проблему представляет разграничение брошенной вещи и находки. Статьи 227–229 ГК РФ регулируют находку как самостоятельный институт, предполагающий иной порядок приобретения права собственности – через заявление в полицию или органы местного самоуправления и истечение установленного шестимесячного срока [1]. Если вещь обнаружена в публичном месте, суды нередко квалифицируют её как находку, а не как брошенную вещь, что исключает применение статьи 226 ГК РФ. Граница между этими институтами определяется прежде всего характером воли предполагаемого собственника: при находке воля на отказ от вещи не установлена или отсутствует, при дереликции она предполагается наличествующей. Именно это обстоятельство и становится предметом доказывания в большинстве споров данной категории.

В отличие от движимых вещей, режим бесхозяйного недвижимого имущества регулируется значительно строже. Статья 225 ГК РФ предусматривает двухэтапный механизм легализации, и каждый из этапов является обязательным – отступить от него нельзя ни в силу соглашения сторон, ни посредством административного усмотрения [1].

На первом этапе орган местного самоуправления городского или сельского поселения, на территории которого обнаружено бесхозяйное недвижимое имущество, обязан обратиться в орган государственной регистрации прав – Росреестр – с заявлением о постановке объекта на учёт в качестве бесхозяйного [3]. Именно муниципалитет, и никакой иной субъект, наделён законом исключительным полномочием инициировать эту процедуру [2]. Данное правило отражает публичный интерес: недвижимое имущество в силу своих характеристик не может оставаться вне системы государственного учёта, а муниципальное образование, отвечающее за состояние подведомственной территории, несёт обязанность вовлечь бесхозяйный объект в легальный оборот.

Второй этап наступает по истечении года с момента постановки объекта на учёт. По прошествии этого срока орган местного самоуправления вправе обратиться в суд с заявлением о признании права муниципальной собственности. Годичный срок носит пресекательный характер: до его истечения соответствующее заявление подать невозможно. Смысл этого периода – предоставить возможному собственнику время для заявления о своих правах [1]. Если в течение года никто не предъявил требований на имущество, суд в порядке особого производства выносит решение о признании права муниципальной собственности –

и именно это решение становится правоустанавливающим документом для целей государственной регистрации.

Исключительная роль органов местного самоуправления обусловлена не только принципом территориальной организации публичной власти, но и сугубо практическими соображениями: муниципалитет, как правило, первым обнаруживает бесхозяйный объект и несёт расходы на его поддержание до момента официального оформления права. Вместе с тем практика выявляет системную проблему: муниципальные органы нередко затягивают постановку объекта на учёт из-за отсутствия финансирования или неопределённости относительно коммерческой ценности имущества, что оставляет недвижимость в правовом вакууме на неопределённый срок [5].

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько выводов. Во-первых, механизм признания вещи бесхозяйной представляет собой сложный юридический состав, в котором судебное решение – обязательное для недвижимости и требуемое для дорогостоящих движимых вещей – является его центральным, правоустанавливающим элементом. Без такого решения переход права собственности к муниципальному образованию невозможен ни в административном, ни в договорном порядке.

Во-вторых, действующее регулирование не в полной мере обеспечивает баланс публичных и частных интересов. Закон защищает возможного собственника, предоставляя ему годичный срок для заявления о правах и устанавливая судебный контроль за процедурой. Однако размытость критериев дереликции применительно к движимым вещам и отсутствие механизма контроля за сроками постановки недвижимости на учёт создают условия как для злоупотреблений со стороны лиц, желающих внесудебно присвоить чужое имущество, так и для пассивности муниципалитетов.

В-третьих, проблема разграничения брошенной вещи и находки остаётся одной из наиболее дискуссионных в правоприменении. Отсутствие законодательно закреплённых признаков дереликции вынуждает суды выстраивать доказательственную базу заново в каждом деле. Представляется, что уточнение этих признаков – на уровне закона либо в постановлении Пленума Верховного Суда РФ – способно существенно повысить предсказуемость правоприменения в данной сфере и снизить количество судебных споров.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : ФЗ от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федер. закон от 06 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
3. О государственной регистрации недвижимости : Федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ : (ред. от 22.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. №25. – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14 нояб. 2022 г. по делу № А32-54871/2021 // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
6. Суханов Е.А. Вещное право : научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. – Москва : Статут, 2017. – 560 с. – Текст : непосредственный.
7. Рыбалов А.О. Бесхозяйные вещи: проблемы правового регулирования / А.О. Рыбалов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского права. – 2019. – № 3. – С. 44–71.
8. Степанов С.А. Недвижимое имущество в гражданском праве / С.А. Степанов. – Москва : Статут, 2004. – 223 с. – Текст : непосредственный.

Силивестров Андрей Леонидович,
аспирант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Дашин Алексей Викторович, доктор юридических наук, профессор,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ВЛИЯНИЕ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО СОБЛЮДЕНИЮ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В статье рассматривается влияние глобальных и локальных конфликтов на государственную политику России, реализуемую в отношении прав и свобод человека и гражданина. В статье проводится анализ применяемых в периоды первой мировой и Великой отечественной войн ограничений прав и свобод граждан, а также действия государственной власти в период проведения специальной военной операции.

Проведение специальной военной операции потребовало от государственного аппарата максимальное количество усилий, направленных не только на соблюдение прав граждан, а также обеспечение интересов государства с целью обеспечения безопасности и сохранения государственности.

Ключевые слова: военный конфликт, государственная политика, права и свободы человека.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Silivestrov Andrey Leonidovich,
Postgraduate Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Dashin Alexey Viktorovich, Doctor of Law, Professor,
Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE IMPACT OF MILITARY CONFLICTS ON THE FORMATION OF STATE POLICY ON THE OBSERVANCE OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS

The article examines the impact of global and local conflicts on Russia's state policy in relation to human and civil rights and freedoms. The article analyzes the restrictions on the rights and freedoms of citizens applied during the First World War and the Great Patriotic War, as well as the actions of state authorities during a special military operation.

Conducting a special military operation required the maximum amount of efforts from the state apparatus, aimed not only at respecting the rights of citizens, but also ensuring the interests of the state in order to ensure security and preserve statehood.

Ключевые слова: military conflict, state policy, human rights, civil rights.

За период с 1900 по 2014 года в мире произошло более 260 военных конфликтов, как локальных, так и глобальных, в ходе которых погибло более 78 миллионов человек.[1]

Глобальные конфликты, такие как мировые войны, являются отправной точкой, когда государственная политика с приоритетных направлений по соблюдению прав и свобод граждан, развитие экономики страны и социальных программ, переключается на основную обязанность – обеспечение безопасности государства, сохранение жизни и здоровья своих граждан.

Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека в соответствии со статьей 7 Конституции Российской Федерации.[2]

Конституция Российской Федерации устанавливает неотчуждаемые гражданские права такие как право на жизнь (ст. 20), право на охрану государством достоинства личности (ст. 21), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23), право на недопущение без согласия лица на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица (ст. 24), право на неприкосновенность жилища (ст. 25), право определять и указывать свою национальную принадлежность,

[1] Wars since 1900 // https://www.war-memorial.net/wars_all.asp

[2] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 :[с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru, 06.10.2022.

пользоваться родным языком (ст. 26), право на свободу передвижения (ч. 1 ст. 27), право свободно выезжать за территорию Российской Федерации и беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию (ч. 2 ст. 27), свобода совести и свобода вероисповедания (ст. 28), свобода мысли и слова, массовой информации (ст. 29), право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31), право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (ст. 32), право на свободу использования своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34), право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами, а также право требования предварительного и равноценного возмещения, принудительно отчужденного имущества для государственных нужд (ст. 35), право на жилище (ст. 40), право на судебную защиту его прав и свобод, гарантирование в необходимых случаях юридической помощи, презумпцию невиновности, справедливое судопроизводство (ст. 46–54).

Вместе с тем, система действующего законодательства, регламентирующая установление на всей или части территории Российской Федерации чрезвычайного или военного положения, позволяет вводить ограничения прав и свобод человека и гражданина, находящихся на территории Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, где введен режим чрезвычайного или военного положения.

Рассматривая вопрос о влиянии мировых конфликтов на ограничение прав и свобод в Российской Федерации следует провести анализ законодательства посредством которого устанавливались ограничения прав и свобод человека и гражданина в России.

Так, одним из самых важных нормативных актов Российской Империи в период первой мировой войны является Указ императора от 20.07.1914 года «Об утверждении временного Положения о военной цензуре»[1] было установлено: «Не допускать, по объявлении общей или частичной мобилизации армии, оглашения и распространения, путем печати, почтово-телеграфных сношений и произносимых в публичных собраниях речей и докладов, сведений, могущих повредить военным интересам государства». Изменения, вносимые в нормы гражданского права, были направлены на обеспечение нужд армии путем введения реквизиции продовольственных запасов, отчуждение сырья. Вводился запрет на экспорт продовольственных товаров, лошадей, а также устанавливалось обязательное производство продукции для обеспечения оборонного заказа государства.

В период Великой Отечественной войны военным властям предоставлялось право привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, устанавливать военно-квартирную обязанность для расквартирования воинских частей и учреждений, объявлять трудовую и автогужевую повинность для военных надобностей. Для выполнения необходимых для обороны задач у предприятий и граждан могли быть изъяты транспортные средства и иное имущество. В уголовном праве также появились новые нормы, вызванные военной обстановкой.[2]

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 года «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждавших тревогу среди населения», устанавливалась уголовная ответственность в виде тюремного заключения на срок от 2 до 5 лет. Одним из наиболее известных нормативных актов Великой Отечественной войны стал Приказ Народного Комиссара обороны СССР от 28.07.1942 №227, который в обществе именуется как «Ни шагу назад».

В современной России меры по ограничению прав и свобод человека и гражданина в соответствии со ст. 55 Конституции Российской Федерации направленны на защиту

[1] Указ об утверждении временного Положения о военной цензуре. 1914 г/ – URL: https://музейреформ.рф/node/13702
[2] Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. – 2-е изд., перераб. – М. : Зерцало-М, 2003. – С. 45.

конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.[1]

Детальнее вышеуказанные положения Конституции Российской Федерации раскрываются в Федеральном конституционном законе от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и Федеральном конституционном законе от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении».

Вышеуказанными законами раскрываются определения чрезвычайного и военного положений. Чрезвычайным положением является вводимый на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий установленные настоящим Федеральным конституционным законом отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей.[2]

Военным положением является особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.[3]

Данные Федеральные законы прямо ограничивают свободу передвижения, въезда и выезда с территорий, где такие правовые режимы установлены, проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и иных массовых мероприятий, забастовок, запрещение или ограничение выбора места пребывания, места жительства, ограничение свободы печати и других средств массовой информации путем введения предварительной цензуры, приостановление деятельности политических партий и прочие ограничения.

Принимая во внимание устанавливаемые ограничения прав и свобод, следует сделать вывод, что действующие Федеральные законы прямо ограничивают конституционные права человека и гражданина на территории Российской Федерации.

Рассматривая вопрос ограничения прав и свобод через призму проведения специальной военной операции, следует вывод, что для полноценного обеспечения безопасности конституционного строя, сохранения жизни и здоровья граждан действия закона «О военном положении» недостаточно для полноценного обеспечения поставленных государством задач поскольку военное положение введено только на территории четырех субъектов Российской Федерации. В условиях современного развития технологий, трансформации общества и глобализации всех проводимых процессов государственной политики и экономических интересов, государством применяются иные, отличные от прошлых глобальных военных конфликтов, меры.

Так, со стороны государства применяются меры, направленные на сохранение государственности. Иными словами, со стороны государства применяется комплекс мер, направленный на создание условий существования государства как формы организации общества, сохранения его статуса как суверенного политического образования, создание условий существования государства как формы организации общества, сохранения его статуса как суверенного политического образования. Обеспечение устойчивости предполагает создание условий для долгосрочного существования государства, способного справляться с кризисами, внутренними и внешними конфликтами, экономическими проблемами и внешними угрозами. Вышеуказанное подчеркивает необходимость укрепления политических,

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : [с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальном интернет-портале правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru, 06.10.2022.

[2] О чрезвычайном положении : Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.

[3] О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 5. – Ст. 375.

экономических, военных и социальных механизмов, гарантирующих жизнеспособность государства.[1]

Таким образом, действия государства направлены на создание баланса между обеспечением безопасности государства и соблюдением прав гражданина и человека. Стоит отметить, что основным принципом при проводимой политике государства в период проведения специальной военной операции является соблюдение верховенства права.

Рассмотрев принимаемые в России меры по ограничению прав и свобод в период участия в первой мировой, Великой Отечественной войнах следует сделать вывод, что основными направлениями государственной политики в период вооруженных конфликтов направлены на подавление инакомыслия и распространения информации, создающие благоприятную почву для саботажа в рядах вооруженных сил и обществе. Введение военной цензуры является основополагающим направлением государственной политики для сохранения консолидации гражданского общества в условиях прямой угрозы целостности государства и сохранении суверенитета страны.

Государственная политика по ограничению прав и свобод человека и гражданина в период проведения специальной военной операции также направлена на введение военной цензуры, которая применялась в период участия России в глобальных вооруженных конфликтах. Вместе с тем, принимая во внимание характер данного конфликта, который представляет собой не только вооруженное столкновение, но и попытки иных стран создать экономическую блокаду и остановить развитие экономики государства, а также современное развитие различных сфер экономики и быта граждан, то применяются более современные меры, которые обеспечивают баланс между обеспечением безопасности государства и соблюдением прав человека и гражданина для дальнейшего развития экономики в такой сложный период времени.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : [с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020].
2. О чрезвычайном положении : Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – т. 2277. – Текст : непосредственный.
3. О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 5. – Ст. 375. – Текст : непосредственный.
4. Об утверждении временного Положения о военной цензуре : Указ Императора от 20.07.1914. – URL: https://музейреформ.рф/node/13702. – Текст : электронный.
5. Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года / О.И. Чистяков. – Текст : непосредственный. – 2-е изд., перераб. – Москва : Зерцало-М, 2003. – С. 45.
6. Ахмедов Р.Ш. Правовой механизм обеспечения устойчивости государственности в период специальной военной операции / Р.Ш. Ахмедов. – Текст : непосредственный // Безопасность бизнеса. – 2025. – № 3. – С. 2–7.

[1] Ахмедов Р.Ш. Правовой механизм обеспечения устойчивости государственности в период специальной военной операции // Безопасность бизнеса. – 2025. – № 3. – С. 2–7.

Скворцова Татьяна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ);
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»,
Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону
Белов Эдуард Игоревич,
студент, Ростовский государственный университет путей сообщения, , г. Ростов-на-Дону

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье исследуется вопрос о месте искусственного интеллекта в системе объектов гражданского оборота и пределах его правового использования в современных имущественных отношениях. Рассматриваются основные доктринальные подходы к определению правового статуса искусственного интеллекта: объектный, субъектный и функциональный. Особое внимание уделяется проблеме соотношения технологической автономности алгоритмов и классических гражданско-правовых категорий воли, волеизъявления, ответственности и риска. Анализируются действующие нормативные акты Российской Федерации, а также отдельные судебные акты, в которых затронуты вопросы использования алгоритмических систем, нейросетевых технологий и автоматизированных решений. Обосновывается вывод о том, что на современном этапе искусственный интеллект не обладает признаками самостоятельного субъекта гражданского права и должен рассматриваться как объект права либо как инструмент осуществления деятельности традиционных субъектов гражданского оборота. В связи с этим ответственность за последствия его применения должна возлагаться на разработчиков, владельцев, операторов или иных контролирующих лиц в зависимости от характера риска, степени контроля над системой и распределения обязанностей в конкретном правоотношении.

Искусственный интеллект, гражданский оборот, объект гражданских прав, электронное лицо, гражданско-правовая ответственность, цифровые технологии, алгоритмы.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.27.00.

Skvortsova Tatiana Alexandrovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law,
Rostov State University of Economics (RINH);
Associate Professor of the Department of Civil Law and Process,
Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don
Belov Eduard Igorevich,
Student, Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN OBJECT OF CIVIL CIRCULATION: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

The article examines the place of artificial intelligence within the system of objects of civil commerce and the limits of its legal use in contemporary property relations. It considers the main doctrinal approaches to defining the legal status of artificial intelligence, namely the object-based, subject-based, and functional approaches. Particular attention is paid to the correlation between the technological autonomy of algorithms and the classical civil-law categories of will, expression of will, liability, and risk. The article analyzes the current regulatory acts of the Russian Federation, as well as selected judicial decisions addressing the use of algorithmic systems, neural network technologies, and automated decision-making. It substantiates the conclusion that, at the present stage, artificial intelligence does not possess the characteristics of an independent subject of civil law and should be regarded either as an object of law or as an instrument used by traditional subjects of civil commerce in carrying out their activities. Accordingly, liability for the consequences of its use should be imposed on developers, owners, operators, or other controlling persons, depending on the nature of the risk, the degree of control over the system, and the allocation of duties within the specific legal relationship.

Artificial intelligence, civil circulation, object of civil rights, electronic person, civil liability, digital technologies, algorithms.

Активное внедрение технологий искусственного интеллекта в экономику, сферу услуг, интеллектуальную деятельность и оборот цифровых продуктов объективно ставит вопрос о пригодности традиционного гражданско-правового инструментария для регулирования новых общественных отношений. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта определяет ИИ как комплекс технологических решений, позволяющий имити-

ровать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма [2]. Вместе с тем гражданское законодательство по-прежнему исходит из классической конструкции, согласно которой субъектами права выступают только физические и юридические лица, тогда как объекты гражданских прав перечислены в ст. 128 ГК РФ и охватывают вещи, имущественные права, результаты работ, услуги, результаты интеллектуальной деятельности и иные охраняемые законом блага [1]. Отсюда следует исходная методологическая проблема: искусственный интеллект уже участвует в экономическом обороте фактически, но его юридическое опосредование остается фрагментарным и во многом опирается на общие нормы, а не на специальное регулирование [1–4].

В современной литературе можно выделить как минимум три подхода к определению правового статуса искусственного интеллекта. Первый, наиболее сдержанный и в настоящее время наиболее убедительный, исходит из того, что ИИ представляет собой сложный технологический объект, включающий программы для ЭВМ, базы данных, вычислительные мощности, интерфейсы, дата сеты и иные компоненты. В этом смысле искусственный интеллект рассматривается не как участник гражданского оборота, а как его объект или как средство осуществления юридически значимой деятельности [6]. Второй подход связан с попытками признания искусственного интеллекта особым субъектом права либо квазисубъектом – «электронным лицом» или «электронной личностью». Подобные идеи высказывались в отечественной доктрине Ф. В. Ужовым, Р. И. Дремлюгой, О. А. Дремлюгой, М.А. Аксеновой и рядом других авторов [9–11]. Третий, промежуточный подход, не настаивает на признании ИИ полноценным субъектом гражданского права, но предлагает формировать специальные режимы ответственности, прозрачности и контроля для лиц, использующих алгоритмические системы в обороте [7; 8].

Сторонники субъектного подхода обращают внимание на способность современных интеллектуальных систем к самообучению, вариативному поведению и принятию решений, которые не всегда могут быть заранее полностью предсказаны разработчиком или пользователем. На этом основании делается вывод, что в перспективе искусственный интеллект может потребовать самостоятельного правового статуса. Однако данная позиция сталкивается с фундаментальными возражениями. Как справедливо отмечается в цивилистической литературе, перенос на алгоритмическую систему характеристик правоспособности, дееспособности и деликтоспособности подменяет юридический анализ технической метафорой [6]; [11]. Гражданское право связывает статус субъекта не просто с возможностью совершать операции, а с наличием юридически значимой воли, способности к ее выражению, обладанием обособленным имуществом и возможностью нести самостоятельную ответственность. Современные системы ИИ таких признаков не имеют: они не формируют правовую волю в собственном смысле слова, а лишь реализуют заложенные архитектурой модели обработки данных и принятия решений [6]; [9].

Более обоснованным представляется объектный подход. Искусственный интеллект может выступать предметом договоров об отчуждении исключительных прав, лицензировании программного обеспечения, оказании услуг по доступу к цифровой платформе, создании и внедрении программно-аппаратных комплексов, техническом обслуживании алгоритмических систем. Иначе говоря, в обороте участвует не «сам» искусственный интеллект как обладатель прав и обязанностей, а определенный комплекс имущественных и интеллектуальных благ, организованный вокруг технологии ИИ [6]. Даже тогда, когда алгоритм участвует в выработке условий сделки, выборе контрагента, оценке риска, управлении логистикой или формировании пользовательского предложения, юридическое значение имеет не автономность вычислительной процедуры как таковая, а факт использования соответствующего инструмента конкретным лицом в рамках его предпринимательской или иной деятельности. Следовательно, воля, лежащая в основе сделки, презюмируется волей лица, которое организовало применение алгоритма и допустило его к участию в обороте.

Именно в плоскости распределения риска наиболее отчетливо проявляется специфика рассматриваемой проблемы. Если вред причинен вследствие использования системы

искусственного интеллекта, то ключевым становится вопрос не о «вине алгоритма», а о том, кто должен нести неблагоприятные последствия его функционирования. В действующем праве для этого уже существуют определенные опорные конструкции: общие правила о возмещении вреда, ответственность за нарушение обязательств, предпринимательский риск, а в некоторых ситуациях – и модель ответственности владельца источника повышенной опасности [1]. Дополнительное значение имеет развитие экспериментальных правовых режимов: Федеральный закон № 258-ФЗ создал основу для применения специальных регуляторных механизмов в сфере цифровых инноваций, а в конце 2024 года был утвержден порядок установления обстоятельств причинения вреда при использовании решений, разработанных с применением технологий искусственного интеллекта в рамках ЭПР [3]; [5]. Это означает, что законодатель уже признает потребность в специальных процедурах фиксации и распределения риска, хотя и не отказывается от базовой презумпции ответственности человека или организации, контролирующих технологию.

Судебная практика подтверждает именно такой подход. Хотя в России пока не сформировалась развернутая и единообразная практика по делам, где искусственный интеллект выступал бы центральным предметом гражданско-правового спора, уже имеющиеся решения позволяют увидеть устойчивый вектор. Так, в делах о взаимодействии с должниками при помощи «робота-коллектора» арбитражные суды не признали использование искусственного интеллекта обстоятельством, освобождающим организацию от ответственности: напротив, суды анализировали способ коммуникации и возлагали правовые последствия на банк как на лицо, организовавшее применение соответствующей технологии. В одном случае суд указал, что должник фактически воспринимает такой разговор как общение с представителем кредитора, а потому использование робота не устраняет обязанностей банка по соблюдению закона [14]. В другом деле суд квалифицировал такой формат как иной способ взаимодействия, допустимый только при наличии специального письменного соглашения [15]. Эти акты важны потому, что демонстрируют: в правоприменении автономная цифровая система оценивается не как независимый участник правоотношения, а как инструмент деятельности конкретного лица.

Не менее показателен спор о правовом значении deepfake-технологии. Девятый арбитражный апелляционный суд прямо отметил, что deepfake является лишь дополнительным инструментом обработки видеоматериала и сам по себе не устраняет человеческий творческий вклад в создание произведения [13]. Следовательно, применение нейросетевой технологии не означает автоматического исчезновения правообладателя и не переводит результат в «ничейную» сферу. Близкий по смыслу ориентир содержится и в позиции Верховного Суда РФ, который подчеркивает необходимость установления творческого характера вклада и оригинальности результата при решении вопроса об охраноспособности объекта авторского права [12]. Хотя указанное дело не было непосредственно связано с искусственным интеллектом, его правовая логика применима и к спорам о результатах, созданных с использованием алгоритмов: правовое значение имеет человеческий творческий вклад и связь результата с конкретным правообладателем, а не сам факт использования цифрового инструмента.

Основные проблемы правового регулирования искусственного интеллекта как объекта гражданского оборота можно свести к нескольким взаимосвязанным блокам. Во-первых, отсутствует единый и детализированный гражданско-правовой режим ИИ: в зависимости от конкретной конструкции он может выступать программой для ЭВМ, элементом базы данных, частью сложной вещи, сервисом, цифровой платформой или результатом оказания услуг. Во-вторых, сохраняется неопределенность в вопросе о распределении ответственности между разработчиком, правообладателем, оператором, пользователем и поставщиком данных, особенно в ситуациях, когда негативный результат обусловлен сочетанием программной ошибки, дефекта обучения модели и неправильной эксплуатации. В-третьих, особую сложность представляет проблема доказуемости причинной связи и объяснимости алгоритмического решения, поскольку «черный ящик» современных моделей затрудняет судебную реконструкцию механизма причинения вреда. В-четвертых, сохраняется коллизия

между интересами инновационного развития и необходимостью защиты слабой стороны – потребителя, пользователя цифровой платформы, автора, чьи результаты перерабатываются алгоритмами, или лица, в отношении которого принимается автоматизированное решение.

С учетом изложенного признание искусственного интеллекта самостоятельным субъектом гражданского права в настоящее время представляется не только теоретически спорным, но и практически нежелательным. Такая конструкция скорее размоет границы ответственности, чем обеспечит их определенность. Гораздо более продуктивным направлением развития законодательства является уточнение правового режима ИИ как объекта гражданского оборота и как инструмента деятельности участников рынка. В нормативном плане это предполагает, во-первых, закрепление дифференцированных правил распределения риска в зависимости от уровня автономности и сферы применения системы; во-вторых, введение обязанностей по прозрачности, документированию и контролю алгоритмических решений; в-третьих, развитие механизмов страхования и компенсации вреда в высокорисковых сферах; в-четвертых, конкретизацию критериев, позволяющих отделить человеческий творческий результат от технически сгенерированного контента.

Таким образом, искусственный интеллект в действующей системе российского гражданского права следует квалифицировать не как самостоятельного участника гражданского оборота, а как объект права либо как технологический инструмент, посредством которого действуют традиционные субъекты. Судебная практика, несмотря на свою пока еще фрагментарность, уже движется именно в этом направлении: она связывает правовые последствия не с «поведением» алгоритма как такового, а с деятельностью лица, которое его разработало, внедрило, использовало или извлекало выгоду из результатов его функционирования. Поэтому оптимальная модель дальнейшего правового регулирования состоит не в конструировании «электронного лица», а в адаптации классических гражданско-правовых категорий ответственности, риска, добросовестности и охраны интеллектуальных прав к реалиям цифровой экономики.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : ФЗ от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : ФЗ от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) ФЗ от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. I). – Ст. 5496. – Текст : непосредственный.
2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700. – Текст : непосредственный.
3. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5017. – Текст : непосредственный.
4. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года : Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 35. – Ст.5593. – Текст : непосредственный.
5. Об утверждении Порядка формирования комиссии для установления обстоятельств, при которых при реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций в результате использования решений, разработанных с применением технологий искусственного интеллекта, причинен вред жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица, Порядка рассмотрения комиссией случаев

причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица при реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций в результате использования решений, разработанных с применением технологий искусственного интеллекта, Порядка подготовки заключения комиссии по итогам установления обстоятельств, при которых в результате реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций при использовании решений, разработанных с применением технологий искусственного интеллекта, был причинен вред жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица, формы такого заключения : Приказ Минэкономразвития России от 26.11.2024 №752 (зарегистрировано в Минюсте России 26.12.2024 № 80786) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL:http://pravo.gov.ru. – Текст : электронный.

6. Василевская Л.Ю. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. / Л.Ю. Василевская, Е.Б. Подузова, Ф.А. Тасалов ; отв. ред. Л.Ю. Василевская. – Москва: Проспект, 2021. – Т. III – 288 с. – Текст : непосредственный.
7. Талапина Э.В. Обработка данных при помощи искусственного интеллекта и риски дискриминации / Э.В. Талапина. – Текст : непосредственный // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15. № 1. – С. 4–27. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.1.4.27.
8. Васильев А.А. Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы / А.А. Васильев, Ю.С. Печатнова. – Текст : непосредственный // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – № 2. – С. 14–18. DOI: 10.14258/ralj(2020)2.3.
9. Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права / Ф.В. Ужов. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 357–360.
10. Дремлюга Р.И. Искусственный интеллект – субъект права: аргументы за и против / Р.И. Дремлюга, О.А. Дремлюга. – Текст : непосредственный // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 120–125.
11. Аксенова М.А. Концепция «электронного лица» в правовом пространстве / М.А. Аксенова. – Текст : непосредственный // Юрист. – 2020. – № 7. – С. 18–24.
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2021 № 5-КГ21-14-К2 по делу № 3-466/2019 // СПС «Гарант». – Текст : электронный.
13. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.04.2024 по делу №А40-200471/2023 // СПС «Гарант». – Текст : электронный.
14. Решение Арбитражного суда Костромской области от 21.02.2024 по делу № А31-13579/2023 // СПС «Гарант». – Текст : электронный.
15. Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 21.03.2024 по делу № А07-35625/2023 // СПС «Гарант». – Текст : электронный.

Скворцова Татьяна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ);
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»,
Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону
Кузнецов Никита Дмитриевич,
студент, Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону

ЗАЩИТА ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРАЖДАНИНА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье исследуется право гражданина на изображение как самостоятельное личное неимущественное право, охраняемое гражданским законодательством Российской Федерации. Обосновывается, что в условиях цифровизации, развития социальных сетей, онлайн-СМИ и технологий генеративного искусственного интеллекта изображение гражданина приобретает повышенную юридическую ценность и требует комплексной защиты. Анализируются правовая природа изображения, соотношение права на изображение с правом на неприкосновенность частной жизни, режимом персональных данных и авторскими правами. Особое внимание уделяется форме и пределам согласия на обнародование и использование изображения, критериям публичного интереса, а также современным способам защиты нарушенного права в сети Интернет. На основе анализа действующего законодательства и актуальной судебной практики делается вывод о необходимости дальнейшего уточнения понятийного аппарата и специальных правил защиты изображения в цифровой среде.

Изображение гражданина, личные неимущественные права, частная жизнь, согласие на использование изображения, публичный интерес, персональные данные, биометрические персональные данные, защита в сети Интернет, компенсация морального вреда.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.27.00.

Skvortsova Tatiana Alexandrovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law, Rostov State University of Economics (RINH); Associate Professor of the Department of Civil Law and Process, Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don
Kuznetsov Nikita Dmitrievich,
Student, Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don

PROTECTION OF A CITIZEN'S IMAGE: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

This article explores an individual's right to their image as a distinct personal non-property right safeguarded by the civil law of the Russian Federation. It argues that, against the backdrop of digital transformation, the rapid growth of social media, online mass media, and generative artificial intelligence, a person's image has acquired greater legal significance and therefore calls for comprehensive legal protection. The study examines the legal nature of image rights, their relationship with the right to privacy, the legal framework governing personal data, and copyright. Particular emphasis is placed on the form and scope of consent to the publication and further use of a person's image, the criteria for determining public interest, and contemporary legal remedies available in cases of unlawful online dissemination. Drawing on current legislation and recent judicial practice, the article concludes that there is a pressing need to further refine the conceptual framework and develop specific legal rules for the protection of images in the digital environment.

A citizen's image, personal non-property rights, private life, consent to the use of an image, public interest, personal data, biometric personal data, protection on the Internet, compensation for moral harm.

Вопрос защиты изображения гражданина занимает важное место в современной гражданско-правовой доктрине, поскольку он связан с обеспечением личных неимущественных прав человека, защитой его частной жизни и контролем над использованием сведений о его внешности. В российском праве охрана изображения гражданина опирается на конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, а также защиты чести и доброго имени [1]. Эти положения получают развитие в гражданском законодательстве, которое относит нематериальные блага к числу неотчуждаемых и непередаваемых и закрепляет специальные способы их защиты [2]. Развитие цифровых технологий, распространение социальных сетей и средств массовой коммуникации существенно расширили возможности создания и распространения изображений людей, что, в свою очередь, усилило потребность в эффективных правовых механизмах их защиты.

При этом действующая редакция ст. 152.1 ГК РФ не в полной мере решает ряд существенных вопросов, связанных с защитой изображения. В частности, в законодательстве отсутствуют четкие и однозначные определения ключевых понятий, используемых в данной норме. К таким понятиям относятся внешний облик гражданина, изображение, обнародование и использование изображения. Отсутствие легальных дефиниций приводит к различному толкованию указанных терминов как в научной литературе, так и в судебной практике. В результате возникают сложности при квалификации конкретных ситуаций, связанных с распространением фотографий, видеозаписей или иных визуальных образов человека.

Современная доктрина в целом исходит из того, что изображение гражданина представляет собой самостоятельное нематериальное благо, однако его содержание и границы до сих пор остаются дискуссионными. В научной литературе изображение связывается либо с совокупностью индивидуализирующих внешних признаков человека, либо с зафиксированным на материальном или цифровом носителе визуальным воспроизведением его внешности.

Так, по мнению Е.Б. Балякиной, изображение следует рассматривать как статичную информацию, зафиксированную на определенном материальном носителе. Речь идет о фотографиях, видеозаписях, произведениях изобразительного искусства и иных формах визуального воспроизведения внешности человека. В данном случае акцент делается на факте фиксации информации о внешнем облике гражданина с помощью технических или художественных средств [10].

В то же время К.Н. Евдокимова рассматривает изображение гражданина как особый объект (нематериальное благо) – целостный набор внешних признаков индивида, таких как физические параметры, одежда и другие его особенности, которые в совокупности формируют визуальный образ личности. При этом изображение может восприниматься как целостно, так и фрагментарно. Данный подход подчеркивает личностный характер изображения и его тесную связь с индивидуальностью человека [11].

А.М. Эрделевский рассматривает данную категорию через общее понимание изображения как сформированного образа определённого объекта. В случае с гражданином таким объектом выступает его внешний облик, воспринимаемый и воспроизводимый с помощью визуальных средств. Исходя из этого, изображение гражданина можно определить как зафиксированный тем или иным способом визуальный образ человека, передающий особенности его внешности независимо от используемой технологии создания [15].

Представляется, что данные подходы не противоречат, а взаимно дополняют друг друга: в объективном смысле изображение есть визуально воспринимаемый образ человека, а в юридическом – охраняемое нематериальное благо, позволяющее гражданину контролировать его обнародование и использование. Именно поэтому право на изображение не должно смешиваться ни с правом автора на фотографию, портрет или видеозапись, ни с правом собственности на материальный носитель. Верховный Суд Российской Федерации прямо указал, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина не относятся к интеллектуальным правам, хотя произведения, содержащие изображение человека, одновременно могут охраняться и нормами авторского права [5]; [12]; [14].

Базовое правило закреплено в статье 152.1 ГК РФ: обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина, включая фотографию, видеозапись и произведение изобразительного искусства, допускаются только с согласия этого гражданина [2]. Закон устанавливает и постмортальную охрану изображения: после смерти гражданина согласие дают дети и переживший супруг, а при их отсутствии – родители. Исключения из общего правила являются исчерпывающими: использование изображения в государственных, общественных или иных публичных интересах; съемка в местах, открытых для свободного посещения, либо на публичных мероприятиях, если изображение не является основным объектом использования; позирование за плату. Наряду с этим законодатель закрепил специальные способы защиты: изъятие и уничтожение материальных носителей с незаконно

используемым изображением, а также удаление изображения из сети Интернет и пресечение его дальнейшего распространения.

Особое значение для практики имеет правовая квалификация согласия на использование изображения. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что такое согласие представляет собой сделку, а значит, к нему применяются общие положения о форме сделки, включая возможность выражения согласия в письменной, устной форме и, в соответствующих случаях, путем конклюдентных действий [4]. Вместе с тем сама допустимость гибкой формы согласия не устраняет проблему доказывания его объема и содержания. В цифровой среде именно неопределенность цели размещения, срока использования, круга пользователей и способов переработки изображения становится главным источником споров. Поэтому для сетевого, рекламного, корпоративного и медийного использования изображения наиболее корректным следует считать определенно выраженное, предметно ограниченное согласие, позволяющее установить, на какие именно действия согласился гражданин и распространяется ли такое согласие на последующее воспроизведение, переработку, публикацию в соцсетях, передоверие третьим лицам или использование в коммерческих целях [4]; [9]; [13].

Не менее сложным является вопрос о пределах исключений из общего правила. Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации исходят из того, что публичный интерес не тождествен простому любопытству аудитории. Использование изображения без согласия допустимо лишь тогда, когда оно действительно связано с общественно значимой дискуссией, информированием общества о публичной деятельности лица или защитой общественно значимых ценностей. Если же единственной целью публикации является удовлетворение обывательского интереса к частной жизни или извлечение прибыли, согласие необходимо даже в отношении публичной фигуры [4]; [6]. Аналогично и сама по себе съемка в месте, открытом для свободного посещения, не означает свободы дальнейшего использования изображения: решающее значение имеет то, является ли конкретное лицо основным объектом публикации и какова цель распространения соответствующего материала. Верховный Суд также специально подчеркнул, что размещение гражданином своей фотографии в сети Интернет и общедоступность такого изображения сами по себе не дают иным лицам права свободно использовать его без согласия изображенного лица [4].

Право на изображение тесно связано, но не совпадает с правом на неприкосновенность частной жизни. Изображение может использоваться неправомерно и в тех случаях, когда оно не раскрывает интимных либо семейных обстоятельств; напротив, информация о частной жизни может быть распространена незаконно и без визуального образа человека. Однако в реальных спорах эти блага часто нарушаются одновременно: публикация фотографии нередко сопровождается сообщениями о месте пребывания, семейных отношениях, состоянии здоровья, частных контактах либо иных личных обстоятельствах. В таких случаях должны применяться в совокупности положения статей 152.1 и 152.2 ГК РФ, а также конституционные гарантии, закрепленные в статьях 23 и 24 Конституции Российской Федерации. Дополнительно следует учитывать, что в ряде цифровых сценариев изображение одновременно входит и в сферу законодательства о персональных данных: статья 11 Закона о персональных данных относит к биометрическим персональным данным сведения, позволяющие установить личность и используемые оператором именно для этой цели. Следовательно, фотография или видеозапись не автоматически становятся биометрическими данными, но приобретают такой режим, когда используются для идентификации человека [3].

Актуальная судебная практика подтверждает усиление защиты права на изображение в цифровой среде. Так, в 2025 году Октябрьский районный суд г. Ставрополя признал незаконным обнародование видеозаписи с изображением истца, размещенной председателем СНТ в чате, насчитывавшем около 700 участников. Суд обязал удалить видеозапись, запретил ее дальнейшее использование и взыскал компенсацию морального вреда в размере 100 000 рублей, отвергнув довод о том, что административное помещение товарищества

якобы являлось местом, открытым для свободного посещения [7]. В другом деле Свердловский районный суд г. Красноярска в 2024 году удовлетворил требования гражданки, чьи фотографии были использованы ответчиками в сети Интернет при продаже товара; суд возложил на ответчиков обязанность удалить изображение, запретил дальнейшее распространение и взыскал компенсацию морального вреда и судебные расходы [8]. Эти дела показывают, что для суда существенны не только факт съемки, но и контекст публикации, цель использования изображения, масштаб распространения и наличие доказанного согласия.

При этом сохраняется ряд теоретических и прикладных проблем:

Во-первых, в законодательстве отсутствует легальное определение изображения гражданина и критериев его идентифицируемости, что затрудняет разграничение охраняемого образа и нейтральных визуальных данных.

Во-вторых, закон не содержит специальных правил об использовании синтетических или модифицированных изображений, в том числе созданных с помощью технологий искусственного интеллекта и дипфейков, хотя именно такие способы вмешательства в личную сферу быстро распространяются и способны причинять не меньший, а иногда и больший вред, чем традиционная публикация фотографии.

В-третьих, фрагментарным остается соотношение гражданско-правовой охраны изображения с режимом персональных и биометрических данных, платформенным регулированием социальных сетей и механизмами оперативного удаления контента.

В-четвертых, на практике по-прежнему возникают сложности с доказыванием согласия, его объема, срока действия, возможности отзыва и последствий передачи изображения третьим лицам.

Таким образом, право гражданина на изображение следует рассматривать как самостоятельное личное неимущественное право, направленное на обеспечение контроля лица над визуальным воспроизведением собственной внешности. Действующее законодательство уже содержит базовый набор эффективных способов защиты – запрет использования без согласия, удаление изображений из сети Интернет, изъятие материальных носителей, компенсацию морального вреда, – а современная судебная практика в целом движется в сторону усиления реальной, а не декларативной охраны данного блага. Вместе с тем для повышения правовой определенности представляется целесообразным законодательно уточнить понятие изображения гражданина, закрепить специальные правила о цифровых и синтетических изображениях, конкретизировать требования к согласию на онлайн- и коммерческое использование изображения, а также более четко согласовать положения статьи 152.1 ГК РФ с нормами о частной жизни и биометрических персональных данных. Именно такой комплексный подход позволит обеспечить разумный баланс между свободой информации, интересами общества и надлежащей защитой человеческой личности в цифровую эпоху.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : [с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальный интернет-портал правовой информации. 04.07.2020. – Текст : электронный.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301. – Текст : непосредственный.
3. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451. – Текст : непосредственный.
4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

5. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
6. Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2019 года: Решение Конституционного Суда РФ от 25.04.2019 // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
7. Решение Октябрьского районного суда г. Ставрополя от 25.06.2025 по делу № 2-1782/2025 // Судебные решения РФ. – URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/90615830?ysclid=mmta2cl9lr947936776. – Текст : электронный.
8. Решение Свердловского районного суда г. Красноярска от 23.06.2024 по делу № 2-1505/2024 (2-6537/2023) // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/qIBgrVLeiSxQ/?ysclid=mmta4b9k3j762310250. – Текст : электронный.
9. Бекиров А.Р. Регулирование охраны изображения гражданина: проблемные вопросы теории и практики / А.Р. Бекиров. – Текст : непосредственный // Фемида. Science. – 2025. – № 1 (16). – С. 24–33.
10. Балякина Е.Б. К вопросу об охране изображения гражданина / Е.Б. Балякина. – Текст : непосредственный // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – Т. 18, № 3 (69). – С. 27–33.
11. Евдокимова К.Н. Понятие и правовое регулирование изображения человека в гражданском праве / К.Н. Евдокимова. – Текст : непосредственный // Инновационная наука. – 2021. – № 12-1. – С. 67–69.
12. Гришаев С.П. Право гражданина на изображение / С.П. Гришаев. – Текст : непосредственный // Гражданин и право. – 2012. – № 9. – С. 96–100.
13. Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовое регулирование права на честь, достоинство и деловую репутацию и права на изображение гражданина / А.Е. Шерстобитов. – Текст : непосредственный // Гражданское право. – 2023. – № 2. – С. 8–13.
14. Юрлов И.А. Изображение физического лица: нематериальное благо или произведение? / И.А. Юрлов, М.А. Быкова. – Текст : непосредственный // ИС. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 8. – С. 51–58.
15. Эрделевский А.М. Об охране изображения гражданина / А.М. Эрделевский // СПС «КонсультантПлюс». – 2007. – Текст : электронный.

Скобелев Владимир Петрович,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета, Белорусский государственный университет, г.Минск, Республика Беларусь

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПРАВОВОГО СТАТУСА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИСТЦОВ

В статье показано, что новый Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь, сохранив институт процессуальных истцов, т.е. субъектов, от собственного имени защищающих чужие права (интересы) и выполняющих в сфере правосудия некоторые иные функции, обусловил появление новых сложностей и проблемных вопросов, имеющих отношение к данному институту. В частности, это неопределенность в целом правового положения процессуальных истцов в сфере судопроизводства, неоднозначность регулирования круга дел, по которым профсоюзы полномочны обращаться в суд, отсутствие ответа на вопрос о том, кто занимает положение истца в случае предъявления процессуальными истцами иска в защиту государственных и общественных интересов, и пр.

Гражданское судопроизводство, процессуальные истцы, государственный орган, юридическое лицо, профсоюз, гражданин, государственные и общественные интересы.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.31.51.

Skobelev Vladimir Petrovich,
Ph.D., Associate Professor, Deputy Dean for Academic Affairs and Educational Innovations of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

ON THE ADVISABILITY OF APPLYING A SECURITY MEASURE IN THE FORM OF SEIZURE OF PROPERTY IN A CASE ON RECOGNIZING AN ORGANIZATION AS EXTREMIST

The article shows that the new Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus, while preserving the institution of procedural plaintiffs, i.e. subjects who, on their own behalf, protect the rights (interests) of others and perform certain other functions in the sphere of justice, has given rise to new complexities and problematic issues related to this institution. Specifically, these include the overall uncertainty regarding the legal status of procedural plaintiffs in legal proceedings, the ambiguity in regulating the range of cases for which trade unions are authorized to file lawsuits, the lack of clarity regarding who occupies the position of the plaintiff when procedural plaintiffs file claims in defense of state and public interests, and so on.

Civil proceedings, procedural plaintiffs, government agency, legal entity, trade union, citizen, state and public interests.

Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), вступивший в силу 1 января 2026 г. и заменивший собой Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК) сохранил (см. §4 главы 8 КГС) процессуальный институт, который был предусмотрен главой 11 ГПК и ст. 67 ХПК, т.е. институт участия в судопроизводстве субъектов, от собственного имени защищающих чужие права (интересы), а также выполняющих в сфере правосудия некоторые иные функции. Вместе с тем внимательный анализ §4 главы 8 КГС показывает, что в нем решены далеко не все из проблемы, которые в свое время сопутствовали применению норм главы 11 ГПК и ст. 67 ХПК, а по ряду моментов положения названного параграфа обусловили появление совершенно новых сложностей и вопросов.

1. Подобно ч.1 ст. 86 ГПК, ч.1 ст. 76 КГС позволяет профсоюзам обращаться в суд в защиту интересов только своих членов и лишь по спорам, возникающим из трудовых правоотношений. Вместе с тем ч.3 ст. 19 Закона Республики Беларусь от 22 апреля 1992 г. N 1605-XII «О профессиональных союзах» (далее – Закона №1605-XII) предоставляет профсоюзам в этом отношении гораздо более широкие возможности: обращения в суд в интересах не только своих членов, но и других граждан, а также защиты в судебном порядке не только трудовых, но и социально-экономических прав (на данную коллизию в литературе обращалось внимание еще применительно к ч.1 ст. 86 ГПК [1, с. 66; 2, с. 30–31]). В этой связи возникает вопрос: защита профсоюзами в судебном порядке интересов других граждан

(не своих членов) и защита ими социально-экономических прав лиц в силу ч.1 ст. 76 КГС, так же как и по ч.1 ст. 86 ГПК, полностью исключена (поскольку согласно п.5 ст. 23 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. №130-З «О нормативных правовых актах» кодексы имеют большую юридическую силу по отношению к обычным законам) или же такая защита все-таки охватывается содержащимся в ч.1 ст. 76 КГС указанием про обращение профсоюзов в суд «также в иных случаях, предусмотренных законодательными актами» (каковым случаем как раз и будет являться ч.3 ст. 19 Закона №1605-XII)? Если исходить из первого варианта (защита профсоюзами интересов других граждан и защита ими социально-экономических прав недопустима), то тогда становится вообще непонятно, какие иные предусмотренные законодательными актами случаи (помимо ч.3 ст. 19 Закона №1605-XII) в ч.1 ст. 76 КГС имеются в виду, потому что таких иных случаев в законодательстве нет.

2. В первом предложении ч.1 ст. 78 КГС закреплено: «В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными законодательными актами, государственный орган, юридическое лицо, гражданин могут обращаться в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц в качестве истца (заявителя) по письменным просьбе или согласию таких лиц». Отсюда следует, что обратившийся в суд государственный орган, юридическое лицо или гражданин является истцом (заявителем) по делу. В действительности, однако, это не так. Истцом (заявителем) по делу является лицо, в защиту прав (интересов) которого в суд подано заявление (см. ч.2, 6 ст. 61 КГС), а в тексте первого предложения ч.1 ст. 78 КГС допущена редакционная ошибка. Для сравнения, аналогичная норма первого предложения ч.1 ст. 88 ГПК имела такой вид: «В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными законодательными актами, государственный орган, юридическое лицо или гражданин могут обращаться в суд с иском (заявлением) в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц, ***участвующих затем в деле в качестве истца (заявителя)***, по их просьбе или с их согласия».

Как видно, в первом предложении ч.1 ст. 78 КГС после слов «других лиц» по каким-то причинам просто оказались пропущены слова «, участвующих затем в деле», хотя в самом первом варианте проекта КГС (примерно за полгода до вынесения его на общественное обсуждение в марте 2022 г.) данные слова в этой норме присутствовали. В подтверждение того, что в первом предложении ч.1 ст. 78 КГС допущена именно редакционная неточность, можно сослаться на правило первого предложения ч.1 ст. 72 КГС, определяющее, кто является истцом (заявителем) в случае обращения в суд прокурора (ведь деятельность прокурора по защите чужих интересов в суде по своей природе ничем не отличается от аналогичной деятельности названных в ст. 75-77 КГС субъектов): «При подаче прокурором в суд заявления в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, прав и законных интересов юридического лица эти гражданин или юридическое лицо являются истцами (заявителями)».

3. Новеллой ч.1 ст. 78 КГС, по сравнению с ч.1 ст. 88 ГПК, является то, что просьбу или согласие лиц на предъявление в их интересах иска (заявления) государственным органом, юридическим лицом или гражданином, она требует облекать в письменную форму. Отсутствие такой письменной просьбы (согласия) на стадии возбуждения дела влечет возвращение поданного заявления (п.9 ч.1 ст. 244 КГС), а на более поздних этапах процесса – оставление заявление без рассмотрения (п.15 ст. 128 КГС). В связи с этим вряд ли правильным является то, что среди документов, которые должны в обязательном порядке прилагаться к исковому заявлению, ст. 239 КГС не называет соответствующую письменную просьбу (согласие).

4. Регулируя деятельность субъектов, которым посвящено настоящее исследование, КГС по ряду моментов существенным образом превзошел ГПК. Это касается закрепления нового основания для отказа в возбуждении дела и прекращения по нему производства (п.2 ст. 130, п.2 ч.1 ст. 241 КГС – «исковое заявление подано в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица, неопределенного круга лиц государственным органом, юридическим лицом или гражданином, которым настоящим Кодексом или иными законодательными актами не

предоставлено такое право»), регламентации последствий отказа истца от иска, предъявленного в его интересах государственным органом, юридическим лицом или гражданином (ч.3 ст. 78 КГС – производство по делу подлежит прекращению с учетом требований ч.5 ст. 62 КГС), предоставления государственным органам и юридическим лицам полномочий обращаться в суд в защиту государственных и общественных интересов, в том числе прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц (ст. 79 КГС), санкционирования возможности вступления в процесс с целью дачи заключения по делу иных, помимо государственных органов, уполномоченных организаций (ст. 80 КГС).

Вместе с тем потенциал для совершенствования правового регулирования в отмеченной сфере все еще остается. Например, вопрос об объеме процессуальных прав и обязанностей государственных органов и других субъектов урегулирован в §4 главы 8 КГС только для случаев защиты ими государственных и общественных интересов – ч.2 ст. 79 КГС, в то время как в ст. 78 КГС (случаи подачи государственными органами, юридическими лицами и гражданами заявлений в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц) и в ст. 80 КГС (случаи вступления государственных органов и иных уполномоченных организаций в процесс с целью дачи заключения по делу) аналогичной нормы нет.

Далее, в КГС не определено, кто является истцом по делам о защите государственными органами и юридическими лицами государственных и общественных интересов (по нашему мнению, в силу неперсонифицированности данных интересов определить конкретного истца здесь практически невозможно и потому выполнение всего объема его функций должно возлагаться на предъявивший иск государственный орган или юридическое лицо собственно, прецедент подобного варианта регулирования в КГС уже есть – мы имеем в виду норму п.3 ч.2 ст. 355 КГС, которая по делам, возникающим из публичных правоотношений, к числу заявителей, т.е. к активной стороне процесса, относит прокурора, государственный орган, организацию либо должностное лицо, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями, которые обратились в суд для реализации возложенных на них полномочий в сфере административных и иных публичных правоотношений), каковы последствия и условия принятия отказа государственного органа или юридического лица от требований, заявленных в защиту государственных и общественных интересов (ответа на данный вопрос нет ни в ч.3 ст. 78 ГПК, ни в ст. 128, 130 КГС), должна ли обладать правами юридического лица иная (помимо государственного органа) уполномоченная организация, вступающая (привлекаемая) в процесс в порядке ст. 80 КГС.

Библиографический список

1. Белова Т. Возбуждение гражданских дел в защиту прав и законных интересов других лиц / Т. Белова. – Текст : непосредственный // Юстиция Беларуси. – 2002. – №6. – С. 64–67.
2. Скобелев В. Защита профсоюзами прав и законных интересов других лиц в гражданском судопроизводстве: деятельность в порядке главы 11 ГПК / В. Скобелев. – Текст : непосредственный // Юстиция Беларуси. – 2011. – №1. – С. 30–33.

Скрипник Виктория Витальевна,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В статье анализируется материнский (семейный) капитал – ключевая мера социальной поддержки семей с детьми в РФ, действующая с 2007 года. Рассматриваются цели программы (стимулирование рождаемости и повышение благосостояния семей), ее особенности (конечность действия, индексация, ограниченный набор способов использования средств) и масштабы реализации. Проводится оценка дискуссионных вопросов эффективности программы в части влияния на демографические показатели и улучшение жилищных условий. Анализируются противоречивые результаты исследований: от признания значительного прироста рождаемости до выводов о временном сдвиге в календаре рождений или слабой результативности. Предлагаются направления совершенствования программы: расширение возможностей использования средств, внедрение принципов адресности и усиление поддержки малообеспеченных семей. Делается вывод о потенциале материнского капитала как инструмента решения демографических и социально-экономических задач при условии его дальнейшей модернизации.

Материнский (семейный) капитал, социальное обеспечение, значение.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.67.35.

Skripnik Victoria Vitalievna,
Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE IMPORTANCE OF MATERNAL CAPITAL IN THE FIELD OF SOCIAL SECURITY

The article analyzes the maternity (family) capital, a key measure of social support for families with children in the Russian Federation, which has been in effect since 2007. It examines the goals of the program (stimulating birth rates and improving the welfare of families), its features (limited duration, indexation, and a limited number of ways to use the funds), and the scale of its implementation. The article also evaluates the effectiveness of the program in terms of its impact on demographic indicators and improving housing conditions. The article analyzes the contradictory results of research, ranging from the recognition of a significant increase in the birth rate to conclusions about a temporary shift in the birth calendar or a lack of effectiveness. The article proposes ways to improve the program, such as expanding the use of funds, implementing targeted approaches, and strengthening support for low-income families. The article concludes that maternity capital has the potential to address demographic and socioeconomic challenges, provided that it is further developed.

Maternity (family) capital, social security, significance.

В современном мире, где демографические вызовы и необходимость укрепления института семьи становятся все более острыми, поиск эффективных инструментов социальной политики приобретает особую значимость. Материнский (семейный) капитал, введенный в Российской Федерации в 2007 году, представляет собой одну из наиболее значимых и обсуждаемых инноваций в этой области.

Материнский капитал является инновационным инструментом в контексте развития человеческого капитала. Инвестиции в образование детей, которые частично финансируются за счет средств материнского капитала, способствуют повышению уровня образования и квалификации будущих поколений. Это, в свою очередь, оказывает положительное влияние на экономический рост и конкурентоспособность страны в долгосрочной перспективе.

Инициатива по внедрению материнского (семейного) капитала была продиктована необходимостью переломить демографическую динамику: ключевой задачей стало стимулирование перехода к модели семьи с двумя-тремя детьми как условию обеспечения простого воспроизводства населения. Законодатель прямо обозначил комплексный характер меры: помимо демографического эффекта, Федеральный закон [1] закреплял цель создания условий для достойной жизни семей с детьми. При этом в качестве приоритетного канала реализации потенциала господдержки рассматривалось решение жилищной проблемы – одного из наиболее острых барьеров на пути расширения семей.

Программа материнского (семейного) капитала выделяется в ряду пронаталистских мер как самобытный инструмент демографической политики. В отличие от многих зарубежных и отечественных аналогов, она сочетает три принципиальные характеристики: четко фиксированный срок действия, что изначально задает ей статус временной стимулирующей меры; существенный объем поддержки, регулярно корректируемый с учетом инфляции; а также жестко регламентированный перечень направлений расходования средств с крайне редкими исключениями в виде разовых выплат наличными. Такая конфигурация формирует особый режим использования ресурсов, балансирующий между масштабностью помощи и контролем за ее целевым применением.

В настоящее время это самая дорогостоящая мера социальной политики в стране: расходы на нее ежегодно растут, по данным Социального фонда России, в 2024 году российские семьи получили более 434 млрд. рублей выплат по материнскому капиталу. Общая сумма выплаченного материнского капитала в 2025 году в открытых источниках не опубликована [2].

В современном дискурсе социальной политики Российской Федерации программа материнского (семейного) капитала заняла центральное место как предмет интенсивных научных и общественно-политических дебатов. Ключевым фокусом дискуссий выступает комплексная оценка ее результативности: исследователи и эксперты сопоставляют фактические демографические показатели с целевыми ориентирами, заложенными при запуске инициативы. При этом итоговые выводы напрямую определяют перспективы дальнейшей судьбы программы – ее продление, корректировку или прекращение по истечении изначально установленного срока. Особое внимание уделяется причинно-следственным связям: насколько наблюдаемые изменения в репродуктивном поведении населения обусловлены именно действием материнского капитала, а не совокупным влиянием других факторов социально-экономической политики.

В многочисленных экономических и социологических исследованиях по этому вопросу приводятся различные количественные и качественные оценки. В общем виде полученные в них результаты можно свести к следующим позициям:

- программа материнского (семейного) капитала является важнейшей мерой по стимулированию рождаемости в России и за время своего действия обеспечила ее значительный прирост. Поэтому программу необходимо продолжать и усиливать, чтобы обеспечить дальнейшее улучшение демографической ситуации в стране;
- программа материнского (семейного) капитала не столько увеличила итоговые показатели рождаемости, сколько повлияла на сдвиг в календаре рождений, простимулировав часть семей к более раннему рождению того же числа детей. В случае продления программы как меры демографической политики ее желательно модифицировать;
- программа материнского (семейного) капитала не достигла поставленной цели, слабо повлияла или совсем не повлияла на показатели рождаемости в России и является неэффективной тратой бюджетных средств.

Комплексная оценка демографических результатов программы материнского (семейного) капитала сталкивается с существенными методологическими ограничениями. Ключевая проблема заключается в невозможности четко изолировать ее эффект от воздействия иных мер семейной политики, реализованных в тот же период, а также от влияния макроэкономических трендов – роста доходов населения, изменения доступности ипотечного кредитования, динамики безработицы и т.д. Аналогичные сложности возникают при анализе влияния программы на благосостояние семей: объективные показатели жилищной обеспеченности демонстрируют лишь слабые и неустойчивые улучшения, тогда как субъективные оценки благополучия фиксируются на заметно более высоком уровне. Это указывает на расхождение между фактическим повышением качества жизни и его восприятием бенефициарами программы.

Кроме того, наблюдается закономерный затухающий эффект стимулирующей меры: по мере привыкания общества к ее условиям изначальный мотивационный импульс ослабевает.

Данный феномен подчеркивает необходимость регулярной модернизации инструментов демографической политики: как в части состава мер, так и в отношении механизмов их реализации. При этом стратегический успех возможен лишь при долгосрочном планировании: демографические процессы отличаются высокой инерционностью, что требует устойчивых и последовательных решений на государственном уровне.

При широком охвате населения и большом объеме поддержки материнский (семейный) капитал обладает высоким потенциалом для повышения благосостояния семей с детьми. Однако заданные узкие рамки использования этих средств препятствуют его полноценной реализации, оставляя многие семьи без доступа к данному ресурсу или вынуждая их искать обходные, в том числе нелегальные пути, что снижает эффективность бюджетных расходов с точки зрения и семей и государства.

В случае принятия решения о продолжении программы материнского (семейного) капитала акценты его дальнейшей реализации могут быть несколько смещены в сторону усиления компонента социальной поддержки. Переформатирование программы может идти в направлении расширения возможностей использования средств при частичном применении принципов адресности для усиления поддержки за счет средств материнского (семейного) капитала малообеспеченных семей с детьми, например: разрешить использовать часть материнского капитала на дорогостоящее лечение, реабилитацию, ортопедические изделия, курсы восстановительной терапии для любого члена семьи (ребенка, родителя, совершеннолетнего брата / сестры); разрешить направить часть маткапитала на стартовый капитал для семейного ИП или микропредприятия (например, фермерство, ремесло, локальный сервис); расширить список образовательных услуг – разрешить тратить средства материнского капитала на курсы повышения квалификации, профпереподготовку, языковые школы для родителей, что позволить повысить доходы семьи через повышение конкурентоспособности родителей на рынке труда; направлять часть материнского капитала на оплату жилищно-коммунальных услуг для семей с низким доходом.

Указанные направления позволят повысить эффективность данной программы в плане повышения благосостояния семей с детьми и будет способствовать решению разного спектра социально-экономических проблем, с которыми сталкиваются семьи в связи с рождением и воспитанием детей, в том числе проблемы нехватки средств для обеспечения минимального уровня текущего потребления.

Таким образом, материнский (семейный) капитал представляет собой комплексную меру государственной поддержки семей с детьми в России, которая играет значимую роль в системе социального обеспечения. Программа действует с 2007 года и в настоящее время включена в национальный проект «Семья». Ее цель – не только стимулировать рождаемость, но и улучшить благосостояние семей, решить ряд социально-экономических проблем, связанных с рождением и воспитанием детей.

Эффективность материнского капитала в качестве инструмента стимулирования рождаемости неоднозначна и зависит от множества факторов, включая экономическую ситуацию и уровень доходов населения. Тем не менее, с текущими размерами выплат и ежегодной индексацией такая мера как материнский (семейный) капитал остается одной из наиболее дорогостоящих инициатив.

Существует потенциал для дальнейшего совершенствования программы. Введение принципа адресности, расширение способов использования средств и смещение акцента на поддержку малообеспеченных семей могут повысить ее результативность, способствуя более эффективному решению демографических, экономических и социальных вызовов.

В целом, материнский капитал подтверждает свою ценность как инструмента социального государства, интегрирующего различные аспекты поддержки семей в условиях глобальных тенденций снижения рождаемости и старения населения.

Библиографический список

1. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) [принят Государственной Думой 22.12.2006, одобрен Советом Федерации 27.12.2006]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102111148 (дата обращения: 25.03.2026).
2. Российские семьи получили свыше 434 млрд руб. выплат по маткапиталу в 2024 году. – Текст: электронный // Интерфакс: официальный сайт. – 2026. – URL: https://www.interfax.ru/russia/1010941 (дата обращения: 25.03.2026).

Сынкова Елена Михайловна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, Донецкая Народная Республика

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ЗАЩИТЫ ПРИВАТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рассматриваются и оцениваются правовые последствия, возникающие вследствие нарушения правил приватности из-за использования инновационных цифровых технологий, а также обосновывается необходимость использования правовых мер для их защиты. Анализируются возможные юридические и этические последствия и вызовы непредсказуемых рисков использования новых технологий. Обосновывается, что будущие сценарии в регулировании использования рисковых технологий должны быть смоделированы и отражены в законодательных нормах.

Юридические последствия, цифровые технологии распознавания лиц, судебная практика, процедуры, судебная защита.
Тематический рубрикатор E-Library 10.17.01.

Synkova Elena Mikhailovna,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Administrative and Financial Law,
Donetsk State University, Donetsk, Donetsk People's Republic

IMPROVING LEGAL INSTRUMENTS FOR PRIVACY PROTECTION IN THE DIGITAL WORLD

This article examines and evaluates the legal consequences arising from privacy violations caused by the use of innovative digital technologies, and substantiates the need for legal measures to protect them. It analyzes the potential legal and ethical implications and challenges of the unpredictable risks associated with the use of new technologies. It argues that future scenarios for regulating the use of risky technologies should be modeled and reflected in legislative norms.

Legal consequences, digital technologies, case law, procedures, judicial protection.

Быстрое развитие и широкое внедрение технологий распознавания лиц (далее – ТРЛ) обусловило целый ряд проблем и трудностей в правоприменении.. Эти проблемы и вызовы нельзя игнорировать.

Очевидно, что существует разрыв между правом и практикой в тех случаях, когда судебная система сталкивается с вопросами вне правовой системы.

В настоящее время технологии распознавания лиц (далее – ТРЛ) используются достаточно широко в государственном и частном секторе. Вопросы, связанные с использованием ТРЛ, затрагивают целый ряд проблем защиты прав человека, кибербезопасности и соблюдения норм права.

Согласно законодательным нормам существует обязанность у потребителей данных получать явное согласие и предварительно уведомлять т физических лиц о сборе биометрических данных от лице. Кроме того, лицу, владеющему биометрическими идентификаторами, запрещено получение прибыли от реализации биометрических идентификаторов.

Анализ материалов судебной практики показывает, что общественные и правовые последствия могут быть очень серьёзными, а использование этих технологий приносить вред, который невозможно предвидеть на данном этапе развития технологий.

ТРЛ потенциально может использоваться в новых сферах и приводить к нарушению традиционных методов взаимодействия в обществе. Возможное расширение ТРЛ, скорее всего, приведёт к другим формам вреда и юридическим последствиям, которые должны быть урегулированы нормативными актами, если могут быть отнесены к юридически непредсказуемым. В законодательстве РФ уже закреплены определённые правовые подходы, на которых основываются нормативные акты, законы и правила. Таким образом, государственная обязанность по регулированию новых технологий является важным инструментом для защиты, уважения и реализации прав человека и правового порядка в целом.

Обязанность регулировать ТРЛ необходима для функционирования верховенства закона и правового порядка. Принципы правовой определённости и законности являются жизненно важными элементами функционального права.

ТРЛ может привести к нарушению прав человека, поэтому важно регулировать использование ТРЛ, чтобы остановить или смягчить негативные последствия их применения.

Возможные юридические и этические последствия и вызовы рисков использования ТРЛ, трудно предсказать. Будущие сценарии или тенденции в регулировании недопустимых рисковых технологий будут зависеть от юридических и этических последствий, связанных с дальнейшей их разработкой и функционированием..

По мере развития систем ТРЛ, вероятно, будет усилен контроль и призывы к регулированию, чтобы решать не только вопросы предвзятости и конфиденциальности, но и гарантировать ответственность пользователей и (разработчиков. Серьёзной задачей для общества является установление баланса между преимуществами систем ТРЛ и рисками, которые они представляют для общества. Широкое распространение ТРЛ в основном будет связано с массовым наблюдением за ее применением, и выявлением негативных последствий для граждан.

Возможные злоупотребления, связанные с использованием ТРЛ в общественных пространствах и коммерческих целях, обусловливают необходимость установления чётких ограничений для предотвращения возможных рисков.

Судебная практика по спорам о применении ТРЛ связана преимущественно с использованием городских информационных систем. Так, Второй кассационный суд общей юрисдикции в 2025 году рассматривал спор, связанный с оспариванием сбора и обработки биометрических данных с использованием ГАИС «Сфера» и ТРЛ в метро г.Москвы (кассационное определение от 10.06.2025 № 88а-15413/2025) [1, с.98].

Несмотря на то, что суды принимают во внимание, в первую очередь, е безопасность пассажиров, проблема конфиденциальности данных и возможности проведения информационного аудита остается очень важной.

Нормативная база должна предоставлять комплексные и юридически обязательные правила, которые решают вопросы, возникающие при использовании ТРЛ в отношении сбора и обработки биометрических данных, обеспечения соблюдения прав человека и предоставления юридических средств защиты [2, с.466].

Полный юридический запрет не может рассматриваться как эффективное средство для устранения юридических и общественных последствий неправильного использования ТРЛ. Важно учитывать, что ИРЛ могут применяться в различных секторах по разным причинам. Возможно, полный запрет может привести к большему числу нарушений, в том числе в уголовно-правовой сфере.

При определении использования ТРЛ необходимо рассмотреть ряд дискуссий, среди которых должны быть такие аспекты, как:

- кто имеет право использовать ТРЛ:
- кто имеет право собирать и обрабатывать данные ТРЛ:,
- следует ли проверять оценку риска ТРЛ и пропорциональность:
- каким образом применения технологий ТРЛ должно соответствовать требованиям по минимизации данных,

Кроме того, компании, осуществляющие разработку технологий ТРЛ, имеют е право решать, каким образом осуществлять реализацию данных технологий. Эти технологии применяются, в частности, для наблюдения, цензуры и перехвата коммуникаций. В связи с этим важно обеспечить правовую основу для их использования.

Таким образом, быстрое внедрение ТРЛ в этих областях вызывает важные вопросы, касающиеся не только этических аспектов, но и личной конфиденциальности, безопасности данных и, требуя тщательного изучения, выходящего за рамки поверхностных преимуществ.

С помощью применения правовых норм можно выявить потенциальные пробелы, где новое законодательство станет необходимостью. Поэтому необходима регуляторная среда,

включая технологическое управление ТРЛ. Правовая база должна предусматривать процедуры и возможные юридические последствия применения ТРЛ [3, с.12].

Базовый подход в сфере общественной безопасности предполагает, что необходимо следовать «принципу необходимости» и избегать чрезмерного использования. В то же время в сфере коммерческих услуг решающее значение должно иметь «информированное согласие», что предполагает обязанность компаний по информированию пользователей и получению их согласия для пользования биометрическими идентификаторами и данными. Таким образом, в данном случае необходимо применять «принцип минимальной необходимости», предоставляя пользователям альтернативные методы проверки

Библиографический список

1. Великобратова Д.Н. Проблемы организации аудио и видео протоколирования судебного заседания / Д.Н. Великобратова, С.В. Федосеева. – Текст : непосредственный // Вестник науки. – 2026. – Т. 1, № 3(96). – С. 98–106.
2. Митрохин Д.А. Цифровые технологии в системе профилактики правонарушений: правовые основания, практика применения и направления совершенствования / Д.А. Митрохин. – Текст : непосредственный // Вестник Академии управления и производства. – 2026. – № 1. – С. 466–476.
3. Трифонов М.А. Угрозы фальсификации в системах биометрической аутентификации / М.А. Трифонов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2026. – № 2(605). – С.12–15.

Тарабукин Владимир Владимирович,
советник председателя МСФОО «ММА-Free Fighting» по вопросам безопасности и регионального развития, г. Кисловодск
Остапенко Андрей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и юридических дисциплин, Таганрогский филиал АНО ВО «Российский новый университет», г. Таганрог

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

В статье рассматриваются институциональные механизмы реализации правовой политики в сфере национальной безопасности РФ с акцентом на взаимодействие федеральных и региональных органов власти. Анализируется координация между ключевыми ведомствами (ФСБ, МВД, Минобороны и др.) и региональными структурами, раскрывается роль Совета Безопасности РФ. Освещаются механизмы межведомственного взаимодействия при противодействии терроризму, киберугрозам и ЧС, а также практика реализации стратегических документов. Определены направления совершенствования системы: цифровизация координации, профилактика угроз и адаптация нормативной базы. Подчеркивается, что слаженное взаимодействие уровней власти обеспечивает эффективную защиту национальных интересов.

Правовая политика, национальная безопасность, взаимодействие органов власти, институциональные механизмы.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.23.

Tarabukin Vladimir Vladimirovich,
Advisor to the Chairman of the International Society of Free Fighting MMA-Free Fighting on Security and Regional Development, Kislovodsk
Ostapenko Andrey Sergeevich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Legal Disciplines, Taganrog Branch of the Russian New University, Taganrog

INSTITUTIONAL MECHANISMS FOR IMPLEMENTING LEGAL POLICY IN THE FIELD OF NATIONAL SECURITY: COOPERATION BETWEEN FEDERAL AND REGIONAL AUTHORITIES

The article examines the institutional mechanisms for implementing legal policy in the field of national security in the Russian Federation, with a focus on the interaction between federal and regional authorities. It analyzes the coordination between key agencies (the Federal Security Service, the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Defense, etc.) and regional structures, and reveals the role of the Russian Security Council. The article highlights the mechanisms of interagency cooperation in countering terrorism, cyber threats, and emergencies, as well as the practice of implementing strategic documents (the National Security Strategy of the Russian Federation, etc.). The article identifies areas for improving the system, including digitalization of coordination, threat prevention, and adaptation of the regulatory framework. It is emphasized that well-coordinated interaction between the levels of government ensures effective protection of national interests.

Legal policy, national security, interaction between government agencies, and institutional mechanisms.

Эффективная реализация правовой политики в сфере национальной безопасности требует слаженного взаимодействия федеральных и региональных органов власти. В условиях многообразия угроз (от терроризма до киберугроз) критически важна четкая система координации, позволяющая оперативно реагировать на вызовы и обеспечивать защиту национальных интересов на всех уровнях управления.

Система координации строится на конституционных принципах единства системы исполнительной власти (ст. 77 Конституции РФ [1]) и разграничения предметов ведения (ст. 71–73 Конституции РФ [1]). Ключевые федеральные органы исполнительной власти в сфере безопасности: Федеральная служба безопасности РФ (далее – ФСБ РФ) (противодействие терроризму, контрразведка, защита критической информационной инфраструктуры), Министерство внутренних дел РФ (далее – МВД РФ) (охрана общественного порядка, борьба с преступностью), Министерство обороны РФ (оборона страны, участие в антитеррористических операциях), Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны,

чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее – МЧС России) (защита населения от чрезвычайных ситуаций) и Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (обеспечение общественного порядка, охрана важных объектов) взаимодействуют с региональными структурами через ряд механизмов. К ним относятся: создание совместных оперативных штабов при угрозе чрезвычайных ситуаций или терактов; проведение совместных учений и тренировок (например, антитеррористических учений «Набат»); обмен информацией через единую систему межведомственного электронного взаимодействия; заключение соглашений о сотрудничестве между федеральными ведомствами и региональными администрациями; формирование территориальных подразделений федеральных органов (региональные управления ФСБ, ГУ МВД по субъектам РФ и т.д.).

На региональном уровне создаются антитеррористические комиссии и комиссии по предупреждению и ликвидации ЧС, которые координируют деятельность местных подразделений федеральных органов, а также региональных и муниципальных структур. Это позволяет адаптировать федеральные решения к специфике конкретного региона и оперативно задействовать местные ресурсы при возникновении угроз.

Ключевую роль в координации играет Совет Безопасности РФ (далее – СБ РФ) – конституционный орган, обеспечивающий условия для реализации Президентом РФ его полномочий в области национальной безопасности (ст. 83 Конституции РФ [1], ФЗ «О безопасности» [2]). В его функции входит подготовка решений Президента РФ по вопросам национальной безопасности, координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, анализ угроз и выработка мер противодействия, организация стратегического планирования и контроль за реализацией Стратегии национальной безопасности РФ [3]. Инструменты координации включают заседания СБ РФ с участием руководителей федеральных и региональных органов, рабочие группы по отдельным направлениям (кибербезопасность, экономическая безопасность и др.), межведомственные комиссии и аппарат СБ РФ, обеспечивающий аналитическую и организационную поддержку. Через СБ РФ согласовываются позиции различных ведомств, что позволяет избежать дублирования функций и обеспечить единую правовую политику в сфере безопасности.

Эффективное противодействие угрозам требует комплексного подхода и четкого распределения ролей. На примере трех типов угроз можно проследить механизмы межведомственного взаимодействия:

1. Терроризм и экстремизм. Координацию осуществляет Национальный антитеррористический комитет (далее – НАК), который формирует единую стратегию противодействия. Региональные антитеррористические комиссии адаптируют ее к местным условиям. Совместные операции ФСБ, МВД и Росгвардии обеспечивают оперативное реагирование, а система профилактики экстремизма вовлекает образовательные и культурные учреждения для работы с молодежью и уязвимыми группами населения.

2. Киберугрозы. Для защиты критической информационной инфраструктуры действует ГосСОПКА (государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак). Взаимодействие ФСБ, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ и Банка России позволяет отслеживать угрозы в финансовой и цифровой сферах. На федеральном и региональном уровнях создаются центры кибербезопасности, а обмен информацией о киберинцидентах между госорганами и бизнесом помогает оперативно нейтрализовать атаки.

3. Чрезвычайные ситуации. Благодаря Единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее – РСЧС) осуществляется тесное взаимодействие МЧС, Министерства обороны, Министерства здравоохранения и региональных органов власти. В случае возникновения угрозы ЧС происходит формирование оперативных штабов на местах, к деятельности которых при необходимости могут быть привлечены Вооруженные Силы РФ. Благодаря такому взаимодействию обеспечивается комплексное реагирование на ЧС с максимальным использованием всех имеющихся ресурсов.

К общим механизмам межведомственного взаимодействия относят создание совместных планов действий, единых информационных систем, протоколов обмена информацией, проведение регулярных учений и тренировок, четкое разграничение полномочий и сфер ответственности. Благодаря наличию указанных инструментов становится возможным минимизировать временные затраты, затрачиваемые на реагирование на угрозы, а также повысить эффективность принимаемых мер.

Ряд принятых сегодня стратегических документов формирует основу правовой политики в сфере национальной безопасности. Их практическая реализация включает разработку федеральных и региональных программ безопасности, выделение финансирования на приоритетные направления, создание нормативно-правовой базы для исполнения стратегических задач, мониторинг и оценку эффективности принимаемых мер, а также корректировку планов с учетом меняющейся обстановки.

Анализ практики реализации антитеррористических программ в регионах указывает на то, что действенными они становятся только тогда, когда осуществляется грамотное сочетание общесистемных мер, но с учетом специфики региона. Ключевыми направлениями таких программ обычно выступает усиление охраны критически важных объектов инфраструктуры, осуществление профилактической работы с молодежью, в том числе путем реализации образовательных и культурно-просветительских проектов, повышение уровня киберграмотности населения, активное развитие применения современных технических средств обеспечения безопасности (видеонаблюдение, экстренное оповещение об угрозе ЧС и др.). Именно благодаря такому комплексному подходу удается придерживаться единого стратегического курса, задаваемого на федеральном уровне, и оперативно реагировать на локальные вызовы, тем самым повышая чувство стабильности и защищенности у местных жителей.

Таким образом, институциональные механизмы реализации правовой политики в сфере национальной безопасности – это сложная многоуровневая система, объединяющая как федеральные, так и региональные органы власти. Ее ключевыми элементами выступают четкое разграничение полномочий между властями различного уровня, осуществление эффективной координации Совета Безопасности РФ и межведомственных структур, создание работающих механизмов реагирования на различные виды угроз и стратегическое планирование, осуществляемое путем принятия долгосрочных стратегических документов.

Дальнейшее совершенствование рассмотренных механизмов необходимо осуществлять путем повышения оперативности межведомственного обмена информацией, внедрения цифровых технологий, в том числе для координации взаимодействия, усиления профилактики угроз как на федеральном, так и на региональном уровне, и адаптации действующей нормативно-правовой базы к новым вызовам.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : [с учетом поправок, внесенных законами №6-ФКЗ от 30.12.2008, №7-ФКЗ от 30.12.2008, №2-ФКЗ от 5.02.2014, №11-ФКЗ от 21.07.2014, №1-ФКЗ от 14.03.2020, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020, с учетом включения новых субъектов РФ, внесенных федеральными конституционными законами №5-ФКЗ от 04.10.2022, №6-ФКЗ от 04.10.2022, №7-ФКЗ от 04.10.2022, №8-ФКЗ от 04.10.2022]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 20.03.2026).
2. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) [принят Государственной Думой 07.12.2010, одобрен Советом Федерации 15.12.2010]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-

портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144301 (дата обращения: 20.03.2026).
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=602263723 (дата обращения: 20.03.2026).

Татьянина Анжелика Владимировна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ КАК КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Уголовно-правовая доктрина в состав субъективной стороны преступления включает вину, цель и мотив совершения противоправного деяния. В данной статье автор обращается к анализу цели и мотивов как факультативных признаков субъективной стороны преступлений экстремистской направленности, подчеркивая, что они носят системообразующий и конструктивный характер, помогая верно квалифицировать противоправные деяния экстремистов.

Экстремизм, преступления экстремистской направленности, экстремист, факультативные признаки субъективной стороны, цель преступления, мотив преступления.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Tatianina Anzhelika Vladimirovna,
PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor Department of Criminal Law and Procedure,
Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

OPTIONAL SIGNS OF THE SUBJECTIVE SIDE AS CONSTRUCTIVE SIGNS OF EXTREMIST CRIMES

The criminal law doctrine includes the guilt, purpose and motive of committing an unlawful act as part of the subjective side of the crime. In this article, the author addresses the analysis of goals and motives as optional features of the subjective side of extremist crimes, emphasizing that they are system-forming and constructive in nature, helping to correctly qualify the illegal acts of extremists.

Extremism, extremist crimes, extremist, optional signs of the subjective side, the purpose of the crime, the motive of the crime.

Как известно, субъективная сторона любого преступления представляет собой его внутреннюю сторону, раскрывает психическое отношение лица к совершаемому им деянию, и предполагает анализ осознания совершаемого поступка с точки зрения умственного и психического критериев. Признаки субъективной стороны преступления делятся на обязательные и факультативные. К числу обязательных признаков относится вина, которая может существовать как в форме умысла, так и в форме неосторожности. К числу факультативных признаков относятся цель, мотив совершения преступления, а также эмоциональное состояние преступника.

Вина в преступлениях экстремистской направленности выражена только в форме прямого умысла. В соответствии с положениями ст. 25 УК РФ преступление признается совершенным с прямым умыслом в тех случаях, если преступник осознавал общественную опасность своего деяния, предвидел возможность или неизбежность наступления последствий, обладающих признаками общественной опасности, и желал их наступления [1].

Характеристика факультативных признаков субъективной стороны состава преступления, как правило, сводится к рассмотрению мотива и цели деяния. Указанные дефиниции, несмотря на их использование в уголовном праве, в качестве основы своего определения имеют психологическую науку. При этом в психологии, как и в праве, отсутствует единообразный подход в определении цели и мотива, поэтому, не углубляясь в подробные исследования, отметим, что в качестве основы мотива большинство ученых выделяет потребности человека, а также его интересы, эмоции и влечения. Для преступлений экстремистской направленности мотив является обязательным признаком, что прямо указано в примечании 1 к ст. 282.1 УК РФ. Целью преступлений экстремистской направленности является результат, который представляет лицо при совершении преступления, и который, по его мнению, должен наступить после совершения общественно опасных деяний.

Рассматривая цель и мотив преступлений экстремистской направленности, следует уделить особое внимание лицам, которые совершают преступления по мотивам, внушенным им идеологией. На сегодняшний день многие экстремистские организации являются организациями, построенными на идеологии радикального ислама, в соответствии с другими данными все международные террористические организации так или иначе основаны на поддержании указанной идеологии [3, с. 66].

Возникновение радикальных течений в исламе связано с направлениями развития политической и экономической обстановки в мире. Радикальные направления появились и стали активно развиваться во второй половине XX века. При этом следует согласиться с мнением С.Б. Маргулис о том, что радикализм в исламе представляет собой явление, развивающееся в глобальном масштабе [4, с. 92]. То есть, исламский радикализм можно считать явлением международного характера, не присущим исключительно одному государству или какой-либо части общества, сплоченной религиозными взглядами.

Все радикальные течения в исламе связны одной общей идеей – установление подлинного исламского правления посредством борьбы с «неверными», что представляет собой, по сути, насильственное навязывание обществу и конкретным лицам, а также органам власти отдельных государств специфических религиозных взглядов, которые должны лежать в основе не только культурной и бытовой жизни, но и в основе построения политической и правовой системы государства.

В настоящее время достаточно развитыми являются несколько основных направлений ислама, которые считаются радикальными. Основным критерием отнесения исламских религиозных течений к радикальным выступает нетерпимость к другим религиям, а также иным направлениям ислама. Радикальными течениями пропагандируется джихад в той части, которая предполагает насильственное воздействие на население. Радикальные исламские группировки, пропагандируя свою идеологию, достигают своих целей посредством применения насилия, выраженного, в том числе, в деятельности экстремистских организаций, достигающих политических целей. Деятельность террористических организаций, основанных на идеях радикального ислама, представляет опасность как для отдельных государств, так и для всего человечества, в первую очередь, в связи со степенью опасности совершаемых преступлений в качестве средств достижения целей.

Итак, для определения субъективной стороны преступлений экстремистской направленности ключевое значение имеет вопрос установления мотива вражды или ненависти, например в совершении такого преступления, как организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ). Указанной нормой предусмотрена ответственность, в том числе, за создание экстремистского сообщества, то есть такого сообщества, деятельность которого будет направлена на совершение преступлений экстремистской направленности. Следовательно, наличие или отсутствие мотива вражды или ненависти по признакам религии, национальности, расы, политических и идеологических взглядов, а также по признаку социальной группы будет являться обязательным к установлению. При квалификации преступления по ст. 282 УК РФ, необходимо установить, осознавало ли лицо, что результатом его деяний будет являться возникновение у других лиц чувства ненависти и вражды к лицам, обладающим перечисленными выше признаками.

Практика применения норм УК РФ о преступлениях экстремистской направленности свидетельствует о том, что доказывание наличия или отсутствия мотива часто построено на признании обвиняемым наличия этого мотива. Например, судом, вынесшим приговор в отношении подсудимого, совершившего преступления, предусмотренные п.п. «ж», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п.п. «а», «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ в качестве одного из доказательств принято признание подсудимым наличия в его поведении мотивов националистического характера. Однако судом были учтены и инбые доказательства, такие как результаты обыска, свидетельствующие об обнаружении по месту жительства подсудимого материалов националистического характера, призывающих к уничтожению лиц неславянского происхождения [6].

Следует отметить, что в практике квалификации преступлений экстремистской направленности, и соответствующего установления наличия или отсутствие экстремистского мотива обвиняемыми часто отрицается данный мотив в их действиях, поскольку он является квалифицирующим признаком и влияет на тяжесть наказания. Например, судом при рассмотрении уголовного дела, несмотря на отрицание мотива расовой ненависти, было установлено, что обвиняемым совершено противоправное деяние именно по данному мотиву, следовательно, преступление органами предварительного расследования и судом квалифицировано по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако подсудимый и до вынесения приговора и в апелляционной жалобе отрицал мотив расовой ненависти, указывая, что убийство им было совершено в связи с тем, что он испытывал личную неприязнь к потерпевшему на почве алкогольного опьянения. Устанавливая наличие указанного мотива в действиях подсудимого, суд сослался на показания свидетелей, которые указали на то, что подсудимый придерживался националистических взглядов. В частности, испытывал неприязнь к любым лицам неславянского происхождения. Кроме того, в качестве доказательства судом приняты во внимание данные, полученные с изъятого у подсудимого телефона, в котором имелись изображения нацистской свастики и другие атрибуты Третьего Рейха [5].

Ключевой целью экстремистов выступает насаждение в общественном сознании и социальной практике своих исключительных взглядов, посредством насилия, угроз и иных противоправных действий. При этом их крайние взгляды связаны с неудовлетворенностью объективной реальностью, что влияет на формирование мотивов ненависти и вражды. Полагаем, именно в этой идее заключается ключ к пониманию мотивов экстремистской деятельности, как центрального системообразующего признака преступлений экстремистской направленности.

Цель каждого из составов преступлений экстремистской направленности связана с диспозицией нормы, устанавливающей ответственность за совершение конкретного противоправного деяния. Так, например, цель преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, выражается в возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении человеческого достоинства у других лиц, в том числе, неопределенного круга лиц [2]. Отметим, что в законе отсутствует определение понятий «ненависть» и «вражда».

Применительно к преступлениям экстремистской направленности, которые считаются таковыми при наличии в действиях субъекта их совершения соответствующего мотива, предусмотренного примечанием 2 к ст. 282.1 УК РФ, вопрос достижения или не достижения цели совершения преступления не является определяющим для его квалификации. Это связано с тем, что преступление имеет формальный состав, следовательно, считается оконченным в момент совершения противоправных действий.

Итак, субъективную сторону преступлений экстремистской направленности образуют деяния, совершенные лицом с прямым умыслом, то есть, виновный, совершая противоправное деяние, осознает его негативный характер и желает наступления общественно опасных последствий. Криминообразующим признаком субъективной стороны преступлений экстремистской направленности, является наличие целей, которые формируются на основе субъективных факторов и обозначены в Постановлении Пленума ВС РФ. Верное установление конечной цели, которую преследует субъект преступления, а также его мотивов, определение, какие именно взгляды и убеждения проявились в противоправном деянии, имеет определяющее значение для правильной квалификации, раскрытия и расследования преступлений экстремистского характера.

В случае, если мотивы ненависти или вражды не выявлены или обстоятельств, свидетельствующих об их наличии, недостаточно, то квалифицировать деяние как преступление экстремистской направленности неправильно, даже при, иногда, «видимых» признаках экстремизма. Специфика сформированных у преступника экстремистских целей и мотивов обязательно должны учитываться при выборе траектории исправительного процесса, в частности, в отношении содержащихся под стражей и осужденных экстремистов необходимо обеспечить их раздельное содержание от других категорий подследственных и осужденных.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Ст. 105, 106,107,108. – Текст : непосредственный.
2. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 23.12.2025). – URL: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 15.03.2026). – Текст : электронный.
3. Карягина О.В. Анализ современных угроз национальной безопасности страны / О. В. Карягина. – Текст : непосредственный // Государство и право России в современном мире: материалы международной научно-практической конференции, Кизляр, 15 мая 2024 года. – Махачкала: Формат, 2024. – С. 66–71.
4. Маргулис С.Б. К вопросу о теоретических основах и историческом развитии радикального ислама как политической идеологии / С.Б. Маргулис. – Текст : непосредственный // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2020. – № 2. – С. 88–105.
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.08.2017 № 5-АПУ17-60 // СПС Гарант. – URL: https://base.garant.ru/71760830/ (дата обращения: 15.03.2026). – Текст : электронный.
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.09.2019 № 78-АПУ19-29 // СПС Гарант. – URL: https://base.garant.ru/72878236/ (дата обращения: 15.03.2026). – Текст : электронный.

Татьянина Анжелика Владимировна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена анализу направлений совершенствования уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России на современном этапе. Автор отмечает, что тяжесть преступлений террористического характера вызывает необходимость защиты общественной безопасности уголовно-правовыми средствами, которые требуют оптимизации.

Терроризм, террористический акт, террор, преступления террористической направленности.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Tatianina Anzhelika Vladimirovna,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF CRIMINAL LEGISLATION ON RESPONSIBILITY FOR TERRORISM IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

The article is devoted to the analysis of the directions of improvement of criminal legislation on responsibility for terrorism in Russia at the present stage. The author notes that the severity of terrorist crimes necessitates the protection of public safety by criminal legal means, which require optimization.

Terrorism, terrorist act, terror, terrorist crimes.

Для привлечения к уголовной ответственности виновного лица, совершившего террористический акт, необходимо наличие всех признаков состава преступления, указанных законодательно. Однако юридическая конструкция, указанная в диспозиции в ч.1 ст.205 УК РФ, не соответствует действительности, что вызывает определённые сложности в деятельности правоохранительных органов, связанной с привлечением виновного лица в совершении террористического акта к уголовной ответственности.

Отметим, что законодательно объективная сторона, предусмотренная в ч.1 ст.205 УК РФ, выражается только в форме действия [1]. Следовательно, привлечение виновного лица к уголовной ответственности за совершение террористического акта возможно только в деянии, выраженном в форме его активных действий. Таким образом, происходит сужение объективной стороны этого преступления и коллизия права при квалификации террористического акта, совершенного в пассивной форме. Поэтому необходимо в ч.1 ст.205 УК РФ слово «действия» заменить дефиницией «деяния», что создаст возможность для расширения объективной стороны этого преступления и привлечения к уголовной ответственности лиц, которые совершили террористический акт бездействием, например, в случае, если субъект преступления имеет возможность оказывать влияние на крупные технологические, энергетические, транспортные процессы, при производстве которых бездействие может создать значительную угрозу для безопасности массы людей и имущественный вред.

Также стоит обратить внимание на объективную сторону террористического акта, где законодательно объединены деяния, различаемые по степени общественной опасности, однако с предусмотренной равнозначной санкцией за их совершение, а именно – «совершение» и «угроза совершения» действия, которые указаны в ч.1 ст.205 УК РФ. Полагаем, что таким образом имеет место нарушение принципа справедливости уголовного законодательства, в соответствии с которым наказание должно быть справедливым, а значит – соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Вследствие этого, полагаем, что существует обоснованная необходимость в разграничении этих двух составов.

Также полагаем необходимым усовершенствование субъективной стороны данного преступления. Так, предыдущая редакция УК РФ предусматривала такие цели, как: нарушение общественной безопасности; устрашение населения; оказание воздействия на

принятие решения органами власти. Действующая редакция предусматривает следующие цели: дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций; воздействие на принятие решений данными органами.

Полагаем, что такое изложение целей оказывает негативное влияние для правоприменительной практики, что является следствием юридических неточностей и неверных толкований при квалификации содеянного. Дестабилизация деятельности органов государственной власти и международных организаций, как цель, была введена в уголовное законодательство в 2014 г. До этого законодательно была предусмотрена только одна цель, а именно – воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями. Одновременно с этим, многие преступления тогда были квалифицированы по ст. 205 УК РФ (например, теракт в Московском метро 29 марта 2010 г. [2]). Стоит отметить об отсутствии тогда у террористов цели воздействия на принятие решений органами государственной власти или международными организациям при совершении этого теракта, после этого преступления произошло устрашение населения и нарушение общественной безопасности.

С точки зрения изложения уголовного законодательства в настоящей редакции, совершение террористического акта совершается с целью дестабилизации органов власти или международных организаций, а также в целях воздействия на принятие ими решений. Следовательно, цель, как признак субъективной стороны, имеет четкие границы в данном преступлении. Полагаем, такое изложение является недопустимым, поскольку совершение преступления может быть осуществлено с преследованием совершенно разных целей. Таким образом, цель, как признак субъективной стороны, не должна иметь каких-либо ограничений. Полагаем необходимым изменения диспозиции ч.1 ст.205 УК РФ с законодательным изложением таких целей, как нарушение общественной безопасности, а также устрашение населения.

Также стоит обратить внимание на то, что в одной из целей террористического акта говорится о воздействии на принятие решений властями или международными организациями, и относится только к такой цели, как «принятие решений». Однако цель террористов может состоять в предъявлении требований к государственным органам или международным организациям о каком-либо бездействии, например, воздержаться от осуществления каких-то действий. Полагаем, что такой пробел должен быть устранен.

Учитывая вышесказанное, предлагаем ч.1 ст.205 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Террористический акт представляет собой совершение взрыва, поджога или других деяний, которые устрашают население и создают опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба или наступления других последствий, если эти деяния осуществляются в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или дестабилизации деятельности органов государственной власти и международных организаций или воздействия на принятие решений либо воздержания от таких решений».

Рассуждая о включении в ч.1 ст.205 УК РФ угрозы совершения данного преступления, отметим, что включение в статью данной формы деяния обуславливает:

1) необходимость криминализации случаев совершения «предупреждающих» взрывов, поджогов, а также прочих подобных действий, которые не создают непосредственно опасность смерти, наступления других тяжких последствий или же нанесения имущественного ущерба, однако предназначены продемонстрировать реальность намерений виновных лиц;
2) необходимость усиления ответственности за терроризм путем переноса момента окончания преступления с фактического совершения действий на более ранний этап – высказывание соответствующей угрозы.

Отметим, что «угроза» представляет собой «обещание» выполнения действий, указанных в ч.1 ст.205 УК РФ, что влечет за собой проявление психического воздействия на людей в форме выражения намерения совершения взрыва, поджога или иных подобных действий. Одновременно с этим, угроза состоит не только из высказанного намерения совершения

террористического акта, но и определённых действий, демонстрирующих серьезность и реальность высказанного намерения (например, осуществление устрашающих «предупреждающих» взрывов, поджогов; приобретение огнестрельного оружия, каких-либо взрывчатых веществ; выполнение каких-либо подготовительных действий для последующего нарушения технологических процессов и пр.).

В связи с этим, необходимо отметить, что реальность намерения, воплощенная в конкретных осуществлённых действиях, отграничивает угрозу от непосредственного высказывания в форме обнаружения умысла с приданием ей уголовно-правового характера. Одновременно с этим, только решительности лица на осуществление высказанной угрозы для квалификации по ч.1 ст.205 УК РФ недостаточно. В особенности, когда угроза не сопряжена с последующим приготовлением к акту терроризма или же в случаях, если выполнение такой угрозы в принципе нереально, учитывая неспособность лица воплотить её.

Полагаем, что угрозу совершения террористического акта, как привилегированный состав данного преступления, необходимо сформулировать в ч.4 ст.205 с предусмотренным более мягким наказанием соответственно. Таким образом, полагаем, что ч.4 ст.205 необходимо сформулировать в настоящей редакции: «угроза совершения деяний, предусмотренных ч.1, ч.2, ч.3 настоящей статьи, в тех же целях…».

Отметим также, что в УК РФ отсутствует дифференциация ответственности за финансирование терроризма в зависимости от суммы денежных средств [4, с. 68]. Полагаем, что осуществление любой финансовой помощи террористам должно быть строго пресечено, в особенности в уголовно-правовом аспекте, однако уголовным законодательством не установлена ответственность за финансирование терроризма в зависимости от определённого стоимостного критерия.

Также, учитывая степень общественной опасности преступлений террористической направленности необходимо повысить меру уголовной ответственности за них и ввести дополнительные виды наказания к лишению свободы на определенный срок, пожизненному заключению либо смертной казни. По мнению Гулеева В.Е., даже пожизненное заключение сохраняет осужденному лицу размышления об амнистии или помиловании, пересмотре дела и пр. [3, с. 152] Как полагает указанный автор, освобождение от высшей меры наказания террористов и других преступников, открывает дорогу массовому рецидиву и возрастанию числа таких преступлений.

Автор данного исследования разделяет мнение ученого, полагая, что жестокость наказания не способствует сокращению преступности, однако смертная казнь так или иначе сдерживает преступность среди гражданского населения. Считаем, что наказание, предусмотренное ст.205.4, 205.5 УК РФ, для организаторов террористических деяний, а также для их пособников в совершении кровопролитных преступлений достаточно неравнозначно таким преступлениям. При условии доказанной вины таких лиц, полагаем, что следует ужесточать наказание, в том числе стоит предусмотреть возможность применения к ним высшей меры наказания – смертной казни.

При этом, отметим, что довольно часто террористы-смертники осуществляют террористические акты за вознаграждение, которое после осуществления данного преступления получают их родственники. При этом террористы, а также, возможно, и их осведомленные родственники не чувствуют угрызений совести и ответственности за свои поступки перед обществом. Вследствие этого, полагаем, что существует необходимость уточнения круга субъектов преступления, а также к лицам, подлежащими привлечению к ответственности в результате совершения террористического акта, отнести и близких родственников террористов.

При этом в соответствии с разработанным нормативно-правовым актом, должен быть определён круг близких родственников террористов, причастных к совершению данного преступления с определением степени ответственности каждого из них. С целью установления уровня участия в преступной деятельности, необходимо выяснять уровень осведомленности каждого из близких родственников о совершенных преступлениях, мерах

поддержки виновному лицу с их стороны, уровень их взаимоотношений, а также способы коммуникативной связи в подготовительных мероприятиях перед совершением террористического акта.

Таким образом, отличительная тяжесть преступлений террористического характера вызывает необходимость защиты общественной безопасности уголовно-правовыми средствами. Предполагаем, что после внесения настоящих поправок в уголовное законодательство об ответственности за терроризм, возможно достичь повышения уровня эффективности борьбы с терроризмом.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Ст. 105, 106,107,108. – Текст : непосредственный.
2. Взрывы в Московском метро – теракт // Cyberleninka.ru. – Текст : электронный. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-tseli-sovershеniya-prestupleniya-predusmotrennogo-st-205-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 02.02.2026 г.). – Текст : электронный.
3. Гулеев В.И. Смертная казнь в России и мире / В.И. Гулеев. – Москва: Юрайт, 2012. – 471 с. – Текст : непосредственный.
4. Карягина О.В. Анализ современных угроз национальной безопасности страны / О.В. Карягина. – Текст : непосредственный // Государство и право России в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции, Кизляр, 15 мая 2024 года. – Махачкала: Формат, 2024. – С. 66–71.

Тилинина Александра Олеговна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПОБОИ И ИСТЯЗАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В данной статье рассматриваются особенности уголовной ответственности за побои и истязание в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. Автором анализируются положения статей 116 и 117 УК РФ, раскрываются объективные и субъективные признаки указанных преступлений, а также рассматриваются проблемы их квалификации и разграничения со смежными составами преступлений. В результате исследования сделан вывод о том, что уголовно-правовая охрана физической неприкосновенности личности играет важнейшую роль в обеспечении безопасности граждан и предупреждении насильственных преступлений.

Побои, истязание, уголовная ответственность, преступления против личности, физическая неприкосновенность, насилие.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Tilinina Alexandra Olegovna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

BEATINGS AND TORTURE IN MODERN LEGISLATION: CRIMINAL LIABILITY ISSUES

This article examines the specifics of criminal liability for beatings and torture in accordance with the current legislation of the Russian Federation. The author analyzes the provisions of Articles 116 and 117 of the Criminal Code of the Russian Federation, reveals the objective and subjective signs of these crimes, and also examines the problems of their qualification and differentiation from related crimes. As a result of the study, it was concluded that the criminal protection of the physical integrity of the individual plays an essential role in ensuring the safety of citizens and preventing violent crimes.

Beatings, torture, criminal liability, crimes against the person, physical integrity, violence.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что процесс демократизации общества подразумевает утверждение верховенства общечеловеческих ценностей, среди которых первостепенное значение имеют жизнь, здоровье, свобода, достоинство, а также права и интересы каждого человека. Ключевая задача модернизации законодательной базы заключается в том, чтобы адаптировать правовые нормы к современным реалиям.

В сфере совершенствования уголовно-правового регулирования традиционно выделяют два основных вектора развития: первый – это нормотворческая деятельность, включающая разработку новых уголовно-правовых норм и доработку существующих, второй – оптимизация практики применения данных норм, что способствует укреплению законности в работе правоохранительных структур.

Проведённый анализ положений главы 16 «Преступления против жизни и здоровья» УК РФ выявил особенность двух составов преступлений: «побои» и «истязание» [1]. Они выделяются на фоне остальных, поскольку их специфика заключается в том, что они представляют собой особые формы воздействия на телесную неприкосновенность человека, в том числе унижающие его честь и достоинство.

Преступления, связанные с причинением физической боли, остаются достаточно распространенными в современной правоприменительной практике. Несмотря на то, что побои и истязание могут не всегда причинять тяжкий вред здоровью, они посягают на фундаментальные права человека, такие как право на физическую неприкосновенность, достоинство личности и безопасность. Государство, реализуя функцию охраны личности, устанавливает уголовную ответственность за подобные деяния, тем самым обеспечивая защиту граждан от насилия.

Особую остроту проблема приобретает из-за того, что случаи побоев и истязаний зачастую происходят в рамках семейно-бытовых отношений – там, где пострадавшие нередко оказываются в уязвимой или зависимой ситуации. Подобная специфика диктует необходимость более пристального контроля со стороны правоохранительных структур и законодательной власти. Не менее принципиальный момент – корректная юридическая квалификация таких противоправных действий: именно от неё во многом зависят и обоснованность назначаемого наказания, и результативность мер уголовно-правового воздействия в целом.

В уголовном законодательстве России побои и истязание квалифицируются, как преступления против личности. В качестве родового объекта здесь выступает сама личность, тогда как непосредственный объект – физическая неприкосновенность человека, то есть состояние защищенности организма человека от противоправного физического воздействия.

Согласно ст. 116 УКРФ, побои – это либо нанесение ударов, либо иные насильственные действия, которые вызывают у человека физическую боль. При этом важно, что такие действия не должны приводить к последствиям, описанным в статье 115 УК РФ. Таким образом, закон характеризует побои как противоправные поступки, цель которых – причинить физическую боль. Однако в результате этих действий вред здоровью человека не наносится. Следует отметить, что физическая боль является обязательным признаком данного состава преступления. Она представляет собой неприятное физическое ощущение, возникающее в результате воздействия на организм человека. При этом для квалификации деяния не требуется наличие видимых телесных повреждений. Даже при их отсутствии действия могут быть признаны побоями, если они причинили физическую боль потерпевшему.

Ответственность за данное преступление несёт физическое лицо, которое отвечает двум ключевым условиям: оно должно быть вменяемым, то есть способным осознавать свои действия и контролировать их, а также достичь шестнадцатилетнего возраста – именно с этого рубежа наступает уголовная ответственность за подобные деяния [2, с. 83].

В сравнении с побоями, истязание расценивается как преступление более высокой степени опасности. В соответствии со статьёй 117 УК РФ под истязанием понимают действия, которые причиняют человеку физические либо психические страдания. Это достигается за счёт регулярного нанесения побоев или применения иных насильственных методов воздействия. Следовательно, главная отличительная черта истязания – это именно повторяющийся, систематический характер противоправных действий, а не единичный эпизод насилия [3, с. 64].

Опасность побоев и истязаний для общества состоит в том, что эти деяния нарушают основополагающее право человека – право на физическую неприкосновенность. Они не просто причиняют боль, но и глубоко унижают достоинство личности, посягая на её базовые ценности. Помимо непосредственного физического вреда, подобные преступления наносят серьёзную психологическую травму. У пострадавшего нередко развивается устойчивое чувство страха, появляется ощущение полной беззащитности перед агрессией. Такие переживания способны надолго нарушить эмоциональное равновесие человека, негативно сказаться на его психическом здоровье и общем самочувствии.

Истязание представляет собой особенно серьёзную угрозу, поскольку отличается повторяемостью и затяжным характером воздействия. Постоянные мучения, которым подвергается жертва, неизбежно приводят к продолжительным физическим и моральным страданиям. Нередко подобные противоправные действия влекут за собой крайне тяжёлые последствия. В отдельных ситуациях систематическое насилие способно спровоцировать существенное ухудшение состояния здоровья пострадавшего, вплоть до причинения тяжкого вреда или даже летального исхода [4, с. 150].

Важно чётко отделять побои от иных случаев причинения вреда здоровью. В этой ситуации правовая оценка происходит на основании соответствующих статей Уголовного кодекса РФ, которые устанавливают ответственность именно за причинение вреда здоровью.

На практике, при квалификации подобных преступлений, часто возникают сложности. Они обусловлены тем, что необходимо точно определить характер и степень перенесённых потерпевшим страданий, а также установить, носили ли действия виновного систематический характер [5, с. 71]. Чтобы верно квалифицировать деяние, нужно детально изучить все обстоятельства произошедшего. В том числе, проанализировать показания пострадавшего и свидетелей, а также учесть экспертные заключения, полученные в ходе расследования.

Таким образом, привлечение к уголовной ответственности за побои и истязание выступает значимым звеном в системе защиты личности средствами уголовного права. Введение санкций за подобные деяния преследует сразу несколько целей: гарантировать охрану неотъемлемых прав и свобод человека, не допускать проявлений насилия в обществе и создавать условия для реальной безопасности граждан.

Подводя итог, следует отметить, что побои и истязание представляют собой общественно опасные деяния, посягающие на физическую неприкосновенность личности. Их правильная квалификация имеет важное значение для обеспечения справедливости и законности. Эффективное применение норм уголовного законодательства способствует укреплению правопорядка и защите личности от противоправных посягательств.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] // Государственная система правовой информации: Официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2025 гг. – Текст : электронный. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 12.03.2026).
2. Боровиков В.Б. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / В.Б. Боровиков, А.А. Смердов ; под ред. В.Б. Боровикова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2026. – 479 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-20004-1 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – Текст : электронный. – URL: https://urait.ru/bcode/583808 (дата обращения: 18.02.2026).
3. Бычков В.В. Преступления против здоровья: уголовно-правовое и криминалистическое противодействие : учебник для вузов / В.В. Бычков. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 345 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-14836-7 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – Текст : электронный. – URL: https://urait.ru/bcode/599016 (дата обращения: 18.02.2026).
4. Карягина О.В. Трансформация изменений уголовного законодательства в 2024 году: анализ законодательных новелл / О.В. Карягина. – Текст : непосредственный // Правовой порядок и юридическая деятельность : сборник научных статей IV Всероссийской национальной конференции студентов, магистрантов и молодых ученых, Ростов-на-Дону, 10 февраля 2025 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2025. – С. 150–152.
5. Татьянина А.В. Уголовное право. Общая часть / А.В. Татьянина, С.М. Хоменко. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2024. – 156 с. – ISBN 978-5-9201-0170-9. – Текст : непосредственный.

Толоманенко Наталья Андреевна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Татьянина Анжелика Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПОНЯТИЕ КРАЖИ И МЕЛКОГО ХИЩЕНИЯ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В настоящей статье проводится комплексный анализ понятий кражи и мелкого хищения в российском уголовном и административном законодательстве. Автор исследует юридическую природу кражи как тайной формы хищения чужого имущества, рассматривает объективные и субъективные признаки данного состава преступления. Особое внимание уделяется понятию мелкого хищения, его правовому регулированию в КоАП РФ, а также уголовно-правовому значению этого института, включая вопросы дифференциации ответственности, разграничения преступления и административного правонарушения.

Кража, хищение, мелкое хищение, тайное хищение, уголовная ответственность, административная ответственность.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.51.

Tolomanenko Natalia Andreevna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Tatianina Anzhelika Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE CONCEPT OF THEFT AND PETTABLE THEFT AND THEIR CRIMINAL-LEGAL SIGNIFICANCE

This article provides a comprehensive analysis of the concepts of theft and petty theft in Russian criminal and administrative legislation. The author explores the legal nature of theft as a secret form of theft of other people's property, considers the objective and subjective signs of this crime. Special attention is paid to the concept of petty theft, its legal regulation in the Administrative Code of the Russian Federation, as well as the criminal law significance of this institution, including issues of differentiation of responsibility, the distinction between crime and administrative offense.

Theft, embezzlement, petty theft, secret theft, criminal liability, administrative liability.

Институт хищения чужого имущества занимает центральное место в системе преступлений против собственности, поскольку посягает на основополагающие имущественные права граждан и организаций. Среди всех форм хищения кража является наиболее распространенным и, одновременно, базовым составом, от которого отталкивается законодатель при конструировании смежных норм. Особое значение в правоприменительной практике приобретает разграничение уголовно наказуемой кражи и мелкого хищения, которое признается административным правонарушением. Правильное понимание этих понятий и их уголовно-правового значения необходимо для точной квалификации деяний, соблюдения принципа справедливости и недопущения необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Понятие кражи дано в ст. 158 УК РФ, которая определяет ее как тайное хищение чужого имущества. Легальное определение хищения содержится в примечании 1 к указанной статье: под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Таким образом, кража представляет собой одну из форм хищения, характеризующуюся специфическим способом совершения – тайностью [1].

Юридическая наука и судебная практика выработали достаточно четкие критерии определения тайного характера хищения. Как разъясняется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», хищение признается тайным, если оно совершено в отсутствие собственника или иного владельца имущества либо посторонних лиц или хотя и в их

присутствии, но незаметно для них [3]. В доктрине уголовного права выделяется несколько типичных ситуаций, образующих тайный способ изъятия имущества.

Во-первых, кража имеет место, когда виновный действует в отсутствие кого-либо, кто мог бы наблюдать за его действиями и осознавать их противоправный характер. Во-вторых, хищение признается тайным, если оно совершается в присутствии потерпевшего или иных лиц, но незаметно для них – например, карманная кража или изъятие имущества у спящего человека. В-третьих, особую сложность представляют случаи, когда присутствующие при изъятии имущества лица фактически наблюдают за действиями виновного, однако сам виновный, исходя из окружающей обстановки, ошибочно полагает, что действует тайно. Такая ситуация также квалифицируется как кража, поскольку субъективная направленность умысла определяет форму хищения [5, с. 251]. Кроме того, кража может быть совершена в присутствии лиц, которые не осознают противоправности происходящего – например, малолетних детей или лиц, находящихся в состоянии сильного алкогольного опьянения, не понимающих значения происходящего. Также тайным признается хищение, совершаемое в присутствии близких родственников виновного, если он обоснованно рассчитывает на то, что они не станут препятствовать его действиям или сообщать о них.

Объективная сторона кражи характеризуется действиями по противоправному безвозмездному изъятию и обращению чужого имущества в пользу виновного или других лиц, в результате чего собственнику причиняется реальный имущественный ущерб. По законодательной конструкции состав кражи является материальным, то есть преступление считается оконченным с момента, когда виновный получил реальную возможность пользоваться или распоряжаться похищенным имуществом по своему усмотрению. При этом не имеет значения, успел ли виновный фактически реализовать эту возможность – достаточно самого факта ее появления. Если же виновный не смог распорядиться имуществом по не зависящим от него обстоятельствам, содеянное квалифицируется как покушение на кражу.

Субъективная сторона кражи характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает, что тайно изымает чужое имущество, предвидит неизбежность причинения ущерба собственнику и желает этого. Обязательным признаком является корыстная цель – стремление обратить похищенное имущество в свою пользу или пользу других лиц. Отсутствие корыстной цели исключает квалификацию содеянного как кражи. Например, противоправное изъятие имущества с целью его временного использования с последующим возвращением либо в связи с предполагаемым правом на это имущество не образует состава кражи.

Субъектом кражи может быть вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления четырнадцатилетнего возраста. Пониженный возраст уголовной ответственности обусловлен повышенной общественной опасностью данного деяния, а также его очевидностью для понимания несовершеннолетними.

Для понимания уголовно-правового значения кражи необходимо рассмотреть ее соотношение со смежными понятиями, в первую очередь – с мелким хищением. Понятие мелкого хищения закреплено в ст. 7.27 КоАП РФ [2]. В соответствии с данной нормой, мелким признается хищение чужого имущества путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями, указанными в ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ, если стоимость похищенного имущества не превышает определенного законом предела. Ч. 1 указанной статьи предусматривает ответственность за хищение имущества, стоимость которого не превышает одну тысячу рублей. Ч. 2 – за хищение стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей. Таким образом, верхний предел стоимости похищенного, при котором деяние признается мелким хищением и квалифицируется как административное правонарушение, составляет 2500 рублей.

Важнейшее уголовно-правовое значение данного стоимостного критерия заключается в разграничении преступления и административного правонарушения. Если стоимость похищенного при краже не превышает 2500 рублей и отсутствуют квалифицирующие

признаки, предусмотренные соответствующими статьями УК РФ, содеянное не образует состава преступления и влечет административную ответственность по ст. 7.27 КоАП РФ. Это правило реализует принцип экономии уголовной репрессии и позволяет сосредоточить усилия правоохранительных органов на борьбе с более опасными формами хищений.

Однако из этого правила есть существенное исключение. Уголовный кодекс был дополнен ст. 158.1, устанавливающей ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. Данная норма предусматривает, что мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, которое ранее привлекалось к административной ответственности по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ (то есть за хищение на сумму от 1000 до 2500 рублей), и вновь совершившее такое деяние, квалифицируется уже как уголовное преступление. Уголовно-правовое значение ст. 158.1 УК РФ заключается в создании механизма противодействия повторным мелким хищениям [4, с. 150].

При этом важно отметить, что для целей ст. 158.1 УК РФ имеет значение факт предшествующего привлечения именно по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ (хищение на сумму от 1000 до 2500 рублей). Привлечение к ответственности по ч. 1 указанной статьи (хищение до 1000 рублей) не образует признака повторности для уголовной ответственности. Кроме того, если лицо ранее привлекалось к административной ответственности по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, но вновь совершило мелкое хищение, предусмотренное ч. 1 указанной статьи (на сумму до 1000 рублей), содеянное продолжает оставаться административным правонарушением.

Дифференциация ответственности за хищение в зависимости от стоимости похищенного имущества имеет большое значение. Она позволяет, с одной стороны, обеспечить неотвратимость реагирования на любые формы противоправного завладения чужим имуществом, даже в форме административной ответственности, а с другой стороны – избежать избыточной криминализации деяний, не представляющих значительной общественной опасности. При этом конструкция ст. 158.1 УК РФ создает механизм усиления ответственности для лиц, которые, несмотря на примененные к ним меры административного воздействия, продолжают совершать аналогичные правонарушения.

Таким образом, понятия кражи и мелкого хищения находятся в сложной взаимосвязи. Кража как форма хищения, характеризующаяся тайным способом изъятия имущества, является базовой категорией уголовного права. Мелкое хищение выступает в качестве пограничного института, расположенного на стыке уголовного и административного права и выполняющего функцию фильтра, отделяющего преступления от административных правонарушений. Уголовно-правовое значение мелкого хищения проявляется в разграничении преступного и непреступного деяния, в определении оснований ответственности по ст. 158.1 УК РФ за повторное совершение такого деяния, а также в оценке общественной опасности содеянного при наличии квалифицирующих признаков. Дальнейшее совершенствование правового регулирования в этой сфере должно быть направлено на необходимость эффективного противодействия посягательствам на собственность.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. Ст. 105, 106, 107, 108. – Текст : непосредственный.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: ФЗ от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 08.03.2026). – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.03.2026).
3. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. От 15.12.2022). – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 10.03.2026).

4. Карягина О.В. Трансформация изменений уголовного законодательства в 2024 году: анализ законодательных новелл / О.В. Карягина. – Текст : непосредственный // Правовой порядок и юридическая деятельность : сборник научных статей IV Всероссийской национальной конференции студентов, магистрантов и молодых ученых, Ростов-на-Дону, 10 февраля 2025 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2025. – С. 150–152.
5. Конджарян А.А. Вопросы классификации преступлений против собственности / А.А. Конджарян, А.В. Татьянина. – Текст : непосредственный // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XXIII Национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 15–16 апреля 2022 года. – Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2022. – С.521–523.

Тугуз Руслан Тимурович,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Камышанова Анна Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

В статье рассматриваются актуальные проблемы системы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и предлагаются конкретные меры по ее совершенствованию через внесение изменений в действующее законодательство, прежде всего – в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Анализируются вопросы лимитов страховых выплат, системы коэффициентов, льгот и цифровизации услуг. Обосновывается необходимость предлагаемых изменений с точки зрения социальной справедливости и экономической эффективности.

Система обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, проблемы, направления совершенствования.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.27.65.

Tuguz Ruslan Timurovich,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Kamyshanova Anna Evgenievna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE SYSTEM OF MANDATORY CIVIL LIABILITY INSURANCE FOR VEHICLE OWNERS

The article discusses current issues in the system of compulsory civil liability insurance for vehicle owners and proposes specific measures to improve it by amending the current legislation, primarily the Federal Law on Compulsory Civil Liability Insurance for Vehicle Owners. The article analyzes the issues of insurance payout limits, the system of coefficients, benefits, and the digitalization of services. The article substantiates the need for the proposed changes from the perspective of social justice and economic efficiency.

System of compulsory civil liability insurance for vehicle owners, problems, and areas for improvement.

Система обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – ОСАГО) играет ключевую роль в защите имущественных интересов участников дорожного движения. Однако действующая модель регулирования сталкивается с рядом проблем, требующих законодательного решения. В статье предлагаются конкретные изменения, направленные на повышение эффективности и социальной ориентированности ОСАГО.

Согласно ч. 2 ст. 19 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», компенсационные выплаты ограничены: в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, – не более 500 000 руб. с учетом требований п. 7 ст. 12 настоящего Федерального закона, а в части возмещения вреда, причиненного имуществу каждого потерпевшего, – не более 400 000 руб. [1] Текущие лимиты не учитывают рост цен на ремонт и лечение, из-за чего страховое возмещение зачастую не покрывает реальный ущерб. В результате потерпевшие вынуждены взыскивать недостающую сумму с виновника ДТП через суд.

В связи с изложенным предлагается увеличить лимит по ущербу имуществу с 400 000 руб. до 800 000 руб., а лимит по вреду жизни и здоровью – с 500 000 руб. до 1 000 000 руб., предусмотрев ежегодную индексацию с учетом инфляции. Это позволит обеспечить соответствие реальной стоимости ремонта и лечения, снизить количество судебных споров о взыскании недостающей суммы и повысить защищенность потерпевших.

Коэффициент бонус-малус (далее – КБМ) – это показатель безаварийного вождения, который страховые компании используют при расчете стоимости ОСАГО. В настоящее время коэффициент бонус-малус увеличивается, если водитель признан виновным в ДТП.

При расчете КБМ не учитываются размер ущерба, наличие пострадавших и тяжесть происшествия: важен только факт вины и факт выплаты со стороны страховой. Такая единая система повышения КБМ не в полной мере стимулирует водителей к безопасному вождению, поскольку не дифференцирует степень вины и тяжесть последствий.

Для решения этой проблемы предлагается разграничить повышение КБМ в зависимости от степени вины и тяжести последствий. В случае мелких ДТП без пострадавших следует предусматривать минимальное повышение КБМ, а при ДТП с пострадавшими или серьезным ущербом – максимальное повышение (в пределах установленного лимита). Это повысит мотивацию водителей к безаварийному вождению, обеспечит более справедливую систему тарификации и поможет снизить количество мелких ДТП.

Современный этап развития транспортной системы характеризуется активным переходом к экологически устойчивым решениям, среди которых ключевую роль играют электромобили и гибридные автомобили. Эти транспортные средства не только отвечают глобальным экологическим вызовам, но и обладают рядом технических преимуществ с точки зрения безопасности эксплуатации.

Одним из значимых преимуществ электромобилей и гибридов является сниженный риск возгорания в сравнении с традиционными автомобилями с двигателями внутреннего сгорания. Это обусловлено существенным сокращением объема горючих материалов в конструкции: в электромобилях отсутствует топливный бак с легковоспламеняющимся бензином или дизельным топливом, а система охлаждения и энергоснабжения спроектирована с учетом повышенных требований пожарной безопасности. В результате при дорожно-транспортных происшествиях такие транспортные средства причиняют меньший материальный ущерб и представляют меньшую угрозу для жизни и здоровья участников движения.

Помимо аспектов безопасности, широкое внедрение электромобилей и гибридных автомобилей оказывает положительное влияние на экологическую обстановку. Отказ от ископаемого топлива напрямую снижает выбросы вредных веществ (оксидов азота, углеводородов, твердых частиц и углекислого газа), что способствует улучшению качества атмосферного воздуха в городах; снижению уровня заболеваемости, связанной с загрязнением окружающей среды (респираторные и сердечно-сосудистые заболевания); замедлению процессов изменения климата за счет сокращения парниковых выбросов.

Кроме того, использование электромобилей соответствует принципам рационального природопользования: снижается зависимость от невозобновляемых углеводородов; повышается эффективность энергопотребления (электродвигатели имеют более высокий КПД по сравнению с ДВС); развивается инфраструктура возобновляемых источников энергии, интегрируемая с зарядными станциями.

В контексте этих изменений особую актуальность приобретает совершенствование нормативно-правового регулирования, в т.ч. в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

В связи с этим предлагается дополнить ст. 9 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [1] новым коэффициентом экологичности, учитывающим класс экологичности двигателя, и закрепить методику его расчета в нормативных актах Банка России. Применять коэффициент следует только к транспортным средствам, официально зарегистрированным как электромобиль или гибрид в паспорте транспортного средства.

В системе обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств существует значимый пробел в социальной поддержке отдельных категорий граждан. В настоящее время федеральным законодательством льготы по ОСАГО предусмотрены исключительно для инвалидов, при соблюдении ряда условий им доступна компенсация в размере 50 % от стоимости полиса.

При этом другие социально значимые группы, регулярно сталкивающиеся с финансовой нагрузкой при оформлении обязательного страхования, остаются вне рамок льготного регулирования. К таким категориям относятся: пенсионеры, чей доход зачастую ограничен;

многодетные семьи, несущие повышенные расходы на содержание и воспитание детей; ветераны боевых действий, имеющие особые заслуги перед государством.

Отсутствие механизмов социальной поддержки для этих групп снижает доступность ОСАГО и не соответствует принципам социальной справедливости. Для устранения дисбаланса предлагается расширить перечень лиц, имеющих право на льготы по ОСАГО.

Реализация данных мер позволит повысить доступность ОСАГО для уязвимых категорий граждан, усилить социальную защищенность населения и сделать систему обязательного автострахования более справедливой и инклюзивной.

Электронные системы страховых компаний иногда становятся «временно неработоспособными», что затрудняет оформление е-ОСАГО. Так, в сфере электронного ОСАГО в 2025 году были отмечены технические сбои при оформлении е-ОСАГО (12% жалоб), проблемы с подтверждением личности клиента (8% жалоб) и задержки в регистрации электронного полиса в Автоматизированной информационной системе Российского союза автостраховщиков (6% жалоб) [2]. Для повышения удобства, доступности и эффективности страховых услуг, а также для соответствия современным технологическим трендам предлагается обязать страховые компании обеспечить полную функциональность мобильного приложения. Такое приложение должно позволять оформлять полис, подавать заявление о страховом случае, отслеживать статус рассмотрения и проводить удаленный осмотр транспортного средства по фото и видео.

Внедрение подобных цифровых решений улучшит клиентский опыт, сократит время обработки заявок, снизит административную нагрузку на страховые компании, уменьшит количество бумажных документов и повысит прозрачность процессов. Клиенты смогут оперативно взаимодействовать со страховщиком без необходимости посещения офиса, а страховые компании оптимизировать внутренние процессы и снизить издержки.

Реализация предложенных мер позволит создать более справедливую, прозрачную и эффективную систему ОСАГО, отвечающую современным потребностям общества и учитывающую технологические изменения в транспортной отрасли. Повышение защищенности потерпевших за счет увеличения лимитов выплат, более справедливая система тарификации через дифференцированный КБМ, стимулирование использования экологичного транспорта, социальная поддержка уязвимых категорий граждан и повышение удобства и доступности страховых услуг через цифровизацию – все это станет возможным при внедрении предлагаемых изменений.

Для их реализации потребуется внести соответствующие поправки в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [1] и нормативные акты Банка России, а также обеспечить техническую готовность страховых компаний к работе с новыми механизмами. Это потребует скоординированных усилий законодателей, регуляторов и участников страхового рынка, но в долгосрочной перспективе обеспечит устойчивое развитие системы ОСАГО и повысит доверие граждан к обязательному страхованию автогражданской ответственности.

Библиографический список

1. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [принят Государственной Думой 03.04.2002, одобрен Советом Федерации 10.04.2002]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102075866 (дата обращения: 26.03.2026).
2. ОСАГО в 2025 году: рост договоров на 21,5% при снижении премий – отчет НСИС. – Текст: электронный // Сравни: официальный сайт. – 2026. – URL: https://76.ru/text/gorod/2023/08/06/65237223/ (дата обращения: 26.03.2026).

Хейло Карина Вадимовна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ОТСРОЧКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БЕРЕМЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ И ЖЕНЩИНАМ, ИМЕЮЩИМ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ

В статье проводится комплексный анализ правовых оснований предоставления отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. Исследуются нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, регулирующие данный институт, а также рассматриваются актуальные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Особое внимание уделяется условиям применения отсрочки, основаниям ее отмены и правовым последствиям для осужденных.

Беременная женщина, женщина, имеющая малолетних детей, отсрочка отбывания наказания, лишение свободы, ограничение свободы, гуманизация уголовного законодательства, отмена отсрочки.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.35.

Heylo Karina Vadimovna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

POSTPONEMENT OF SERVING SENTENCES FOR PREGNANT WOMEN AND WOMEN WITH YOUNG CHILDREN: ANALYSIS OF LEGISLATIVE INITIATIVES

The article provides a comprehensive analysis of the legal grounds for granting deferred sentences to pregnant women and women with young children. The article examines the norms of criminal, criminal procedure and penal enforcement legislation governing this institution, as well as the current clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Special attention is paid to the conditions of application of the deferral, the grounds for its cancellation and the legal consequences for convicts.

Pregnant woman, woman with young children, postponement of serving a sentence, imprisonment, restriction of freedom, humanization of criminal legislation, cancellation of deferral.

Актуальность исследуемой темы обусловлена последовательной реализацией принципа гуманизации уголовного законодательства, в том числе выражающейся в расширении круга лиц, в отношении которых допускается применение отсрочки отбывания наказания. В соответствии с ч. 1 ст. 82 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), к числу таких субъектов отнесены: беременные женщины, женщины, имеющие детей в возрасте до четырнадцати лет, а также мужчины, являющиеся единственными родителями (отцы-одиночки), на воспитании которых находятся дети указанной возрастной категории либо несколько детей [1]. Данное законодательное решение свидетельствует о приоритете охраны интересов материнства и детства как конституционно значимых ценностей.

Существенным нововведением, расширившим сферу применения института отсрочки, стало распространение его действия на лиц, осужденных не только к лишению свободы, но и к ограничению свободы. Ранее право на отсрочку предоставлялось исключительно осужденным к реальному лишению свободы. Вместе с тем, ограничение свободы, как вид наказания, предполагает установление судом ряда правоограничений, включающих: запрет на выход из жилого помещения в ночное время, выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования, посещение мест проведения массовых мероприятий, а также обязанность являться в специализированный государственный орган для регистрации. Предоставление отсрочки отбывания наказания влечет освобождение осужденной женщины от применения указанных ограничительных мер, за исключением ограничений, связанных с выездом за пределы Российской Федерации, которые сохраняют свое действие в силу особенностей правового режима пересечения государственной границы.

Нормативная основа применения отсрочки отбывания наказания претерпела системные изменения, затронувшие три кодифицированных акта. В ст. 82 УК РФ уточнен круг лиц,

имеющих право на отсрочку и закреплены основания ее отмены. В ст. 398 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) регламентирован порядок отсрочки исполнения приговора на период беременности осужденной или до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста [3]. Кроме того, в ст. 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) внесены изменения, предоставляющие осужденной беременной женщине право обратиться в суд с ходатайством об отсрочке отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам либо со дня, когда такой отпуск мог быть предоставлен [2]. Данные законодательные решения обеспечивают механизм реализации права на отсрочку.

Фундаментальным условием предоставления отсрочки выступает наличие надлежаще оформленных документов, подтверждающих факт беременности либо наличие ребенка (детей) в возрасте до четырнадцати лет. Данное требование закреплено в абз. 1 ст. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2023 № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» [4]. В названном Постановлении также содержится важное разъяснение, касающееся рассмотрения ходатайств о предоставлении отсрочки осужденным беременным женщинам. Согласно абз. 2 ст. 5 указанного Постановления, при разрешении вопроса о предоставлении отсрочки женщине, осужденной к лишению свободы, либо при постановлении приговора суд обязан учитывать исключительно факт наступления беременности, не принимая во внимание ее триместр и общий срок. Данное разъяснение исключает возможность отказа в отсрочке по мотиву незначительного срока беременности, что в полной мере соответствует охранительной направленности рассматриваемого института.

Юридическая природа отсрочки отбывания наказания предполагает не только основания для ее предоставления, но и четко очерченный круг обстоятельств, влекущих ее отмену. В соответствии с ч. 2 ст. 82 УК РФ, если осужденная, которой предоставлена отсрочка, отказалась от ребенка или продолжает уклоняться от исполнения обязанностей по его воспитанию (в том числе при помещении ребенка в специализированное учреждение), суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции обязан отменить отсрочку и направить осужденную для отбывания наказания в место, назначенное приговором. При этом под уклонением от воспитания судебная практика понимает не только совершение активных действий, нарушающих права и законные интересы ребенка, но и пассивное поведение, выражающееся в систематическом неисполнении родительских обязанностей, а равно совершение осужденной в период отсрочки нового преступления. В последнем случае наказание назначается по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ (по совокупности приговоров), что фактически исключает возможность сохранения отсрочки.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить ряд проблемных аспектов, требующих научного осмысления и законодательного урегулирования. Во-первых, в доктрине уголовного права продолжается дискуссия о допустимости распространения отсрочки на женщин, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, в особенности против несовершеннолетних. Представляется обоснованной позиция, согласно которой принцип гуманизации не должен распространяться на лиц, совершивших насильственные преступления в отношении детей, поскольку в таких случаях интересы ребенка, находящегося с осужденной, могут вступать в противоречие с целями обеспечения его безопасности. Во-вторых, недостаточно четко регламентирована правовая ситуация, при которой женщина, формально имея малолетнего ребенка, лишена родительских прав. Сложившаяся судебная практика исходит из того, что отсрочка предоставляется только при условии сохранения родительских прав и фактического осуществления воспитания, поскольку в противном случае целевое назначение отсрочки – обеспечение единства матери и ребенка – не достигается.

Институт отсрочки отбывания наказания необходимо отличать от иных смежных институтов уголовного и уголовно-исполнительного права, таких как условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) и замена неотбытой части наказания

более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ). В отличие от перечисленных институтов, применяемых после фактического отбытия определенной части назначенного наказания, отсрочка реализуется до начала реального отбывания наказания либо в процессе его исполнения и имеет строго целевую направленность, а именно: создание условий для вынашивания беременности и воспитания ребенка до достижения им возраста четырнадцати лет. По достижении ребенком указанного возраста суд, оценив поведение осужденной в период отсрочки, принимает одно из двух решений: освобождает ее от отбывания наказания (при условии добросовестного выполнения родительских обязанностей и отсутствия уклонения от воспитания) либо заменяет оставшуюся часть наказания более мягким его видом [5].

В заключение необходимо отметить, что рассмотренные законодательные изменения разработаны Министерством юстиции Российской Федерации в рамках реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года [6] и направлены на достижение цели защиты прав осужденных, что соответствует конституционному принципу охраны достоинства личности. Данные новации могут быть оценены, как проявление последовательного смягчения уголовного законодательства. Главным достоинством правовых нововведений является их ориентированность на защиту детства, поскольку реальное исполнение приговора, связанного с лишением свободы, объективно лишает ребенка возможности совместного проживания с родителем. Предоставление женщине отсрочки отбывания наказания создает правовой механизм, позволяющий ей беспрепятственно осуществлять воспитание собственного ребенка до достижения им возраста четырнадцати лет, что в полной мере соответствует как частным интересам семьи, так и публичным интересам государства в сохранении и укреплении института семьи.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] : (ред. от 29.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 26.03.2026).
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/?ysclid=m3mt5dz5o0906979220 (дата обращения: 26.03.2026).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года, одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года] // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
4. О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 № 47 // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465014/?ysclid=m3mt5s83hg407255602 (дата обращения 26.03.2026).
5. Татьянина А.В. Уголовное право. Общая часть / А.В. Татьянина, С.М. Хоменко. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2024. – 156 с. – ISBN 978-5-9201-0170-9. – EDN UOHQVV. – Текст : непосредственный.
6. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610/ (дата обращения 26.03.2026).

Чаленко Григорий Александрович,
аспирант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Информационная политика государства играет ключевую роль в обеспечении национальной безопасности, формировании общественного сознания и развитии цифровой экономики. В условиях современной глобализации и цифровизации перед органами власти возникают новые вызовы и угрозы, требующие выработки эффективных механизмов управления информацией. Данная работа посвящена исследованию основных проблем информационной политики Российской Федерации, выявлению ключевых тенденций и перспектив развития.

Информационная политика, информационная безопасность, суверенитет, цифровое пространство, медиаграмотность, регулирование интернета, цифровое неравенство.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Chalenko Grigory Alexandrovich,
Postgraduate student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

ACTUAL PROBLEMS OF THE INFORMATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The information policy of the state plays a key role in ensuring national security, shaping public consciousness and developing the digital economy. In the context of modern globalization and digitalization, new challenges and threats arise before the authorities, requiring the development of effective mechanisms for managing information. This work is devoted to the study of the main problems of the information policy of the Russian Federation, identifying key trends and prospects for development.

Information policy, information security, sovereignty, digital space, media literacy, Internet regulation, digital inequality.

Введение

Российская Федерация сталкивается с рядом серьезных вызовов в сфере информационной политики. К ним относятся вопросы информационной безопасности, обеспечение свободы слова и доступ к объективной информации, развитие цифровых технологий и регулирование онлайн-пространства. Государству важно учитывать международные тенденции и национальные особенности, чтобы эффективно реагировать на возникающие риски и возможности.

Основные проблемы информационной политики РФ

Информационная безопасность

Среди всех прочих проблем одной из самых важнейших остается защита государственной тайны и иной конфиденциальной информации от несанкционированного доступа. Угрозы кибератак, фишинга, а также распространение вредоносного програмного обеспечения требуют постоянного совершенствования мер информационной безопасности и повышения уровня осведомленности населения о правилах поведения в Интернете. Защита критической информационной инфраструктуры, персональных данных граждан и государственных секретов требует постоянного совершенствования законодательства, технологических решений и кадрового потенциала. Необходимо также развивать международное сотрудничество в сфере кибербезопасности для противодействия трансграничным киберпреступлениям[1].

Другой актуальной проблемой является обеспечение сбалансированности между свободой слова и защитой от распространения деструктивной информации. Распространение фейковых новостей, экстремистской идеологии и пропаганды может представлять серьезную угрозу для общественной стабильности и национальной безопасности[2]. Необходимо

[1] Андреев А.Н., Иванов И.И. Проблемы информационной политики России // Вестник Московского университета. Серия Политология. – №3. – 2020. С. – 89–103.
[2] Егоров Н.М. Феномен фейковых новостей и проблема информационной гигиены // Философия и культура. – 2022. – №6. – С. 103–114.

разрабатывать эффективные механизмы регулирования информационного пространства, не ограничивающие свободу выражения мнений, но при этом предотвращающие распространение опасной информации.

Кроме того, важно противодействовать распространению ложной информации («фейковых новостей»), дезинформации, манипулированию общественным сознанием, которые могут негативно повлиять на стабильность общества и доверие граждан к государственным институтам.

Свобода слова и независимость СМИ

Свобода выражения мнений и свобода СМИ являются основными принципами демократического общества. Однако государству необходимо найти баланс между защитой гражданских прав и поддержанием порядка и стабильности. Должны быть созданы условия для свободного функционирования СМИ, включая поддержку региональных изданий и форматов государственных СМИ, способствующих развитию гражданского общества.

Проблемой остается дефицит качественных, независимых источников информации, особенно на региональном уровне. Важно поддерживать разнообразие взглядов и создавать механизмы взаимодействия между властью и обществом, обеспечивающие прозрачность и доступность официальной информации[1].

Кроме того, распространение фейковых новостей, экстремистской идеологии и пропаганды также может представлять серьезную угрозу для общественной стабильности и национальной безопасности. Необходимо разрабатывать эффективные механизмы регулирования информационного пространства, не ограничивающие свободу выражения мнений, но при этом предотвращающие распространение опасной информации.

Развитие цифрового пространства

Цифровая экономика стремительно развивается, создавая новые форматы коммуникации и способы обработки данных. Это предъявляет высокие требования к инфраструктуре связи, законодательному регулированию и защите персональных данных. Российские государственные органы активно внедряют технологии электронного правительства, обеспечивая гражданам удобный доступ к государственным услугам и сервисам[2].

Однако нерешенными остаются вопросы, связанные с оцифровкой архива, интеграцией различных электронных платформ и возможностью получения современных услуг для всех слоев населения, включая жителей отдаленных районов и людей пожилого возраста.

Другой важной задачей является обеспечение равного доступа к информации для всех граждан, независимо от их статуса, социального положения или уровня образования. Цифровое неравенство может привести к социальной изоляции и препятствовать развитию информационной среды в целом. Необходимо развивать цифровую инфраструктуру, повышать цифровую грамотность и создавать условия для доступного и качественного доступа к информации.

Регулирование социальных сетей и интернет-платформ

Социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни россиян, формируя общественное мнение и влияя на политические процессы. Поэтому особое значение приобретает разработка правовых норм, направленных на защиту пользователей от противоправных действий, пропаганды экстремизма и насилия[3].

В то же время чрезмерное государственное вмешательство в использование интернет-ресурсов может привести к ограничению свободы и снижению доверия граждан к интернет среде. Задача состоит в том, чтобы найти оптимальный баланс между контролем и свободой выражения мнений.

---

[1] Гордеев Д.А. Современные вызовы информационной безопасности Российской Федерации / Д.А. Гордеев // Право и управление XXI век. – 2021. – №2. – С. 45–58.

[2] Данилов Р.С. Цифровизация и её влияние на государственную политику в области информации // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 42, №2. – С. 14–28.

[3] Дубровский Е.В. Россия в эпоху перемен: современные тенденции информационной политики // Мир политики и социологии. – 2023. – №1. – С. 67–81.

Заключение

Таким образом, современная информационная политика Российской Федерации сталкивается с рядом сложных проблем, решение которых потребует усилий органов государственной власти и гражданского общества. Наиболее важными направлениями работы являются повышение уровня понимания информации людьми, поддержка независимых СМИ, содействие равному доступу к современным технологиям и реализация стратегии устойчивого развития в цифровом секторе. Решение этих насущных проблем требует комплексного подхода, основанного на сотрудничестве между правительством, бизнес-сектором, гражданским обществом и экспертным сообществом.

Библиографический список

1. Андреев А.Н. Проблемы информационной политики России / А.Н. Андреев, И.И. Иванов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия Политология. – 2020. – №3.– С.89–103.
2. Гордеев Д.А. Современные вызовы информационной безопасности Российской Федерации / Д.А. Гордеев. – Текст : непосредственный // Право и управление XXI век. – 2021. – №2. – С.45–58.
3. Данилов Р.С. Цифровизация и её влияние на государственную политику в области информации / Р.С. Данилов. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 42, №2.– С.14–28.
4. Дубровский Е.В. Россия в эпоху перемен: современные тенденции информационной политики / Е.В. Дубровский. – Текст : непосредственный // Мир политики и социологии. – 2023. – №1. – С. 67–81.
5. Егоров Н.М. Феномен фейковых новостей и проблема информационной гигиены / Н.М. Егоров. – Текст : непосредственный // Философия и культура. – 2022. – №6. – С.103–114.

Чеканова Алиса Михайловна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПРЕДЕЛЫ И ОСНОВАНИЯ ПЕРЕСМОТРА ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Данная статья посвящена анализу пределов и оснований пересмотра оправдательного приговора, обусловленных действием запрета поворота к худшему и презумпцией невиновности. Автор приходит к выводу, о том, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ и позиция Пленума ВС РФ жестко регулируют высокий стандарт защиты оправдательного приговора, но допуская существование нескольких исключений при серьезных нарушениях, но не при сомнении в доказательности. Аргументируется уточнение перечня нарушений, являющихся основанием для отмены.

Оправдательный приговор, пределы пересмотра, основания пересмотра, поворот к худшему, судебная ошибка, уголовный процесс.

Тематический рубрикатор e-Library: 10.79.41.

Chekanova Alisa Mikhailovna,
Master's student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

LIMITS AND GROUNDS FOR REVIEWING AN ACQUITTAL

The article analyzes the limits and grounds for reviewing an acquittal due to the prohibition of a turn for the worse and the presumption of innocence. The author concludes that the Code of Criminal Procedure and the positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation strictly regulate the high standard of protection of acquittal, allowing for several exceptions in case of serious violations, but not in case of doubt as to guilt. It is argued that the list of violations that are grounds for reversal should be clarified.

Acquittal, limits of review, grounds for review, a turn for the worse, judicial error, criminal process.

Оправдательный приговор представляет собой судебный акт, который подтверждает невиновность подсудимого и обладает повышенной устойчивостью [5, С. 42–44]. Однако уголовно-процессуальный закон допускает его пересмотр, благодаря чему соблюдается баланс между стабильностью судебного решения и необходимостью исправления ошибок.

Пределы пересмотра представляют собой установленные границы, в которых вышестоящий суд может это сделать (запрет поворота к худшему, сроки).

Несмотря на то, что процент оправдательных приговоров низок, вопросы их пересмотра имеют важное значение для защиты личности [3, С. 98–100]. Согласно официальной судебной статистике за 2024 год, по всем рассмотренным уголовным делам, вынесено 990 оправдательных приговоров, в то время как 512 845 лиц было осуждено [7].

Согласно ст. 401.6 УПК, пересмотр оправдательного приговора в кассационной инстанции, влекущий ухудшение положения оправданного, допускается в срок не более одного года со дня вступления решения в законную силу.

Действие запрета поворота к худшему ограничено годичным сроком и только по жалобе прокурора или потерпевшего. Сам запрет означает, что кассация не может окончательно ухудшить положение [2]. Для оправданного это означает, что суд кассационной инстанции, отменяя или изменяя приговор, не может сам признать его виновным, а только направить на новое рассмотрение.

Статья 389.25 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) [1] предусматривает особые случаи, когда можно отменить оправдательный приговор, но для уголовных дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей существуют два исключения.

Во-первых, отмена оправдательного приговора может быть, только если в ходе судебного разбирательства были допущены нарушения закона. То есть, если были серьезные нарушения самого процесса, указанные в п. 2, 8, 10, 11 ч. 2 ст. 389.17, в ст. 389.25 и ст. 401.15 УПК [4, С. 8].

Во-вторых, вердикт присяжных неясный или противоречит самому себе. Судья, если видит такую противоречивость, обязан немедленно отправить их обратно в совещательную комнату, чтобы уточнить и исправить вердикт. Если судья этого не сделал и принял такой вердикт, то приговор должен быть отменен.

Если же процедура соблюдена правильно, то решение о невиновности – окончательное.

Даже если суд кассационной инстанции сомневается в оправдательном приговоре, то согласно ст. 14 УПК – все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого (презумпция невиновности), то есть сомнения судебной коллегии является недостаточным фактором для отмены приговора.

Иллюстрацией служит дело гражданина Л., обвиненного в убийстве (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Присяжные оправдали его, посчитав непричастным. Апелляция отменила приговор из-за процедурных нарушений. К нарушениям отнесли: нарушение тайны совещания коллегии присяжных при вынесении вердикта (само совещание длилось менее 3 часов), вопросный лист хранился ненадлежаще и его местоположение неизвестно. Кассация отменила решение суда апелляционной инстанции в связи с тем, что в апелляционном определении не было указано, в чем именно заключалось нарушение тайны совещания присяжных заседателей. Также, коллегия присяжных пояснила, что они удалились на перерыв из-за ночного времени и продолжили утром, и совещались суммарно более 3 часов. Вопросный лист хранился у старшины присяжных в сейфе и доступа к нему у посторонних лиц не было, уголовно-процессуальный закон не содержит требования к хранению. Второй круг апелляции оставил оправдательный приговор в силе [6].

Проанализировав данное дело, можно перейти к выводам о том, что сомнения без доказательств в соблюдении процедуры – запрещены и выносить по ним вердикт, нельзя; требований к хранению вопросного листа, не закреплено законодательно. Кассационная инстанция вынесла определение только о процедурных ошибках, что подтверждает соблюдение принципа презумпции невиновности. Данный пример иллюстрирует, как вышестоящие инстанции, защитили оправдательный приговор от необоснованной отмены.

Подводя итог проведенного исследования можно сделать выводы о том, что пределы пересмотра приговора четко регламентированы УПК РФ. Основания для пересмотра или отмены – фундаментальные нарушения законодательства во время судебного процесса, с учетом изложенного предлагается внести изменения в УПК РФ в части конкретизации перечня нарушений норм уголовно-процессуального законодательства, которые могут возникнуть в ходе судебного рассмотрения, а также добавить требования касающиеся процедуры хранения вопросного листа при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) [принят Государственной Думой 22.11.2001, одобрен Советом Федерации 05.12.2001]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942 (дата обращения: 18.03.2026).
2. О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 (ред. от 09.12.2025). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: https://base.garant.ru/71551272/ (дата обращения: 14.03.2026).
3. Джамаева А.М. Оправдательный приговор в уголовном процессе России / А.М. Джамаева. – Текст : непосредственный // Образование. Наука. Научные кадры. – 2023. – № 4. – С. 98–100.

4. Куприянов А.А. Верховный Суд РФ поправил кассационный / А.А. Куприянов. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2021. – № 3(195). – С. 8.
5. Михайлова Е.С. Оправдательный приговор в уголовном процессе / Е.С. Михайлова. – Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 5-3(80). – С. 42–44.
6. Адвокат добился отмены определения апелляции, которым был отменен оправдательный приговор – Текст: электронный // Судебная практика. Уголовное право и процесс. – 17.01.2024 – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilsya-otmeny-opredeleniya-apellyatsii-kotorym-byl-otmenen-opravdatelnyy-prigovor/ (дата обращения: 14.03.2026).
7. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК за 2024 год. – Текст: электронный // Судебная статистика РФ: официальный сайт. – URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 14.03.2026).

Челмодеева Ксения Дмитриевна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

В работе исследуется стадия исполнения приговора как неотъемлемый элемент уголовного судопроизводства, обладающий спецификой и вызывающий ряд теоретических и практических дискуссий. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения принципов справедливости и защиты прав участников процесса, влиянием качества исполнения приговоров на доверие общества к судебной системе, значимостью для достижения целей уголовного наказания. В работе раскрыты сущностные признаки стадии исполнения приговора, отличающие ее от иных этапов судопроизводства; рассмотрен дуализм понятия «исполнение приговора»; обоснована самостоятельность стадии исполнения приговора через призму системных признаков и действие основополагающих процессуальных принципов; выявлены проблемы исполнения приговора как стадии уголовного процесса и сформулированы возможные пути их решения.

Исполнение приговора, стадия уголовного процесса, проблемы исполнения приговора.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.79.47.

Chelmodeeva Kseniya Dmitrievna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

MODERN PROBLEMS OF DECISION-MAKING ON ISSUES IN THE EXECUTION PHASE

The paper examines the stage of sentence execution as an integral part of criminal proceedings, which has its own specific features and raises a number of theoretical and practical discussions. The relevance of the topic is due to the need to ensure the principles of justice and protect the rights of participants in the process, the impact of the quality of sentence execution on public trust in the judicial system, and its significance for achieving the goals of criminal punishment. The paper reveals the essential features of the sentencing stage that distinguish it from other stages of legal proceedings; examines the dualism of the concept of «sentencing»; substantiates the independence of the sentencing stage through the prism of systemic features and the operation of fundamental procedural principles; identifies the problems of sentencing as a stage of the criminal process, and formulates possible solutions.

Execution of a sentence, stage of the criminal process, and problems with the execution of a sentence.

Актуальность современных проблем исполнения приговора, как стадии уголовного процесса обусловлена рядом факторов, связанных с теоретическими разногласиями, практическими сложностями и влиянием на эффективность уголовного правосудия.

Правильное исполнение приговора гарантирует реализацию принципов справедливости, защиту прав всех участников процесса и поддержание доверия общества к правосудию. Ошибки или нарушения в этой стадии могут привести к нарушению прав осужденных и потерпевших, а также подорвать доверие к судебной системе. Кроме того, от эффективного исполнения приговора зависит достижение целей уголовного наказания, включая исправление осужденного и предотвращение повторных преступлений. Проблемы в этой сфере могут негативно сказаться на общественной безопасности и правопорядке.

В уголовно-процессуальной теории, исполнение приговора принято считать завершающей обязательной стадией судопроизводства – тем итоговым этапом, который подводит черту под всем ходом уголовного разбирательства. При этом само воплощение судебного решения в жизнь становится возможным лишь после того, как оно приобретает законную силу, что служит гарантией стабильности правоприменения и исключает преждевременное вмешательство в правовой статус участников процесса.

Исполнение приговора, оставаясь самостоятельной стадией уголовного процесса, демонстрирует ряд сущностных особенностей, выделяющих его на фоне иных стадий судопроизводства:

- оно не является контрольной по отношению к предшествующим и, будучи завершающей стадией, не является подготовительной по отношению к последующим – это финальный этап судопроизводства;
- имеет свой собственный предмет доказывания, отличающийся от закрепленного в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [1], поскольку ориентировано не на установление вины, а на разрешение вопросов исполнения;
- рассматриваемая стадия может быть как краткосрочной (обращение приговора к исполнению), так и растянутой на годы (например, при многократном рассмотрении ходатайств об условно-досрочном освобождении (далее – УДО));
- для него характерен особый круг участников. Помимо суда, здесь задействованы осужденный, администрация исправительного учреждения, а в ряде случаев – потерпевший, гражданский истец и другие лица, чьи права затрагиваются исполнением приговора;
- имеет ряд особенностей процессуального характера.

Приведенные особенности породили в научной среде принципиальную дискуссию о процессуальном статусе исполнения приговора. Ряд исследователей ставят под сомнение его квалификацию как самостоятельной стадии уголовного процесса, аргументируя это сущностным отличием данной деятельности от иных стадий судопроизводства[2,3].

Действительно, стадия исполнения приговора принципиально отличается от предшествующих стадий: здесь уже нет уголовного преследования, а вопрос о виновности окончательно разрешен. На первый план выходят сугубо прикладные задачи: реализация судебного решения и урегулирование сопутствующих правовых ситуаций.

Ключевой методологический шаг – четкое разграничение двух разнородных видов деятельности, объединяемых термином «исполнение приговора»:

- административно-исполнительная деятельность – практическая реализация наказания органами Федеральной службы исполнения наказания и иными уполномоченными структурами. Это сфера исполнения, а не правосудия: перевод осужденного между учреждениями, применение поощрений/взысканий, организация труда и т.п.;
- судебно-процессуальная деятельность – разрешение судом вопросов, порожденных исполнением приговора. Она носит длящийся характер: ходатайства могут возникать спустя годы после фактического отбытия наказания (о реабилитации, досрочном снятии судимости и др.). Здесь суд не пересматривает виновность, но корректирует правовые последствия приговора в рамках действующего законодательства.

Исполнение приговора в первом значении, принципиально не может квалифицироваться как стадия уголовного процесса. Деятельность органов исполнения наказания по своей природе относится к сфере уголовно-исполнительного права: она не затрагивает материально-правовое содержание вступившего в силу приговора и не меняет установленного порядка его реализации.

Все аспекты практического применения мер уголовно-правового воздействия: от регулирования режима отбывания наказания до применения стимулирующих и карательных механизмов (изменение условий содержания, предоставление льгот, наложение взысканий и т.п.), – составляют предмет самостоятельной отрасли права. Это не процессуальная, а исполнительно-административная деятельность, нацеленная на фактическую реализацию наказания в рамках уже определенного судом правового режима. Иными словами, здесь речь идет не о судопроизводстве, а о государственном принуждении в форме исполнения судебного решения – этапе, где правоприменительные полномочия переходят от суда к специализированным органам исполнения наказаний.

В фокусе нашего анализа исполнение приговора во втором значении, как сугубо процессуальная деятельность суда, требующая самостоятельного научного осмысления. Несмотря на упомянутые дискуссионные позиции, в доктрине уголовного процесса устойчиво преобладает взгляд на исполнение приговора, как на полноценную стадию судопроизводства. Это представление укоренено не только в учебниках, но и в фундаментальных

исследованиях, причем его обоснование выходит за рамки исторической традиции. Суть в том, что данная деятельность объективно обладает всеми системными признаками стадии уголовного процесса: реализация судебного решения (обращение к исполнению), разрешение процессуальных вопросов в ходе исполнения, частичное или полное исполнение приговора в прямо предусмотренных законом случаях (например, освобождение из под стражи в зале суда); особый круг участников с четко очерченными процессуальными статусами; специфическая процессуальная форма; урегулирование вопросов, возникающих после вступления приговора в законную силу; итоговый процессуальный акт, разрешающий заявленный вопрос и имеющий обязательную силу. Таким образом, совокупность этих признаков позволяет с полными основаниями рассматривать исполнение приговора, как самостоятельную стадию уголовного процесса.

Подтверждением самостоятельного характера стадии исполнения приговора, выступает реализация на данном этапе основополагающих процессуальных принципов: законности, разумности сроков судопроизводства, осуществления правосудия только судом, уважения чести и достоинства личности, ее неприкосновенности, охраны прав и свобод человека и других. Эти принципы не просто присутствуют формально, они непосредственно детерминируют весь ход процессуальной деятельности. Их универсальность и непреложная сила наглядно демонстрируют, что исполнение приговора – не техническая процедура, а полноценная стадия уголовного судопроизводства.

Эффективность исполнения приговоров в части гражданского иска также остается острой проблемой: на практике взыскание присужденных сумм систематически наталкивается на объективные барьеры – отсутствие у осужденных имущества и стабильного дохода, а также умышленное сокрытие активов и заработков. Дополнительно осложняют ситуацию два взаимосвязанных фактора: ограниченные возможности обеспечить осужденным трудовую занятость в местах лишения свободы; их сознательное нежелание трудиться, подрывающее саму возможность погашения долга. Таким образом, механизм принудительного исполнения имущественных взысканий функционирует с существенными изъянами, что ставит под сомнение реализацию принципа восстановления прав потерпевшего.

Для системного преодоления проблем с взысканием ущерба предлагаем многоуровневый подход, сочетающий стимулирующие и контрольные механизмы:

- обязательная программа трудовой реабилитации: закрепление за каждым осужденным индивидуального плана трудоустройства в местах лишения свободы; квотирование рабочих мест на предприятиях при исправительных учреждениях; введение системы профессионального обучения под актуальные запросы рынка труда (на сегодняшний день достаточно эффективно реализуется программа ресоциализации лиц, освобождающихся или освободившихся из мест лишения свободы) [4];
- механизм поэтапного возмещения вреда: установление минимального ежемесячного платежа, исходя из реальных возможностей осужденного;
- альтернативные формы компенсации: разрешение возмещать ущерб трудом (общественные работы по согласованию с потерпевшим); возможность передачи имущества или имущественных прав вместо денежных выплат;
- защита интересов потерпевшего: обязательное уведомление о каждом этапе исполнения иска.

Таким образом, стадия исполнения приговора предстает не статичной схемой, а эволюционирующей правовой конструкцией, чутко реагирующей на меняющиеся социальные запросы. Ее несовершенство – не изъян, а закономерный атрибут: она одновременно и зримо, и объективно предопределена необходимостью балансировать между карательной функцией, реабилитацией осужденного и защитой прав потерпевшего.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) [принят Государственной Думой 22.11.2001, одобрен Советом Федерации 05.12.2001]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942 (дата обращения: 02.02.2026).
2. Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования / О.В. Волколуп ; Ассоц. Юрид. центр. – Санкт-Пебербург: Юрид. центр Пресс, 2003. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса). – ISBN 5-94201-216-4. – EDN QVPKJD. – Текст: непосредственный.
3. Николюк В.В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения / В.В. Николюк. – Орел : Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2015. – 236 с. – EDN ZGHXMB. – Текст: непосредственный.
4. Карягина О.В. Вопросы ресоциализации осужденных к лишению свободы женщин / О.В. Карягина, К.Э. Богославская. – Текст: непосредственный // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2023. – № 4(40). – С. 32–37. – EDN YXJVEA.

Челмодеева Ксения Дмитриевна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Татьянина Анжелика Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье проведен комплексный анализ причин возникновения и становление терроризма в современном мире. Автором выделены и систематизированы ключевые причины радикализации по шести направлениям: политическим, социально-экономическим, религиозным, идеологическим, духовно-нравственным и правовым. Подчеркивается, что сложившаяся ситуация создает риски для национальной безопасности и требует комплексного подхода к противодействию терроризму.

Терроризм, экстремизм, национальная безопасность, радикализм.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.81.35.

Chelmodeeva Ksenia Dmitrievna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Tatyanina Angelika Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE CAUSES OF TERRORISM IN THE MODERN WORLD

The article provides a comprehensive analysis of the causes and development of terrorism in the modern world. The author identifies and systematizes the key causes of radicalization in six areas: political, socio-economic, religious, ideological, spiritual-moral, and legal. The article emphasizes that the current situation poses risks to national security and requires a comprehensive approach to countering terrorism.

Terrorism, extremism, national security, radicalism.

В современной России угроза терроризма нарастает на фоне распространения политического, этнического и религиозного экстремизма – явлений, которые не только подрывают основы национальной безопасности, но и напрямую затрагивают судьбы миллионов людей. Экстремизм представляет опасность не только для государственных институтов и экономической стабильности – он затрагивает безопасность каждого человека. Его последствия выражаются в разрушении общественного доверия, росте страха и неопределенности в будущем, а также в угрозах суверенитету и территориальной целостности государства [3, с. 13].

Терроризм, являясь социально-политическим феноменом, сам по себе не возникает. Его появление напрямую связано с существующими длительный срок внутренними противоречиями и возникающим ощущением несправедливости, которые плотно укоренились в обществе. Рассмотрим несколько базовых условий, влияющих на формирование и развитие основ радикализма и, как следствие, инициирующих переход к насильственным методам борьбы.

1. Глубинные культурные и ценностные противоречия. Во многих случаях корни террористических движений уходят в затяжные споры вокруг идентичности – национальной, религиозной, культурной. Когда люди убеждаются, что их традиции, мировоззрение или образ жизни оказываются под угрозой, возникает чувство уязвимости и отчуждения. В такой атмосфере радикальные идеи начинают восприниматься не как крайность, а как способ защитить то, что кажется жизненно важным.

2. Следствием вооруженных конфликтов зачастую становится быстрое укоренение на определенной территории террористических установок. Постоянное применение насилия размывает любые моральные ориентиры, в связи с чем методы устрашения становятся чем-то обыденным, не вызывающим осуждения. В таких условиях любые террористические проявления становятся инструментом давления, с помощью которых становится возможным пошатнуть устойчивость противника, посеять панику и страх, добившись тем самым своих политических целей.

3. Социально-экономическое неравенство также значительно влияет на распространение терроризма: колоссальные различия в уровне жизни, доступе к ресурсам, политическому влиянию формирует в обществе чувство несправедливости. С давних времен известно, если одна часть общества живет значительно лучше и при этом пытается навязать свое мнение другим, происходит накопление пассивной агрессии; в тех, кто «лучше, сильнее, богаче» люди начинают видеть своих врагов и винить их во всех своих проблемах, что впоследствии приводит к конфронтации.

4. Существование тайных идеологических обществ и религиозных групп. Особенно опасными представляются сообщества, чья деятельность построена вокруг идеи о своей исключительности и стоящей перед ними особой миссии, что позволяет им на пути к достижению своих целей оправдывать любые действия, в том числе и насильственные.

5. Наличие большого числа нерешенных экономических и правовых проблем. В условиях, когда государственные институты не справляются с возложенными на них функциями, и нестабильности экономики, радикальные структуры легко находят единомышленников, обещая крайне простыми способами разрешить сложные проблемы и предлагая силу как единственно эффективный инструмент.

Основные причины возникновения терроризма можно разделить на политические, социально-экономические, религиозные и идеологические, духовные, этнонациональные и правовые.

Среди политических детерминант терроризма центральное место занимает системная политическая нестабильность – состояние, при котором институты власти утрачивают способность обеспечивать предсказуемость и устойчивость общественного развития [2, с.623]. К числу иных значимых политических факторов, провоцирующих радикализацию, относятся:

1. Внешнее деструктивное воздействие: целенаправленная деятельность зарубежных террористических структур, нацеленная на подрыв суверенитета и расшатывание основ российской государственности, в т.ч. через поддержку сепаратистских и экстремистских движений.

2. Институциональный кризис политической конкуренции: обострение противостояния партий, движений и объединений на фоне дефицита культуры цивилизованного диалога и механизмов мирного урегулирования разногласий.

3. Разрыв между декларацией и практикой демократии: расхождение между провозглашенными принципами народовластия, прав и свобод и их реальной реализацией, что порождает разочарование в институтах представительства и легитимирует радикальные методы борьбы.

4. Пробелы в системе противодействия угрозам: недостаточная оперативность и скоординированность действий правоохранительных органов, слабость превентивных механизмов выявления и нейтрализации террористических ячеек на ранних стадиях.

5. Коммуникационный разрыв между властью и обществом: отсутствие действенных каналов взаимодействия между органами власти всех уровней и населением в вопросах гармонизации межнациональных и межэтнических отношений, что создает зоны напряженности и недоверия.

6. Дефекты национально-государственного устройства: структурные дисбалансы в федеративных отношениях, несвоевременное реагирование на этнополитические вызовы, затягивание модернизации национальной политики и отсутствие четких стратегий профилактики межэтнической конфронтации.

7. Низкая результативность политических преобразований, их фрагментарность и непоследовательность, что усиливает ощущение стагнации и провоцирует поиск альтернативных, в т.ч. насильственных путей изменений.

8. Геополитическое давление с элементами террористической инструментализации: попытки внешнего влияния на внутреннюю политику России посредством поддержки радикальных сил и использования террористических методов под прикрытием лозунгов о

«распространении демократии», в т.ч. в рамках стратегий, нацеленных на ослабление геополитических конкурентов.

Низкий уровень жизни – ключевой социально-экономический катализатор терроризма. К нему добавляется коммерциализация насилия: доходы от нелегальной торговли (оружием, наркотиками, людьми) формируют устойчивую финансовую базу радикальных групп. Ситуацию усугубляют социальное размежевание, безработица, ослабление правовых и моральных норм, а также массированная пропаганда жестокости в информационном пространстве.

Религиозный экстремизм нередко эксплуатирует веру как прикрытие: под видом священных догматов продвигаются установки, оправдывающие насилие [1, с. 182]. Типичный пример это ваххабизм – радикальная интерпретация ислама, используемая для легитимации агрессии.

К числу ключевых идеологических факторов, способствующих распространению терроризма, относятся: дефицит последовательной государственной политики в сфере формирования гражданской идентичности; популяризация установок нигилизма и антипатриотизма, отрицающих национальные историко-культурные ценности деятельность националистически настроенных акторов (в т.ч. в медиапространстве), направленная на эскалацию межэтнической напряженности; неэффективность механизмов воспитания правосознания, особенно в молодежной среде. На духовном уровне этот процесс подкрепляется деформацией общечеловеческих и правовых ценностных ориентиров.

Этнонациональные факторы терроризма: обострение межнациональных отношений через пропаганду исключительности и разжигание вражды; неравенство национальных групп в экономике, политике и культуре; запоздалое реагирование государства на острые проблемы развития наций; активность радикальных националистических организаций и лидеров; использование националистической риторики элитами в борьбе за власть.

Правовые причины терроризма: низкая правовая грамотность граждан и лидеров, размывающая осознание ответственности; отсутствие действенных механизмов предупреждения и пресечения угроз (в т.ч. пробелов в конституционном, уголовном и административном законодательстве); громоздкость процессуальных норм и запоздалое наказание, порождающие ощущение слабости правоохранительной системы; слабое регулирование деятельности общественных объединений и несвоевременное пресечение работы опасных организаций.

Таким образом, в современной России угроза терроризма не просто сохраняется – она эволюционирует, тесно сплетаясь с нарастанием политического, этнического и религиозного экстремизма, который расширяет географию влияния. Этот симбиоз угрожает не отдельным интересам, а целостной системе национальной безопасности – от политической и военной стабильности до экономической устойчивости и экологической защищенности. В такой ситуации причины терроризма логично группируются по шести ключевым направлениям: политическому, социально-экономическому, религиозному, идеологическому, духовно-нравственному и правовому.

Библиографический список

1. Карягина О.В. Анализ объективных признаков преступления экстремистской направленности / О.В. Карягина. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 05–07 ноября 2025 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. – С. 182–184.
2. Самедова А.Г. Вопросы правотворческой и правоприменительной практики уголовно-правовой борьбы с терроризмом / А.Г. Самедова, А.В. Татьянина // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии

управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : материалы XXIII Национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 15–16 апреля 2022 года. – Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2022. – С. 623–625.
3. Соснин В.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ: монография / В.А. Соснин, Т.А. Нестик. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. – 240 с. – ISBN 978-5-9270-0137-8. – Текст: непосредственный.

Чунихина Людмила Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского права и арбитражного процесса, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск

МЕДИАТОР КАК НОВАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В статье рассматривается медиация как досудебный способ урегулирования споров. Дается характеристика профессиональной идентичности медиатора в цифровом обществе. Предлагаются шаги повышения культуры договороспособности в условиях цифровизации и способности медиатора эффективно управлять конфликтами в гибридной реальности.

Медиация, медиатор, профессиональные особенности медиатора в условиях цифровизации.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Chunikhina Lyudmila Nikolaevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Business Law and Arbitration Procedure Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vladimir Dal Lugansk State University», Lugansk

MEDIATOR AS A NEW PROFESSIONAL IDENTITY

The article examines mediation as a pre-trial method of dispute resolution. It provides a description of the mediator's professional identity in a digital society. The article suggests steps to enhance the culture of negotiability in the context of digitalization and the mediator's ability to effectively manage conflicts in a hybrid reality.

Mediation, mediator, professional features of a mediator in the context of digitalization.

Медиация как гибкое досудебное примирение конфликтующих сторон с помощью профессионалов – относительно новое явление в жизни российского общества, ставшее своего рода ответом на социально-экономические изменения. Являясь актуальным инструментом доступа к правосудию, медиация выступает как культура внесудебного, конструктивного разрешения споров на основе сотрудничества сторон. Медиацию относят к системе альтернативных методов разрешения споров (АРС – ***Alternative Dispute Resolution (ADR)***.

Под альтернативой понимается альтернатива традиционной системе правосудия.

Во-первых, право участников судебного разбирательства на обращение к услугам медиаторов описывается в ст. 138.4 АПК и ст. 153.5 ГПК, при этом порядок осуществления медиации регламентирован в рамках ст. 11 Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ. [1] На сегодняшний день посредничество как внесудебный способ разрешения конфликтов пользуется популярностью в Российской Федерации: в стране существует свыше 200 агентств, оказывающих услугу профессиональных посредников, функционируют специализированные окружные службы медиации, благодаря которым участники могут решать гражданские, семейные, арбитражные, трудовые, корпоративные и другие конфликты без обращения в суд.

Медиация представляет собой форму участия медиатора в процедуре разрешения спора. Главная задача медиатора создать психологические условия для того, чтобы участники конфликта самостоятельно нашли взаимовыгодное решение, которое будет звучать тише судебного решения, но гораздо более убедительнее. Как верно отметила Н. В. Шереметьева «идеальным результатом правосудия выступает ситуация, когда удовлетворенной себя считает не только один из участников процесса (истец или ответчик), а обе стороны судопроизводства». [3, С. 128]

Во-вторых, умений юридически грамотно вести прямые переговоры недостаточно для результативного исхода. В набор универсальных профессиональных компетенций, которыми должен обладать каждый медиатор, должно входить знание конфликтологии. Услуга профессионального медиатора состоит в том, чтобы создать условия, которые бы помогли:

- одной конфликтующей стороне прояснить и обосновать свои истинные интересы;
- второй конфликтующей стороне понять интересы оппонента;
- обеим сторонам конфликта принять реальное жизнеспособное решение.

Для повышения своего профессионализма медиатору необходимо:

- адаптировать техники активного слушания собеседников и уметь работать с эмоциями в цифровом формате;
- учиться выстраивать доверие и раппорт без физического присутствия спорящих сторон.

Нельзя не согласиться с мнением Шамликашвили Ц.А., что «умение слушать, слышать и понимать повышает эффективность любого взаимодействия. Эффективное, то есть внимательное, сопереживающее, эмпатичное слушание – это не только основа для получения точной информации и взаимообмена идеями, но и условие понимания чувств, эмоций, переживаний, потребностей другого человека «изнутри», а значит, и залог плодотворного общения с ним. Эмпатически выслушивая стороны, медиатор способствует улучшению отношений между всеми участниками процедуры, тем самым побуждая их к сотрудничеству, вовлекая в процесс творческого разрешения проблем». [2, С. 10–25]

При успешном исходе медиации не должно быть ни победителей, ни побежденных, в выигрышной ситуации должны оказаться обе стороны, вовлеченные в конфликт. Эта работа сложна и кропотлива, и потому зависит от профессионализма самого медиатора.

Сегодня в России всё большую популярность обретает онлайн-урегулирование споров (от англ. «Online dispute resolution», сокращенно ODR). Повсеместное распространение интернет-технологий ускоряет процесс коммуникации и переносит классические навыки медиации в виртуальную реальность.

Цифровизация усиливает медиативный процесс цифровыми компетенциями и поэтому, ***в-третьих,*** медиатор будущего должен уметь работать с цифровыми следами конфликта как с потенциальными доказательствами или предметом обсуждения:

- быть технически компетентным, владеть цифровыми технологиями:
- знать основы кибербезопасности, конфиденциальности цифровых данных;
- владеть навыками системной работы с цифровыми экосистемами, предвидеть возможные риски цифровых платформ;
- владеть «цифровой гигиеной» и уметь создавать безопасное цифровое пространство, применять безопасное программное обеспечение, понимать логику систем и уметь взаимодействовать с их администраторами для блокировки контента в рамках медиативного соглашения.

В-четвертых, медиатору следует учитывать возможное цифровое неравенство (digital divide) оппонентов в споре и ему следует быть готовым помочь сторонам с технической настройкой используемой аппаратуры или предложить альтернативные формы проведения переговоров.

Кроме того, не все техники офлайн-медиации работают в онлайн формате. К примеру, медиатор должен быть готов работать не только в любой среде: офлайн, онлайн (синхронно через платформы), но и асинхронно для людей с ограниченными возможностями здоровья через специальные платформы переписки с использованием субтитров.

Сохранение за сторонами, вовлеченными в конфликт, полного контроля за процессом переговоров и содержанием договоренностей, максимальная ориентированность на глубинные потребности и интересы самих сторон – это основа успешности и востребованности услуг профессионального медиатора в современном мире. По мнению Шуренковой С.С., «в России, в отличие от других развитых стран, практически нет медиаторов, достаточного разбирающихся в IT-праве и способных грамотно вести онлайн-переговоры». [4]

На основании изложенного можно сделать ***вывод*****:** кадровый потенциал медиаторов в цифровом обществе формируется ***на основе синтеза:***

- юридических аспектов составления и исполнения медиативных соглашений;
- профессиональных основ медиации;
- знания основ психологии и конфликтологии;
- цифровой грамотности.

Это не просто медиатор, умеющий пользоваться интернетом, а новая профессиональная идентичность, способная эффективно управлять конфликтами в гибридной реальности, где стираются границы между онлайн и офлайн урегулированием спора.

Умение договариваться для медиатора априори является органичной способностью, которой необходимо учиться. Развивать культуру договороспособности в обществе, нарабатывать практику повышения её эффективности особенно необходимо в условиях цифровизации. Для это предлагаются практические шаги:

- обновить стандарты образования медиаторов в учебных заведениях страны в условиях цифровой реальности;
- создать профессиональные цифровые сообщества медиаторов для обмена опытом, проведения вебинаров и супервизий в онлайн-формате;
- организовать постояннодействующие специализированные курсы (программы) повышения квалификации по онлайн-урегулированию споров (ODR – Online Dispute Resolution);
- внедрить практику установления партнерства с IT-компаниями для создания защищенных платформ и инструментов, адаптированных под нужды медиации;
- проводить научные исследования эффективности онлайн-медиации.

Библиографический список

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. – 2010. – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 16.03.2026).
2. Шамликашвили Ц.А. Медиативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании общественных отношений / Ц.А. Шамликашвили. – Текст : непосредственный // Вестник Федерального института медиации. –2017. –№3. –С.10–25.
4. Шереметьева Н.В. Примирительные процедуры: историко-правовые и теоретические аспекты в современном праве / Н.В. Шереметьева. – Текст : непосредственный // Право и практика. – 2020. – № 1. – С. 126–133.
5. Шуренкова С.С. Пора учиться цифровым особенностям в онлайн-разрешении спора / С.С. Шуренкова //Международный журнал «Вестник медиации в Евразии». – Текст : электронный. – URL: https://zakon.ru/blog/2022/1/8/pora_uchitsya_cifrovym_osobennostyam_v_onlajn_razreshenii_spora (дата обращения: 13.03.26).

Чупахина Милана Анатольевна,
студент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Богославская Кристина Эдуардовна, преподаватель кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики» , г. Таганрог

ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Работа посвящена анализу возможностей и ограничений использования искусственного интеллекта при оценке доказательств в уголовном судопроизводстве. В исследовании рассматриваются функции интеллектуальных систем в обработке доказательственной информации и их влияние на процесс принятия решений, особое внимание уделяется принципу внутреннего убеждения правоприменителя, а также обосновывается необходимость сохранения ведущей роли человека при использовании цифровых технологий.

Искусственный интеллект, уголовный процесс, доказательства, оценка доказательств, внутреннее убеждение.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.79.35.

Chupakhina Milana Anatolievna,
Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Bogoslavskaya Christina Eduardovna, Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

LIMITS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ASSESSING EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

This paper analyzes the potential and limitations of using artificial intelligence in assessing evidence in criminal proceedings. The study examines the functions of intelligent systems in processing evidentiary information and their impact on decision-making, focusing on the principle of internal conviction in law enforcement, and substantiates the need to maintain the leading role of humans when using digital technologies.

Artificial intelligence, criminal procedure, evidence, evidence assessment, internal conviction.

Современное развитие информационных технологий характеризуется активным внедрением цифровых решений и систем искусственного интеллекта в различные сферы общественной и государственной деятельности. Процессы цифровой трансформации оказывают значительное влияние и на правовую систему, включая деятельность правоохранительных органов и судов. В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос о возможностях и пределах использования технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве.

Одним из наиболее сложных и дискуссионных направлений применения цифровых технологий является их использование при работе с доказательственной информацией. В уголовном процессе доказательства играют ключевую роль, поскольку именно на их основе формируются выводы о наличии либо отсутствии события преступления, виновности лица, а также иных обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

Оценка доказательств представляет собой важнейшую стадию уголовного процесса и одновременно является сложной интеллектуально-правовой деятельностью. Она направлена на установление относимости, допустимости и достоверности доказательств, а также достаточности их совокупности для принятия процессуального решения. В рамках данной деятельности субъект уголовного судопроизводства анализирует содержание доказательственной информации, сопоставляет различные источники сведений, устанавливает взаимосвязь между фактами и формирует внутреннее убеждение относительно обстоятельств уголовного дела.

Особенностью оценки доказательств является её тесная связь с принципами уголовного судопроизводства. Согласно ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), судья, прокурор, следователь и дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в

уголовном деле доказательств, руководствуясь законом и совестью [1]. Указанный принцип предполагает самостоятельность и независимость правоприменителя при формировании выводов по делу, а также необходимость всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств.

В условиях стремительного развития цифровых технологий возникает вопрос о том, в какой степени искусственный интеллект может участвовать в процессе анализа и оценки доказательств. В научной литературе отмечается, что современные интеллектуальные системы способны обрабатывать значительные массивы информации, включая текстовые документы, аудио- и видеозаписи, результаты экспертных исследований и иные виды данных. Это позволяет существенно повысить скорость обработки информации и облегчить поиск необходимых сведений в материалах уголовного дела [2, с. 14].

Кроме того, технологии искусственного интеллекта могут использоваться для выявления закономерностей в больших объёмах данных, что представляет значительный интерес для правоохранительных органов. Например, такие системы способны анализировать цифровые следы, со поставлять различные информационные источники, выявлять взаимосвязи между событиями и участниками преступной деятельности. Подобные возможности позволяют оптимизировать процесс расследования и повысить эффективность работы с доказательственной информацией.

Вместе с тем большинство исследователей сходятся во мнении, что использование искусственного интеллекта в уголовном процессе должно носить ограниченный характер. Так, Е.Ф. Усманова указывает, что интеллектуальные системы могут выполнять преимущественно вспомогательные функции, связанные с обработкой информации, систематизацией материалов уголовного дела и анализом цифровых данных. Однако такие технологии не должны подменять деятельность человека при принятии процессуальных решений [7, с. 44].

Подобный подход обусловлен особенностями доказательственной деятельности в уголовном процессе. Оценка доказательств предполагает не только формально-логический анализ информации, но и её правовую интерпретацию с учётом конкретных обстоятельств уголовного дела. Правоприменитель должен учитывать контекст ситуации, мотивы поведения участников процесса, а также иные факторы, которые не всегда могут быть формализованы и учтены алгоритмическими системами.

Существенной проблемой использования технологий искусственного интеллекта является непрозрачность алгоритмов. Многие современные интеллектуальные системы функционируют по принципу так называемого «чёрного ящика», когда пользователь получает итоговый результат анализа, однако не имеет возможности проследить логическую цепочку, приведшую к данному выводу. В условиях уголовного судопроизводства подобная непрозрачность может вызывать сомнения в обоснованности результатов анализа доказательственной информации.

По мнению Э. Талапиной, отсутствие прозрачности алгоритмов может затруднить проверку выводов, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, что противоречит требованиям проверяемости и достоверности доказательств [6, с. 640].

Дополнительные риски связаны с возможностью возникновения алгоритмической предвзятости. Искусственный интеллект функционирует на основе обучающих данных, которые могут содержать статистические и иные искажения. Использование подобных систем без надлежащего контроля может привести к формированию необъективных выводов при анализе доказательственной информации [5, с. 30]. В условиях уголовного судопроизводства такие обстоятельства способны негативно повлиять на объективность расследования и судебного разбирательства.

Не менее важным является вопрос юридической ответственности за решения, принимаемые с использованием технологий искусственного интеллекта. В уголовном процессе ответственность за принятие процессуальных решений возлагается на конкретных должностных лиц – судью, следователя, прокурора или дознавателя. Использование автоматизиро-

ванных систем не должно приводить к размыванию персональной ответственности правоприменителя за оценку доказательств и принятые решения [3, с. 36].

В связи с этим в научной литературе обоснованно подчёркивается необходимость установления чётких правовых границ применения технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Как отмечает П.М. Мурашев, использование подобных технологий допустимо лишь в качестве вспомогательного инструмента, обеспечивающего анализ информации и организацию процессуальной деятельности, но не заменяющего правовую оценку доказательств человеком [4, с. 132].

Подводя итог проведенному исследованию, представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне вспомогательный характер использования технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. В частности, предлагается дополнить ст. 17 УПК РФ положением следующего содержания: «Использование автоматизированных информационных систем и технологий искусственного интеллекта допускается исключительно в целях содействия анализу и систематизации доказательственной информации и не может подменять внутреннее убеждение судьи, прокурора, следователя и дознавателя».

Кроме того, необходимо дополнить ст. 17 УПК РФ нормой о прозрачности алгоритмов: «Результаты обработки доказательственной информации с применением технологий искусственного интеллекта могут быть признаны допустимыми доказательствами лишь при условии возможности проверки алгоритма их формирования и воспроизводимости полученных выводов». Также целесообразно закрепить обязанность раскрытия сторонам информации об использовании ИИ: «Стороны уголовного судопроизводства подлежат уведомлению о применении технологий искусственного интеллекта при анализе доказательств и вправе оспаривать их результаты». Дополнительно следует установить прямой запрет на автоматизированное принятие процессуальных решений и закрепить персональную ответственность должностного лица независимо от использования цифровых технологий.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.03.2026).
2. Васильев А.А. Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы / А.А. Васильев, Ю.В. Печатнова. – Текст : непосредственный // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – №2. – С. 14–18.
3. Латыпов В.С. Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве: вопросы правового регулирования / В.С. Латыпов, Б.А. Галлямов. – Текст : непосредственный // Вестник ВИ МВД России. – 2025. – №2. – С. 142–148.
4. Мурашев П.М. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: риски и вызовы / П.М. Мурашев. – Текст : непосредственный // Закон и право. – 2025. – №10. – С. 233–238.
5. Папышева Е.С. Искусственный интеллект и принципы уголовного судопроизводства: проблемы совместимости / Е.С. Папышева. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – № 5. – С. 430–436.
6. Талапина Э. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта / Э. Талапина. – Текст : непосредственный // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – №3. – С. 4–27.
7. Усманова Е.Ф. использование цифровых технологий в деятельности сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации / Е.Ф. Усманова. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2022. – №3 (18). – С.42–49.

Шарипова Екатерина Максимовна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Татьянина Анжелика Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

Статья посвящена изучению причин и условий незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, связанных с участием несовершеннолетних, что осуществляется с помощью информационно-телекоммуникационных технологий с учетом масштабной цифровизации практически всех сфер человеческой и общественной жизни, а также анализу проблем борьбы с этим негативным явлением.

Преступность несовершеннолетних; незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.
Тематический рубрикатор: 10.81.35.

Sharipova Ekaterina Maksimovna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Tatyanina Angelika Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

REASONS AND CONDITIONS OF INVOLVEMENT OF MINORAGES IN ILLEGAL TRAFFICKING OF DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR THEIR ANALOGS

The article is devoted to the study of the causes and conditions of illegal trafficking of drugs, psychotropic substances and their analogues, associated with the participation of minors, which is carried out using information and telecommunication technologies, taking into account the large-scale digitalization of almost all spheres of human and social life, as well as the analysis of the problems of combating this negative phenomenon.

Juvenile delinquency; illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances, and their analogues.

Проблема вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков является одной из наиболее острых социальных проблем современного общества. Это явление вызывает серьезные опасения как у родителей, так и у правоохранительных органов, поскольку последствия могут быть разрушительными как для самих подростков, так и для общества в целом. В нормативных правовых актах стратегического характера отмечено, что незаконные деяния и нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами являются весьма распространенными явлениями, подрывающими государственную и общественную безопасность.

По статистике МВД РФ, в январе – декабре 2025 года выявлено 214,8 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 8,4% больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом сотрудниками органов внутренних дел выявлено 207,0 тыс. преступлений (+7,9%). По сравнению с январем – декабрем 2024 года на 17,6% возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Также возрос их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 68,2% в январе – декабре 2024 года до 73,9%.

Согласно информации по состоянию на апрель 2025 года, количество преступлений, связанных с наркотиками, среди подростков увеличилось в 1,8 раза с 2022 года, а незаконный оборот наркотиков увеличился в 2,4 раза. Кроме того, увеличилось участие подростков в возрасте до 16 лет в незаконном обороте наркотиков, причем каждый десятый несовершеннолетний был привлечен к ответственности за незаконный оборот наркотиков. Такое широкое распространение этих негативных явлений можно отнести, среди прочего, к глобализации информации в обществе. По официальным данным МВД России, каждое четвертое преступление совершается с помощью IT технологий, преступники используют различные методы вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических

средств, психотропных веществ и их аналогов. В большинстве случаев они ищут старшеклассников, которые хотят без особых усилий заработать дополнительные деньги, заманивая их объявлениями о высокооплачиваемой работе в качестве курьеров. Как правило, такие объявления размещают в мессенджерах, в теневом сегменте интернета, а также в виде трафаретов на зданиях [3, с. 49].

Причинами и условиями вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов могут служить различные факторы, особое влияние оказывают условия в семье и социальная изоляция подростка. Неблагополучные семьи, в которых отсутствует должное внимание и поддержка со стороны родителей, часто становятся благодатной почвой для вовлечения подростков в преступные группы, также экономическая нестабильность и отсутствие перспектив могут заставить подростков искать легкие способы заработка, включая продажу наркотиков [4, с. 527]. Кроме того, подростки, испытывающие трудности в общении со сверстниками, могут искать признание и одобрение в неправомерных действиях.

В контексте информационной глобализации преступники используют новые методы для совершения незаконных действий, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Информационные и телекоммуникационные технологии обеспечивают быстрый обмен информацией, анонимность и возможность онлайн-оплаты запрещенных веществ, устраняя необходимость в прямом контакте между продавцом и покупателем. Этот метод вовлечения несовершеннолетних в немедицинское употребление и распространение наркотиков, психотропных веществ и их аналогов получает все большее распространение. Высокий уровень латентности этого вида преступлений является одним из факторов, способствующих их значительному росту, особенно среди несовершеннолетних.

Вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов представляет угрозу для различных объектов уголовной защиты, включая национальную безопасность, что значительно увеличивает общественный риск противоправных действий соответствующей категории. В то же время, по мнению ученых, одним из важнейших факторов роста уровня преступности и наркомании среди молодежи является вовлечение молодежи в совершение этих преступлений. В связи с этим справедливо отметить, что несовершеннолетние участвуют в употреблении наркотиков и, следовательно, в их распространении, производстве и т.д., в результате чего выступают «своеобразной базой воспроизводства наркопреступности в целом» [1, с. 223].

Безусловно, сложившаяся ситуация с вовлечением несовершеннолетних в незаконное употребление, сбыт наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов требует определенной реакции со стороны государственных органов в виде эффективных мер по борьбе с этим негативным явлением в подростковом возрасте. Использование информационных и телекоммуникационных технологий в сфере незаконного оборота наркотиков приводит к поиску новых способов борьбы с такой незаконной деятельностью.

Анализируя современное состояние российского уголовного законодательства, следует отметить, что в целом оно отвечает складывающимся реалиям в сфере противодействия вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. В настоящее время за склонение несовершеннолетних к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов установлена уголовная ответственность, предусмотренная п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ. Рассматриваемое криминальное явление, если оно совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть Интернет, необходимо понимать как действия совершеннолетнего, например в сети Интернет, выражающиеся в форме обещаний, обмана, предложений совершить преступление и (или) иных действий, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания использовать лично свойства наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в немедицинских целях.

Необходимо учитывать, что одним из наиболее важных способов противодействия вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков через информационно-

телекоммуникационные сети является выявление и устранение путей распространения наркотиков, психотропных веществ или их аналогов, используя современные компьютерные технологии [2, с. 54]. В этом случае сами средства массовой информации занимают значительную роль в противодействии рассматриваемому негативному явлению, распространяя контент, содержанием которого должна стать информация о недопустимости употребления и распространения наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в среде лиц несовершеннолетнего возраста. В противном случае если интернет-ресурсы содержат материалы, пропагандирующие или поощряющие употребление, распространение таких средств и веществ или какие-либо другие противоправные деяния, необходимо разрабатывать и устанавливать специальные расширения для интернет-браузеров, которые анализировали бы содержание сайтов и препятствовали дальнейшему пребыванию виртуального пользователя на них в случае обнаружения запрещенного контента.

Библиографический список

1. Готчина Л.В. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов – предмет криминологического исследования молодых ученых / Л.В. Готчина. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2 (86). – С. 223 – 228.
2. Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних: особенности, причинный комплекс / Е.В. Демидова-Петрова. – Текст : непосредственный // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – № 1. – С. 51–58.
3. Карягина О.В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления: криминологический аспект / О.В. Карягина, Е.В. Гребенькова. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2025. – № 4(48). – С. 49–53.
4. Кравченко А.Р. Криминологический анализ наркопреступности в Ростовской области: проблемный анализ / А.Р. Кравченко, А.В. Татьянина. – Текст : непосредственный // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : материалы XXIII Национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 15–16 апреля 2022 года. – Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2022. – С. 527–530.

Шилова Анастасия Александровна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Карягина Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В данной статье проведен краткий анализ развития института рецидива преступлений в досоветский период; дается характеристика отдельных правовых норм ряда законодательных актов, отражающих вопросы ответственности за повторное совершение преступных деяний.

Рецидив, повторяющиеся преступления, рецидивная преступность, множественность преступлений.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.77.21.

Shilova Anastasia Aleksandrovna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Karyagina Oksana Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF RECIDIVISM IN THE PRE-SOVIET PERIOD

This article provides a brief analysis of the development of the institution of recidivism in the pre-Soviet period; it describes individual legal norms of a number of legislative acts reflecting issues of responsibility for the repeated commission of criminal acts.

Recidivism, recurring crimes, recidivism, multiplicity of crimes.

Анализ истории развития отечественного уголовного законодательства в части регламентации рецидива преступлений показывает, что до начала XIX в. рецидив, по сути, не занимал значительное место в исследованиях теоретиков права. Понятие «рецидив» произошло от латинского слова recidivus, что в переводе означает «повторное проявление». Впервые термин «рецидив» встречается в римском, а также каноническом праве, содержавшем несколько положений о более строгом наказании за повторяемые преступления. В юридической литературе нет единого взгляда на то, когда в русском праве рецидив стал рассматриваться в качестве обстоятельства, повышающего ответственность виновного. Так, по мнению видного русского криминалиста Н.С. Таганцева, еще в Русской Правде было закреплено положение о том, что повторность преступления влекла повышенную ответственность. Современные исследователи считают, что в период Киевской Руси ни один законодательный акт не содержал положении о повторении преступлении или рецидиве.

Необходимо отметить, что к историческому анализу понятий повторность преступлений и рецидив преступлений прибегали многие исследователи рецидивной преступности. Однако, как представляется, эти исследования страдают существенными недостатками и ни одно из них нельзя считать полным, поскольку работы охватывают один период развития общества или дореволюционный, или послереволюционный, эти работы носят преимущественно описательный характер, иллюстрируя в хронологическом порядке научную и законодательную трактовку исследуемых понятий. Отсутствие связи с историей (у тех, кто отражал в своих работах послереволюционный период) или с современностью (в трудах посвящённых исследованию рецидива и повторности в дореволюционный период) делает эти работы ограниченными в плане преемственности правовых воззрений.

Первым сводом законодательных актов по праву считается Русская Правда (1016 г.), в которой уже отмечается необходимость ужесточения наказания при повторении преступления. На этом начальном этапе развития института уголовного права, основное внимание уделялось видам соучастия в преступлениях, а не формам множественности преступлений. Следует отметить, что в системе преступлений, рецидивом считалось лишь воровство, причем под этим термином понималась не только кража, но и имущественные преступления.

В тоже время повторные однородные преступления не являлись количественным признаком множественности преступлений, в связи с отсутствием общего понимания для всех совершенных преступлений [1, с. 208]. Кроме того, второе и последующие преступления лица не воспринимались как свидетельства пагубности его поведения, за которые требовалось бы усиление наказания. Такая точка зрения определялась существующей правовой политикой, направленной на устрашение, а не на исправление осужденных и предупреждение преступлений. Лишь позднее, с возникновением понимания о необходимости предупреждения преступлений, рецидив преступлений получит качественно иную оценку.

Наказание за рецидив воровства было ужесточено в 1397 г. на основании Псковской судной грамоты (статья 8) и Двинской уставной грамоты (статья 5), статьи которых определяли смертную казнь при третьем повторении воровства [2, с. 141]. В Псковской судной грамоте предусмотрен только многократный рецидив, в то время как, в Двинской уставной грамоте упоминается как однократный, так и многократный рецидив. Можно отметить это время как начало второго периода развития уголовного законодательства, в котором отмечается такое правовое явление как множественность преступлений.

Необходимость предупреждения повторных преступлений диктовалась формированием государственности Московской Руси и появлением новых взглядов на утверждение правового порядка в стране:

- преступление стало рассматриваться как деяние, которое наносит вред не отдельному частному лицу, а всему обществу и государству. Как следствие, повторяющаяся преступность наносит множественный вред праву государства, а в конечном итоге личности царя;
- развитие представлений о вине и воле преступника послужило основой дифференцирования наказаний в зависимости от ранжирования преступлений по степени опасности;
- в качестве факторов, способствующих совершению преступления, стал рассматриваться фактор личности преступника и его моральные и нравственные ценности.

В Судебнике 1497 г. как первом кодексе централизованного русского государства, впервые упоминается совершение нескольких одинаковых преступлений до осуждения (статья 13) и неоднократность преступлений. В Судебнике была усилена наказуемость при однократном специальном рецидиве.

Важным правовым актом стало Соборное Уложение 1649 г., в соответствии с которым продолжается усиление наказуемости за повторение тождественных преступлений, связанное с осуждением. И в сравнении с предыдущими правовыми актами происходит увеличение числа статей, в которых содержатся признаки «рецидива» [4, с. 31]. Вместе с тем, Уложение не расширяет список преступлений, для которых возможен рецидив, однако дифференцирует уголовную ответственность в зависимости от количества совершаемых преступлений. Несмотря на то, что рецидив остается наиболее общественно-опасной формой множественности, совокупность трех или более преступных деяний приравнивается к многократному рецидиву. В Уложении был зафиксирован принципиально новый подход, который заключался в становлении связи между количеством преступлений и размером (видом) наказания.

При Петре I институт рецидива получил дальнейшее развитие. В частности, в Артикуле Воинском, изданном 26 апреля 1715 г., усовершенствована система обстоятельств, отягчающих наказание, значительно расширена законодательная практика учета влияния повторности совершения преступных действий на дифференциацию ответственности и наказания. Индивидуализация ответственности и субъективного вменения получила дальнейшее развитие в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Согласно Уложению (статья 137) повторное преступление усиливало вину и наказание. Фактически речь идет о двух вариантах рецидива. При этом в законе не отмечаются сроки, которые бы исключали повторение преступления (аналог современного срока судимости).

В первой трети XIX века множественность преступлений стала рассматриваться как феномен назначении наказания, который влияет на увеличение вины, а рецидив впервые

противопоставлялся единичному преступлению. В течение XIX столетия развитие законодательства шло по пути установления четких границ между совокупностью и повторением преступлений и усовершенствованием системы наказаний за рецидив преступлений. По мнению Н.С. Таганцева, повторение преступлений умножало вину преступника и его наказание удваивалось, к новому наказанию присоединялось прежнее. Иногда размеры усиления были весьма велики; так, например, за тайный провоз товаров в первый раз назначалось легкое телесное наказание, а в третий – ссылка на каторгу [3, с. 78].

В новой редакции Уложения 1885 года повторное однородное преступление по отбытии наказания начало считаться обстоятельством, которое увеличивало вину и наказание преступника. В Уложении устанавливались различных сроки, после которых, с момента совершения преступления, исключается усиление наказания за последующее преступление (10, 8, 5 лет, 2,3,1 года). Эти сроки зависели от вида и размера наказания, назначенного за первое преступление.

Более детальная регламентация ответственности за рецидивную преступность была осуществлена в Уголовном Уложении 1903 г. Так, судимость стала выступать обстоятельством, отягчающим наказание, но не при совершении любого преступления, а лишь тождественного прежнему или однородного, повторяемого.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что зарождение норм, закрепляющих положения о рецидиве преступлений, относится к концу XIV в. С XIV в. по XVIII в. были сформулированы варианты рецидива в описании отдельных составов преступлений. Заключительный период развития дореволюционного уголовного законодательства и доктрины о множественности преступлений относится к XIX – началу XX века и характеризуется неоднородностью развития института рецидива. Вместе с тем в этот период была разработана классификации рецидива, которая включала три основных вида:

- многократный (сложный) рецидив (повторение однородных или разнородных преступлений три, четыре, пять и более раз; простой рецидив);
- частный (специальный) рецидив;
- общий рецидив (повторение неоднородных преступных деяний).

Таким образом, институт рецидива преступлений в досоветский период прошел сложный путь формирования и развития. Он отражал противоречия между стремлением к социальной справедливости и необходимостью защиты общества от преступности. В то время как законодательство постепенно становилось более гуманным, общественное мнение продолжало поддерживать жесткие меры наказания. Это создавало сложные условия для осужденных рецидивистов, которые искали пути к реабилитации и интеграции в общество. В итоге, несмотря на наличие теоретических основ для более гуманного подхода, практическая реализация этих идей оставалась затруднительной до начала советского периода.

Библиографический список

1. Бурхан М.С. Должностные преступления: ретроспективный анализ / М.С. Бурхан, О.В. Карягина. – Текст : непосредственный // Правовой порядок и юридическая деятельность : сборник научных статей II Всероссийской национальной конференции студентов, магистрантов и молодых ученых, Ростов-на-Дону, 07 февраля 2023 года ; под редакцией А.В. Фёдорова, Г.С. Працко. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2023. – С. 208–214.
2. Кокорев В.Г. История возникновения и развития отечественного законодательства об ответственности за рецидив (повторение) преступлений, посягающих на нарушение права на свободу совести и вероисповеданий в дореволюционный период / В.Г. Кокорев. – Текст : непосредственный // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – № 6. – С. 140–151.

3. Таганцев Н.С. О повторении преступлений : Исследование Н.С. Таганцева / Н.С. Таганцев. – [Репр. воспроизведение изд.]. – Санкт-Петербург : Журнал министерства юстиции, 1867. – 296 с. – Текст : непосредственный.
4. Татьянина А.В. Уголовное право. Общая часть / А.В. Татьянина, С.М. Хоменко. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2024. – 156 с. – ISBN 978-5-9201-0170-9. – Текст : непосредственный.

Шишкин Дмитрий Викторович,
аспирант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Яценко Ольга Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы реализации полномочий Государственного Совета РФ – консультативно-совещательного органа при Президенте, получившего конституционный статус в 2020 году. Анализируются ключевые ограничения его деятельности: рекомендательный характер решений, недостаточная прозрачность работы, слабая связь с законодательным процессом, проблемы координации с другими органами власти, организационные и кадровые сложности, а также трудности в учете региональных интересов. Предложены практические меры по повышению эффективности Государственного Совета: усиление прозрачности, четкое разграничение полномочий, совершенствование механизмов реализации решений, укрепление аналитического потенциала и развитие регионального взаимодействия.

Государственный Совет РФ, конституционный статус, полномочия, реализация, проблемы.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.15.33.

Shishkin Dmitry Viktorovich,
Postgraduate Student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Yatsenko Olga Vasilievna, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

PROBLEMS OF REALIZING PARLIAMENTARY POWERS IN THE FIELD OF LEGISLATION

The article discusses the current issues of implementing the powers of the State Council of the Russian Federation, an advisory body under the President that gained constitutional status in 2020. It analyzes the key limitations of its activities, such as the advisory nature of its decisions, insufficient transparency, weak connection with the legislative process, coordination issues with other government bodies, organizational and personnel challenges, and difficulties in considering regional interests. The article proposes practical measures to enhance the effectiveness of the State Council, including increasing transparency, clearly defining its powers, improving decision-making mechanisms, strengthening analytical capabilities, and promoting regional cooperation.

State Council of the Russian Federation, constitutional status, powers, implementation, and problems.

Государственный Совет РФ, учрежденный в 2000 году [2] и получивший конституционный статус в результате поправок 2020 года, задумывался как ключевой консультативно-совещательный орган при Президенте: «Государственный Совет Российской Федерации является конституционным государственным органом, формируемым Президентом Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства» [1]. Однако на практике его деятельность сталкивается с рядом существенных ограничений, снижающих эффективность реализации закрепленных полномочий.

Основная сложность вытекает из природы полномочий Государственного Совета: его решения носят рекомендательный характер [3]. Это создает практические трудности: рекомендации Совета могут быть приняты во внимание, но не влекут за собой юридически обязательных действий со стороны органов власти; государственные органы не несут ответственности за игнорирование предложений Совета, что снижает стимул к их практической реализации; нет четких временных рамок для рассмотрения рекомендаций, что позволяет откладывать их рассмотрение на неопределенный срок. В результате работа Совета порой сводится к формальному обсуждению вопросов без последующего воплощения выработанных решений в жизнь [6].

Государственный Совет действует в плотной среде других консультативных и совещательных структур (Совет Безопасности, различные советы при Президенте, экспертные группы), что порождает дополнительные сложности. Прежде всего, наблюдается пересечение компетенций: функции Совета частично дублируются другими органами, что размывает зоны ответственности. Кроме того, при ограниченном времени Президента возникает конкуренция между различными советами за включение своих вопросов в повестку. Наконец, разные консультативные органы могут вырабатывать противоречивые рекомендации по схожим вопросам. В итоге снижается общая эффективность консультативного механизма при главе государства [4].

Несмотря на публикацию итоговых решений и стенограмм некоторых заседаний, остаются существенные пробелы в информировании общественности – то есть сохраняется проблема недостаточной прозрачности деятельности. Во-первых, не публикуются проекты решений, аналитические записки, альтернативные варианты решений. Во-вторых, большинство обсуждений проходит за закрытыми дверями, что затрудняет понимание логики принятия решений. В-третьих, публикуемые отчеты часто носят обобщенный характер и не отражают сути разногласий и альтернативных позиций. Все это снижает общественный контроль и доверие к деятельности Совета.

Хотя Государственный Совет участвует в выработке стратегических направлений политики, его влияние на законодательный процесс ограничено – здесь проявляется проблема слабой связи с законодательной деятельностью. Совет не может напрямую вносить законопроекты в Государственную Думу, то есть лишен права законодательной инициативы. Рекомендации должны проходить через Президента или Правительство, что удлиняет цепочку принятия решений. К тому же часто Совет подключается к обсуждению уже готовых законопроектов, а не на стадии формирования концепции. Такой порядок снижает потенциал Совета как института стратегического планирования.

Кадровые и организационные ограничения также создают препятствия для эффективной работы. Большинство участников Совета совмещают работу в нем с основными должностями, что ограничивает время на глубокое изучение вопросов. Рабочие группы и комиссии собираются нерегулярно, что мешает последовательному рассмотрению сложных проблем. К тому же аппарат Совета не всегда располагает достаточными ресурсами для глубокой проработки сложных вопросов – наблюдается недостаток аналитического обеспечения.

Особого внимания заслуживает региональный аспект проблемы. Хотя одной из ключевых функций Совета является согласование интересов федерального центра и регионов, здесь возникают сложности [5]. В дискуссиях позиции субъектов РФ нередко уступают федеральным приоритетам – наблюдается доминирование федеральных интересов. Кроме того, крупные и экономически сильные субъекты имеют больше возможностей для продвижения своих инициатив, что создает ситуацию неравномерного представительства регионов. Наконец, некоторые региональные вопросы выносятся на обсуждение лишь для галочки, без реальной перспективы решения – это придает региональной повестке формальный характер.

Для повышения эффективности деятельности Государственного Совета можно предложить ряд мер. Во-первых, необходимо четкое разграничение полномочий между Государственным Советом и другими консультативными органами с закреплением за Советом уникальных функций в сфере стратегического планирования.

Во-вторых, следует усилить прозрачность работы: публиковать аналитические материалы и проекты решений, расширить практику открытых заседаний по общественно значимым вопросам, создать специальный раздел на сайте Президента с подробной информацией о деятельности Совета.

В-третьих, нужно совершенствовать механизмы реализации решений: установить сроки рассмотрения рекомендаций, ввести отчетность органов власти о выполнении рекомендаций Совета, закрепить обязанность мотивированного ответа в случае отклонения предложений.

В-четвертых, важно укрепить аналитический потенциал: расширить штат аппарата Совета, привлекать внешних экспертов и исследовательских организаций, создать базу данных лучших практик регионального управления.

В-пятых, необходимо развивать региональное измерение: ввести квотирование региональной повестки (определенный процент вопросов должен касаться субъектов РФ), создать постоянно действующие рабочие группы по ключевым направлениям региональной политики, организовать межрегиональные диалоги под эгидой Совета.

Таким образом, Государственный Совет обладает значительным потенциалом как институт согласования интересов различных уровней власти и стратегического планирования. Однако реализация этого потенциала сдерживается комплексом проблем: совещательным характером решений, недостаточной прозрачностью, слабой связью с законодательным процессом и организационными ограничениями. Решение этих проблем требует не столько радикального изменения статуса Совета, сколько тонкой настройки его работы:

- четкого определения места в системе власти;
- повышения прозрачности;
- создания действенных механизмов реализации решений и укрепления аналитической базы.

Последовательная реализация предложенных мер позволит превратить Государственный Совет в эффективный инструмент выработки и реализации долгосрочной государственной политики.

Библиографический список

1. О Государственном Совете Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2020 №394-ФЗ [принят Государственной Думой 25.11.2020, одобрен Советом Федерации 02.12.2020]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102932612 (дата обращения: 17.03.2026).
2. О Государственном совете Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.09.2000 №1602 (ред. от 21.12.2020). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102067338 (дата обращения: 17.03.2026).
3. Вопросы Государственного Совета Российской Федерации (вместе с «Положением о рабочих органах Государственного Совета Российской Федерации и Секретаре Государственного Совета Российской Федерации»): Указ Президента РФ от 21.12.2020 № 800 (ред. от 29.12.2025). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2026 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=112461943 (дата обращения: 17.03.2026).
4. Банникова Е.С. Конституционно-правовой статус Государственного Совета РФ / Е.С. Банникова. – Текст: непосредственный // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Барнаул, 2021. – С. 143–145.
5. Мандриков А.Ю. К некоторым особенностям конституционно-правового статуса Государственного Совета Российской Федерации / А.Ю. Мандриков. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей XVII Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2022. – С. 186 – 188.
6. Черкесова Л.И. Конституционный государственный орган в единой системе публичной власти / Л.И. Черкесова. – Текст: непосредственный // Образование и право. – 2021. – №12. – С. 124–132.

Эйхман Елизавета Вадимовна,
магистрант, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог
Научный руководитель – Камышанова Анна Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

МЕТОДОЛОГИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Настоящая статья посвящена анализу методологических подходов к определению арендной платы за объекты недвижимости, находящиеся в государственной собственности Российской Федерации. В условиях значительной доли публичных земель и капитальных объектов в структуре национального имущественного комплекса вопросы формирования доходной базы бюджетов и эффективного управления активами приобретают особую актуальность. В работе рассматриваются нормативные правовые акты, закладывающие фундаментальные принципы расчета арендных платежей: экономическую обоснованность, предсказуемость и недопустимость ухудшения положения хозяйствующих субъектов. Особое внимание уделено дифференциации способов исчисления платы – от кадастровой и рыночной стоимости до применения системы корректирующих коэффициентов и конкурентных процедур. Автором выявлены проблемные аспекты применения массовой кадастровой оценки, а также обоснована необходимость адаптации методик для поддержки приоритетных видов предпринимательской деятельности.

Государственная недвижимость, арендная плата, кадастровая стоимость, рыночная стоимость, методология оценки, постановление № 582, арендные отношения, торги.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.55.01.

Eichman Elizabeth Vadimovna,
Master's program student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog
Scientific supervisor – Kamyshanova Anna Evgenievna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

METHODOLOGY FOR DETERMINING THE RENTAL RATE OF STATE-OWNED REAL ESTATE IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article is devoted to the analysis of methodological approaches to determining rents for real estate owned by the Russian Federation. Given the significant share of public lands and capital facilities in the structure of the national property complex, the issues of forming the revenue base of budgets and effective asset management are becoming particularly relevant. The paper examines the regulatory legal acts that lay down the fundamental principles of calculating lease payments: economic validity, predictability and the inadmissibility of deterioration of the situation of business entities. Special attention is paid to the differentiation of payment calculation methods – from cadastral and market value to the application of a system of correction factors and competitive procedures. The author identifies problematic aspects of the use of mass cadastral valuation, as well as substantiates the need to adapt methods to support priority types of entrepreneurial activity.

State-owned real estate, rent, cadastral value, market value, valuation methodology, resolution No. 582, lease relations, auctions.

Институт аренды государственного и муниципального имущества занимает ключевое место в системе управления публичными финансами. Правовое регулирование данных отношений базируется на нормах Гражданского кодекса РФ, который в главе 34 устанавливает общие положения о договоре аренды, включая порядок внесения арендных платежей и обязанности сторон [1]. С одной стороны, передача объектов во временное пользование обеспечивает стабильный источник неналоговых доходов бюджета, с другой – данный механизм призван способствовать развитию предпринимательства, особенно в сферах, требующих государственной поддержки.

Фундаментальные основы определения размера арендной платы за земли, находящиеся в публичной собственности, заложены в постановлении Правительства РФ от 16.07.2009 № 582. Данный нормативный акт закрепляет ключевые принципы расчета: экономическую обоснованность, предсказуемость, недопустимость ухудшения положения арендаторов и предельную простоту исчисления [3]. Законодатель устанавливает вариативность подходов к

определению платежей: они могут исчисляться на базе кадастровой стоимости, исходя из рыночной оценки, по результатам торгов либо на основании ставок земельного налога.

Существенное влияние на методологию оказал Федеральный закон «О защите конкуренции». Статья 17.1 данного закона вводит императив проведения торгов при передаче публичного имущества в аренду, если иное не предусмотрено законодательством [2]. Аукционный механизм позволяет определить справедливую цену, исходя из реального соотношения спроса и предложения, что в полной мере соответствует принципу экономической обоснованности. Вместе с тем процедура торгов не всегда применима для поддержки социально значимых или инновационных проектов, где требуется преференциальный режим.

Наибольшую сложность в методологическом плане представляет использование кадастровой стоимости в качестве базы для расчета. Кадастровая стоимость, будучи продуктом массовой оценки, зачастую имеет высокую погрешность и значительно превышает реальную рыночную цену объектов, что подтверждается многочисленными судебными спорами. Это противоречит принципу экономической обоснованности.

Для земель одного населенного пункта и вида разрешенного использования не могут вводиться ставки, превышающие установленный федеральный уровень, например, предельные 2% от кадастровой стоимости для жилищного строительства [4].

Альтернативным и более гибким инструментом выступает применение системы корректирующих коэффициентов. В региональных методиках широко используются показатели, учитывающие местоположение, площадь, техническое состояние объекта и его благоустройство. Как подчеркивается в научной литературе, потенциал коэффициентов позволяет не только нивелировать недостатки массовой оценки, но и реализовывать государственную политику. Внедрение понижающих коэффициентов для субъектов инновационной деятельности или малого предпринимательства могло бы стать действенной мерой поддержки, не нарушающей общих принципов платности [5].

Анализ практики применения методологии выявляет устойчивый вектор ее эволюции: от жестко фиксированных ставок к многовариантным моделям расчета. Развитие института независимой оценки, совершенствование правил проведения торгов в электронной форме, а также постепенное сближение кадастровой и рыночной стоимостей формируют методологическую базу, способную учитывать как публичные интересы, так и потребности арендаторов. Дальнейшее совершенствование методик должно быть направлено на упрощение расчетов и повышение их достоверности, что позволит минимизировать конфликтный потенциал арендных правоотношений.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : ФЗ от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ : (ред. от 01.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
2. О защите конкуренции : Федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ : (ред. от 14.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
3. Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 16 июля 2009 г. № 582 // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
4. Вавилова Е.М. Основы определения стоимости арендной платы государственной недвижимости Российской Федерации / Е.М. Вавилова. – Текст : непосредственный // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 94–98.
5. Сухоруков А. В. Совершенствование методологии расчета арендной платы за объекты недвижимости государственной и муниципальной собственности / А.В. Сухоруков. – Текст : непосредственный // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 151–160.

Яковецкий Виталий Владимирович,
студент, ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Перенесенко Валерий Эдуардович,
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики,
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Статья предназначена для студентов, исследователей и практикующих юристов, интересующихся проблемами доказывания в контексте цифровизации. В статье анализируются проблемы, возникающие при определении подлинности и допустимости цифровых доказательств, рассматриваются примеры из судебной практики и предлагаются практические рекомендации по совершенствованию процедуры их использования. Полученные знания позволят читателю существенно укрепить свою профессиональную компетентность в условиях стремительной цифровой трансформации права.

Цифровые доказательства, электронные данные, судебное разбирательство, электронные документы, аутентичность, судебная экспертиза, правовое регулирование, допустимость доказательств, процессуальное право, цифровизация.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.55.01.

Yakovetsky Vitaly Vladimirovich,
Student, Donbass State University of Justice, Donetsk
Perenesenko Valery Eduardovich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics,
Donbass State University of Justice, Donetsk

DIGITAL EVIDENCE

This article is intended for students, researchers, and practicing lawyers who are interested in the challenges of proving in the context of digitalization. The article analyzes the problems that arise when determining the authenticity and admissibility of digital evidence, provides examples from judicial practice, and offers practical recommendations for improving the process of using digital evidence. The knowledge gained from this article will help the reader to significantly enhance their Фprofessional competence in the rapidly evolving digital environment.

Digital evidence, electronic data, legal proceedings, electronic documents, authenticity, forensic examination, legal regulation, admissibility of evidence, procedural law, digitalization.

Современная судебная система находится на стыке двух миров: традиционных бумажных доказательств и динамичной цифровой среды. Электронная переписка, информация из онлайн-сервисов, данные с мобильных устройств и видеозаписи становятся ключевыми доказательствами, но правовое регулирование их использования значительно отстает от технического прогресса. В результате суды вынуждены применять разрозненные и зачастую противоречивые подходы, что создает риски для объективности и предсказуемости правоприменительной деятельности.

Как отмечает М. В. Бахин, *«цифровые доказательства обладают уникальной, но вместе с тем уязвимой природой, и их исследование требует особых процедур, отличных от изучения традиционных документов»* [5, с. 42]. А.А. Матвеев подчёркивает, что *«неунифицированность подходов судов к оценке электронных доказательств создаёт угрозу правовой неопределённости»* [6, с. 46].

Несмотря на очевидные преимущества цифровых технологий, отсутствие чёткого правового регулирования приводит к тому, что цифровые доказательства нередко оказываются спорными, а решения судов – противоречивыми. В действующем законодательстве нет отдельной категории «цифровых доказательств». Статья 74 УПК РФ относит электронные данные к документам, однако не выделяет цифровые доказательства в отдельную категорию [1]. Это приводит к формальному подходу, который не учитывает техническую природу таких материалов.

Статья 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) признает электронные документы полноценными доказательствами при условии подтверждения их

подлинности [2]. Аналогичный подход содержится в Арбитражно процессуальном кодексе Российской Федерации (статья 75), который прямо допускает представление электронных доказательств [3], при этом признавая электронные документы самостоятельным видом доказательств, и именно арбитражная практика стала одной из первых, где появились стандарты оценки цифровых данных. Как пишет Е. С. Шибанова, «арбитражные суды систематически используют электронный документооборот и тем самым формируют устойчивую правоприменительную практику» [8].

Цифровые материалы легко поддаются изменению, и такие изменения трудно выявить без специальных программных средств. И я считаю, что цифровые данные могут быть модифицированы незаметно, что требует обязательного применения экспертных методик, при этом серьёзную проблему составляет идентификация автора цифровой переписки. Так, без достоверного установления принадлежности аккаунта определённому лицу электронная переписка теряет доказательственную ценность».

Неопределенность приводит к тому, что суды по-разному оценивают электронные письма, скриншоты переписки и информацию из социальных сетей. Исследователи прямо указывают на разобщенность подходов и отсутствие доктринальной проработки в этой области [6, с. 46]. Так, Московский городской суд отказался учитывать скриншоты переписки, указав, что «представленные изображения не позволяют установить ни источник происхождения, ни подлинность содержания» (дело № 33-45176/2021).

Установление подлинности цифровой информации остается серьезной проблемой. Цифровые данные легко изменить, и для этого требуются специальные методы и экспертные процедуры, которые еще не были стандартизированы [7, с. 38].

Кроме того, установление личности участника переписки часто вызывает трудности: учетные записи могут быть анонимными, а доступ к устройству могут иметь несколько человек [5, с. 121]. Все это снижает доказательную ценность электронных данных.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации допускает использование электронных данных в качестве документов, но не выделяет их в отдельную категорию доказательств [1]. Это приводит к необходимости запрашивать экспертизы и специальные технические исследования для подтверждения происхождения цифровой информации. В то же время арбитражные суды часто принимают электронные документы, подтверждённые электронной подписью. Например, Арбитражный суд Уральского округа указал, что электронный договор, подписанный через систему «Диадок», обладает доказательственной силой, поскольку подтверждён квалифицированной электронной подписью (дело № А40-44574/2021).

В гражданском судопроизводстве нормы выглядят более прогрессивно: статья 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации прямо указывает на допустимость использования электронных документов [2]. Судебная практика показывает, что гражданские суды чаще принимают электронные доказательства, включая переписку участников, записи телефонных разговоров и данные из государственных информационных систем [6, с. 48].

Наиболее развитым подходом обладают арбитражные суды. Так, к примеру, статья 75 Кодекса административного судопроизводства устанавливает электронные документы в качестве отдельного вида доказательств [3]. Исследователи отмечают, что именно арбитражные суды первыми сформировали стандарты оценки цифровых данных, в том числе правила работы с электронным документооборотом [8].

Особенности электронных доказательств определяются их несущественным, легко изменяемым и технически сложным характером. Именно поэтому суды особенно тщательно изучают происхождение таких данных и способы их получения [7, с. 34].

Эксперты играют значительную роль. При исследовании электронных носителей суды почти всегда прибегают к технической экспертизе, которая позволяет установить неизменяемость файла, определить дату его создания и выявить следы редактирования

[5, с. 145]. Мнения экспертов часто становятся решающими при оценке подлинности цифровых материалов. Например, особую угрозу в 2025 году представили технологии создания поддельных видео- и аудиоматериалов (deepfake). Без специализированных методик и программных средств для проверки цифровых файлов суды фактически оказываются беззащитными перед возможностью цифровых подделок.

Сложность проблемы усиливается недостаточной цифровой грамотностью сотрудников правоохранительных органов и судов. Я бы сказал, что некомпетентность участников процесса приводит к ошибкам, которые могут повлиять на исход дела, поэтому для устранения указанных проблем необходимо комплексное реформирование системы обращения с цифровыми доказательствами и специалисты, которые играют важную роль: его участие необходимо для разъяснения технических характеристик программного обеспечения, порядка передачи данных и особенностей сетевых подключений. Многие судьи прямо указывают на то, что без таких разъяснений невозможно оценить электронные доказательства [8].

Законодательство остаётся фрагментарным именно потому, что научная доктрина пока не сформировала целостного понимания цифровых данных как особой категории юридически значимой информации. Теоретикам предстоит устранить этот пробел, предложив единое, научно выверенное определение цифровых доказательств, включающее критерии их происхождения, подлинности, целостности и допустимости. Без такого концептуального ядра невозможно ни построение устойчивой процессуальной модели, ни унификация судебной практики. В научной среде требуется выработка общей классификации цифровых следов и принципов их оценки, которые позволят судам опираться на последовательную, проверяемую и воспроизводимую систему аргументов..

Перспективным направлением является создание единых методических рекомендаций по записи, хранению и передаче цифровой информации. Можно отметить, что без стандартизации невозможно обеспечить надежную и объективную оценку электронных данных [5, с. 215].

Техническое развитие судебной системы также является необходимым условием: многие суды не располагают достаточным количеством программного обеспечения для безопасного хранения и проверки цифровых данных [8].

Наконец, важной задачей является повышение цифровой грамотности сотрудников судов и правоохранительных органов. Недостаточная компетентность участников процесса затрудняет объективную оценку цифровых следов, что подтверждается исследованиями последних лет [7, с. 39].

Цифровые доказательства становятся одним из ключевых элементов современного судопроизводства. Они позволяют более точно устанавливать обстоятельства дела и обеспечивают высокий уровень информированности при рассмотрении как гражданских, так и уголовных споров. Однако для их полноценного использования необходимо дальнейшее развитие правового регулирования, выработка общих подходов к проверке и оценке цифровых данных, а также повышение технической компетентности участников судебного процесса. Если законодатель не создаст цельную нормативную конструкцию, а практики не получат знаний и инструментов, суды так и будут балансировать между истиной и цифровой иллюзией.

Создание технологически оснащенной и интеллектуально подготовленной судебной инфраструктуры должно стать стратегической задачей государства. Только сочетание научно обоснованной теории, единых процессуальных правил, современных технических средств и цифровой компетентности специалистов-практиков позволит превратить цифровые доказательства из источника противоречий и ошибок в надежный механизм установления истины. Судебная система, способная уверенно, последовательно и технологически грамотно работать в электронной среде, станет ключевым условием обеспечения законности и правосудия в эпоху цифровых технологий.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 01.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №52. – Ст. 4921. – Текст : непосредственный.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 01.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №46. – Ст. 4532. – Текст : непосредственный.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012. – Текст : непосредственный.
4. О практике рассмотрения судами дел с участием присяжных заседателей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14. – Текст : непосредственный
5. Бахин М.В. Цифровые доказательства в уголовном процессе : монография / М.В. Бахин. – Москва : Норма, 2019. – 256 с. – Текст : непосредственный.
6. Матвеев А.А. Электронные доказательства в гражданском процессе / А.А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 45–55.
7. Стефанов Е.Н. Особенности проверки подлинности цифровых данных в судебной практике / Е.Н. Стефанов. – Текст : непосредственный // Право и цифровизация. – 2021. – № 2. – С. 33–41.
8. Шибанова Е.С. Электронные доказательства и проблемы их использования в суде / Е.С. Шибанова. – Текст : непосредственный // Арбитражная практика. – 2019. – № 10. – С. 12–17.

Яценко Ольга Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ВЗГЛЯДОВ П.И. НОВГОРОДЦЕВА НА ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА

В работе исследуются правовые воззрения П.И. Новгородцева, сформировавшиеся на рубеже XIX–XX веков в условиях кризиса правосознания. Опираясь на кантовскую этику (личность как самоцель, дуализм должного и сущего) и гегелевскую диалектику, мыслитель преодолел ограниченность юридического позитивизма и разработал концепцию «возрожденного естественного права». Новгородцев трактовал право как динамичную систему, стремящуюся к нравственному идеалу, а государство – как инструмент защиты свободы и неотчуждаемых прав личности, подчинённый моральным принципам. Естественное право в его теории выступает не догмой, а критерием оценки позитивных норм. Концепция стала ответом на общественно-политическую нестабильность начала XX века и заложила основы либерально-нравственной модели правового государства.

П.И. Новгородцев, правовая теория, исторические предпосылки, теоретико-методологические предпосылки.
Тематический рубрикатор e-Library: 11.09.09.

Yatsenko Olga Vasilyevna,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law,
Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

HISTORICAL AND THEORETICAL-METHODOLOGICAL BACKGROUND OF P.I. NOVGORODTSEV'S VIEWS ON THE SUBJECT AND TASKS OF LEGAL THEORY IN THE CONTEXT OF THE STATE PROBLEM

The paper examines the legal views of P.I. Novgorodtsev, which were formed at the turn of the 19th and 20th centuries in the context of the crisis of legal consciousness. Drawing on Kant's ethics (the individual as an end in itself, the dualism of the ought and the is) and Hegel's dialectics, the thinker overcame the limitations of legal positivism and developed the concept of «revived natural law». Novgorodtsev interpreted law as a dynamic system that strives for a moral ideal, and the state as a tool for protecting freedom and inalienable rights of the individual, which is subject to moral principles. In his theory, natural law is not a dogma, but a criterion for evaluating positive norms. This concept was a response to the socio-political instability of the early 20th century and laid the foundation for a liberal-moral model of the rule of law.

P.I. Novgorodtsev, legal theory, historical background, and theoretical and methodological background.

Формирование правовых воззрений Павла Ивановича Новгородцева происходило в условиях глубокого кризиса правосознания, характерного для рубежа XIX–XX веков. Этот период отличался острой полемикой вокруг фундаментальных вопросов: природы права, роли государства и места личности в политико-правовой системе. Именно в этих условиях Новгородцев обратился к естественно правовой традиции как к наиболее адекватному средству преодоления ограниченности господствовавшего тогда юридического позитивизма [1].

Ключевые тезисы его концепции можно отразить в следующих положениях:

- нравственная автономия личности – центральный принцип. Личность выступает как «нравственная основа общественности», а общество – не ограничение, а «расширение и восполнение» индивидуальности;
- естественное право как идеал. Оно не тождественно закону, а представляет собой критический критерий для оценки позитивных норм. Законы, отстающие от развития общества, неизбежно вступают в конфликт с прогрессивными стремлениями – именно из этих противоречий рождается естественное право как требование реформ;
- бесконечность правового идеала. Гармония свободы и равенства недостижима в абсолютном виде, но выступает как нравственный императив, побуждающий к постоянному совершенствованию права;

− социальная роль государства. Новгородцев признавал необходимость государства, но настаивал, что его деятельность должна соответствовать высшим моральным критериям.

Таким образом, критика позитивизма стала для него не просто отрицанием устаревшей доктрины, а позитивной программой построения правовой системы, основанной на нравственных абсолютах и уважении к человеческому достоинству.

Немецкая классическая философия, и в первую очередь учение Иммануила Канта, выступила для П.И. Новгородцева важнейшим интеллектуальным фундаментом: именно из кантовской системы он заимствовал ключевые концептуальные схемы, позволившие выстроить собственную теорию права – ориентированную на нравственные абсолюты и защиту личности.

Центральным принципом стала идея «нормы над нормой»: существования трансцендентального морального закона, выступающего высшим критерием оценки позитивного (действующего) права. В этой схеме позитивное право понимается как совокупность конкретных норм, установленных государством в определенное время, тогда как «норма над нормой» – это всеобщий, неизменный нравственный закон (категорический императив Канта), задающий идеал справедливости, к которому должно стремиться право; соответственно, позитивное право не принимается как безусловная данность, а оценивается и корректируется через призму трансцендентальной нормы. Эта идея позволила Новгородцеву преодолеть ограниченность юридического позитивизма, введя в правопонимание ценностный критерий.

Особенно значимыми для Новгородцева оказались три кантовских положения. Во-первых, дуализм должного и сущего. Во-вторых, представление о личности как о самоцели, а не о средстве. В-третьих, трактовка права как условия свободы.

Объединив эти положения, Новгородцев создал целостную правовую теорию, в которой нравственный абсолют (кантовский категорический императив) стал критерием оценки законов, личность – центральной ценностью, вокруг которой строится правопорядок, а свобода – целью, а не побочным эффектом государственного регулирования. Таким образом, кантовская философия дала ему методологический инструмент (дуализм должного/сущего) для критики позитивизма, этическую основу (личность как самоцель) для защиты прав человека и нормативный идеал (право как условие свободы) для проектирования правового государства. Это позволило Новгородцеву предложить альтернативу позитивистскому подходу: право как динамичную систему, стремящуюся к нравственному идеалу, а не просто к формальному соблюдению норм.

Гегелевская философская система также оказала заметное влияние на формирование взглядов Новгородцева – прежде всего через диалектический метод, позволивший осмыслить историческое развитие нравственных и правовых идей. Вместе с тем Новгородцев категорически не принимал гегелевскую концепцию государства как абсолютного нравственного организма, и суть расхождений раскрывается в нескольких ключевых аспектах. У Гегеля государство предстает высшей формой объективного духа, воплощением абсолютной идеи, обладающим моральным верховенством над индивидом, – личность призвана служить государству как высшей ценности. Новгородцев же рассматривал государство как инструмент, созданный обществом для обеспечения свободы и защиты прав личности: оно не имеет самодостаточной ценности и должно подчиняться нравственным принципам, а не диктовать их. Далее, Гегель отстаивал приоритет целого (государства) над частью (личностью), оправдывая подчинение индивидуальных интересов «всеобщей воле», тогда как Новгородцев, напротив, утверждал приоритет личности, полагая, что государство существует ради человека, а не наоборот, и права индивида не могут быть принесены в жертву «государственным интересам». Наконец, в трактовке свободы позиции также расходились: у Гегеля свобода понималась как подчинение разумному порядку государства, то есть как «свобода в рамках закона», где закон отождествляется с абсолютной волей государства, тогда как Новгородцев видел свободу как автономию личности, ограниченную лишь равной свободой других, – закон должен не подавлять, а гарантировать эту автономию.

В противовес гегелевскому абсолютизму Новгородцев сформулировал критерии легитимности власти, основанные на нравственных принципах.

Во-первых, государство законно лишь тогда, когда его законы и действия не противоречат фундаментальным моральным ценностям (достоинство личности, справедливость, равенство): если государство нарушает эти принципы, оно теряет право на повиновение.

Во-вторых, власть выступает не самоцелью, а средством для защиты неотчуждаемых прав человека (жизнь, свобода, собственность), создания условий для нравственного развития личности и обеспечения правопорядка без ущемления свободы.

В-третьих, государство не должно претендовать на моральное верховенство или контроль над духовной жизнью общества – его функция заключается во внешней регуляции, а не в навязывании «абсолютной истины».

В-четвертых, легитимность власти определяется ее способностью служить интересам индивида, а не абстрактным «высшим целям»: если государство подавляет свободу, оно становится неправовым, даже если формально соблюдает законы.

Таким образом, Новгородцев заимствовал у Гегеля диалектический метод для анализа исторического развития права, но отверг его этатистскую доктрину, создав оригинальную концепцию, где нравственные идеалы (кантовские абсолюты) задают критерии оценки права, историческая динамика (гегелевская диалектика) объясняет эволюцию правовых форм, а личность остается высшей ценностью, тогда как государство – лишь инструментом ее защиты.

Важнейшей предпосылкой стала традиция естественного права, которую Новгородцев стремился возродить в новых исторических условиях. Он интерпретировал естественное право не как застывшую систему догм, а как идеальную норму, к которой должно стремиться позитивное право. Это позволяло сочетать верность нравственным абсолютам с признанием исторической изменчивости правовых форм.

Не менее значимым фактором стало социально-политическое развитие России начала XX в. Революционные события 1905–1907 гг. и становление парламентаризма обострили вопрос о соотношении власти и свободы. В своей концепции Новгородцев синтезировал либерализм и нравственный идеализм. В отличие от утилитаристских версий либерализма, он связывал свободу с нравственным совершенствованием личности. Ключевые положения этого синтеза: приоритет личности над коллективом, выражающийся в неотчуждаемости прав и свобод; необходимость солидарности как условия социального прогресса, что сближало его с идеями христианской этики; роль религии (особенно православия) как источника высших ценностей, хотя в правовой методологии он сохранял светский подход.

Методологически Новгородцев опирался на плюрализм подходов, сочетая философско-нормативный анализ для выявления идеальных критериев права; исторический метод для изучения эволюции правовых идей от античности до современности; социологический подход для учета социальных факторов в правотворчестве. Этот синтез позволил ему избежать крайностей абстрактного морализирования и позитивистского релятивизма.

Таким образом, взгляды Новгородцева сложились как комплексный ответ на кризис правовой мысли и общественно-политическую нестабильность начала XX в. Его концепция «возрожденного естественного права» объединила кантовскую этику и неокантианский критицизм, обеспечившие нормативную строгость; классическую естественно-правовую традицию, восстановившую связь права с моралью; либеральные принципы защиты личности, задавшие политико-правовую ориентацию; христианско-нравственные идеалы, обогатившие теорию ценностным содержанием. В результате Новгородцев выстроил либерально-нравственную модель права, в которой личность признается высшей ценностью, а ее неотчуждаемые права (неприкосновенность, достоинство, свобода) – безусловными критериями легитимности власти; право понимается как динамичная система, постоянно стремящаяся к идеалу справедливости, но никогда его полностью не достигающая; а государство рассматривается не как самоцель, а как средство обеспечения свободы и защиты личности, ограниченное нравственными принципами и обязанное служить интересам индивида, а не абстрактным «общегосударственным задачам».

Библиографический список

1. Артемов А.А. Концепция государства и права личности в философии права П.И. Новгородцева / А.А. Артемов. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы взаимодействия государства и гражданского общества: философско-правовые и социально-политические аспекты : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 31–36.

Яценко Ольга Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог

РОЛЬ КОДЕКСОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ И СЛУЖЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ НРАВСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В работе исследуется роль кодексов профессиональной этики в деятельности юридических профессий (юристов, адвокатов, судей, нотариусов) как инструмента обеспечения законности, справедливости и противодействия коррупции. Анализируется значение кодексов профессиональной этики и служебного поведения: их вклад в формирование внутреннего самоконтроля специалистов, профилактику нравственных конфликтов и злоупотреблений. Показано, что соблюдение этических норм укрепляет доверие общества к правовой системе и служит важным элементом борьбы с коррупцией. Подчеркивается необходимость внедрения механизмов контроля (комитетов по этике, специализированных подразделений) для эффективной реализации этических стандартов в юридической практике.

Кодекс профессиональной этики и служебного поведения, представители юридических профессий, нравственные конфликты, коррупционные правонарушения.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.07.01.

Yatsenko Olga Vasilyevna,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law,
Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog

THE ROLE OF PROFESSIONAL ETHICS CODES AND EMPLOYEE BEHAVIOR OF LEGAL PROFESSIONALS IN PREVENTING AND CESSING MORAL CONFLICTS AND CORRUPTION OFFENCES

The paper explores the role of professional ethics codes in the activities of legal professions (lawyers, attorneys, judges, and notaries) as a tool for ensuring the rule of law, justice, and anti-corruption. The paper analyzes the significance of professional ethics and service conduct codes, their contribution to the formation of internal self-control among professionals, and the prevention of moral conflicts and abuses. It demonstrates that adherence to ethical standards enhances public trust in the legal system and serves as an important element in the fight against corruption. The paper emphasizes the need for implementing control mechanisms (ethics committees, specialized units) to effectively implement ethical standards in legal practice.

Code of Professional Ethics and Conduct, representatives of legal professions, moral conflicts, and corruption offenses.

В современном обществе юридические профессии занимают ключевое место в обеспечении законности, справедливости и правопорядка. Представители этих профессий – юристы, адвокаты, судьи, нотариусы – наделены значительной властью и ответственностью, что требует от них высокого уровня нравственности и профессионализма. В этом контексте кодексы профессиональной этики и служебного поведения становятся важнейшим инструментом, направленным на предупреждение нравственных конфликтов и коррупционных преступлений. Изложенное говорит о несомненной актуальности темы исследования.

Этические нормы выступают фундаментальным каркасом профессиональной деятельности вне зависимости от ее отраслевой принадлежности – будь то юридическая сфера или иные виды занятости. Морально-этические ориентиры формируют внутренний регулятор поведения специалиста, обеспечивая высокий уровень самоконтроля там, где формальное правовое регулирование демонстрирует свою ограниченность: в условиях правовой неопределенности, при быстром развитии новых практик или в ситуациях этической дилеммы.

Нормы морали охватывают значительно более широкий спектр общественных отношений, чем нормативно-правовое поле, и выполняют функцию естественного дополнения к законодательству. Без этой морально-этической опоры охранительная функция права оказалась бы существенно ослаблена, поскольку многие формы девиантного поведения сначала осуждаются обществом на уровне ценностей, а лишь затем криминализируются.

Право, по своей сути, представляет собой кодифицированный и институционально защищенный сегмент морали – ту ее часть, которая признана обществом критически важной и требует принудительного обеспечения. В идеальном выражении правовые нормы воплощают ценностный выбор общества: они призваны защищать добро и противодействовать злу, закрепляя базовые нравственные императивы в форме общеобязательных правил.

Профессиональная этика не конструируется искусственно, а эволюционирует органично – через накопление и осмысление практического опыта в рамках конкретной профессии.

Профессиональная этика не является универсальной конструкцией – она дифференцируется в зависимости от специфики деятельности, формируя уникальные системы морально-нравственных требований для каждой профессии. Эти требования, хотя формально носят рекомендательный характер, обладают реальным регулятивным потенциалом: за ними стоят механизмы институционального контроля.

Ключевой парадокс профессиональной этики заключается в сочетании мягкой формы (рекомендации) и жестких последствий ее нарушения. Это обеспечивается через создание специализированных органов – комитетов по этике, комиссий по профессиональной чести и т.д.; разработку процедур разрешения этических конфликтов, встроенных в организационные процессы; закрепление дисциплинарных санкций за грубые нарушения этических норм.

Последствия несоблюдения этических стандартов могут варьироваться от замечания и выговора до увольнения, особенно в сферах с высокой социальной ответственностью.

С теоретической точки зрения профессиональная этика представляет собой прикладную ветвь этики как науки, она конкретизирует абстрактные нравственные принципы применительно к специфическим условиям профессиональной деятельности. Ее нормы динамичны: они трансформируются под влиянием внешних факторов (социальные изменения, технологический прогресс, новые правовые нормы) и внутренних факторов (эволюция профессии, появление новых этических дилемм).

В конечном счете профессиональная этика выполняет защитную функцию для общества: она минимизирует риски, связанные с некомпетентностью, недобросовестностью или аморальностью отдельных специалистов, создавая систему ценностных ориентиров для профессионального сообщества.

Немаловажное значение профессиональная этика имеет в части защиты общественных интересов от совершения различных противоправных действий со стороны работников и служащих, в том числе в сфере противодействия коррупции и преступлениям коррупционной направленности.

Справедливо подчеркнуть, что значение профессиональной этики в различных сферах для общества однозначно имеет некое заградительное значение, так как включает в себя несколько базовых моментов, в том числе меры дополнительной ответственности субъектов профессиональной деятельности в рамках требований этики.

Безусловно, этика включает в себя две составляющие, за счет которых она работает: внутренний самоконтроль человека; общественное порицание.

По сути, человек совершенно не должен соблюдать какие-либо этические нормы, но в рамках самоконтроля он в полной мере должен сам себе придерживаться определенной ценностной парадигмы. Важно подчеркнуть, что любой человек, который не придерживается этики в рамках самоконтроля, является объектом для общественного порицания. Учитывая современные возможности сети Интернет и глобальных социальных сетей, сейчас многие правонарушения, нарушения норм этического характера становятся общедоступными и легко узнаваемыми в обществе, что повышает негативный эффект от резкого нарушения этических норм.

В контексте борьбы с коррупцией этика играет второстепенную роль, в первую очередь в качестве инструмента самоограничения, но значительно большее значение имеет осознание ответственности. Мораль, в данном случае, тесно связана с пониманием субъектом неотвратимости наступления ответственности за совершение противоправных или преступных действий, что важно понимать, определяя роль и место морали и этики в системе противодействия коррупции.

Социальное значение и роль этики в вопросах противодействия коррупции заключается в том, чтобы создать достаточно оснований для повышения уровня самоконтроля служащих в процессе их профессиональной деятельности. Для профилактики и содействия решению данных проблем стоит рассматривать идеи внедрения концепции правового воспитания и борьбы с коррупцией, а также использование опыта и примеров органов правопорядка и создание специализированных подразделений по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции во всех органах власти и управления.

Кодексы профессиональной этики формируют стандарты поведения, которые определяют моральные и правовые нормы, обязательные для представителей юридических профессий [1, с. 33]. Они устанавливают принципы честности, объективности, конфиденциальности, уважения к правам человека и независимости, что способствует формированию доверия общества к правовой системе. Соблюдение этих норм помогает избежать ситуаций, которые могут привести к нравственным конфликтам – внутренним противоречиям между личными интересами и профессиональными обязанностями.

Кроме того, кодексы служебного поведения конкретизируют правила взаимодействия с коллегами, клиентами и государственными органами, что снижает риск злоупотреблений и коррупционных проявлений. Четкие этические ориентиры способствуют формированию культуры ответственности и самоконтроля, что является важным фактором в борьбе с коррупцией. Юридические работники, следуя установленным стандартам, уменьшают вероятность совершения коррупционных действий и обеспечивают прозрачность своей деятельности.

Подводя итог проведенному исследованию, отметим следующее.

Кодексы профессиональной этики и служебного поведения становятся неотъемлемой частью эффективной системы предупреждения нравственных конфликтов и коррупционных преступлений среди представителей юридических профессий. Они формируют не только нормативную базу, но и культурные ориентиры, способствующие развитию у специалистов внутреннего самоконтроля и ответственности перед обществом. В современных условиях, когда вызовы коррупции приобретают все более изощренные формы, роль этических норм возрастает, поскольку именно они помогают создавать атмосферу прозрачности и честности в профессиональной деятельности.

Кроме того, интеграция этических стандартов в повседневную практику юридических работников способствует укреплению доверия граждан к правовой системе и государственным институтам. Это особенно важно, поскольку доверие общества является фундаментом для стабильности и развития правового государства. Внедрение механизмов контроля за соблюдением этических норм, таких как комитеты по этике и специализированные подразделения по противодействию коррупции, обеспечивает не только профилактику нарушений, но и оперативное реагирование на возникающие проблемы.

В итоге, профессиональная этика выступает как мощный инструмент, объединяющий внутренние моральные установки юриста и внешние требования общества, направленные на защиту общественных интересов. Только при условии строгого соблюдения этих норм возможно достижение высокого уровня профессионализма, честности и справедливости в юридической деятельности, что является залогом успешного противодействия нравственным конфликтам и коррупционным преступлениям в современном обществе.

Библиографический список

1. Плотникова А.Л. Профессиональная этика: учебное пособие / А.Л. Плотникова, О.Г. Родионова., А.А. Вотинов . – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2024. – 120 с. – ISBN 978-5-91612-137-7. – Текст: электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/944074 (дата обращения: 24.03.2026).
2. Ширяева С.В. Профессиональная этика юриста: учебное пособие / С.В. Ширяева. – Москва: МПГУ, 2022. – 213 с. – ISBN 978-5-4263-0701-8. – Текст: электронный. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/1341002 (дата обращения: 24.03.2026).

СОДЕРЖАНИЕ

Авакова Алена Михайловна
К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ 11

Алиев Рустам Карленович
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ 14

Амбарцумян Кристина Сергеевна
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
СВИДЕТЕЛЯ ЗА ДАЧУ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ 17

Андреева Ольга Александровна
МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 21

Андреева Ольга Александровна, Бекленищев Даниил Михайлович
АКТУАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ ДЛЯ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА 24

Анисимов Алексей Павлович, Резванова Лариса Анатольевна
О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 29

Ахъядов Эльдар С.-М.
ЦЕННОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КЛЮЧ
К ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ Г.Д. ГУРВИЧА 33

Ахъядов Эльдар С.-М.
ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВА Г.Д. ГУРВИЧА:
ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ И СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ 37

Бабадеева Мария Сергеевна, Анциферова Наталья Александровна
НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ СДЕЛОК: ПРЕДЕЛЫ ПРЕВЕНТИВНОЙ
ФУНКЦИИ И РИСКИ КВАЗИСУДЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ 41

Бабадеева Мария Сергеевна, Смоленский Михаил Борисович
БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ НЕДВИЖИМОСТИ:
НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ 45

Баккуев Азнаур Хусеевич
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 49

Боброва Валерия Александровна
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВАНДАЛИЗМ:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ 52

Боброва Валерия Александровна
ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВАНДАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....55

Бобрыко Мария Витальевна
ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В АНТИОБЩЕСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ.....57

Бобрыко Мария Витальевна
СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СУДЕБНОГО АКТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....62

Большакова Елизавета Алексеевна
ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ФОРМ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ.....66

Василькова Евгения Андреевна
КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ..70

Волот Татьяна Николаевна
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЕАЭС: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ 74

Галетко Анастасия Юрьевна
ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ) В РОССИЙСКОМ СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ.....77

Гаркуша Ирина Владиславовна
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ 80

Геворкян Анна Артемовна
ИНСТИТУТ ЗАЛОГА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....83

Глотова Дарья Вадимовна
ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....86

Головачева Эвелина Владиславовна
ИНТЕГРАЦИЯ СИСТЕМ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ПЕНСИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....90

Горбатый Роман Николаевич, Миленко Валентин Анатольевич
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....94

Горянова Яна Евгеньевна
ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ В РОССИИ.....98

Гулимов Игорь Витальевич, Каменева Полина Валерьевна
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ПЕРЕДАЧЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В АРЕНДУ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 102

Дашин Алексей Викторович, Шаповалов Анатолий Вячеславович
ДОКТРИНАЛЬНЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 105

Дорофеев Сергей Вячеславович
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ОТДЕЛЬНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА 108

Доценко Николай Николаевич, Працко Геннадий Святославович
ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОСТИ ПРАВОПОРЯДКА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОДХОДА П.И. НОВГОРОДЦЕВА 112

Доценко Николай Николаевич, Працко Геннадий Святославович
ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВАЯ КРИТИКА ПОЗИТИВНОГО ЗАКОНА В ТРУДАХ П.И. НОВГОРОДЦЕВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 116

Дубровский Алексей Александрович
ЛАТЕНТНОСТЬ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ: ПРИЧИНЫ И СПОСОБЫ ОЦЕНКИ 120

Ермолова Анастасия Михайловна, Овсяницкий Олег Евгеньевич
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИМИ ПРАВАМИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ИЛИ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РЕБЁНКА 123

Ермолова Анастасия Михайловна, Овсяницкий Олег Евгеньевич
ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА 126

Зуб Карина Сергеевна
БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ИНСТИТУТЕ УСЫНОВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 129

Каменева Полина Валерьевна, Чупахина Милана Анатольевна
АВТОРСКОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ РЕЗУЛЬТАТЫ, СОЗДАННЫЕ НЕЙРОСЕТЬЮ? 133

Камышанова Анна Евгеньевна
ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 136

Канивец Никита Тарасович
ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ АМНИСТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 140

Карпетченко Ярослав Витальевич
ГАЗЛАЙТИНГ КАК ФОРМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ:
МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ СОСТАВОМ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ? 143

Карягина Оксана Владимировна, Назарова Анастасия Игоревна
СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА: ДИСКУССИЯ О СООТНОШЕНИИ
СОЦИАЛЬНОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО (ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО) ФАКТОРОВ 147

Карягина Оксана Владимировна, Харьковская Анастасия Сергеевна
ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 151

Клименко Демьян Игоревич
ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ ИНСТИТУТОВ
ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ 155

Колган Александр Андреевич
ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ
XIX ВЕКА: КОНЦЕПЦИЯ Н.Ф. РОЖДЕСТВЕНСКОГО 159

Колесник Даниил Вадимович
СООТНОШЕНИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ «ГЕНОЦИД»
С РАЗЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ 162

Колесникова Виктория Романовна
ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 166

Колоденко Полина Вячеславовна, Чупахина Милана Анатольевна
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ,
И ПУТИ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ 170

Копылова Александра Васильевна
НАЛОГОВЫЙ ВЫЧЕТ КАК МЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ 174

Корниенко Анастасия Максимовна
ЮРИДИЧЕСКОЕ ПРИЗНАНИЕ ГЕНОЦИДА И СУДЕБНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 1941–1945 ГОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ 178

Коробейникова Кристина Валерьевна
О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ 181

Кудряшов Виктор Павлович
АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ИНСТАНЦИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА 184

Кудряшов Виктор Павлович
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССАХ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ 187

Курючкина София Романовна
ОРГАНИЗАЦИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ 191

Лазаренко Кристина Витальевна
ОБЯЗАННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ПО СТРАХОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ 194

Левашова Ирина Валентиновна
КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ БЕЗ ГРАНИЦ 197

Магомадова Эльза Исаевна
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЮРИДИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Н.К. РЕННЕНКАМПФА 201

Магомадова Эльза Исаевна
ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА Н.К. РЕННЕНКАМПФА: СОДЕРЖАНИЕ И АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА 205

Макавчук Анастасия Андреевна
УБИЙСТВА, СОВЕРШЁННЫЕ ПО МОТИВАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ, РАСОВОЙ, РЕЛИГИОЗНОЙ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ: ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ И ДОКАЗЫВАНИЯ МОТИВА 209

Мальков Роман Игоревич
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПРОЦЕДУР В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ 212

Мартынов Ринат Юрьевич
МЕЖДУНАРОДНОЕ УСЫНОВЛЕНИЕ В 2026 ГОДУ: ПОРЯДОК И НЮАНСЫ 215

Меер Александра Сергеевна
ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ГРАБЕЖА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 218

Никанова Алина Алексеевна
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ И КОРПОРАТИВНЫЕ ИНТЕРЕСЫ: ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ 221

Павлов Олег Витальевич, Андреева Ольга Александровна
РИМСКИЕ ИНСТИТУТЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ЗНАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ГЕНЕРАТИВНЫЕ ИИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТАТУСА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ 224

Пилипенко Маргарита Васильевна
ПРОБЛЕМА ВОВЛЕЧЕНИЯ ЖЕНЩИН В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 227

Пильгуй Роман Сергеевич, Перенесенко Валерий Эдуардович
ТЕРРОРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 230

Писаренко Аксинья Петровна
УКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКИМ ПРОЯВЛЕНИЯМ (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА РАБОТЫ ТАГАНРОГСКОГО
ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ
СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2036 ГОДА) 236

Писаренко Даниил Вадимович
НОВАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ 242

Пономарева Виктория Сергеевна, Працко Геннадий Святославович
ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СПЕЦИАЛЬНЫХ РАЗРЕШЕНИЙ (ЛИЦЕНЗИЙ)
В УСЛОВИЯХ ЛИКВИДАЦИИ СУБЪЕКТА ТРАНСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ АННУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРЕЕМСТВА 246

Пятакова Ирина Александровна
ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА СУДЬИ В ИНКВИЗИЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ 249

Рысухина Алина Максимовна
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ РАЗБОЯ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ
УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ 253

Сапрыкин Владислав Юрьевич
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА
ОТ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА 257

Сафиуллин Вячеслав Евгеньевич
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕПУТАТСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ
ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА 260

Свищ Алина Андреевна
ПРИЗНАНИЕ ДВИЖИМОЙ ВЕЩИ БЕСХОЗЯЙНОЙ И ПРИЗНАНИЕ ПРАВА
МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА БЕСХОЗЯЙНУЮ ВЕЩЬ:
НОРМЫ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА 263

Силивестров Андрей Леонидович
ВЛИЯНИЕ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО СОБЛЮДЕНИЮ
ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА 266

Скворцова Татьяна Александровна, Белов Эдуард Игоревич
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 270

Скворцова Татьяна Александровна, Кузнецов Никита Дмитриевич
ЗАЩИТА ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРАЖДАНИНА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ 275

Скобелев Владимир Петрович
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПРАВОВОГО СТАТУСА
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИСТЦОВ 280

Скрипник Виктория Витальевна
ЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА
В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ 283

Сынкова Елена Михайловна
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ЗАЩИТЫ ПРИВАТНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ 287

Тарабукин Владимир Владимирович, Остапенко Андрей Сергеевич
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ
И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ 290

Татьянина Анжелика Владимировна
ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ
КАК КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 294

Татьянина Анжелика Владимировна
НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 298

Тилинина Александра Олеговна
ПОБОИ И ИСТЯЗАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ:
ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 302

Толоманенко Наталья Андреевна
ПОНЯТИЕ КРАЖИ И МЕЛКОГО ХИЩЕНИЯ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ 305

Тугуз Руслан Тимурович
НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ 309

Хейло Карина Вадимовна
ОТСРОЧКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БЕРЕМЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ И ЖЕНЩИНАМ,
ИМЕЮЩИМ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ 312

Чаленко Григорий Александрович
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 315

Чеканова Алиса Михайловна
ПРЕДЕЛЫ И ОСНОВАНИЯ ПЕРЕСМОТРА ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА 318

Челмодеева Ксения Дмитриевна
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ
В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА 321

Челмодеева Ксения Дмитриевна
КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ..... 325

Чунихина Людмила Николаевна
МЕДИАТОР КАК НОВАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ..... 329

Чупахина Милана Анатольевна
ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
ПРИ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ 332

Шарипова Екатерина Максимовна
ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ..... 335

Шилова Анастасия Александровна
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД..... 338

Шишкин Дмитрий Викторович
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 342

Эйхман Елизавета Вадимовна
МЕТОДОЛОГИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 345

Яковецкий Виталий Владимирович, Перенесенко Валерий Эдуардович
ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА 347

Яценко Ольга Васильевна
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
СТАНОВЛЕНИЯ ВЗГЛЯДОВ П.И. НОВГОРОДЦЕВА НА ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ
ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА 351

Яценко Ольга Васильевна
РОЛЬ КОДЕКСОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ И СЛУЖЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ
И ПРЕСЕЧЕНИИ НРАВСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И КОРРУПЦИОННЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ 355

МАТЕРИАЛЫ
XXVII НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(с международным участием)

«Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров»

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Компьютерная верстка М.Н. Селиверстов

Электронное сетевое издание.

Формат – А4. Усл. печ. л. – 30,0. Заказ № 6э.
Подписано к публикации 03.07.2026.
Комплектация издания – 1 текстовый файл формата pdf.

Издательство ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»
Россия, 347900, г.Таганрог, Ростовская обл., ул. Петровская, 45